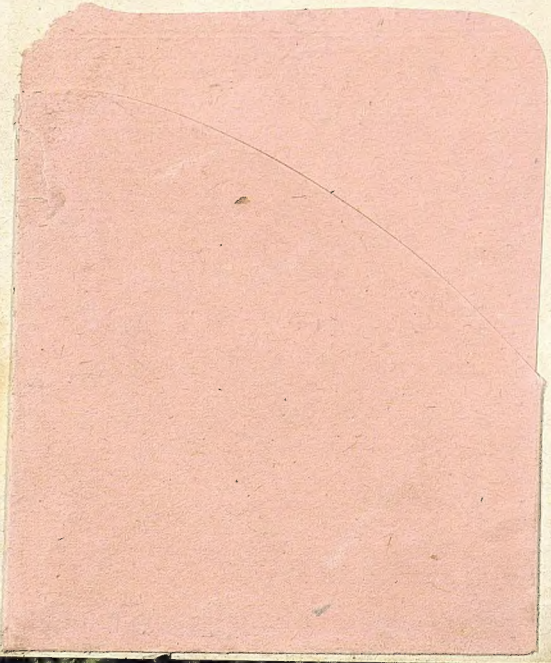
Дубровин
„История
войны и
влад. русских
на Кавказе"
т. 2, 1886 г
D5
3г-Кавк.
D39

СПБ. 1ое Р. У.
ФУНД. БИБЛИОТЕКИ
Инв. № 4221
Шкафъ 7
Полка 2
№ 23



КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
указанного здесь срока.

1/XII-35

Колич. предыд. выдач.....

221

DB
30 Kav
D 79

ИСТОРІЯ ВОЙНЫ

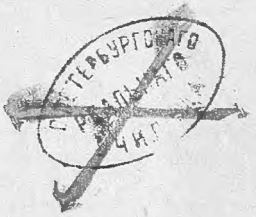
И

ВЛАДЫЧЕСТВА РУССКИХЪ НА КАВКАЗѢ.

4221

Н. ДУБРОВИНА.

ТОМЪ II.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, № 39).
1886.

0,3.
3000

Государственная Публичная
БИБЛИОТЕКА
Историческая

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Предисловіе VII

ГЛАВА I. Просьба Грузинскаго царя Ираклія о принятіи его подъ покровительство Россіи.—Условія, на которыхъ онъ желалъ признать верховную власть Императрицы.—Участіе въ этомъ дѣлѣ князя Потемкина-Таврическаго.—Назначеніе генералъ-поручика П. С. Потемкина командующимъ войсками на новой Моздокской линіи.—Отправленіе въ Грузію полковника Бурнашева и подполковника Тамары.—Цѣль посылки этихъ лицъ.—Заключеніе трактата о покровительствѣ.—Исправленіе дороги въ Грузію.—Прибытіе въ Тифлисъ русскихъ войскъ.—Торжество въ Тифлисѣ по поводу присылки ратификацій трактата и знаковъ инвеституры.—Присяга царя Ираклія II.—Награды и подарки, пожалованные Императрицей.—Прибытіе въ Петербургъ двухъ сыновей Ираклія и князя Чавчавадзе въ качествѣ министра 1

ГЛАВА II. Впечатлѣніе, произведенное на закавказскихъ владѣтелей вступленіемъ Грузіи подъ покровительство Россіи.—Положеніе армянъ въ Закавказьѣ.—Просьба ихъ о защитѣ отъ притѣсненій Карабагскаго хана.—Намѣреніе князя Потемкина устроить будущность армянъ и образовать особое христіанское государство по ту сторону Кавказскихъ горъ.—Дѣятельность и участіе въ этомъ армянскаго архіепископа Іосифа.—Переговоры съ Карабагскимъ ханомъ. 22

ГЛАВА III. Поѣздка П. С. Потемкина въ Тифлисъ.—Свиданіе его съ царемъ Ираклiемъ.—Характеристика лицъ грузинскаго царскаго дома и ихъ взаимныя отношенія.—Безпорядки во внутреннемъ управленіи Грузіи.—Плата лезгинамъ.—Военное устройство грузинъ.—Вторженіе лезгинъ въ Грузію и отраженіе ихъ при помощи русскихъ войскъ.—Происшествія въ Ганжинскомъ ханствѣ 36

ГЛАВА IV. Соломонъ, царь Имеретинскій, ищетъ покровительства Россіи.—Посылка въ Имеретію полковника Тамары и его переговоры съ царемъ.—Прошеніе имеретинъ.—Кончина Соломона.—Вопросъ о престолонаслѣдіи.—Борьба партій.—Провозглашеніе Давида Георгіевича царемъ Имеретіи.—Поѣздка Бурнашева въ Имеретію и ея послѣдствія.—Князь Папуна Церетели и его интриги.—Князь Абашидзе, какъ претендентъ на Имеретинскій престолъ.—Намѣреніе турокъ вторгнуться въ Имеретію.—Подложное письмо царя Давида.—Имеретинскіе послы въ Петербургѣ.—Инструкціи нашему посланнику въ Константинополѣ.—Вторженіе турокъ въ Имеретію.—Отраженіе непріятеля.—Внутреннія дѣла въ Имеретіи . . 53

стр.

ГЛАВА V. Положеніе Грузіи относительно сосѣдей. — Внутреннее состояніе страны.—Намѣреніе Ираклія подчинить своей власти хана Ганжинскаго.—Вторженіе лезгинъ и отраженіе ихъ русскими войсками.—Интриги Порты и ихъ послѣдствія 76

ГЛАВА VI. Пророкъ въ Чечнѣ и его ученіе о газаватѣ или священной войнѣ. — Неудачное дѣло полковника Піерри съ чеченцами. — Волненія въ Кабардѣ. — Нападеніе горцевъ на Каргинскій редутъ и на Григоріополисъ 86

ГЛАВА VII. Нападеніе кабардинцевъ на нашъ отрядъ при рѣкѣ Малкѣ и Шейхъ-Мансура на Кизляръ.—Хищничество на линіи.—Дѣятельность Мансура и преслѣдованіе его нашими войсками.—Прокламаціи П. С. Потемкина.—Бой у Татартупа 110

ГЛАВА VIII. Вѣдственное положеніе Грузіи отъ вторженій дагестанскихъ горцевъ.—Неустройство грузинскихъ войскъ. — Царь Ираклій проситъ помощи.—Участіе Порты въ хищническихъ набѣгахъ горцевъ.—Вторженіе турокъ въ Имеретію и Омаръ-хана Аварскаго въ Грузію.—Переговоры его съ царемъ Иракліемъ.—Князь Чавчавадзе предлагаетъ Ираклію сдѣлать князя Потемкина вассаломъ Грузіи и уступить ему часть своихъ владѣній 137

ГЛАВА IX. Междоусобіе въ Персіи.—Экспедиція графа Войновича.—Стѣсненіе нашей торговли Гилянскимъ Гедаетъ-ханомъ.—Бомбардированіе Энзелей. — Борьба за Персидскій престолъ. — Прокламація П. С. Потемкина.—Сношенія князя Потемкина съ Али-Муратъ-ханомъ Испаганскимъ.—Противодѣйствіе намъ Франціи и Турціи.—Отправленіе полковника Тамары въ Персію.—Инструкція ему данная. — Кончина Али-Муратъ-хана и ея послѣдствія. — Возвышеніе Ага-Магометъ-хана.—Двуличіе Гедаетъ-хана Гилянскаго 152

ГЛАВА X. Положеніе дѣлъ въ Персіи.—Изгнаніе Гедаетъ-хана изъ Решта.—Дѣятельность нашего консульства.—Прибытіе Тумановскаго въ Энзели. — Переговоры его съ Гедаетъ-ханомъ. — Междоусобная война Гилянскаго хана съ Ага-Магометъ-ханомъ.—Штурмъ Решта. — Измѣнническое убійство Гедаета. — Стѣсненіе нашей торговли и притѣсненіе русскаго купечества.—Прибытіе въ Россію посланнаго отъ Аги-Магометъ-хана и высылка его за неприличное поведеніе и поступки 184

ГЛАВА XI. Пособіе царю Ираклію.—Вторженіе лезгинъ въ Грузію со стороны Ахалцыха.—Просьбы Ираклія о помощи. — Порученіе нашему посланнику сдѣлать энергическое представленіе, чтобы Порта запретила пашѣ Ахалцыхскому производить грабежи въ Грузіи.—Военныя приготовленія турокъ.—Переговоры Ираклія съ Сулейманомъ-пашой Ахалцыхскимъ.—Участіе въ переговорахъ царицы Дарьи.—Распоряженіе о возвращеніи русскихъ баталіоновъ на Кавказскую линію 205

ГЛАВА XII. Открытіе Кавказскаго намѣстничества.—Дѣятельность Шейхъ-Мансура.—Прокламація П. С. Потемкина аксаевцамъ и жителямъ Эндери.—Бѣгство Шейхъ-Мансура въ Турцію. — Его прокламаціи. — Волненіе среди закубанцевъ. — Вторженіе ихъ въ наши предѣлы. — Постройка укрѣпленій на линіи. — Расположеніе

стр.

войскъ.—Образованіе поселеннаго войска.—Вступленіе шамхала Тарковскаго въ подданство Россіи. 223

ГЛАВА XIII. Интриги Порты. — Нарушеніе ею условій мирнаго трактата. — Разрывъ съ Турціею и объявленіе войны. —Экспедиція генерала Потемкина за Кубань. — Пораженіе полчищъ Шейхъ-Мансура. — Назначеніе генералъ-аншефа Текелли командующимъ войсками. — Боевыя и продовольственныя средства. — Состояніе края. —Скудость извѣстій о непріятелѣ. — Экспедиція за Кубань. — Пораженіе горцевъ на рѣкѣ Урупѣ. —Неудачный походъ къ Анапѣ. — Бой на рѣкѣ Убинѣ. — Назначеніе графа Салтыкова командующимъ Кавказскимъ и Кубанскимъ корпусами. 246

ГЛАВА XIV. Неудачный походъ генералъ-поручика Бибикова къ Анапѣ. —Назначеніе командующимъ войсками графа де-Бальмена.—Наступленіе турокъ.—Переправа Баталъ-паши на правый берегъ рѣки Кубани.—Пораженіе, нанесенное ему генераломъ Германомъ на рѣкѣ Тохтамышѣ.—Кончина графа де-Бальмена и назначеніе Гудовича командующимъ войсками.—Движеніе его къ Анапѣ.—Обложеніе, бомбардированіе и штурмъ крѣпости. — Заключеніе Ясскаго мира 259

ГЛАВА XV. Мѣры къ усиленію обороны Кавказской линіи.—Переселеніе донскихъ казаковъ на Кубань.— Побѣги казаковъ на Донъ.—Волненіе въ Черкаскѣ. — Распоряженія Императрицы. — Переселеніе на Кубань Черноморскаго войска.—Устройство быта кабардинцевъ.— Интриги Порты. 278

ГЛАВА XVI. Стремленіе Аги-Магометъ-хана къ единовластію въ Персіи.— Борьба его съ братомъ Муртаза-Кули-ханомъ и Лютфъ-Али-ханомъ ширазскимъ.—Непріязненные поступки Аги-Магометъ-хана противъ нашего купечества, приведеніе его къ столкновенію съ Россіею. 300

Алфавитный указатель именъ 311

Въ 1871 году былъ изданъ мною первый томъ „Исторіи войны и владычества русскихъ на Кавказѣ“. Томъ этотъ состоитъ изъ трехъ книгъ, заключающихъ въ себѣ очеркъ Кавказа и народовъ, его населяющихъ. Въ издаваемыхъ нынѣ томахъ излагается исторія войны и водвореніе русской власти на Кавказѣ, постепенное введеніе гражданскихъ началъ и административныхъ перемѣнъ въ покоряемомъ краѣ.

Сношенія Россіи съ кавказскими народами, обитавшими какъ по сю сторону Кавказскаго хребта горъ, такъ и за хребтомъ горъ, въ такъ называемомъ *Закавказьѣ,* началось съ давнихъ временъ. Бѣдственное положеніе Грузіи, принявшей христіанство еще въ IV вѣкѣ и неимѣвшей достаточно силъ для отраженія враждебныхъ сосѣдей, вынуждало ее искать покровительства сильной державы. Страна эта была постояннымъ театромъ столкновеній и борьбы между многими народами, споривщими за право владѣнія ею. Покоряемая и разоряемая поочередно: аравитянами, монголами, персіянами и турками, стремившимися силою оружія распространять магометанство, Грузія сумѣла сохранить свою религію и народность. Непрерывныя бѣдствія, постоянныя разоренія составляютъ исторію Грузіи, кромѣ эпохи съ 1080 по 1201 годъ, т. е. съ начала царствованія Давыда, прозваннаго возобновителемъ, и до кончины уважаемой грузинской царицы Тамары.

Въ этотъ періодъ времени (1080—1201) имя Иверіи (Грузіи) было грознымъ для всего Закавказья, отъ предѣловъ моря Чернаго до моря Каспійскаго. Со смертію Тамары на

ступила эпоха новыхъ бѣдствій и разореній. Раздѣленіе же Грузіи въ XV столѣтіи на три царства: Карталинское, Кахетинское и Имеретинское и на владѣнія: Мингрельское, Абхазское, Гурійское и Сванетское еще болѣе ослабило страну. Начавшіяся между новыми владѣльцами ссоры заставляли слабѣйшихъ, для своей собственной защиты, искать чужой помощи. Въ такихъ случаяхъ они нерѣдко обращались къ Россіи, какъ къ странѣ единовѣрной, прося ее о покровительствѣ.

Вступленіе въ 1561 году въ бракъ царя Іоанна Васильевича съ кабардинскою княжною Маріею Темрюковною сблизило Россію еще болѣе съ тамошними народами. Въ 1582 году жители окрестностей Бештау, или пятигорскіе черкесы, стѣсненные частыми набѣгами татаръ, добровольно отдались подъ покровительство русскаго царя.

Вслѣдъ за тѣмъ кахетинскій царь Леонъ также просилъ помощи Россіи, предавая себя въ подданство этой державы. Сынъ его, Александръ II, стѣсненный нападеніями сильнаго въ то время владѣльца въ Дагестанѣ Шамхала-Тарковскаго, въ 1586 году отправилъ посольство къ царю Ѳеодору Іоанновичу, изъявляя свою готовность принять подданство Россіи. Принявъ благосклонно пословъ грузинскихъ, царь Ѳеодоръ Іоанновичъ отвѣтилъ Александру отправленіемъ своего посольства въ Грузію. Въ присутствіи русскаго посла царь Александръ съ дѣтьми своими Иракліемъ, Давыдомъ, Георгіемъ и съ важными сановниками присягнулъ на вѣрноподданство русскому престолу, съ обѣщаніемъ платить ежегодно дань матеріями грузинскаго издѣлія [1]).

По полученіи этой дани, царь Ѳеодоръ Іоанновичъ снова отправилъ въ Грузію послами князя Семена Григорьевича Звенигородскаго и дьяка Антонова съ жалованною грамотою

---

[1]) Цари кахетинскіе дали присягу въ томъ, «чтобы быть имъ со всею своею землею подъ державою россійскихъ государей и отъ Россіи не отступать ни къ которому государю, а въ знакъ подданства ежегодно присылать къ россійскому двору, цѣною противъ 50 камокъ персидскихъ золотыхъ и 10 ковровъ съ золотомъ и серебромъ, такого узорочья, какое въ ихъ Иверской землѣ дѣлается».

и съ „висячею золотою печатью“, обнадеживая грузинскаго царя своею помощію. Вмѣстѣ съ послами, по просьбѣ грузинъ, отправлены были законоучители Троицко-Сергіевской лавры: соборный старецъ Закхей, іеромонахъ Іоасафъ, чудовскій дьяконъ Феодосій и нѣсколько соборныхъ священниковъ и иконописцевъ [1]).

Принявъ въ свое подданство Грузію, русскій царь отправилъ посольство и къ персидскому Шаху Аббасу Великому съ увѣдомленіемъ о вступленіи царя кахетинскаго подъ покровительство Россіи и просилъ не обижать кахетинцевъ. Шахъ-Аббасъ согласился на присоединеніе Кахетіи къ Россіи, но просилъ, съ своей стороны, чтобы приняты были мѣры къ воспрещенію горцамъ дѣлать набѣги на персидскія области, что и было обѣщано.

Бойна между Турціей и Персіей, во времена владычества Шахъ-Аббаса, на время отвлекла вниманіе ихъ отъ Грузіи. Грузинскіе владѣтели, успокоенные, хотя не надолго, отъ вторженій турокъ и персіянъ, занятыхъ войною, стали забывать о своихъ обязательствахъ къ Россіи и уклоняться отъ ея подданства. Это уклоненіе побудило царя Бориса Ѳеодоровича Годунова, въ 1602 году, отправить новое посольство въ Грузію.

Въ 1605 году, кахетинскій царь Александръ II, передъ русскимъ посломъ Татищевымъ, вновь возобновилъ прежнюю присягу, а сынъ его Георгій „просилъ россійскихъ пословъ предложить государю Борису Ѳеодоровичу, дабы онъ въ грузинской землѣ, избравъ одинъ городъ или два, для вящшаго укрѣпленія посадилъ бы тамъ русскихъ людей, дабы турки и персіяне имъ не грозили“.

Карталинскій царь Георгій Симоновичъ также присягнулъ, за себя и за сына своего Іессея, на вѣрноподданство Россіи, въ покровительство которой и передалъ всю свою карталинскую землю.

Для бо̀льшаго утвержденія союза съ Грузіею, царь Бо-

[1]) Истор. изоб. Грузіи 1802 г., стр. 22.

рисъ просилъ въ замужество за своего сына царевича Ѳеодора царевну грузинскую Елену, а Хозроя, племянника царя карталинскаго Георгія, предложилъ отправить въ Москву для вступленія въ бракъ съ царевною Ксеніею Борисовною, „о чемъ 10-го мая 1605 года и запись учинена была при россійскихъ послахъ".

Смерть Бориса Ѳеодоровича и послѣдовавшіе затѣмъ въ томъ же году политическіе перевороты въ Россіи разрушили начатые переговоры и отвлекли вниманіе ея отъ Грузіи, испытавшей новыя бѣдствія.

Шахъ-Аббасъ персидскій приказалъ отравить ядомъ Георгія карталинскаго и, узнавъ, что кахетинскій царь Александръ велъ тайную переписку съ турецкимъ дворомъ, послалъ противъ него, съ 2,000 чел. персидскаго войска, сына его царевича Константина, который былъ съ малолѣтства аманатомъ у шаха и принялъ въ Испагани магометанскую вѣру.

Царевичъ Константинъ окружилъ войскомъ селеніе своего отца и брата подъ видомъ того, что слѣдуетъ для овладѣнія Шемахою. Онъ, казалось, былъ внимателенъ къ отцу и брату. Напрасно нашъ посолъ Татищевъ указывалъ на измѣну и просилъ не довѣрять Константину. Александръ и сынъ его Григорій не смѣли изъявить подозрѣнія и предпринять какія либо мѣры, боясь тѣмъ разгнѣвать могущественнаго шаха. Измѣна скоро открылась.

Готовясь ѣхать на обѣдъ къ Александру, Татищевъ услыхалъ шумъ, крики и стрѣльбу во дворцѣ. Онъ послалъ туда своего толмача, который, при входѣ во дворецъ, встрѣтилъ персидскихъ воиновъ съ обнаженными саблями и скоро увидѣлъ двѣ отсѣченныя головы, лежавшія у ногъ Константина. То были головы его отца и брата. Исполнивъ приказаніе шаха, Константинъ, объявившій уже себя царемъ, старался успокоить нашего посла.

— Родитель мой, говорилъ онъ Татищеву, сдѣлался жертвою междоусобія сыновняго,—несчастіе весьма обыкновенное въ нашей землѣ. Самъ Александръ извелъ отца своего, убилъ и брата. Я то же сдѣлалъ, не знаю къ добру ли, къ

худу ли для свѣта; по крайней мѣрѣ, буду вѣрнымъ моему слову и лучше заслужу милость государя русскаго.

Неистовство Константина соединило въ одно всѣхъ кахетинскихъ князей, обратившихся къ юной Кетевани, супругѣ Давыда [1]), „умоляя спасти христіанское наслѣдіе ея сына отъ царя магометанина“. Слабая женщина облеклась въ доспѣхи боевые и повела грузинскую дружину противъ Константина и его персидскихъ войскъ. Разбитый на голову, Константинъ едва спасся самъ съ тремя человѣками. Боясь показаться шаху, онъ ушелъ къ лезгинамъ просить помощи. Константинъ обѣщалъ имъ дозволить трое сутокъ грабить Тифлисъ, но былъ встрѣченъ на берегахъ р. Алазани грузинами, разбитъ ими и самъ убитъ.

Все это происходило въ Грузіи тогда, когда турки и персіяне овладѣли почти всѣмъ Закавказьемъ.—Въ половинѣ XVI столѣтія восточная часть края и южный Дагестанъ признали власть персіянъ, а вся западная часть и въ томъ числѣ Грузія перешли въ руки турокъ. Къ тому же воинственные жители горъ Дагестана, подъ именемъ лезгинъ, поселились на восточной границѣ Кахетіи, въ округѣ Джаро-Бѣлоканскомъ, и оттуда не только предпринимали набѣги на сосѣднія земли Грузіи, но и проникали въ предѣлы Персіи и Турціи.

Господство турокъ въ Грузіи продолжалось почти до половины XVIII стол.—Послы царей кахетинскихъ, карталинскихъ и имеретинскихъ являлись безпрестанно въ Москву, къ царямъ Михаилу Ѳеодоровичу и Алексѣю Михайловичу; но могла ли Россія подать дѣйствительную помощь столь отдаленному краю въ то время, когда сама боролась съ ближайшими сосѣдями и имѣла много заботъ внутри государства?—Не смотря на то, Грузія все-таки обращалась за помощію къ Россіи.

Въ 1619 г. кахетинскій царь Теймуразъ (внукъ убитаго царя Александра II) послалъ игумена Хиротона къ царю Михаилу Ѳеодоровичу, прося его защиты и покровительства.

[1]) Старшаго сына Александра II, умершаго незадолго передъ этимъ происшествіемъ.

„Вамъ, писалъ Теймуразъ, великому государю, свои слезы и бѣдность объявляемъ, что свѣтлость наша превратилась во тьму, и солнце уже насъ не грѣетъ, и мѣсяцъ насъ не освѣщаетъ, и день нашъ свѣтлый учинился ночью, и таково мнѣ нынѣ учинилось, что лучше бы у матери моей утроба пересохла и азъ-бы не родился, нежели видѣть, что православная христіанская вѣра, Иверская земля, при моихъ очахъ разорилася, въ церквахъ имя Божіе не славится и стоятъ всѣ пусты".

Просьба Россіи за утѣсненную Грузію была уважена, и Теймуразу возвращено его владѣніе.

Въ 1638 году владѣтель Мингреліи Леонъ Дадіанъ, въ 1639 г. царь Грузіи Теймуразъ, а въ 1650 г. сентября 14-го имеретинскій царь Александръ присягнули на вѣрноподданство Россіи.

Въ 1680 г. кахетинскій царь Арчилъ просилъ позволенія пріѣхать въ Москву и принять также присягу на вѣрноподданство. Для пріема его отправленъ былъ на границу сотникъ съ 80 стрѣльцами. По пріѣздѣ Арчила въ Терки, 20-го апрѣля 1683 г., была вручена ему грамота отъ царя Алексѣя Михайловича о принятіи его въ подданство, съ дозволеніемъ остаться въ Россіи и жить въ той крѣпости.

Со времени вступленія на престолъ Императора Петра I вліяніе Россіи на дѣла Кавказскаго края становится болѣе опредѣленнымъ и почти безпрерывнымъ. Петръ I желалъ, вдоль западнаго берега Каспійскаго моря, черезъ персидскія владѣнія, проложить въ Индію непосредственный торговый путь. Для этого необходимо было, если не совсѣмъ покорить Кавказскій край, то по крайней мѣрѣ до такой степени въ немъ утвердиться, чтобы оттуда уже имѣть сильное вліяніе на персидскія провинціи, прилежащія къ Каспійскому морю. Городъ Терки получилъ прочный и болѣе правильный видъ и въ 1711 году образовалось тамъ русское поселеніе.—Потомки гребенскихъ казаковъ, бѣжавшихъ за р. Сунжу, по причинѣ участія въ донскомъ бунтѣ, произведенномъ Мариною Мнишекъ съ Заруцкимъ, стѣсненные чеченцами и другими гор-

скими народами, прибѣгнули къ милосердію Императора Петра I. Адмиралъ Апраксинъ, по приказанію Царя, перевелъ ихъ на р. Терекъ и поселилъ въ пяти станицахъ: Новогладковской, Щедринской, Старогладковской, Кудрюковской и Червленной, гдѣ они и оставались до похода Петра Великаго въ Персію, пока, по высочайшему указу [1]), ихъ не подчинили астраханскому губернатору, въ вѣдѣніи котораго и состоялъ г. Терки.

Предпринявъ походъ противъ персіянъ и прибывъ съ арміею въ 1722 году къ Аграханскому мысу, Петръ I приказалъ выстроить Аграханскій ретраншементъ для склада провіанта. Войска, назначенныя къ походу въ Дагестанъ, состояли изъ 22 тыс. пѣхоты, 9 тыс. драгунъ и кромѣ того изъ малороссійскихъ казаковъ, астраханскихъ татаръ и кабардинцевъ, бывшихъ подъ начальствомъ гвардіи поручика Кудрявцева.

По прибытіи Императора къ Сулаку, явились послы отъ многихъ горскихъ владѣтелей, въ томъ числѣ и отъ Шамхала-Тарковскаго, съ изъявленіемъ покорности и поднесеніемъ подарковъ. Войска вступили во владѣнія Шамхала дружелюбно; самъ Петръ посѣтилъ Шамхала, но далѣе, на пути къ Дербенту, войска наши были атакованы горцами, которые и были на голову разбиты русскими. Дербентъ отворилъ ворота, и Императоръ былъ встрѣченъ ханомъ-правителемъ и всѣмъ народомъ.

Оставивъ въ Дербентѣ русскій гарнизонъ, Петръ возвратился въ Астрахань [2]). При обратномъ своемъ слѣдованіи, для утвержденія нашего вліянія на Шамхальскія владѣнія и на вновь покоренныя мѣста, Петръ I заложилъ на рѣкѣ Сулакѣ крѣпость св. Креста, въ 20-ти верстахъ выше устья рѣки, куда и перевелъ весь почти гарнизонъ изъ крѣпости Терки, оставивъ тамъ ретраншементъ со 150-ю человѣками. Для усиленія гребенскаго войска и вновь построенныхъ укрѣпленій были взяты съ Дона [3]) тысяча семействъ: 500 были по-

[1]) 22-го декабря 1720 г. См. П. С. З.

[2]) Суда, шедшія изъ Астрахани съ провіантомъ, были разбиты бурею, а потому, по недостатку продовольствія, войска должны были возвратиться.

[3]) Сенатскимъ указомъ 5-го февраля 1724 г. См. П. С. З.

селены около аграханскаго ретраншемента, а 500 присоединены были къ гребенцамъ. Первые впослѣдствіи образовали такъ называемыхъ аграханскихъ казаковъ.

Между тѣмъ, въ бытность свою въ крѣпости св. Креста, Императоръ Петръ I получилъ подкрѣпленіе изъ 40 тыс. калмыковъ и присоединивъ еще къ нимъ тысячу донцовъ, поручилъ походному атаману ихъ Краснощекову идти съ ними для наказанія тѣхъ горскихъ владѣтелей, кои участвовали въ нападеніи при слѣдованіи къ Дербенту. Краснощековъ съ успѣхомъ выполнилъ данное ему порученіе Императора Петра I. На слѣдующій годъ успѣхи нашего оружія были самые блестящіе. Генералъ Матюшкинъ, по сказанію современниковъ, покорилъ весь Дагестанъ [1]), Апшеронскій полуостровъ, ханство Ширванское, Баку, области: Гилянъ, Мазандеранъ и Астрабадъ.

Казалось, что Россія, въ послѣднія двѣнадцать лѣтъ царствованія Петра Великаго, стала твердою ногою при подошвѣ Кавказа и что покореніе приморскихъ областей Каспія, упрочивая завоеванія, подавало возможность продолжать покореніе Кавказа. Но завоеванія эти были въ сущности рановременны и отяготительны. Россія, не имѣя возможности ихъ удержать за собою, вынуждена была, вслѣдствіе ганжинскаго мирнаго договора Турціи съ Тахмаспъ-Кули-Ханомъ (шахомъ Надиромъ), уступить Персіи всѣ каспійскія провинціи, покоренныя Петромъ, въ томъ числѣ Дербентъ и крѣпость св. Креста. Границею обѣихъ державъ остался сѣверо-восточный рукавъ Терека, такъ называемый старый Терекъ.

Въ царствованіе Анны Іоанновны, по мирному трактату 1735 г., были возвращены Персіи всѣ завоеванныя у нея Петромъ Великимъ области и города. Аграханскіе казаки переведены на р. Терекъ, поселены около вновь устроенной Кизлярской крѣпости и образовали Кизлярское (Терское) казачье войско. Ихъ станицы: Каргалинская, Дубовская и Бо-

[1]) Покорена была вѣроятно только приморская часть Дагестана, но въ донесеніи Петру сказано: «весь Дагестанъ покорился»; такъ повторяютъ и всѣ современники.

роздинская, находясь въ непосредственной связи со станицами гребенскихъ казаковъ, составили Кизлярскую линію, простирающуюся до границъ нынѣшняго Моздокскаго уѣзда, на протяженіи 150 верстъ отъ Каспійскаго моря. Такъ образовалась извѣстная впослѣдствіи *Кавказская линія*, распространяемая и переносимая съ теченіемъ времени на болѣе удобные и выгодные пункты.

Трактатомъ 1739 г., заключеннымъ между Россіею и Портою Оттоманскою, кабардинцы признаны независимыми и, какъ сказано было въ трактатѣ, „барьерою между обѣихъ державъ".

Такимъ образомъ, съ одной стороны Персія, а съ другой Турція вытѣснили насъ изъ-за Терека и отъ береговъ р. Кубани. Бездѣйствіе же наше и быстро распространившееся религіозное ученіе мусульманъ совершенно отдалило насъ отъ горцевъ и заставило утверждаться и укрѣпляться на Кизлярской линіи.

Занятая устройствомъ линіи и положившая далѣе этой черты не распространять своихъ владѣній, Россія не могла сдѣлать исключенія для Грузіи, подпавшей опять подъ власть персіянъ. Персидскій шахъ Надиръ, побѣдою при Багдадѣ въ 1733 году, возвратилъ Персіи прежнія ея владѣнія и занялъ Грузію, гдѣ поставилъ царемъ Теймураза, бывшаго царя кахетинскаго.

Смерть шаха Надира (1747 г.) освободила Грузію отъ зависимости персіянъ, а также и Дагестанъ, южная часть котораго и Ширванъ распались въ это время на отдѣльныя ханства: Дербентское, Кубинское, Бакинское, Ширванское, Шекинское и Ганжинское, сдѣлавшіяся независимыми и самостоятельными.

Сбросивъ иго персидское, Грузія подверглась новымъ набѣгамъ и разореніямъ: съ востока отъ лезгинъ и хана аварскаго, сильнаго владѣльца въ Дагестанѣ; съ запада—отъ турокъ. Временно соединенныя въ одно царство при Теймуразѣ (1735), Кахетія и Карталинія отдѣлились одна отъ другой въ 1744 году, когда Теймуразъ уступилъ Кахетію сыну своему

Ираклію; но это послѣднее раздѣленіе Грузіи было непродолжительно. Въ 1760 г. Теймуразъ уѣхалъ въ Россію, гдѣ вскорѣ и умеръ, а Ираклій сдѣлался царемъ грузинскимъ, подъ именемъ Ираклія II.

Со вступленіемъ на престолъ Императрицы Екатерины II сдѣланъ былъ огромный шагъ для утвержденія русскаго владычества на Кавказѣ. Въ 1763 году былъ основанъ г. Моздокъ, и линія Кавказская распространена на западъ до этого города, а на востокъ до Сладкоеричной пристани, нынѣ уничтоженной. Въ Моздокѣ построена крѣпость, гарнизонъ которой составленъ изъ горцевъ, принявшихъ христіанскую вѣру, и усиленъ вслѣдъ затѣмъ 50-ю семействами, переселенными съ Дона.

Въ такомъ видѣ наша Кавказская линія существовала до 1777 года. Она соединялась съ Астраханью, Томскимъ Шляхомъ и береговою каспійскою дорогою. Народы горскіе, прилежащіе къ Кубани, а равно и Кабарда находились въ зависимости Оттоманской Порты и крымскаго хана, и наши границы не были ясно опредѣлены съ этой стороны.

Во время первой турецкой войны при Императрицѣ Екатеринѣ II горскіе народы оказывали вспомоществованіе Портѣ; въ особенности кабардинцы вредили намъ много. Екатерина Великая, для наказанія ихъ и закубанскихъ жителей, приказала генералъ-маіору де-Медему, съ находившимися въ его распоряженіи 10 т. калмыковъ и регулярными войсками, усмирить Кабарду и начальствовать въ тамошнемъ краѣ.

Съ началомъ военныхъ дѣйствій противъ Турціи Россія поддерживала непрерывныя сношенія съ Грузіею, и царь Ираклій II даже помогалъ русскимъ войскамъ, которыя въ 1679 г., подъ начальствомъ графа Тотлебена, перешли хребетъ Кавказскихъ горъ, для дѣйствія противъ турокъ, и черезъ Грузію проникли въ Имеретію.

Кучукъ-кайнарджійскій миръ (1774) освободилъ Грузію отъ притязаній Турціи. По этому же миру Имеретія и Мингрелія были признаны независимыми, подъ управленіемъ сво-

ихъ собственныхъ владѣтелей. Русскія войска, окончивъ военныя дѣйствія, удались изъ Грузіи.

Между тѣмъ царь Ираклій II, предвидя невозможность противостоять съ слабыми своими силами окружавшимъ его со всѣхъ сторонъ врагамъ, искалъ защиты Россіи, какъ державы единовѣрной, подъ покровительство которой и былъ принятъ, по договору, заключенному въ Георгіевскѣ 24-го іюля 1783 года. Съ этого времени началось русское владычество въ краѣ, и съ этого времени начинаемъ мы свой разсказъ. До принятія Грузіи подъ покровительство Россіи походы нашихъ войскъ за Кавказъ были только временные и случайные, ходъ дѣйствій нашихъ въ этомъ краѣ опредѣлялся политическими отношеніями Россіи къ Турціи и Персіи, и разсказъ объ этихъ событіяхъ завлекъ бы насъ слишкомъ далеко.

Съ принятіемъ же Грузіи подъ покровительство былъ предпринятъ рядъ мѣръ, клонившихся какъ къ охраненію страны отъ внѣшнихъ ея враговъ, такъ и къ лучшему обезпеченію Кавказской линіи отъ набѣговъ горцевъ. Съ одной стороны было приступлено къ постройкѣ ряда укрѣпленій по р. Тереку, а съ другой правый флангъ линіи въ 1791 году перенесенъ на Кубань. Въ 1792 г. полуостровъ Тамань и все пространство отъ устьевъ Кубани до крѣпости Усть-Лабинской отдано было подъ поселеніе черноморскихъ казаковъ.

Главное управленіе линіею сосредоточивалось сначала въ г. Екатеринодарѣ, который въ 1786 году былъ назначенъ губернскимъ городомъ Кавказской области, составлявшей, вмѣстѣ съ областью Астраханскою, губернію Кавказскую. Въ 1790 году всѣ присутственныя мѣста перенесены были изъ Екатеринограда въ Астрахань.

Такимъ образомъ въ концѣ царствованія Императрицы Екатерины II границу Россіи съ Кавказомъ составляли: линія Кавказская отъ устьевъ р. Терека до впаденія р. Лабы въ Кубань и Черноморское казачье войско отъ этого пункта до впаденія Кубани въ Черное море.

Главный результатъ внѣшней политики Екатериненскаго

царствованія состоялъ въ томъ, что Турція была окончательно подавлена и сошла на степень второстепеннаго государства. Съ такимъ результатомъ естественно связывалось и другое слѣдствіе: Россія сдѣлалась единственною защитницею и покровительницею Грузіи, и царству этому не оставалось ничего болѣе, какъ слиться съ русскою державою.

Императоръ Павелъ въ началѣ своего царствованія хотѣлъ было отказаться отъ всѣхъ завоевательныхъ видовъ, держаться миролюбивой политики и даже повелѣлъ отряду графа Зубова немедленно возвратиться изъ-за Кавказа; но не прошло и года, какъ императоръ вынужденъ былъ снова обратиться къ поступательному движенію впередъ. Царь Грузіи сознавалъ, что разоренное царство его рѣшительно не могло существовать само собою и на смертномъ одрѣ передалъ его во власть Россіи. Такимъ образомъ Императору Павлу, начавшему свое царствованіе съ полнымъ желаніемъ отказаться отъ распространенія русскаго владычества за Кавказомъ, суждено было, напротивъ того, закончить то дѣло, которое готовилось и зрѣло въ теченіе всего царствованія Екатерины II. Императору Павлу I пришлось окончательно присоединить Грузію къ составу своей имперіи.

И такъ съ началомъ XIX столѣтія началась и новая эра въ исторіи русскаго владычества на Кавказѣ. Обязанность нашего правительства не ограничивалась одною оборонною линіи, войска наши за Кавказомъ являются не для временнаго только вспомоществованія отдаленному союзнику, но для защиты собственныхъ владѣній. Съ этого времени граница Россіи перенесена за горы, прежнее союзное государство (Грузія) обратилось въ русскую область, а горскіе народы были уже не сосѣди, а племена, живущія внутри Имперіи. Съ этихъ поръ борьба съ ними велась не для того только, чтобы наносить удары имъ, туркамъ или персіянамъ, но чтобы обезпечить Грузію, охранить наши сообщенія, ввести среди покоренныхъ народовъ гражданскій бытъ и цивилизацію.

Вотъ задача, которую Екатериненскій вѣкъ завѣщалъ послѣдующимъ царствованіямъ.

I.

Просьба Грузинскаго царя Ираклія о принятіи его подъ покровительство Россіи.—Условія, на которыхъ онъ желалъ признать верховную власть императрицы.—Участіе въ этомъ дѣлѣ князя Потемкина-Таврическаго. — Назначеніе генералъ-поручика П. С. Потемкина командующимъ войсками на новой Моздокской линіи.—Отправленіе въ Грузію полковника Бурнашева и подполковника Тамары.—Цѣль посылки этихъ лицъ.—Заключеніе трактата о покровительствѣ.—Исправленіе дороги въ Грузію. — Прибытіе въ Тифлисъ русскихъ войскъ. — Торжество въ Тифлисѣ по поводу присылки ратификацій трактата и знаковъ инвеституры. — Присяга царя Ираклія II.—Награды и подарки, пожалованные императрицей. — Прибытіе въ Петербургъ двухъ сыновей Ираклія и князя Чавчавадзе въ качествѣ министра.

Постоянно тревожное состояніе, въ которомъ находилась Грузія, окруженная со всѣхъ сторонъ враждебными ей сосѣдями, и внутреннее неустройство страны заставили царя Ираклія II искать сильной помощи и защиты въ лицѣ ближайшей и единовѣрной ему Россіи. Въ концѣ 1782 года царь отправилъ письмо на высочайшее имя, въ которомъ просилъ принять Грузію подъ верховную власть Русской державы и заключить съ нимъ торжественный трактатъ о покровительствѣ.

Въ случаѣ согласія императрицы, Ираклій просилъ утвердить его съ потомствомъ въ царскомъ достоинствѣ, оставить въ Грузіи званіе католикоса, какъ главы духовенства; прислать въ его отечество 4,000 русскихъ войскъ, необходимыхъ для защиты отъ враговъ и покоренія отпадшихъ отъ него провинцій, и наконецъ, снабдить его деньгами на содержаніе войскъ, обязуясь всю пожалованную ему сумму выплатить въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ.

Съ своей стороны царь, по азіятскому обычаю, обѣщалъ при-

слать въ Петербургъ аманатами (заложниками вѣрности) одного изъ своихъ сыновей, нѣсколькихъ князей и дворянъ; обѣщалъ вносить въ казну половину прибыли отъ обработки рудъ, платить подати по семидесяти копѣекъ съ каждаго двора, отбывать рекрутскую повинность наравнѣ съ русскими подданными, посылать ежегодно для двора императрицы двѣ тысячи ведеръ лучшаго катехинскаго вина и четырнадцать лошадей самыхъ высокихъ статей. Съ жителей тѣхъ областей и провинцій, которыя могли быть покорены и возвращены Грузіи впослѣдствіи, Ираклій II обязывался вносить ежегодно по двѣсти пудовъ шелку, платить также по семидесяти копѣекъ съ каждаго двора и, сверхъ того, половину той платы, которую вносили съ души русскіе помѣщичьи крестьяне.

Соглашаясь на принятіе Грузіи подъ свое покровительство, императрица Екатерина II простирала свои виды гораздо далѣе тѣхъ мелочныхъ условій, которыя предлагалъ ей царь Ираклій. Россія не нуждалась въ обязательствахъ, служившихъ къ приращенію ея казны, тѣмъ болѣе, что при тогдашнемъ состояніи Грузіи и ея народонаселенія царь, при самыхъ выгодныхъ условіяхъ, могъ внести въ русскую казну не болѣе 250,000 рублей, то-есть такую сумму, которая была недостаточна даже на содержаніе просимыхъ имъ русскихъ войскъ. Не денежная дань привлекала вниманіе императрицы, а желаніе устроить нравственное и имущественное благосостояніе единовѣрнаго ей населенія Закавказья. Екатерина II мечтала объ образованіи по ту сторону Кавказскихъ горъ одного христіанскаго государства ни отъ кого, кромѣ Россіи, не зависящаго. Она хлопотала объ освобожденіи всего христіанскаго населенія отъ несноснаго ему магометанскаго ига персіянъ и турокъ и потому охотно согласилась на просьбу Ираклія II о покровительствѣ, ибо видѣла въ желаніи грузинскаго царя первый шагъ къ упроченію нашего вліянія за Кавказомъ и къ осуществленію своихъ предположеній.

Ближайшій сподвижникъ императрицы, князь Григорій Александровичъ Потемкинъ, какъ человѣкъ прежде другихъ понявшій виды и намѣренія Екатерины II, былъ избранъ исполнителемъ ея воли и предначертаній. Предоставляя въ непосредствен-

ное завѣдываніе князя Потемкина всѣ дѣла съ Персіей и Грузіей, императрица тѣмъ самымъ передала въ его руки и всѣ наши сношенія съ Востокомъ. Она дала ему широкое полномочіе распоряжаться самовластно, по своему усмотрѣнію, и поручила заключить окончательный трактатъ съ царемъ Ираклiемъ. Князь Григорій Александровичъ принялся за дѣло со свойственными ему пылкостію и увлеченіемъ. Отправляя двоюроднаго брата генералъ-поручика Павла Сергѣевича Потемкина для командованія войсками, расположенными на *новой Моздокской линіи*, онъ написалъ ему [1]):

«Какъ высочайшая ея императорскаго величества воля есть, чтобы имѣть связь съ прилеглыми къ границамъ нашимъ владѣльцами, какъ-то: съ Грузіей и армянами въ Карабагѣ и Карадагѣ находящимися, то и должны вы частыя, подъ разными предлогами, имѣть съ ними сношенія и поставить себя въ знакомство, черезъ что̀ и приготовиться для видовъ и предпріятій впредь назначаемыхъ.

«На мѣстѣ же пребыванія вашего вы должны войти въ точное свѣдѣніе о народахъ Большой и Малой Кабарды, до коей всѣ касающіяся дѣла получите вы изъ моей походной канцеляріи. Вамъ предлежитъ (предстоитъ) связать ихъ собственными ихъ выгодами съ Россіей и развязать давно вкорененныя междоусобія; развѣдать кто изъ нихъ сильнѣе между князьями и кто надежнѣе; какова связь между сими и подлымъ народомъ и сіи двѣ части не худо держать въ нѣкоторой другъ ко другу зависти».

Приступая къ исполненію весьма обширной политической программы, князь Потемкинъ желалъ ознаменовать начало своей дѣятельности особыми милостями царю Ираклію, милостями, которыя могли бы указать и другимъ владѣльцамъ, что исканіе покровительства Россіи ведетъ ихъ къ многочисленнымъ выгодамъ и преимуществамъ. По его ходатайству императрица не только согласилась удовлетворить всѣ просьбы Ираклія, но и предоставила ему

[1]) Въ секретномъ предписаніи отъ 6-го сентября 1782 года. Госуд. Арх., XXIII, № 13.

гораздо болѣе, чѣмъ онъ самъ могъ желать. Царю разрѣшено употреблять въ свою пользу ту дань, которую онъ обязывался вносить въ знакъ подданства и еще до заключенія трактата одинъ изъ сыновей Ираклія былъ награжденъ орденомъ св. Анны [1]).

Въ началѣ 1783 года князь Потемкинъ, сообщая Ираклію, что ему поручены всѣ дѣла съ Грузіей, писалъ, что для заключенія съ царемъ трактата онъ уполномочилъ своего двоюроднаго брата П. С. Потемкина и въ помощь ему назначилъ подполковника Тамару, съ которымъ и посылаетъ ему проектъ трактата [2]). Такъ какъ всѣ просьбы царя были не только удовлетворены, но сдѣлано даже гораздо болѣе, чѣмъ онъ желалъ, то князь выражалъ увѣренность, что Ираклій, конечно, не встрѣтитъ затрудненія въ заключеніи условій и въ самомъ непродолжительномъ времени пришлетъ своихъ полномочныхъ на линію, въ то мѣсто, которое будетъ назначено генералъ-поручикомъ Потемкинымъ. Послѣднему въ то же время предписано приготовить для отправленія въ Грузію два баталіона, Горскій и Кабардинскій, съ четырьмя орудіями, но до повелѣнія ихъ не отправлять, а озаботиться только починкой дороги, причемъ одна половина ея должна быть исправлена нами, а другая—грузинами [3]).

Въ половинѣ мая 1783 года, подполковникъ Тамара оставилъ Кавказскую линію и отправился въ Грузію съ проектомъ трактата. Генералъ-поручикъ Потемкинъ снабдилъ его письмомъ къ царю Ираклію, въ которомъ просилъ прислать въ Георгіевскъ не менѣе двухъ полномочныхъ и заготовить провіантъ для войскъ, назначенныхъ къ отправленію въ Грузію [4]). Онъ поручилъ Та-

---

[1]) Ираклій съ восторгомъ принялъ эту награду и благодарилъ за нее Потемкина. «При вашемъ письмѣ, писалъ царь отъ 18-го мая, получили мы такую радость, которую не ожидали. По посредству вашему отъ всемилостивѣйшей нашей государыни получили присланный орденъ для нашего сына. Хотя мы вамъ не заслужили, чтобы вы оказывали намъ такую дружбу, однако же постараемся, конечно, за все вами оказанное пріятство отслужить. Какъ изъ меньшихъ нашихъ сыновъ былъ старѣе Юлонъ, то разсудили оную ленту надѣть на него».

[2]) Ордеръ генералъ-поручику Потемкину 3-го апрѣля 1783 года, № 106. Госуд. Арх., XXIII, № 13, карт. 45.

[3]) То же отъ 3-го апрѣля, № 103. Тамъ же.

[4]) Письмо П. С. Потемкина Ираклію отъ 9-го мая 1783 г.

марѣ убѣдить царя поспѣшить высылкой полномочныхъ и не раздроблять своихъ владѣній раздѣломъ поровну между сыновьями.

Принимая Грузію подъ свое покровительство на вѣчныя времена, русское правительство, конечно, не могло допустить раздробленія владѣній между различными лицами, рѣдко единомысленными, а потому, писалъ П. С. Потемкинъ подполковнику Тамарѣ [1]): «Рекомендую, объясняясь съ царемъ Ираклiемъ о содержаніи трактата, упомянуть, — если подлинно сіе есть его намѣреніе, — что слава его дѣлъ, его имени и польза его народа требуютъ того, чтобъ область его соединенною навсегда осталась. Прямое свѣдѣніе ваше по сей статьѣ и обстоятельства откроютъ, должно-ли будетъ при заключеніи трактата составить о семъ сепаратный артикулъ».

Тамарѣ не трудно было убѣдить въ этомъ Ираклія, но гораздо труднѣе было согласить его къ скорѣйшему назначенію полномочныхъ и къ отправленію ихъ въ Георгіевскъ. Преданность самого Ираклія къ Россіи была безгранична; на всѣ предложенія съ нашей стороны онъ отвѣчалъ однимъ безусловнымъ согласіемъ и только весьма часто повторялъ свое желаніе видѣть какъ можно скорѣе русскія войска въ Грузіи. Царь надѣялся, что въ половинѣ іюня они будутъ уже въ его владѣніяхъ и, не заключивъ еще трактата, хотѣлъ торжественно праздновать въ Тифлисѣ свое вступленіе подъ покровительство Россіи. Хотя такая торопливость обусловливалась политическими видами, ибо царь хотѣлъ этимъ торжествомъ показать Персіи, что имѣетъ могущественнаго союзника, тѣмъ не менѣе генералъ-поручикъ Потемкинъ принужденъ былъ удержать Ираклія отъ излишней поспѣшности. Онъ писалъ царю, что прибытіе войскъ въ Грузію можетъ послѣдовать не ранѣе того, какъ будетъ подписанъ трактатъ, и просилъ Ираклія, отложивъ торжество до окончанія переговоровъ, поторопиться присылкой полномочныхъ [2]). Подполковникъ Тамара настаивалъ на томъ же, но царь Ираклій въ дѣлѣ назначенія полномочныхъ былъ до крайности нерѣшителенъ и медлилъ до не-

[1]) Въ ордерѣ отъ 9-го мая, Государствен. Арх., XXIII, № 13, карт. 45.

[2]) Ордеръ генералъ-поручика Потемкина Тамарѣ отъ 4-го іюня и письмо его царю Ираклію отъ 7-го іюня 1783 года.

возможности. Причиной тому было совершенное незнаніе царемъ и его окружающими тѣхъ обрядовъ и условій, которые обыкновенно соблюдаются европейскими дворами при заключеніи государственныхъ договоровъ. Тамарѣ пришлось самому составить отъ имени царя полномочіе, по нѣскольку разъ объяснить каждое слово въ немъ написанное, какъ самому царю, такъ и его совѣтникамъ. Врожденная недовѣрчивость Ираклія къ своимъ подданнымъ, составляющая характеристическую особенность всѣхъ азіятскихъ владѣтелей, имѣла мѣсто въ Грузіи и была второю причиной медленности въ назначеніи полномочныхъ. Ираклій не только не довѣрялъ своимъ помощникамъ по управленію, но не вѣрилъ и своимъ ближайшимъ родственникамъ, такъ что долгое время не могъ установиться въ выборѣ довѣренныхъ лицъ, «у которыхъ, доносилъ Тамара [1]), хотя для одной наружной формы въ семъ случаѣ посылаемыхъ, ищетъ прежде отгадать мысли для того, что боится рѣчей, кои считаетъ уже неоднократно ему повредили». Царь назначалъ то одного, то другаго, перемѣнялъ, снова назначалъ и тѣмъ затягивалъ дѣло. Имѣя порученіе князя Потемкина съѣздить въ Имеретію для увѣренія царя Соломона въ расположеніи къ нему русскаго правительства и доставить письмо свѣтлѣйшаго князя [2]), подполковникъ Тамара рѣшился отправиться въ Кутаисъ, не ожидая окончательнаго рѣшенія царя Ираклія. Онъ успѣлъ только заручиться обѣщаніемъ, что въ тотъ промежутокъ времени, который онъ употребитъ на поѣздку и возвращеніе изъ Имеретіи, Ираклій непремѣнно назначитъ полномочныхъ и приготовитъ все необходимое для ихъ отъѣзда на столько, чтобъ они могли вмѣстѣ съ Тамарой отправиться на линію.

Путешествіе послѣдняго въ Имеретію продолжалось гораздо долѣе предполагаемаго. Страшная распутица отъ безпрерывныхъ сильныхъ дождей и болѣзнь нѣкоторыхъ лицъ, сопровождавшихъ подполковника Тамару, задержали наше посольство въ пути, заста-

[1]) Генералъ-поручику Потемкину, 27-го мая 1783 года.

[2]) Имеретинскій царь Соломонъ просилъ императрицу защитить его отъ турокъ, которые, по его словамъ, прислали своихъ чиновниковъ для осмотра границъ Имеретіи и устройства тамъ крѣпостей. См. письмо астраханскаго губернатора П. С. Потемкину 11-го октября 1782 года. Государствен. Арх., XXIII, № 13.

вили ѣхать медленно и все-таки оставить на дорогѣ нѣсколькихъ человѣкъ больныхъ. Въ Кутаисъ Тамара прибылъ 5-го іюня, а на третій день послѣ его пріѣзда заболѣлъ царь Соломонъ, такъ что Тамара принужденъ былъ прожить тамъ девять дней и могъ отправиться назадъ только 14-го числа.

По возвращеніи въ Тифлисъ онъ узналъ, что полномочными назначены князь Отій Андрониковъ и князь Сулханъ Тумановъ, но утромъ 24-го іюня царь прислалъ сказать, что онъ измѣнилъ свой выборъ и окончательно назначаетъ: первымъ полномочнымъ своего зятя, главнаго совѣтника въ дѣлахъ провинціи Эриванской и генерала войскъ отъ лѣвой руки князя Ивана Константиновича Багратіона, а вторымъ—своего генералъ-адъютанта и начальника Казахской провинціи, князя Герсевана Ревазовича Чавчавадзе, ассистентомъ при нихъ назначенъ архимандритъ Гаіосъ, знавшій русскій языкъ, одинъ секретарь посольства и человѣкъ двадцать свиты. Ираклій обѣщалъ снабдить посылаемыхъ особъ полномочіемъ, въ силу котораго, каждый изъ нихъ по какому либо непредвидимому случаю, могъ подписать трактатъ безъ своего товарища [1]).

Отправляя князей Багратіона и Чавчавадзе въ Георгіевскъ, царь поручилъ имъ передать генералъ-поручику Потемкину свое желаніе съ нимъ видѣться, хотя бы на половинѣ пути въ горахъ кавказскихъ, тамъ, гдѣ разрабатывалась дорога нашими рабочими. Предложеніе это обусловливалось сколько желаніемъ лично познакомиться съ пограничнымъ русскимъ начальникомъ, столько же недовѣріемъ къ полномочнымъ и опасеніемъ, чтобы не было пропущено чего либо въ трактатѣ. Ниже мы увидимъ, что желаніе Ираклія и въ этомъ случаѣ было удовлетворено въ гораздо большей степени, чѣмъ онъ могъ ожидать. Послѣ заключенія трактата, Потемкинъ посѣтилъ его въ Тифлисѣ и имѣлъ случай познакомиться со всѣми членами грузинскаго царскаго дома. Теперь же былъ посланъ въ Грузію въ качествѣ коммиссіонера или посредника въ сношеніяхъ царя съ русскимъ правительствомъ полковникъ Бурнашевъ, къ которому Ираклій могъ обращаться со всѣми своими просьбами и желаніями.

---

[1]) Рапортъ Тамары генералу Потемкину 24-го іюня 1783 года.

Полковникъ Бурнашевъ былъ отправленъ въ Тифлисъ почти одновременно съ подполковникомъ Тамарой. Назначая его состоять при царѣ Ираклiѣ, князь Потемкинъ поставилъ Бурнашеву въ непремѣнное условіе ближе ознакомиться, какъ со внутреннимъ состояніемъ Грузіи и Имеретіи, такъ и съ политическимъ положеніемъ ихъ относительно сосѣдей. Бурнашевъ долженъ былъ осмотрѣть границы обоихъ владѣній, составить по возможности вѣрную карту и описаніе Грузіи и Имеретіи и опредѣлить наиболѣе важные пункты въ стратегическомъ отношеніи, съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи можно было на указанныхъ имъ мѣстахъ построить рядъ укрѣпленій для обезпеченія страны отъ вторженія непрiятеля. Не придавая имъ характера обширныхъ построекъ, князь Потемкинъ поручилъ Бурнашеву проектировать укрѣпленія небольшія, но достаточно сильныя для отраженія сосѣднихъ нападеній [1]).

Совокупныя и единодушныя дѣйствія царей Грузіи и Имеретіи противъ общаго врага, конечно, могли бы значительно облегчить защиту ихъ владѣній, но взаимная вражда, возникшая изъ фамильныхъ интересовъ, не допускала единодушія. Полковникъ Бурнашевъ, какъ посредникъ между русскимъ правительствомъ и обоими царями, одинаково преданными Россіи и стремившимися къ одной и той же цѣли, долженъ былъ принять мѣры къ примиренію и возстановленію между ними дружественныхъ отношеній.

Въ концѣ мая полковникъ Бурнашевъ, въ сопровожденіи доктора и переводчика, отправился въ Грузію, имѣя при себѣ двадцать два человѣка казаковъ, назначенныхъ для постояннаго пребыванія съ нимъ въ Тифлисѣ [2]). Ираклій II принялъ его весьма ласково и объявилъ, что безъ его согласія и одобренія не будетъ имѣть никакихъ сношеній и переписки съ сосѣдними владѣльцами [3]).

Вскорѣ послѣ прибытія Бурнашева въ Тифлисъ, уполномоченные

[1]) Полковникъ Бурнашевъ находилъ необходимымъ построить два укрѣпленія: одно въ Имеретіи, по дорогѣ въ Ахалцыхъ, на рѣчкѣ Цхенисъ-Цхали, у замка Богдада, а другое—въ Грузіи, на рѣкѣ Алазани, при урочищѣ Кумбатъ. Представленные имъ проектъ и смѣта оставлены однако же княземъ Потемкинымъ безъ всякаго исполненія.

[2]) Ордеръ П. С. Потемкина полковнику Бурнашеву 21-го іюня 1783 г. Госуд. Арх., XXIII, № 13, карт. 45.

[3]) Рапортъ Бурнашева генералу Потемкину 16-го мая. Тамъ же.

вмѣстѣ съ подполковникомъ Тамарой отправились въ Георгіевскъ. Принявъ безусловно всѣ параграфы трактата, они просили только оставить царю титулъ *Умаглесо*—«высочества», который давался ему во всей Азіи, оставить за царями право при вступленіи на престолъ короноваться; образовать въ Грузіи отдѣльную епархію, дозволить имъ имѣть собственную монету и немедленно ввести въ ихъ отечество два баталіона русскихъ войскъ [1]). Генералъ-поручикъ Потемкинъ обѣщалъ ходатайствовать объ удовлетвореніи просьбъ полномочныхъ и тѣмъ устранилъ всѣ недоразумѣнія.

24-го іюля 1783 года трактатъ былъ подписанъ. Грузинскій царь, устраняясь отъ сношеній съ Персіей и вассальной отъ нея зависимости, обязался за себя и своихъ преемниковъ не признавать надъ собой иной державной власти, кромѣ власти русскихъ императоровъ. Онъ обѣщалъ содѣйствовать пользѣ русскаго государства во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда отъ него потребуется такое содѣйствіе. Ираклій II обязывался, безъ предварительнаго сношенія съ русскимъ пограничнымъ начальствомъ и безъ совѣта съ аккредитованнымъ при немъ русскимъ министромъ, не вступать ни въ какія сношенія съ окрестными владѣльцами, не принимать ихъ посланныхъ или писемъ и не давать ни обѣщаній, ни обнадеживаній и даже отвѣтовъ. Онъ долженъ былъ удовлетворять всѣмъ требованіямъ пограничныхъ начальниковъ и охранять въ своихъ владѣніяхъ русскихъ подданныхъ отъ всякихъ обидъ и притѣсненій.

Съ своей стороны императрица, ручаясь за сохраненіе цѣлости владѣній царя Ираклія II, обѣщала распространить это ручательство и на такія владѣнія, которыя со временемъ будутъ имъ пріобрѣтены и прочнымъ образомъ утверждены. Императрица обѣщала сохранить престолъ наслѣдственнымъ въ родѣ Ираклія II, съ тѣмъ, чтобы преемники его, вступая на царство, извѣщали тотчасъ же русское правительство, испрашивали утвержденія русскихъ императоровъ и, по полученіи разрѣшенія и знаковъ инвеституры [2]), присягали на вѣрность.

[1]) См. параграфъ 4 секр. условій. Воен.-Уч. Арх., отд. I, дѣло № 183.

[2]) Инвеституру составляли: грамота, знамя съ россійскимъ гербомъ, имѣющимъ внутри себя гербъ царствъ Карталинскаго и Кахетинскаго, сабля, повелительный жезлъ и мантія или епанча горностаевая.

Обѣщая защищать Грузію отъ всякихъ непріятельскихъ покушеній и считать враговъ этой страны за своихъ собственныхъ, императрица предоставляла грузинскимъ подданнымъ одинаковыя права и преимущества съ русскими относительно торговли, права селиться въ Россіи, въѣзжать въ нее и возвращаться. Она обѣщала не вмѣшиваться во внутреннее управленіе страны, предоставить царю судъ, расправу и сборъ податей въ его пользу. Для болѣе удобныхъ взаимныхъ сношеній русское правительство постановило имѣть при царѣ Ираклiи II своего министра или резидента, точно такъ же какъ принять и его резидента или министра наравнѣ съ прочими владѣтельныхъ князей министрами. Относительно духовныхъ дѣлъ положено образовать въ Грузіи отдѣльную епархію, съ тѣмъ, чтобы католикосъ, или начальствующій архіепископъ грузинскій, имѣя навсегда титулъ члена Св. Синода, занялъ мѣсто въ числѣ русскихъ архіереевъ въ 8-й степени, именно послѣ Тобольскаго [1]).

Для защиты страны отъ враговъ внѣшнихъ, хотя и постановлено было особыми секретными статьями содержать въ Грузіи, на туземномъ продовольствіи, два полные баталіона русскихъ войскъ съ четырьмя орудіями полковой артиллеріи, но посовѣтовано Ираклію, для пріобрѣтенія наибольшей самостоятельности, сохранять дружбу и поддерживать постоянную связь съ Имеретинскимъ царемъ Соломономъ и прочимъ христіанскимъ населеніемъ Закавказья. Пребывая въ союзѣ и совершенномъ согласіи, христіанское населеніе, при единодушіи въ дѣйствіяхъ, могло оказать довольно сильное сопротивленіе всѣмъ покушеніямъ на ихъ свободу, спокойствіе и благоденствіе. Поэтому, при заключеніи условій, русское правительство настаивало, чтобъ Ираклій II устранилъ всѣ недоразумѣнія, бывшія между нимъ и Имеретинскимъ царемъ Соломономъ, чтобъ онъ помирился съ нимъ и дѣйствовалъ единодушно. Царь обѣщалъ исполнить требованіе и далъ слово въ будущемъ всѣ могущія случиться недоразумѣнія представлять на рѣшеніе императрицы.

Съ своей стороны русское правительство, для обезпеченія независимости и самостоятельности Грузіи, обѣщало не ограничивать

[1]) *Полн. Соб. Закон.* Т. XXI, № 15,835.

своей помощи двумя только баталіонами, но увеличивать число войскъ по мѣрѣ надобности и по взаимному соглашенію царя съ пограничнымъ русскимъ начальникомъ. «Ея императорское величество», сказано въ трактатѣ [1]), «обѣщаетъ, въ случаѣ войны, употребить всевозможное стараніе пособіемъ оружія, а въ случаѣ мира настояніемъ о возвращеніи земель и мѣстъ издавна къ царству Карталинскому и Кахетинскому принадлежавшихъ, кои и останутся во владѣніи царей тамошнихъ, на основаніи трактата о покровительствѣ и верховной власти Всероссійскихъ императоровъ надъ ними заключеннаго».

Подписанный уполномоченными трактатъ о подданствѣ Грузіи достигъ до Петербурга 17-го августа. «Вчерашній день», писала императрица князю Потемкину [2]), я письмо твое отъ 5-го сего мѣсяца получила чрезъ полковника Тамару, который привезъ и грузинское дѣло, за которое снова тебѣ же спасибо. Прямо ты—другъ мой сердечный! Voilà bien des choses de faites en peu de temps. На зависть Европы я весьма спокойно смотрю, пусть балагурятъ, а мы дѣло дѣлаемъ. По представленіямъ твоимъ дѣла не будутъ залеживаться, изволь присылать».

Принимая извѣстіе о заключеніи трактата съ удовольствіемъ равнымъ «славѣ изъ того пріобрѣтенной и пользѣ несомнѣнно ожидаемой», Императрица пожаловала генералъ-поручику Павлу Потемкину 6,000 рублей и табатерку съ портретомъ, а трудившимся съ нимъ чиновникамъ двѣ тысячи рублей [3]).

Вмѣстѣ съ трактатомъ полковникъ Тамара представилъ и дополнительныя просьбы грузинскихъ уполномоченныхъ, которыя и удостоились высочайшаго утвержденія. Императрица оставила Ираклію II титулъ «высочества», пожаловала ему корону и особымъ параграфомъ трактата [4]) предоставила право какъ Ираклію, такъ и его преемникамъ совершать обрядъ коронованія и миропо-

[1]) См. параграфъ 4-й секретныхъ условій. Военно-Учен. Архивъ, Отд. I, дѣло № 183.

[2]) Въ письмѣ отъ 18-го августа 1783 года. Письмо это съ пропускомъ напечатано въ «*Русской Старинѣ*» 1876 года, № 5.

[3]) Рескриптъ князю Потемкину. Архивъ кабинета Его Величества, св. 440.

[4]) Утвержденнымъ 30-го сентября 1783 года. *Полн. Собр. Зак.*, т. XXI, № 15,840.

мазанія [1]). Сверхъ того, царямъ Грузіи дозволено было бить собственную монету «съ ихъ изображеніемъ и на оборотѣ гербомъ царства Карталинскаго и Кахетинскаго, надъ коимъ только изображенъ будетъ орелъ двуглавый въ знакъ покровительства и верховной власти Всероссійскихъ императоровъ надъ сими владѣтелями и ихъ подданными» [2]).

Въ половинѣ августа извѣстіе о заключеніи трактата достигло до Тифлиса и 20-го числа того же мѣсяца грузины торжественно праздновали это событіе [3]). Всеобщая радость населенія усиливалась еще тою вѣстью, что русскія войска двинутся въ Грузію въ самомъ непродолжительномъ времени, какъ только будутъ готовы мосты на рѣкѣ Терекѣ и исправлена дорога.

Мы видѣли, что еще съ мая мѣсяца дорога въ Грузію приводилась въ лучшее состояніе. Вскорѣ послѣ прибытія въ Тифлисъ полковникъ Бурнашевъ доносилъ, что онъ приступилъ къ постройкѣ мостовъ отъ Тифлиса до перевала на сѣверный склонъ Кавказскихъ горъ и что, согласно съ условіемъ, царь Ираклій II обѣщалъ дать ему 1,500 человѣкъ рабочихъ [4]). Для устройства же дороги и мостовъ по Тереку съ нашей стороны былъ точно также отправленъ въ маѣ мѣсяцѣ оберъ-квартирмейстеръ Фохтъ съ 800 человѣкъ рабочихъ и съ баталіономъ гренадеръ для ихъ прикрытія. Исполненіе этого порученія требовало не малыхъ усилій, ибо тогдашняя дорога въ Грузію была едва доступна для одиночныхъ

[1]) Царь Ираклій, не довольствуясь обѣщаніемъ, даннымъ полномочнымъ генералъ-поручикомъ Потемкинымъ, и опасаясь, что разрѣшеніе короноваться не будетъ введено въ трактатъ, вскорѣ послѣ заключенія его отправилъ къ князю Потемкину своего перваго секретаря и любимца князя Сулхана Туманова. «Князь Тумановъ, доносилъ свѣтлѣйшій императрицѣ отъ 7-го октября, человѣкъ благоразумный, весьма хорошаго просвѣщенія и со многими дарованіями; нельзя, казалось, таковымъ себѣ представить жителя тифлисскаго. Виной сего посланія—вѣнчаніе царское, коего желаетъ Ираклій и о которомъ возобновляетъ просьбы свои къ престолу вашего императорскаго величества. Какъ уже есть на сіе высочайшая ваша императорская воля, то и отправляю я его обратно въ Грузію, подтверждая царю обнадеженіе о всемилостивѣйшемъ благоволеніи». Не смотря, однако же, на желаніе Ираклія сохранить за собой и потомствомъ право вѣнчанія, самъ онъ умеръ, не будучи коронованъ.

[2]) *Полн. Собр. Зак.*, т. XXI, № 15,841.

[3]) Рапортъ генерала Потемкина князю Потемкину, 6-го сентября. Госуд. Арх. XXII, № 13, карт. 45.

[4]) Рапортъ полковника Бурнашева генералу Потемкину, 11 іюля. Тамъ же.

пѣшеходовъ. На протяженіи 32 верстъ, отъ селенія Балты до Казбека, Фохту пришлось построить 27 мостовъ для переправы войскъ черезъ рѣки. Не смотря на то, что для устройства спусковъ приходилось взрывать порохомъ каменныя глыбы горъ, что всѣ мосты строились прочнымъ образомъ, на сваяхъ, Фохтъ успѣлъ къ октябрю окончить свое трудное порученіе столь успѣшно, что генералъ Потемкинъ, при осмотрѣ этой дороги, могъ безъ затрудненія проѣхать въ коляскѣ, запряженной восемью лошадьми, и въ такомъ мѣстѣ, «гдѣ человѣкъ не могъ одинъ проходить безъ ежеминутной опасности низвергнуться въ пропасть» [1]).

Найдя путь вполнѣ удовлетворительнымъ, Потемкинъ тотчасъ же отправилъ въ Грузію два егерскіе баталіона, Горскій и Бѣлорусскій, съ двумя единорогами и двумя пушками. 3-го ноября баталіоны прибыли въ Тифлисъ, гдѣ встрѣчены были огромною толпой народа и поступили въ распоряженіе царя Ираклія и подъ начальство полковника Бурнашева. Грузины праздновали этотъ день съ особеннымъ увлеченіемъ и Тифлисъ былъ иллюминованъ, не смотря на небывалый холодъ, ознаменовавшій вступленіе русскихъ въ Грузію.

— Русскіе принесли намъ зиму, говорили жители Тифлиса, отогрѣвавшіеся въ своихъ сакляхъ у мангаловъ.

Какъ бы въ подтвержденіе справедливости словъ туземцевъ, въ ночь съ 24-го на 25-е декабря и все 26-е число шелъ такой снѣгъ, что въ Тифлисѣ выпало его на полтора аршина, и при узкости городскихъ улицъ, въ теченіе нѣсколькихъ дней со двора на дворъ почти не было проходу. До половины января 1784 года тифлисцы, къ крайнему огорченію, принуждены были или сидѣть дома, или путешествовать по улицамъ не иначе, какъ верхомъ, а между тѣмъ, совершающіяся событія вызывали частое сообщеніе, манили каждаго на улицу, чтобъ узнать новости и принять участіе въ предстоящемъ новомъ торжествѣ и праздникахъ [2]).

---

[1]) Рапортъ П. С. Потемкина князю Потемкину 7-го сентября. Это былъ первый путь въ Грузію, проложенный трудами 1,500 человѣкъ русскихъ солдатъ, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, и ничего не стоившій, кромѣ нѣсколькихъ лишнихъ мясныхъ и винныхъ порцій.

[2]) Рапортъ Бурнашева П. С. Потемкину 16-го января 1784 года. Госуд. Арх., XXII, № 13, карт. 47.

Еще въ началѣ января, вскорѣ послѣ Рождественскихъ праздниковъ, въ городѣ ходили слухи, что полковникъ Тамара отправленъ въ Грузію съ высочайшими милостями и подарками; что онъ везетъ съ собою ратификацію императрицы Екатерины II на заключенный трактатъ и знаки инвеституры. Принимая Грузію подъ покровительство Россіи, императрица желала ознаменовать это событіе многими милостями, какъ членамъ царскаго дома, такъ и лицамъ, непосредственно участвовавшимъ въ заключеніи трактата. «Что принадлежитъ до подарковъ», писалъ князь Потемкинъ генералъ-маіору Безбородко, «то сверхъ назначенныхъ посламъ со свитами и контрасигнировавшимъ полную мочь царскую, не излишнимъ я считаю нѣкоторыя награжденія и первѣйшимъ въ царствѣ людямъ. Какъ католикосъ имѣетъ камилавку съ крестомъ, то и можетъ ему таковой крестъ быть пожалованъ съ камнями. Въ бытность еще въ Петербургѣ докладывалъ я ея императорскому величеству о готовящемся къ сей степени сынѣ Ираклиевѣ (Антоніи), который и носитъ уже санъ діаконскій [1]); не угодно ли будетъ повелѣть сдѣлать ему въ Москвѣ посвященіе въ епископы и въ такомъ случаѣ богатый крестъ и панагія весьма важнымъ будутъ ему даромъ. Для царицы нѣтъ лучшаго подарка, какъ орденъ св. Екатерины; для прочихъ же дому царскаго—вещи съ брилліантами».

Мнѣніе князя Потемкина было вполнѣ одобрено императрицей, и полковникъ Тамара отправился въ Грузію съ нѣсколькими тюками подарковъ. 2-го января онъ выѣхалъ изъ Моздока и въ шесть переходовъ достигъ до подошвы снѣговыхъ горъ. Перевалившись на противоположную сторону Кавказскаго хребта, онъ нашелъ дороги въ Закавказьѣ покрытыми столь необыкновеннымъ количествомъ снѣга, что подвигался весьма медленно, не смотря на всѣ усилія присланныхъ къ нему на встрѣчу князей и дворянъ. Послѣдніе, желая ускорить путешествіе, разбирали вещи Тамары и въ трудныхъ мѣстахъ перевозили ихъ на своихъ лошадяхъ [2]).

---

[1]) Когда князь Потемкинъ писалъ это письмо, царевичъ имѣлъ уже санъ архимандрита.

[2]) Рапортъ Тамары генералу Потемкину 30-го января 1784. Госуд. Арх., XXIII, № 13, карт. 47.

Наконецъ, 17-го января 1784 года въ Тифлисѣ узнали, что царь Ираклій, получивъ извѣстіе о приближеніи полковника Тамары, отправилъ къ нему на встрѣчу князя Ивана Константиновича Багратіона съ нѣкоторыми лицами изъ числа своихъ придворныхъ, и что они, встрѣтивъ посланнаго, проводили его инкогнито въ городъ [1]).

Тамара дѣйствительно въ этотъ день пріѣхалъ въ Тифлисъ [2]), а на слѣдующій имѣлъ приватную аудіенцію у Ираклія. Онъ передалъ ему письмо князя Потемкина и условился относительно предстоящихъ церемоній. Для торжественнаго вступленія русскаго посланнаго въ столицу Грузіи было избрано 22-е января, и наканунѣ царь разослалъ по городу своихъ герольдовъ, одѣтыхъ въ панцыри «по образцу древнихъ персидскихъ воиновъ», на лучшихъ лошадяхъ съ богатымъ уборомъ. Въ сопровожденіи хора музыкантовъ и значительнаго числа дворянъ, герольды, проѣзжая по главнѣйшимъ улицамъ Тифлиса, возвѣщали народу о предстоящемъ торжествѣ.

Съ разсвѣтомъ 22-го января, сто одинъ выстрѣлъ изъ русскихъ орудій далъ знать о началѣ церемоніи, и площади Тифлиса покрылись народомъ, не смотря на затрудненія въ сообщеніи. При тѣснотѣ улицъ, покрытыхъ къ тому же глубокимъ снѣгомъ, церемоніальный кортежъ могъ слѣдовать только по главнѣйшимъ, и потому для сбора участвующихъ въ церемоніи былъ избранъ домъ полковника Бурнашева, какъ представлявшій бо́льшія удобства и расположенный въ лучшей части города. Отсюда собравшіеся направились къ царскому дворцу по улицамъ, обѣ стороны которыхъ были уставлены вооруженными жителями города Тифлиса.

Впереди ѣхали герольцы, а за ними конный конвой изъ грузинъ, при младшемъ церемоніймейстерѣ и царскомъ генералъ-казначеѣ. Позади слѣдовали два взвода русскихъ войскъ, а за ними 24 человѣка придворныхъ дворянъ, предводительствуемыхъ стар-

[1]) За неимѣніемъ внѣ столицы домовъ сколько-нибудь удобныхъ для помѣщенія, полковникъ Тамара препровожденъ былъ въ Тифлисъ безъ официальной встрѣчи.

[2]) Бутковъ въ своемъ сочиненіи (ч. II, 129) говоритъ, что ратификація трактата и знаки инвеституры были доставлены въ Грузію въ ноябрѣ 1783 года, но это не вѣрно.

шимъ церемоніймейстеромъ и первымъ царскимъ секретаремъ княземъ Бегтабеговымъ.

За придворными ѣхалъ верхомъ подполковникъ Мерлинъ, а за нимъ слѣдовали оберъ-офицеры, несшіе по порядку: знамя, саблю, царскую мантію, скипетръ, корону и грамоту. По обѣимъ сторонамъ регалій слѣдовали придворные дворяне. За грамотой шелъ полковникъ Тамара, имѣя по одной сторонѣ оберъ-шталмейстера князя Абашидзе, а съ другой—царскаго генералъ-адъютанта князя Баратова. Процессію замыкали два взвода егерей и конный грузинскій конвой.

Приближаясь къ царскому дворцу, кортежъ былъ встрѣченъ музыкой находившихся въ строю русскихъ баталіоновъ, «а при царскомъ дворѣ—трубнымъ гласомъ, бубнами и другихъ музыкъ звуками».

При вратахъ царскаго двора процессія была встрѣчена полковникомъ Бурнашевымъ и царевичемъ Миріаномъ, а у крыльца, на лѣстницѣ и при входѣ въ залу — первѣйшими царскими чиновниками.

Въ аудіенцъ-залѣ поставленъ былъ тронъ съ присланнымъ отъ русскаго двора богатымъ балдахиномъ. Впереди трона стоялъ царь, а по сторонамъ его царевичи, внуки царскіе, католикосъ, архіереи, министры и многочисленная свита изъ знатныхъ особъ. Полковникъ Тамара, послѣ привѣтствія его высочества, передалъ ему поочередно всѣ регаліи и наконецъ грамоту.

Царь принималъ ихъ стоя у ступеней трона. Знамя и саблю онъ вручилъ старшимъ изъ княжескихъ фамилій, имѣющихъ древнее право носить ихъ за царями; мантію приняли придворные чиновники; корону и скипетръ царь приказалъ держать на подушкахъ близъ себя, а грамоту чрезъ старшаго царевича передалъ князьямъ Орбеліани и Багратіону. Передача послѣдней сопровождалась сто однимъ пушечнымъ выстрѣломъ. По полученіи грамоты и по окончаніи рѣчи полковника Тамары, — въ которой онъ удостовѣрилъ Ираклія въ непремѣнномъ желаніи императрицы оказывать покровительство Грузіи,—царь взошелъ на тронъ, на ступеняхъ котораго поставилъ семь своихъ сыновей и двухъ внуковъ.

«Все сіе», доносилъ полковникъ Тамара [1]), «въ самомъ дѣйствіи представлено имъ съ такою важностію и изображеніемъ, какъ бы окончилъ онъ у ступеней престола прошедшія времена земли своей и далъ начало новымъ».

Оставаясь на тронѣ, Ираклій высказалъ Тамарѣ самую глубокую благодарность императрицѣ за ея милости и потомъ принималъ поздравленія отъ присутствовавшихъ, причемъ всѣ подданные царя цѣловали его руку [2]).

Торжество принятія регалій закончилось во дворцѣ роскошнымъ обѣдомъ, на который приглашены были всѣ офицеры двухъ русскихъ баталіоновъ. Многочисленные тосты, музыка и орудійные выстрѣлы сопровождали пиршество [3]). Въ теченіе цѣлаго дня въ городѣ былъ колокольный звонъ, а вечеромъ и во всю ночь улицы Тифлиса были иллюминованы.

На слѣдующій день движеніе русскихъ войскъ къ царскому дворцу привлекло новыя толпы любопытныхъ.

Въ десятомъ часу утра полковники Бурнашевъ и Тамара отправились во дворецъ и, войдя въ залу, нашли тамъ царя, окруженнаго членами царскаго дома, министрами и прочими знатными особами. По прибытіи представителей русской власти, царь, предшествуемый регаліями, отправился въ соборную церковь для принесенія присяги.

Взойдя на тронъ, поставленный посреди церкви, Ираклій надѣлъ царскую мантію, а по обѣимъ сторонамъ его расположились лица, державшія остальныя регаліи; на ступеняхъ трона стали царевичи и ихъ дѣти. Впереди трона и нѣсколько правѣе его на столѣ, покрытомъ золотымъ глазетомъ, лежала ратификація императрицы Екатерины II, а лѣвѣе ея, на столѣ, покрытомъ бархатомъ, ратификація Ираклія II.

Католикосъ совершалъ богослуженіе. Во время литургіи, при

[1]) Генералу Потемкину отъ 30-го января 1784 года. Госуд. Арх., XXIII, № 13-й, карт. 47.

[2]) Описаніе торжества и пр. Бурнашева. Тамъ же.

[3]) Тостъ за здоровье императрицы сопровождался сто однимъ выстрѣломъ; за здоровье членовъ императорской фамиліи и царя Ираклія произведено по 51 выстрѣлу, а за здоровье царицы, членовъ царской фамиліи и свѣтлѣйшаго князя Потемкина—по 31 выстрѣлу.

Государственная Публичная Библиотека Историческая

первомъ возглашеніи имени русской императрицы, во всѣхъ церквахъ Тифлиса раздался колокольный звонъ, а по окончаніи молебна Ираклій подписалъ ратификацію и приступилъ къ присягѣ. Предъ тономъ царскимъ поставлены были Крестъ и Евангеліе, по правую сторону царя сталъ полковникъ Бурнашевъ, по лѣвую— полковникъ Тамара, и обрядъ начался.

— Азъ, нижеименованный, произносилъ царь предъ лицомъ всѣхъ присутствующихъ, обѣщаюся и клянуся Всемогущимъ Богомъ, предъ святымъ Его Евангеліемъ въ томъ, что хощу и долженъ ея императорскому величеству всепресвѣтлѣйшей, державнѣйшей, великой государынѣ императрицѣ и самодержицѣ Всероссійской Екатеринѣ Алексѣевнѣ и ея любезнѣйшему сыну, пресвѣтлѣйшему государю цесаревичу и великому князю Павлу Петровичу, законному Всероссійскаго императорскаго престола наслѣднику и всѣмъ высокимъ преемникамъ того престола вѣрнымъ, усерднымъ и доброжелательнымъ быть, признавая именемъ моимъ, наслѣдниковъ и преемниковъ моихъ и всѣхъ моихъ царствъ и областей на вѣчныя времена, высочайшее покровительство и верховную власть ея императорскаго величества и ея высокихъ наслѣдниковъ надо мною и моими преемниками, царями Карталинскими и Кахетинскими. Вслѣдствіе того, отвергая всякое надо мною и владѣніями моими, подъ какимъ бы то титуломъ или предлогомъ ни было, господствованіе или власть другихъ государей и державъ и отрицаяся отъ покровительства ихъ, обязываюся, по чистой моей христіанской совѣсти, непріятелей Россійскаго государства почитать за своихъ собственныхъ непріятелей, быть послушнымъ и готовымъ во всякомъ случаѣ, гдѣ на службу ея императорскаго величества и государства Всероссійскаго потребенъ буду, и въ томъ во всемъ не щадить живота своего до послѣдней капли крови. Съ военными и гражданскими ея величества начальниками и служителями обращаться въ искреннемъ согласіи; и ежели какое-либо предосудительное пользѣ и славѣ ея величества и ея имперіи дѣло или намѣреніе узнаю, тотчасъ давать знать; однимъ словомъ, такъ поступать, какъ по единовѣрію моему съ россійскими народами и по обязанности моей въ разсужденіи покровительства и верховной власти ея императорскаго величества прилично и должно. Въ за-

ключеніе сей моей клятвы цѣлую слова и Крестъ Спасителя моего. Аминь.

За присягой послѣдовалъ обмѣнъ трактатовъ: полковникъ Тамара вручилъ царевичу Вахтангу трактатъ, ратификованный императрицей, а царевичъ передалъ Тамарѣ трактатъ, подписанный Ираклiемъ.

По возвращеніи изъ церкви, царь вторично давалъ обѣдъ русскимъ офицерамъ, и вечеромъ весь городъ былъ иллюминованъ. «При дворѣ царскомъ», доносилъ полковникъ Бурнашевъ, «была особливая иллюминація въ лавкахъ, украшенныхъ парчами, разными персидскими и индійскими матеріями. Купцы тифлисскіе ужинали и забавлялись музыкой и танцами; на площади, наполненной множествомъ народа, играла во многихъ мѣстахъ музыка; словомъ, весь народъ старался изъяснять свою радость, происходящую отъ столь благополучной съ нимъ перемѣны».

Такъ кончились эти два дня, ознаменованные многими милостями императрицы. Супругѣ Ираклія, царицѣ Дарьѣ, пожалованъ орденъ Св. Екатерины со звѣздой, украшенною драгоцѣнными камнями [1]), перстень въ 5,500 рублей и богатое платье, «которое какъ носить посылается кукла». Супругѣ старшаго сына Ираклія царевича Георгія пожалованы брилліантовыя серьги въ 3,500 рублей. Такъ какъ два старшіе сына Ираклія, царевичи Георгій и Юлонъ, получили ордена еще ранѣе заключенія трактата, то третьему сыну, царевичу Вахтангу, былъ присланъ тростяной набалдашникъ съ брилліантами. Четвертый по старшинству сынъ Ираклія, царевичъ Антоній, поступившій въ монашество и имѣвшій всего двадцать лѣтъ отъ роду, призывался въ Москву для посвященія въ архіепископы [2]). Младшій по немъ братъ, царевичъ Ми-

[1]) Грамота императрицы царю Ираклію отъ 30-го сентября 1783 года. Орденъ этотъ царь Ираклій самъ возложилъ на нее въ церкви, гдѣ царица Дарья была въ первый разъ съ непокрытымъ лицомъ. Въ запасъ было послано еще три простыя звѣзды и двѣ ленты.

[2]) «По волѣ его свѣтлости», писалъ царь Ираклій генералу Потемкину отъ 26-го января 1784 года, «ваше превосходительство изволите сообщать мнѣ о сынѣ моемъ архимандритѣ Антоніи, чтобъ его отправить для посвященія въ престольномъ градѣ въ епископское достоинство. Сія новая благость прилагается къ числу многихъ щедротъ всеавгустѣйшей государыни и благоволеніе ея превыше всякой благодарности».

*

ріанъ, семнадцатилѣтній молодой человѣкъ, произведенъ въ полковники [1]) и назначенъ командиромъ Кабардинскаго пѣхотнаго полка. Грузинскій католикосъ Антоній получилъ брилліантовый крестъ на клобукъ [2]) въ 2,500 руб., а царскій генералъ-адъютантъ князь Герсеванъ Чавчавадзе, принимавшій весьма дѣятельное участіе въ заключеніи трактата, принятъ при петербургскомъ дворѣ въ качествѣ министра. Многія лица знатнѣйшихъ грузинскихъ фамилій также получили разные подарки, общая цѣнность которыхъ простиралась до 30,500 рублей [3]).

По окончаніи всѣхъ торжествъ, Ираклій выразилъ непремѣнное желаніе ѣхать въ Петербургъ и лично благодарить императрицу, но Екатерина II отклонила желаніе царя и совѣтовала прислать въ свою столицу его сыновей.

23-го мая, согласно желанію императрицы, оба сына Ираклія, въ сопровожденіи князя Герсевана Чавчавадзе, выѣхали въ Россію [4]). Побывавъ въ Кременчугѣ у князя Потемкина, они въ сентябрѣ достигли Петербурга, гдѣ и были приняты императрицею. Князю Герсевану Чавчавадзе, какъ прибывшему въ качествѣ министра, была назначена особая аудіенція [5]).

Въ пятницу 20-го сентября, по окончаніи церковной службы, князь Чавчавадзе былъ введенъ въ аудіенцъ-залу Зимняго дворца,

---

[1]) Указъ военной коллегіи 18-го августа 1783 года. Архивъ Кабинета Его Императорскаго Величества, св. 440.

[2]) Письмо Антонія генералу Потемкину отъ 31 января 1784 года. Госуд. Арх., XXIII, № 13, пап. 47. См. также указъ кн. Потемкину 30-го сентября 1783 года. Арх., Кабинета Его Императорскаго Величества, св. 440.

[3]) Князьямъ Орбеліани и Челокаеву пожаловано по табатеркѣ съ брилліантами; князю Бегтабекову—перстень брилліантовый (см. Реестръ подаркамъ. Госуд. Арх., XXIII, № 13, карт. 48).

[4]) Отправляя своихъ дѣтей, Ираклій писалъ императрицѣ: «Всемилостивѣйшее покровительство, дарованное дому моему изъ призрѣнія, простирается даже до того, что ваше императорское величество благоволили повелѣть дѣтямъ моимъ предстать предъ высочайшимъ престоломъ вашего императорскаго величества. Почему всенижайше представляя ихъ при семъ какъ наипослѣднѣйшихъ рабовъ, желаю дабы чрезъ вѣрныя и рабскія свои услуги удостоились пріобрѣсть себѣ матернее милосердіе вашего императорскаго величества и дабы я пребылъ пренаисчастливѣйшимъ въ настоящемъ моемъ состояніи» (Письмо Ираклія отъ 23-го мая. Московск. Арх. Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Переписка владѣтельныхъ особъ съ высочайшимъ дворомъ, д. № 455).

[5]) Письмо Безбородко канцлеру 18-го сентября 1784 года. Московск. Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

гдѣ находились особы обоего пола, имѣвшія входъ во внутренніе покои. Сдѣлавъ три поклона, грузинскій посолъ обратился къ императрицѣ съ особою рѣчью отъ имени Ираклія II.

— Царь Карталинскій и Кахетинскій, сказалъ онъ, удовлетворяя обязательствамъ своимъ и тому благоговѣнію, которое онъ, со всѣмъ его домомъ и со всѣми народами имъ обладаемыми, питаетъ къ верховной своей государынѣ и покровительницѣ церкви нашей православной, избралъ меня быть свидѣтелемъ таковыхъ чувствъ своихъ. Сугубо счастіе мое, когда бывъ однимъ изъ участниковъ въ постановленіи торжественнаго договора, коимъ съ утвержденіемъ зависимости отечества моего отъ Имперіи Всероссійской, утверждены на вѣки и наше благоденствіе и безопасность, удостоиваюся нынѣ въ лицѣ владѣтеля моего и всѣхъ сограждан нашихъ приближаться ко священному престолу вашего императорскаго величества и пасть къ стопамъ вашимъ.

— Ея императорскому величеству, отвѣчалъ на это канцлеръ, служитъ къ особливой угодности жертвоприношеніе царя Карталинскаго и Кахетинскаго и всѣхъ обладаемыхъ имъ народовъ, основывающееся на собственномъ ихъ благоденствіи. Ея величество, даровавъ его высочеству и подданнымъ его свое покровительство и усыновя ихъ единожды подъ благословенный свой скипетръ, не оставитъ, конечно, пещись всегда о постоянномъ ихъ благосостояніи. Лицо изъяснителя предъ ея престоломъ благоговѣнія и усердія питаемыхъ царемъ Карталинскимъ и его подданными сугубо пріятно ея величеству, потому что онъ самъ былъ участникомъ въ постановленіи торжественнаго договора, коимъ, съ утвержденіемъ зависимости отечества его отъ Имперіи Всероссійской, утверждено на вѣки благоденствіе и безопасность его, посему онъ и можетъ полагаться на особенное ея величества благоволеніе и милость.

Допущенный къ рукѣ императрицы, князь Чавчавадзе сдѣлалъ три поклона и не оборачиваясь спиной вышелъ изъ залы. Этою аудіенціей закончился актъ вступленія Грузіи подъ покровительство Россіи.

II.

Впечатлѣніе, произведенное на закавказскихъ владѣтелей вступленіемъ Грузіи подъ покровительство Россіи. — Положеніе Армянъ въ Закавказьѣ. — Просьба ихъ о защитѣ отъ притѣсненій Карабагскаго хана.—Намѣреніе князя Потемкина устроить будущность Армянъ и образовать особое христіанское государство по ту сторону Кавказскихъ горъ. — Дѣятельность и участіе въ этомъ армянскаго архіепископа Іосифа. — Переговоры съ Карабагскимъ ханомъ.

Спустя нѣсколько дней послѣ заключенія трактата, князь Потемкинъ извѣстилъ всѣхъ Адербеджанскихъ хановъ и другихъ сосѣднихъ владѣльцевъ, что Грузія признала надъ собой верховное покровительство русской императрицы. Туземное населеніе приняло это извѣщеніе съ большимъ волненіемъ, еще болѣе усилившимся, когда въ Закавказьѣ узнали, что русскіе исправляютъ дорогу въ Грузію, строятъ мосты и даже двинули туда часть своихъ войскъ. Каждый изъ смежныхъ владѣльцевъ смотрѣлъ на Россію съ крайнимъ недоброжелательствомъ и опасеніемъ. Поводомъ къ этому были совершившіяся въ короткое время крупныя событія: присоединеніе къ Россіи Крыма, Кубани и подчиненіе Грузіи.

Опасаясь за свою будущность, ханы и владѣльцы объяснили движеніе нашихъ войскъ въ Закавказьѣ непремѣннымъ желаніемъ русскаго правительства захватить въ свои руки часть владѣній, принадлежавшихъ Персіи и Турціи. Всѣ пограничные съ Грузіей владѣльцы, считавшіе свое поведеніе не безгрѣшнымъ относительно Россіи, торопились принять мѣры противъ завоевательныхъ ея видовъ. Послѣ неоднократныхъ взаимныхъ совѣщаній, одни рѣшились съ приближеніемъ русскихъ войскъ защищаться до послѣдней крайности, а другіе предпочитали оставить свои владѣнія и спасаться у сосѣдей. Окружающіе Фетхъ-Али-хана Дербентскаго увѣряли его, что съ прибытіемъ русскихъ войскъ въ Грузію онъ будетъ непремѣнно свергнутъ съ ханства «и будешь ты, говорили они, у русскихъ свинопасомъ». [1]) Фетхъ-Али-ханъ тру-

[1]) Секретное извѣстіе отъ 18-го августа 1783 года. Государств. Арх., XXIII, № 13, карт. 45.

силъ и высказывалъ намѣреніе, въ случаѣ крайности, бѣжать въ Персію.

Наиболѣе другихъ безпокоился Сулейманъ-паша Ахалцыхскій, часть владѣній котораго входила нѣкогда въ составъ Грузинскаго царства. Происходя изъ древняго поколѣнія князей грузинскихъ, Сулейманъ-паша считалъ себя наслѣдственнымъ владѣтелемъ Саатабаго (Ахалцыха) — древней провинціи Грузіи. Желая сдѣлаться независимымъ отъ Порты и при тогдашней слабости турецкаго правительства надѣясь достигнуть этого, Сулейманъ непріязненно встрѣтилъ извѣстіе о вступленіи Грузіи подъ покровительство Россіи. При болтливости, свойственной всѣмъ азіятскимъ народамъ, грузины не могли скрыть главнѣйшихъ статей трактата, и Сулейманъ, не безъ страха за свою будущность, узналъ о существованіи втораго параграфа секретныхъ условій, въ которомъ русская императрица не только ручалась за сохраненіе въ цѣлости настоящихъ владѣній царя Ираклія, но обѣщала распространить это ручательство и на всѣ тѣ владѣнія, которыя будутъ имъ пріобрѣтены впослѣдствіи. Сулейманъ-пашѣ такъ и казалось, что, составляя этотъ параграфъ, русскіе имѣли въ виду прежде всего овладѣть Ахалцыхскимъ пашалыкомъ и подчинить его власти грузинскаго царя. Естественно, что при такомъ настроеніи Сулейманъ, лишь только получилъ извѣстіе о движеніи русскихъ войскъ въ Грузію, тотчасъ же отправилъ нарочнаго въ Константинополь просить помощи Порты.

Посланный явился въ резиденцію султана съ донесеніемъ, что движеніе русскихъ войскъ навело ужасъ на всю Анатолію и въ Малой Азіи убѣждены, что русскіе намѣрены громить турокъ со стороны Грузіи. Побѣды нашихъ войскъ въ Европейской и Азіятской Турціи, во время послѣднихъ войнъ, навели столь большой страхъ на жителей, что они съ особеннымъ вниманіемъ слѣдили за всякимъ движеніемъ русскихъ войскъ и часто придавали ихъ перемѣщенію весьма преувеличенное значеніе. Паника охватывала населеніе каждый разъ, когда оно узнавало о появленіи русскихъ. Такъ, въ іюнѣ 1783 года, всѣ поморскіе жители Трапезонда бѣжали въ глубь страны отъ одного извѣстія, что нашъ флотъ появился въ виду береговъ. Хотя впослѣдствіи и оказалось, что то

было стадо плавающихъ птицъ, но туземцы съ трудомъ и не охотно возвращались въ покинутыя ими селенія [1]). Ожиданіе скораго появленія русскихъ заставило всѣхъ жителей Эрзерума и его окрестностей переходить въ укрѣпленныя мѣста и побудило Сулейманъ-пашу вторично просить Порту объ оказаніи ему помощи.

— Царь Ираклій, говорилъ посланный Сулеймана, — есть колеблющаяся скала, паденія которой нужно опасаться. Онъ поддерживается русскими войсками, потому что ищетъ нашего разрушенія, и если не будетъ помощи, то, безъ сомнѣнія, мы погибли. Помогите намъ...

— Мы съ Россіей въ мирѣ, отвѣчала Порта посланному, — но если вы замѣтите какія-либо непріязненныя дѣйствія съ ея стороны или встрѣтите враговъ, то должны обращать ихъ въ бѣгство.

Принятіе Грузіи подъ покровительство Россіи не было нарушеніемъ мирныхъ трактатовъ съ Портой Оттоманскою, ибо Грузія была независима отъ Турціи. Не имѣя повода къ открытому вмѣшательству въ дѣла наши въ Закавказьѣ и сознавая свою слабость, турецкое правительство не отказывалось, однако же, отъ тайныхъ дѣйствій и интригъ. Официально отказавъ въ помощи посланному Ахалцыхскаго паши, константинопольскій дворъ втайнѣ обнадеживалъ своею поддержкой не только Сулеймана, но и всѣхъ Адербеджанскихъ хановъ. Эмиссары съ султанскими фирманами разсылались по Дагестану и Закавказью, и приглашали всѣхъ соединиться воедино для защиты вѣры и на разореніе Грузіи. Порта совѣтовала пашѣ Ахалцыхскому войти въ сношеніе съ Персидскими ханами и пригласить къ себѣ лезгинъ, на содержаніе которыхъ и отправила ему пятьдесятъ мѣшковъ денегъ. Послѣдній тотчасъ же послалъ нарочнаго ко властвовавшему тогда въ Персіи Али-Муратъ-хану и разослалъ письма ко всѣмъ Адербеджанскимъ ханамъ и дагестанскимъ владѣльцамъ.

Призывая ихъ къ совокупному дѣйствію противъ общаго врага, Сулейманъ просилъ вспомнить, что «всякъ, кто въ ревности своей ищетъ истреблять враговъ, угоденъ Богу, а кто поразитъ единаго

[1]) Отношеніе генералъ-поручика Потемкина полковнику Бурнашеву отъ 13-го августа 1783 года. Госуд. Арх., XXIII, № 13, карт. 45.

изъ невѣрныхъ, тотъ обрящетъ отпущеніе всѣхъ грѣховъ и вѣчный рай будетъ ему воздаяніемъ» [1]).

«Со слезами молимъ васъ, писалъ паша въ другомъ письмѣ [2]), помогите намъ, защитите насъ. Примите мѣры опровергнуть невѣрныхъ отъ предѣловъ нашихъ».

Сулейманъ просилъ лезгинъ прислать къ нему до 3,000 человѣкъ, обѣщая доставить имъ продовольствіе и давать такое жалованье, какое сами назначатъ. Большинство лезгинскихъ владѣльцевъ, не желая стѣснять себя никакими обязательствами, отвѣчали уклончиво. Они говорили, что съ русскими и грузинами согласны никогда не будутъ и что готовы служить султану, какъ своему единовѣрному государю, но только тогда, когда получатъ отъ него фактическую помощь. Видя, что переговоры съ дагестанцами не приводятъ къ желаемымъ результатамъ и не надѣясь на поддержку лезгинъ, Сулейманъ старался привлечь на свою сторону Адербеджанскихъ хановъ. Онъ предлагалъ имъ соединиться воедино и тогда, говорилъ онъ, мы будемъ сильны, чтобы разсѣять бурю, собирающуюся сокрушить насъ.

«Проклятые русскіе, писалъ Сулейманъ Ибраимъ-хану Шушинскому (Карабагскому), [3]) проложили путь черезъ Кавказъ и дорога, ими сдѣланная, дозволяетъ везти не только нужныя вещи, но и артиллерію и все, что къ продовольствію потребно. Ихъ войска вступаютъ исподоволь въ Грузію и въ исходѣ лѣта всѣ они соберутся съ тѣмъ, чтобы впасть въ Персію и въ предѣлы оттоманскіе и поглотить насъ, какъ быстрый лѣтній потокъ поглощаетъ все, гдѣ протечетъ».

Ахалцыхскій паша совѣтовалъ Ибраиму оглянуться на свое положеніе, принять мѣры противъ неожиданнаго бѣдствія и стараться потушить огонь, по словамъ паши, пожрать ихъ готовящійся.

Отправляя свое письмо Шушинскому хану, Сулейманъ зналъ, куда ему должно направить ударъ. Ибраимъ-ханъ былъ лицомъ

[1]) Письмо Сулеймана уцмію Каракайдагскому. Государ. Арх., XXIII, № 13. карт. 47.

[2]) Къ народамъ дагестанскимъ. Тамъ же.

[3]) Госуд. Арх., XIII, № 13, карт. 47.

наиболѣе заинтересованнымъ въ этомъ дѣлѣ. Бо́льшая часть его подвластныхъ состояла изъ армянъ, исповѣдывавшихъ христіанскую религію, ненавидѣвшихъ хана и склонявшихся на сторону Россіи.

Подпавъ подъ власть хановъ Шушинскаго (Карабагскаго) и Карадагскаго, армяне находились въ крайнемъ порабощеніи и, сверхъ личныхъ оскорбленій, весьма часто лишались матеріальнаго благосостоянія и даже жизни. Каждый армянинъ принужденъ былъ тщательно скрывать свое имущество, потому что, если ханъ узналъ о немъ, то или отбиралъ силой, или умерщвлялъ армянина, чтобы завладѣть его богатствомъ. Такъ, въ 1781 году, Ибраимъ лишилъ жизни дизахскаго мелика Исая и завладѣлъ его сокровищами, а чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ поступилъ точно такъ же и съ его наслѣдникомъ.

Устрашенные такимъ поступкомъ, остальные мелики заперлись въ крѣпкихъ мѣстахъ и рѣшились сопротивляться хану. Они искали защиты у царя Ираклія II, какъ союзника Ибраима и единаго сильнаго владѣльца въ Закавказьѣ. Но, не получивъ отъ него удовлетворенія, армяне отправили тайно своихъ депутатовъ въ Россію, поручивъ имъ умолять императрицу объ освобожденіи ихъ отъ несноснаго ига.

Представители армянской націи были приняты въ Петербургѣ съ большимъ сочувствіемъ и съ полною готовностью протянуть руку помощи угнетенному народу. Опытъ прошедшихъ временъ показывалъ, однако же, нашему правительству, что при помощи однихъ письменныхъ сношеній съ владѣльцами невозможно избавить армянъ отъ безчисленныхъ притѣсненій, которымъ они подвергались, и что для полнаго освобожденія ихъ необходимо удалить магометанскихъ правителей и соединить въ одно цѣлое все христіанское населеніе Закавказья. Такое соединеніе возможно было только при единодушіи, достаточной долѣ мужества, энергіи и самопожертвованіи со стороны туземнаго населенія. На сколько то и другое имѣло мѣсто среди армянъ, въ Петербургѣ судить было трудно и потому князь Потемкинъ, отправляя на линію своего брата, П. С. Потемкина, поручилъ ему ближе познакомиться съ армянами, съ ихъ политическимъ настроеніемъ, характеромъ и матеріальными средствами.

Воспользовавшись тѣми постоянными сношеніями, которыя находившійся въ Россіи армянскій архіепископъ Іосифъ Аргутинскій-Долгорукій поддерживалъ со своими соотечественниками, П. С. Потемкинъ обратился къ нему какъ человѣку ближе другихъ знакомому съ положеніемъ дѣла и характеромъ народа. Задавая Іосифу рядъ вопросовъ, командовавшій войсками на Моздокской линіи писалъ ему, что желаніе получить на нихъ отвѣты вызывается не простымъ любопытствомъ, а политическими соображеніями относительно той земли, «которая древностію толь знаменита и которая нынѣ представляетъ жалостное позорище, напоминающее человѣчеству тщетность вещей» [1]).

«Земля великой Арменіи, спрашивалъ П. С. Потемкинъ архіепископа, впадъ въ руки нечистыхъ по закону турокъ и персіянъ, чрезъ толико долговременную неволю сохраняетъ-ли силу духа, нужную для свободной души? Порабощенія и разныя притѣсненія не истребили-ли благородныхъ въ сердцахъ чувствованій? Сила разума, законъ и крѣпость вѣры толиколь дѣйствуютъ, чтобы внутреннее сердецъ расположеніе клонилось свергнуть иго ихъ угнетающее?»

Имѣя въ виду, что главное занятіе армянъ составляли торговля и промыслы, генералъ-поручикъ Потемкинъ спрашивалъ: пожелаютъ-ли они настоящее состояніе перемѣнить на лучшее будущее, «ибо, говорилъ онъ, генеральное примѣчаніе сдѣлано, что всѣ люди, кои обращаются въ торговлѣ, всякое другое чувствованіе заглушаютъ, кромѣ жадности къ корысти своей. Вѣра сильноли дѣйствуетъ въ армянскомъ народѣ и благочестіе можетъ-ли быть поводомъ къ побужденію народному? Санъ патріаршій въ какомъ между ними почтеніи? Мелики сохраняютъ-ли къ священному чину должное благоговѣніе, а народъ къ меликамъ повиновеніе, а наконецъ какія средства угодить народу, присоединить вѣрность меликовъ и привязать духовенство?»

Коснувшись политическихъ особенностей армянскаго народа, нельзя было оставить безъ вниманія и окружавшихъ его сосѣдей. «Я прошу ваше преосвященство, писалъ П. С. Потемкинъ Іосифу,

[1]) Записка Потемкина архіепископу Іосифу отъ 21 декабря 1783 года, № 64.

замѣтить мнѣ, какъ далеко простирается союзъ грузинскаго царя Ираклія съ армянами и какую поверхность имѣетъ онъ надъ тѣми ханами, кои прилежатъ къ предѣламъ его земель. Принадлежащая земля армянамъ нынѣ во владѣніи кому принадлежитъ? Сколько меликовъ въ Карабагской провинціи и сколько можно полагать народу? Какія важнѣйшія мѣста встрѣтятся, если проходить черезъ Тифлисъ, а равно съ другой стороны, ежели бы путь взять отъ Дербента? Какъ далеко можно полагаться на услуги и обѣщанія князей и владѣльцевъ и на народъ тѣхъ мѣстъ, еслибы туда идти слѣдовало?»

Потемкинъ просилъ указать ему на болѣе укрѣпленныя мѣста, лежавшія на пути отъ Тифлиса къ Эривани и изъ Дербента черезъ Шемаху къ Нахичевани. Онъ желалъ имѣть свѣдѣнія о характерѣ владѣльцевъ и естественныхъ богатствахъ провинцій, лежавшихъ по ту сторону Кавказскихъ горъ. «Можно-ли, спрашивалъ П. С. Потемкинъ, получить намъ продовольствіе для войскъ, хлѣбъ, фуражъ и проч.? Какія есть рѣки судоходныя, чрезъ кои можно бы было облегчить доставленіе провіанта? Въ которой землѣ (провинціи) болѣе онаго, въ которой менѣе; въ которыхъ мѣстахъ и какого рода хлѣбъ, ибо сіе есть основаніе дѣлъ: гдѣ войско сыто, тамъ оно дѣйствительно. Горе тому начальнику, который о пропитаніи войскъ не помыслитъ».

Предложенные архіепископу Іосифу вопросы скоро сдѣлались извѣстны всѣмъ армянамъ и произвели на нихъ самое радостное впечатлѣніе. Въ собираемыхъ нами свѣдѣніяхъ, и притомъ весьма обширныхъ, туземцы видѣли желаніе русскаго правительства возстановить древнюю Арменію и навсегда избавить населеніе отъ притѣсненій магометанскихъ правителей. Въ коллективномъ письмѣ, подписанномъ двумя патріархами (Іоанномъ и Лукою), всѣми меликами и другими знатнѣйшими лицами, армяне просили поспѣшить прибытіемъ на ихъ избавленіе и обѣщали доставить русскому войску самое изобильное продовольствіе; они увѣряли, что въ плодородномъ отечествѣ ихъ можно содержать въ теченіе пяти лѣтъ до тридцати тысячъ человѣкъ и даже болѣе.

Князь Потемкинъ, принимавшій живѣйшее участіе въ судьбѣ армянскаго народа, именемъ императрицы обнадежилъ армянъ и

объявилъ депутатамъ, что въ скоромъ времени желанія ихъ будутъ исполнены.

«Шушинскаго (Карабагскаго) хана Ибраима свергнуть должно, писалъ князь Таврическій своему брату П. С. Потемкину, [1]) ибо послѣ сего Карабагъ составитъ армянскую независимую, кромѣ Россіи, никому область. Вы тутъ употребите все стараніе, чтобы новая сія область устроилась наивыгоднѣйшимъ образомъ для народа; чрезъ сіе и прочія сильныя армянскія провинціи послѣдуютъ ихъ примѣру».

Ибраимъ самъ не считалъ своего положенія прочнымъ и обезпеченнымъ: по своему двуличію, онъ не могъ разсчитывать на расположеніе къ нему Петербургскаго двора. Ханъ то прикидывался искренно преданнымъ Россіи, писалъ льстивыя письма пограничнымъ нашимъ начальникамъ и высказывалъ желаніе поступить подъ покровительство императрицы, то вдругъ измѣнялъ свое поведеніе, переходилъ на сторону нашихъ противниковъ, грабилъ и притѣснялъ своихъ подданныхъ христіанскаго исповѣданія. Таково было поведеніе хана, и неудивительно, что когда онъ узналъ о сношеніяхъ армянъ съ нашимъ правительствомъ, то, опасаясь наказанія за свои поступки, снова прикинулся преданнымъ Россіи и написалъ, что давно желалъ поступить подъ покровительство ея, но до сихъ поръ не рѣшался только высказать своего желанія. «Давно уже, писалъ Ибраимъ, имѣлъ я расположеніе быть вѣрнымъ и усерднымъ рабомъ всемилостивѣйшаго Всероссійскаго трона и царствующей съ несмѣтными щедротами императрицы. Не имѣя ни знакомыхъ, ни малѣйшей связи, какъ могъ я отважиться ступить на стези, ведущія къ толикому блаженству? Ожидая отъ Провидѣнія Всевышняго пристойнаго случая къ изъявленію моей ревности, скорбѣлъ внутри души моей». Ибрагму сообщено, что скорбь его и застѣнчивость были напрасны, ибо до сихъ поръ никто изъ искавшихъ покровительства Россіи не былъ еще отвергнутъ императрицей и положеніе всѣхъ прибѣгающихъ подъ ея защиту обезпечивалось наилучшимъ образомъ.

— Быть подвластнымъ великой Екатеринѣ, говорилъ П. С.

[1]) Въ ордерѣ отъ 6-го апрѣля 1783 года. Арх. Главн. Штаба.

Потемкинъ Карабагскому хану,—значитъ заимствовать сіяніе тѣхъ лучей, которые украшаютъ ея священную корону. Подчиненіе ея скипетру не только не уменьшитъ, но утвердитъ ваше владычество, чему примѣромъ можетъ служить Крымскій Шагинъ-Гирей-ханъ, при помощи русскаго оружія два раза возставленный владѣтелемъ.

Потемкинъ совѣтовалъ Ибрагиму поспѣшить изъявленіемъ покорности и просить о принятіи его подъ покровительство Россіи. Ханъ отвѣчалъ, что онъ искренно желаетъ такого покровительства и даже готовъ платить дань. Не смотря на предыдущее поведеніе владѣтеля Карабага, поведеніе враждебное Россіи, императрица Екатерина II готова была согласиться на просьбу Карабагскаго владѣльца. «Что касается до Ибраимъ-хана, писала она князю Таврическому [1]), если въ принятіи его подъ россійское покровительство не встрѣтится никакого затрудненія или сомнительства, кажется можно взять за руководство то, что̀ сдѣлано съ царемъ Иракліемъ, и въ такомъ случаѣ вы не оставите поручить генералу Потемкину заключить съ нимъ договоръ о подчиненіи его россійскому императорскому престолу и о признаніи имъ моей и преемниковъ моихъ верховной власти надъ нимъ и его преемниками. Принятіе на подобныхъ условіяхъ можетъ служить доказательствомъ кроткаго здѣшняго обладанія и побужденіемъ для многихъ тамошнихъ нашихъ сосѣдей подражать примѣру сихъ двухъ владѣтелей».

Князь Потемкинъ, близко знакомый съ характеромъ Ибраимъ-хана, не вѣря въ чистосердечность его намѣреній и въ готовность платить дань, поручилъ отвѣчать хану, что самая лучшая дань, которую уважаетъ русская императрица — есть вѣрность, и если Ибраимъ сохранитъ ее и будетъ всегда исполнять высочайшія повелѣнія, то только тогда можетъ надѣяться, что будетъ принятъ въ русское подданство [2]).

Сухость такого отвѣта испугала Ибраима и онъ торопился укрѣпить городъ Шушу и обезпечить себя отъ нападеній. Гене-

---

[1]) Въ рескриптѣ отъ 5-го мая 1783 года. Госуд. Арх.

[2]) Ордеръ князя Потемкина-Таврическаго генералу Потемкину, отъ 19-го мая 1783 года.

ралъ-поручикъ Потемкинъ заявилъ хану, что укрѣпленія его не грозны для русскихъ войскъ, но двоеличіе хана будетъ неудобно для него самого и въ особенности въ томъ случаѣ, если онъ не поспѣшитъ заявить о своей покорности [1]). Карабагскій ханъ предпочелъ, однакоже, не возобновлять вопроса о подданствѣ и впослѣдствіи перемѣну своего поведенія объяснялъ обидой, нанесенною ему царемъ Ираклiемъ при заключеніи трактата, не включившемъ вмѣстѣ съ Грузіей и Карабага. Генералъ Потемкинъ отвѣчалъ, что дѣло это легко исправить, если ханъ пришлетъ довѣренное лицо для заключенія желаемыхъ имъ условій. Ибраимъ довѣренныхъ не присылалъ, и князь Таврическій, не особенно желавшій его подданства, былъ весьма радъ такому стеченію обстоятельствъ. Свѣтлѣйшій имѣлъ въ виду, при удобномъ случаѣ, лишить Ибраима ханскаго достоинства и всю его область, населенную преимущественно армянами, передать въ управленіе одного изъ наиболѣе уважаемыхъ армянскихъ меликовъ. «Чрезъ то, писалъ онъ императрицѣ [2]), возобновится въ Азіи христіанское государство сходственно высочайшимъ вашего императорскаго величества обѣщаніямъ, даннымъ чрезъ меня армянскимъ меликамъ».

«Армянъ извольте ваше превосходительство ласкать, писалъ вмѣстѣ съ тѣмъ князь Таврическій своему брату П. С. Потемкину [3]), и питать благое въ нихъ расположеніе къ Россіи, дабы имѣть ихъ всегда усердными и готовыми къ совершенію предпріятій, которыхъ обстоятельства и польза дѣлъ нашихъ востребуетъ».

Обстоятельства эти клонились исключительно на пользу армянскаго народа и потому естественно возбуждали въ населеніи всеобщее тяготѣніе къ Россіи. Не только закавказскіе армяне, но и тѣ, которые жили среди кумыковъ, кабардинцевъ и закубанскихъ черкесовъ хлопотали о соединеніи христіанскаго населенія въ одно цѣлое. Они просили разрѣшенія переселиться на линію и основать особую армянскую колонію. Князь Потемкинъ, соглашаясь на эту

[1]) Письмо П. С. Потемкина царю Ираклію 28-го іюня 1783 года.
[2]) Отъ 19-го мая 1783 года.
[3]) Въ ордерѣ отъ 19-го мая 1783 года. Госуд. Арх., XXIII, № 13, карт. 45.

просьбу, поручилъ генералъ-поручику Потемкину избрать и назначить мѣсто для ихъ поселенія, которое и назвать именемъ св. Григорія армянскаго, патрона свѣтлѣйшаго. «Отъ стеченія туда народа, говорилъ онъ, и отъ распространенія сего селенія будетъ зависѣть учрежденіе тамо города».

Между тѣмъ карабагскіе армяне, прождавъ весь 1783 годъ и испытывая притѣсненія хана, рѣшились напомнить о себѣ вторично. Они отправили письмо архіепископу Іосифу, прося его ходатайства о скорѣйшемъ принятіи ихъ подъ покровительство Россіи [1]). Армяне писали ему, что Ибраимъ-ханъ, узнавъ о сношеніяхъ ихъ съ русскимъ правительствомъ, сталъ ихъ притѣснять еще болѣе; что бѣдственное ихъ состояніе причиной, что они рѣшились вмѣстѣ съ этимъ письмомъ отправить своего депутата на Кавказскую линію къ генералъ-поручику Потемкину съ просьбой о защитѣ и помощи. Армяне просили прислать имъ два полка, которые въ соединеніи съ двумя баталіонами, находившимися въ Грузіи, и съ войсками самихъ армянъ, были, по ихъ мнѣнію, достаточны для освобожденія христіанъ отъ несноснаго магометанскаго ига, «ибо, писали они [2]), нынѣ время свободное ко всякому предпріятію, потому что львы въ норахъ почиваютъ, равно и лисицы въ поляхъ безъ пристрастія (страха) прохлаждаются».

Депутатъ карабагскихъ армянъ, Даніилъ Авамѣсовъ, увѣрялъ П. С. Потемкина, что при первомъ извѣстіи о движеніи русскихъ войскъ армянскіе мелики соберутъ не менѣе пяти тысячъ человѣкъ самыхъ храбрыхъ воиновъ, какъ пѣшихъ, такъ и конныхъ; что они приложатъ все свое стараніе къ ниспроверженію Ибраимъ-хана, нѣкоторые родственники котораго также находятся въ сообществѣ съ армянами; что русскіе могутъ при посылкѣ своихъ войскъ не ограничивать ихъ числа и быть увѣренными, что сколько бы ихъ прислано ни было, всѣ они найдутъ обильное продовольствіе и на неопредѣленное время. По словамъ Авамѣсова, у жителей скрыто было въ погребахъ множество хлѣба и заготовлено значительное количество рыбы собственно для русскихъ

[1]) Государственный Архивъ, XXIII, № 13, карт. 47.

[2]) Въ письмѣ генералъ-поручику Потемкину отъ 30-го мая 1784 года. Государственный Архивъ, XXIII, № 13, карт. 47.

войскъ [1]). Архіепископъ Іосифъ подтверждалъ послѣднія слова армянскаго депутата и вообще выказывалъ необыкновенную дѣятельность. Онъ нарочно отправился изъ Астрахани на Кавказскую линію, чтобы лично повидаться съ П. С. Потемкинымъ и переговорить съ нимъ; писалъ нѣсколько писемъ князю Г. А. Потемкину и, наконецъ, просилъ позволенія отправиться на шесть мѣсяцевъ въ Арменію для свиданія съ патріархомъ и меликами. Іосифъ мечталъ не только о сверженіи магометанскаго ига, но и о возстановленіи падшей короны и умолялъ князя Потемкина подать руку помощи армянамъ. «Будьте, ваша свѣтлость, писалъ онъ [2]), виновникомъ къ избавленію ихъ и напечатлѣнію священнѣйшаго портрета великой императрицы въ самой нутри Арарата, въ монументъ всего свѣта, да восклицаютъ непрестанно всѣ роды, что сей есть спаситель армянскій и прославятъ имя вашей свѣтлости во вѣки». Іосифъ просилъ, чтобы въ случаѣ принятія Ибраимъ-хана Шушинскаго подъ покровительство Россіи, не подчинять ему меликовъ армянскихъ. Просьба эта была, конечно, равносильна низложенію Ибраима, такъ какъ большую часть населенія Карабага составляли армяне, подвластные меликамъ. Безъ подчиненія ихъ ханской власти Ибраимъ не согласился бы поступить подъ покровительство Россіи. Армянскій архіепископъ зналъ это лучше другихъ, но вѣдь онъ и добивался возстановленія царства *Великой Арменіи!* Онъ разсчитывалъ на возможность осуществленія своихъ надеждъ тѣмъ болѣе, что армяне, жившіе въ другихъ мѣстахъ Персіи и даже Турціи, стремясь къ объединенію и осуществленію идеи возстановленія ихъ отечества, искали содѣйствія Россіи. Такъ, въ маѣ 1784 года, прибылъ въ Тифлисъ депутатъ ассирійскихъ христіанъ, жившихъ въ Уруміи. Сынъ мелика Саргошева, Ассиріянинъ Илія, явился сначала къ царю Ираклію, а потомъ къ полковнику Бурнашеву съ просьбой объ освобожденіи его соотечественниковъ отъ угнетенія магометанъ.

По свидѣтельству Иліи, въ Уруміи находилось до тысячи семей или до пяти тысячъ человѣкъ ассирійскихъ христіанъ не-

[1]) Показанія Даніила Авамѣсова. Госуд. Арх., XXIII, № 13, карт. 47.

[2]) Въ письмѣ отъ 10-го сентября 1784 года. Государственный Архивъ, XV, № 149.

сторіанскаго закона и до двадцати тысячъ семей жило въ турецкихъ владѣніяхъ [1]). Всѣ они желали выдти изъ-подъ власти магометанъ, готовы были переселиться въ Грузію, но переходить въ Россію согласія не изъявляли [2]).

Желая содѣйствовать армянамъ къ возстановленію ихъ отечества, князь Потемкинъ предполагалъ отправить отрядъ русскихъ войскъ изъ Кизляра и занять сначала Дербентъ, съ той цѣлью, чтобы при началѣ военныхъ дѣйствій за освобожденіе Арменіи городъ этотъ могъ служить надежнымъ убѣжищемъ для армянъ. Утвердившись въ Дербентѣ, предполагалось дѣйствовать съ двухъ сторонъ: одинъ отрядъ войскъ двинуть вдоль морскаго берега до самаго Гиляна, а другой направить со стороны Грузіи. Генералъ-поручику Потемкину были отпущены суммы на заготовленіе въ Астрахани провіанта на шесть тысячъ человѣкъ и фуража на тысячу пятьсотъ лошадей. Доставку этого провіанта, какъ въ Дербентъ, такъ и далѣе, предполагалось производить на судахъ Каспійской эскадры [3]).

Предположеніямъ этимъ, однако же, не суждено было осуществиться. Открывшіяся сношенія наши съ Али-Муратъ-ханомъ Испаганскимъ, владѣвшимъ въ то время большею частью Персіи, давали князю Потемкину надежду окончить дѣло армянъ болѣе легкимъ, мирнымъ способомъ; походъ русскихъ войскъ былъ отмѣненъ, но приготовленія къ нему не сохранились въ тайнѣ и устрашили многихъ.

Прежде другихъ испугался, конечно, Ибраимъ-ханъ, получившій письмо Сулейманъ-паши Ахалцыхскаго съ извѣщеніемъ о вступленіи части русскихъ войскъ въ Грузію и о скоромъ прибытіи новыхъ. Не считая себя достаточно сильнымъ, чтобы противиться Россіи, Ибраимъ торопился обезпечить себя союзомъ съ сосѣдями. Войдя въ соглашеніе съ ханами Хойскимъ, Шекинскимъ и Бакинскимъ, онъ заключилъ съ ними условіе дѣйствовать со-

---

[1]) Рапортъ Бурнашева генералу Потемкину 26-го мая № 46.

[2]) Показаніе Ильи Саргошева на заданные вопросы 10-го іюня 1784.

[3]) Ордеръ князя Таврическаго генералу Потемкину отъ 6-го апрѣля. Архивъ Главнаго Штаба.

вокупно и единодушно при всякомъ покушеніи Россіи, на кого бы оно сдѣлано не было [1]).

Союзники положили, однако же, не обнаруживать своего соглашенія и до времени оказывать Россіи всѣ видимые знаки своего доброжелательства. Они рѣшились воспользоваться обстоятельствами и отправить въ Тифлисъ своихъ посланныхъ не столько съ цѣлью поздравить Ираклія со вступленіемъ подъ покровительство Россіи, сколько разузнать о происходящемъ и заявить полковнику Бурнашеву о своей преданности императрицѣ. Увѣряя царя Ираклія въ дружественномъ къ нему расположеніи, Ибраимъ просилъ у него помощи противъ лезгинъ, разорявшихъ его владѣніе.

Пригласивъ къ себѣ двѣнадцать тысячъ лезгинъ для дѣйствія противъ хановъ Нухинскаго и Дербентскаго и получивъ свѣдѣнія о движеніи русскихъ войскъ, Ибраимъ отложилъ свои завоевательные виды и хотѣлъ распустить собранныя войска, но лезгины требовали жалованья и не уходили безъ полученія условленной платы. Ибраиму заплатить было нечѣмъ, и лезгины, разсыпавшись по Карабагу, грабили его жителей. Ираклій II не могъ на этотъ разъ удовлетворить просьбѣ своего прежняго союзника и совѣтовалъ ему искать покровительства Россіи. Въ январѣ 1784 года Ибраимъ отправилъ своего посланнаго на Кавказскую линію, прося принять его въ подданство Россіи, оставить его ханомъ и не вмѣшиваться во внутреннія дѣла. На это князь Потемкинъ снова отвѣчалъ, что желательно было бы, чтобы ханъ въ дѣлѣ столь важномъ оставилъ всякое недовѣріе и положился на великодушіе императрицы. Все еще опасаясь за свою будущность, Ибраимъ просилъ царя Ираклія, чтобъ онъ поклялся ему въ томъ, что если онъ вступитъ въ подданство Россіи, то будетъ оставленъ въ ханствѣ, утвержденъ владѣтелемъ на вѣчныя времена и что никакая часть его владѣній ни подъ какимъ видомъ и никуда не отойдетъ. Ибраимъ спрашивалъ, можетъ-ли онъ разсчитывать при этомъ, что его честь и достоинство не будутъ унижены. При посредствѣ полковника Бурнашева Ираклій отвѣчалъ хану, что всту-

[1]) Письмо армянскаго діакона Василія Попова 15-го апрѣля. Государственный Архивъ, XXIII, № 13, картонъ 45.

пая подъ покровительство Россіи, ханъ можетъ ожидать только благополучія, но во всемъ долженъ положиться на щедроты и великодушіе императрицы, предавая себя въ ея волю безо всякихъ условій и ограниченій [1]).

«Письмо ваше, отвѣчалъ Ибраимъ царю Ираклію II [2]), въ коемъ меня извѣщаете о вашемъ благополучіи и приказываете дабы я послалъ моего чиновника къ высочайшему двору русской государыни, мною получено.

«Всему народу уже извѣстно, что прежде весь свѣтъ погибнетъ и день днемъ не будетъ, нежели между нами братская любовь и дружескій союзъ прекратиться могутъ. Вы находитесь подъ покровительствомъ высочайшаго двора и оному вѣрность оказываете. Я равно готовъ съ Божіею помощью отдать свою голову въ число тѣхъ, кои вѣрны высочайшему и съ небесами равному двору россійской государыни и современемъ человѣка пошлю».

Хотя въ іюлѣ 1784 года Ибраимъ-ханъ и отправилъ своего посланнаго въ Россію съ просьбой о подданствѣ [3]), но переговоры съ нимъ по этому дѣлу не привели ни къ какимъ результатамъ.

III.

Поѣздка П. С. Потемкина въ Тифлисъ. — Свиданіе его съ царемъ Иракліемъ. — Характеристика лицъ грузинскаго царскаго дома и ихъ взаимныя отношенія. — Безпорядки во внутреннемъ управленіи Грузіи. — Плата лезгинамъ. — Военное устройство грузинъ.—Вторженіе лезгинъ въ Грузію и отраженіе ихъ при помощи русскихъ войскъ.—Происшествіе въ Ганжинскомъ ханствѣ.

Обширные виды, которые имѣлъ князь Потемкинъ на край Адербеджанскій, требовали того, чтобъ исполнители его предначертаній, генералъ-поручикъ Потемкинъ и царь Ираклій, короче познакомились другъ съ другомъ и личнымъ свиданіемъ утвердили

[1]) Рапортъ Бурнашева Потемкину 12-го мая и письмо Ираклія ему же отъ 13-го мая. Госуд. Арх., XXIII, № 135, карт. 47.

[2]) Въ письмѣ, полученномъ 6-го мая 1784 года.

[3]) Рапортъ Барнашева Потемкину 6-го іюля 1784 года, № 535.

между собою связь и дружбу. «Пріобрѣтя его довѣренность, писалъ свѣтлѣйшій своему брату, несомнѣнно вы управлять имъ будете». Съ этою цѣлью П. С. Потемкину приказано было отправиться въ Грузію и взглянуть на страну, избираемую театромъ всѣхъ будущихъ дѣйствій.

Мы видѣли, что царь Ираклій давно искалъ этого свиданія и когда узналъ, что дѣла задерживаютъ поѣздку Потемкина въ Тифлисъ, то хотѣлъ самъ отправиться въ Стефанъ-Цмиду, съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ нужды ѣхать даже на Кавказскую линію. Готовность эта была отклонена въ видахъ того, что поѣздка Потемкина въ Грузію обусловливалась не однѣми только политическими нуждами царя, но изученіемъ внутренняго состоянія страны и собраніемъ по возможности подробныхъ свѣдѣній объ окрестныхъ владѣльцахъ и ихъ отношеніяхъ, какъ къ Грузіи, такъ и къ своимъ подданнымъ.

Въ началѣ сентября генералъ-поручикъ Потемкинъ, въ сопровожденіи генералъ-маіора Самойлова, отправился въ Грузію. Встрѣченный тамъ всеобщимъ восторгомъ, онъ привезъ, однакоже, неудовлетворительныя свѣдѣнія о странѣ и уѣхалъ съ убѣжденіемъ въ совершенномъ разстройствѣ механизма управленія. Свѣдѣнія, доставленныя ему полковникомъ Бурнашевымъ, докторомъ Рейнегсомъ и личныя наблюденія самого Потемкина убѣждали въ справедливости такого заключенія.

Потемкинъ такъ рисовалъ членовъ грузинскаго царскаго дома.

Въ царѣ Иракліи онъ встрѣтилъ шестидесяти-двухлѣтняго старца, средняго роста, нѣсколько согбеннаго, но бодраго. Ираклій сохранялъ еще пылкость характера и остроту взгляда, который онъ устремлялъ изъ-подлобья при всякомъ разговорѣ, дѣлая это по замѣчанію Потемкина «можетъ быть для того, чтобы примѣтить движеніе лица того, съ кѣмъ говоритъ». Человѣкъ умный и опытный, Ираклій былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые могли отвѣчать двусмысленно [1]) и вполнѣ усвоить всѣ особенности азіятской политики. Въ молодости и въ зрѣлые годы онъ былъ необыкновенно дѣятеленъ, вспыльчивъ, нетерпѣливъ и отправлялъ

[1]) Изъ ордера генералъ-поручика Потемкина подпоручику Чорбѣ отъ 1-го февраля 1783 года. Госуд. Арх., XXIII, № 135, карт. 45.

самъ всѣ дѣла государства. Любя свое отечество, онъ стремился къ улучшенію быта своихъ подданныхъ и старался дать имъ европейское образованіе. Человѣкъ въ высшей степени набожный, онъ не только не пропускалъ ни одной церковной службы, но, сверхъ того, ежедневно часа по два молился въ своемъ кабинетѣ и никакое происшествіе не могло прервать его молитвы.

Удрученный годами и ощущая бремя въ правленіи, Ираклій, года за четыре до пріѣзда П. С. Потемкина въ Тифлисъ, сталъ вводить въ дѣла свою супругу царицу Дарью, женщину съ большимъ здравымъ смысломъ, но хитрую и суровую. Происходя изъ рода князей Тархановыхъ, царица Дарья была третьею супругой Ираклія и имѣла тогда около сорока пяти лѣтъ отъ роду. Женщина до крайности властолюбивая, она, пользуясь расположеніемъ мужа и преклонностью его лѣтъ, мало-по-малу забирала власть въ свои руки, входила во всѣ дѣла, участвовала въ царскихъ совѣтахъ и, внушивъ Ираклію неограниченную къ себѣ довѣренность, скоро умѣла поставить себя такъ, что все дѣлалось не иначе какъ съ ея согласія. Это слѣпое довѣріе царя, передача власти въ руки жены, имѣло впослѣдствіи самое гибельное вліяніе на судьбу Грузіи. Оно было поводомъ къ раздорамъ въ царскомъ семействѣ, едва не приведшимъ Грузіи къ погибели. Покровительствуя своимъ дѣтямъ и ненавидя родившихся отъ прежнихъ женъ Ираклія, царица Дарья была источникомъ всѣхъ раздоровъ, неурядицъ и многихъ бѣдствій въ странѣ, достойной лучшей участи.

Происки царицы Дарьи были причиной, что Ираклій совершенно устранилъ отъ дѣлъ своего старшаго сына царевича Георгія, имѣвшаго тогда около тридцати пяти лѣтъ отъ роду, но родившагося отъ втораго брака Ираклія съ Анной, княжной Абашидзе. Царевичъ Георгій былъ чрезвычайно тученъ, нѣсколько апатиченъ, но человѣкъ не глупый. Онъ имѣлъ лицо доброе, душу откровенную и подобно отцу, отличался набожностію, былъ свѣдущъ въ священномъ писаніи и постоянно окруженъ духовными. Георгій не искалъ военной славы, былъ миролюбивъ и склоненъ къ благоустройству. Женатый на княжнѣ Андроникovой, онъ имѣлъ четырехъ сыновей, изъ коихъ старшій Давидъ былъ лю-

бимъ Ираклiемъ за его остроту ума, находчивость, смѣлость, а впослѣдствiи и за военныя способности.

Второй сынъ Ираклiя и первый отъ царицы Дарьи, царевичъ Юлонъ, пользовался особеннымъ ея покровительствомъ, но былъ скрытенъ, имѣлъ лицо притворное и, не отличаясь умомъ, любилъ пощеголять.

Царевича Вахтанга, третьяго сына Ираклiя, въ бытность Потемкина въ Тифлисѣ тамъ не было. Онъ отправился въ Имеретiю сочетаться бракомъ съ княжной Цилукидзе. Остальныя дѣти Ираклiя были несовершеннолѣтнiя.

Въ короткое пребываніе свое въ Грузiи генералъ-поручикъ Потемкинъ вынесъ то убѣжденіе, что всѣ члены царскаго дома «привязаны къ Россiи, всѣ учатся русской грамотѣ и нѣсколько уже объясняться могутъ».

«Дворъ царскiй, доносилъ онъ [1]), въ разсужденiи положенiя земли не безъ великолѣпiя, по обычаю персiянъ. Чиноначальники, яко всѣ азiятцы, горды и низки, взирая съ кѣмъ имѣютъ дѣло; раболѣпны предъ царемъ и худо исполняютъ его повелѣнiя. Неустройство въ управленiи велико; всѣ доходы и расходы царства на откупу. Бояре обкрадываютъ царя; народъ низкiй утѣсненъ».

Что касается положенiя сосѣднихъ хановъ, то съ принятiемъ Грузiи подъ покровительство Россiи всѣ оказались союзниками ей; всѣ они прислали въ Тифлисъ своихъ представителей, чтобы поздравить Ираклiя съ совершившимся событiемъ. Ханы Хойскiй и Шекинскiй клялись въ своей преданности Россiи, причемъ послѣдній просилъ царя Ираклiя, въ знакъ союза и дружбы, разрѣшить ему выпускъ хлѣба изъ Грузiи, такъ какъ его подданные крайне нуждались въ этомъ. Ираклiй II не отказалъ въ просьбѣ, но, желая придать себѣ большее значенiе въ глазахъ хана [2]), объявилъ его посланному, что многаго дать не можетъ, ибо заготовляетъ продовольствiе для русскихъ войскъ, имѣющихъ скоро вступить въ Грузiю.

[1]) Въ рапортѣ князю Потемкину-Таврическому отъ 10-го октября, № 461.

[2]) «Азiятскiе народы, писалъ Ираклiй въ одномъ изъ писемъ Потемкину, не прилагаютъ проницанiя о прямой важности и величествѣ, а ограничиваютъ свое заключенiе по единому только зрѣлищу, какое представляется. Всякое великолѣпiе, поражающее ихъ очи, подчиняетъ и ихъ сердца».

Хойскій Ахметъ-ханъ искалъ покровительства Россіи, и въ іюлѣ 1784 года князь Потемкинъ писалъ хану, что если онъ, по примѣру шамхала Тарковскаго, пришлетъ письменное прошеніе, то будетъ принятъ подъ защиту Россіи, утвержденъ въ ханскомъ достоинствѣ и получитъ многія милости отъ императрицы [1]). Вмѣшательство Порты и тайные ея происки отклонили хана отъ преданности къ Россіи. Зная, что по своей предпріимчивости и богатству Ахметъ-ханъ пользуется большимъ уваженіемъ во всемъ Адербеджанѣ, Порта пожаловала ему титулъ сераскира и передала въ управленіе часть Адербеджана [2]). Надѣясь сдѣлаться независимымъ отъ властителей Персіи, Ахметъ-ханъ прервалъ переговоры о покровительствѣ Россіи.

Ближайшіе сосѣди Грузіи, ханы Эриванскій и Ганжинскій, считались въ зависимости отъ царя Ираклія. Когда въ концѣ 1783 года скончался Гуссейнъ-Али-ханъ Эриванскій, то жители ханства отправили въ Тифлисъ армянскаго архіерея, двухъ сыновей хана и нѣсколькихъ знатныхъ лицъ съ просьбой утвердить на ханствѣ старшаго сына умершаго. Царь утвердилъ этотъ выборъ и по обычаю послалъ подарки вновь избранному Гуссейнъ-Али-Гуламъ-Али-хану [3]).

Ганжинское ханство не имѣло тогда хана, который былъ ослѣпленъ и находился въ заточеніи у Ибраимъ-хана Шушинскаго. Звѣрскіе поступки Мегметъ-хана Ганжинскаго со своими подданными и неисполненіе данныхъ имъ обязательствъ заставили царя Ираклія и Ибраимъ-хана Шушинскаго, соединившись вмѣстѣ, двинуться въ Ганжу и силой принудить хана признать надъ собою власть царя Грузіи. Мегметъ хотѣлъ сопротивляться, но былъ взятъ въ плѣнъ, ослѣпленъ и ввергнутъ въ заточеніе. Ганжа поступила въ управленіе союзниковъ, имѣвшихъ тамъ своихъ представителей или губернаторовъ. Совмѣстное управленіе шло довольно удовлетворительно, но когда Ираклій сталъ искать покровительства

---

[1]) Государственный Архивъ, XXIII, № 13, карт. 48. Арх. Кабинета Его Величества, св. 441.

[2]) Рапортъ генерала Потемкина князю Потемкину отъ 10-го октября, № 461. Государственный Архивъ, XXIII, № 13, карт. 47.

[3]) Рапортъ полковника Бурнашева генералу Потемкину 20-го ноября. Тамъ же, карт. 46.

Россіи, то Шушинскій Ибраимъ-ханъ началъ склонять ганжинскихъ жителей на свою сторону. Онъ образовалъ нѣсколько партій, произвелъ волненіе въ народѣ, кончившееся, однако же, тѣмъ, что въ концѣ 1783 года ганжинцы выгнали изъ города обоихъ правителей. Ираклій не хотѣлъ отказаться отъ обладанія Ганжинскимъ ханствомъ и для подчиненія его своей власти просилъ содѣйствія русскихъ войскъ. Князь Потемкинъ находилъ притязанія Ираклія на Ганжу справедливыми и писалъ, что царь во всякомъ случаѣ долженъ имѣть преимущество предъ Шушинскимъ Ибраимъ-ханомъ [1]).

Во время пребыванія генералъ-поручика Потемкина въ Тифлисѣ, Ираклій просилъ его упрочить власть царя Грузіи въ Ганжѣ и Эривани, истребовать отъ Порты повелѣніе пашамъ Ахалцыхскому и Карсскому, чтобъ они не держали лезгинъ и не дѣлали хищническихъ вторженій въ Трузію.

Хотя ближайшій и довольно сильный въ Дагестанѣ лезгинскій владѣлецъ Омаръ-ханъ Аварскій и прислалъ своего посланнаго въ Тифлисъ поздравить Ираклія и узнать о его благополучіи; хотя посланный хана и увѣрялъ полковника Бурнашева, что Омаръ готовъ пожертвовать для Россіи собственными интересами, но въ дѣйствительности это былъ одинъ изъ владѣльцевъ самыхъ враждебныхъ и недоброжелательныхъ. На требованіе генерала Потемкина прекратить вторженія въ Грузію, Омаръ отвѣчалъ, что лезгины вообще жадны до денегъ и добычи, а онъ человѣкъ бѣдный, не имѣетъ чѣмъ платить имъ и потому не можетъ удержать отъ грабежей и хищничества. Охотникъ до всякаго рода поборовъ и подарковъ, Аварскій ханъ разсчитывалъ, что русское правительство назначитъ ему жалованье, лишь бы прекратить хищничество, но въ Дагестанѣ было много вольныхъ обществъ, не зависящихъ отъ Аварскаго хана, и слѣдовательно жалованье ему было бы напрасною тратой денегъ. Неудовлетворенный въ своихъ желаніяхъ, Омаръ-ханъ сбросилъ личину и, какъ увидимъ ниже, сталъ дѣйствовать непріязненно.

Изъ прочихъ владѣльцевъ Дагестана шамхалъ Тарковскій и

[1]) Ордеръ князя Потемкина генералу Потемкину 22-го апрѣля 1784 года. Тамъ же, карт. 47.

уцмій Каракайдагскій были дѣйствительно намъ преданы и искали покровительства.

Муртаза-Алій шамхалъ Тарковскій еще въ январѣ 1784 года отправилъ прошеніе на высочайшее имя, въ которомъ просилъ принять его со всѣми подвластными ему народами въ подданство Россіи. «Повелите, всемилостивѣйшая государыня, писалъ онъ [1]), присоединить принадлежащіе мнѣ предѣлы къ пространному своему государству и включить меня съ народомъ мнѣ зависимымъ въ число своихъ вѣрноподданныхъ». Особымъ письмомъ Муртаза-Алій просилъ, при заключеніи условій о подданствѣ, подчинить ему народъ ингушевскій, отъ него зависимый, на которомъ остались еще подати шамхалу неуплаченныя.

Удовлетворяя желанію Муртазы-Алія, императрица пожаловала ему шубу, саблю и въ данной ему грамотѣ [2]) писала, что постановленіе окончательныхъ условій о подданствѣ поручаетъ генералъ-фельдмаршалу князю Потемкину, какъ главному въ томъ краѣ начальнику. Кончина шамхала прервала на время переговоры и была причиной, что шамхальство было принято въ подданство Россіи гораздо позже.

Второй владѣлецъ Дагестана, Амиръ-Хамза уцмій Каракайдагскій, также писалъ, что повергаетъ себя къ подножію престола и что «не соблазнятъ его въ противную сторону ни деньги и никакое сокровище» [3]). Уцмій обѣщалъ не допускать своихъ подданныхъ вторгаться въ Грузію и дѣйствовать заодно съ прочими лезгинскими обществами, отношенія къ которымъ царя Ираклія были странны и запутаны. Онъ дѣлилъ всѣ лезгинскія селенія на мирныхъ и немирныхъ. Первыми Ираклій показывалъ тѣхъ, которымъ самъ платилъ жалованье, обязывающее ихъ не дѣлать набѣговъ на Грузію; всѣ же остальные аулы были въ числѣ немирныхъ. Такимъ образомъ, спокойствіе Грузіи зависѣло отъ количества отпускаемыхъ царемъ денегъ, и лезгинское селеніе одинъ годъ мирное, не получивъ жалованья, переходило на слѣдующій годъ въ число немирныхъ. Случалось и нѣсколько иначе: если се-

[1]) Государственный Архивъ, XXIII, № 13, карт. 46.
[2]) Отъ 27-го февраля, *П. С. З.*, т. XXII, № 15,942.
[3]) Письмо уцмія Потемкину. Госуд. Арх., XXIII, № 13, карт. 47.

леніе получало жалованье, а старшина его не получилъ особыхъ подарковъ, то собиралъ себѣ партію и грабилъ грузинъ не стѣсняясь.

Пріученные къ тому, что Грузинскій царь откупался отъ нихъ подарками и деньгами, лезгины пользовались этимъ. Обыкновенно за полученіемъ жалованья отправлялся старшина и приводилъ съ собою огромную толпу вооруженныхъ, число которыхъ доходило иногда отъ 600 до 700 человѣкъ. Во все время пребыванія своего въ Тифлисѣ, прибывшіе вели себя весьма нагло и производили буйства, нерѣдко оканчивавшіяся убійствами и грабежами. Царь не смѣлъ перечить незваным гостямъ, потому что находился въ ихъ рукахъ и могъ поплатиться за то жизнію или всѣмъ своимъ достояніемъ.

Пока вся эта толпа находилась въ Грузіи, царь обязанъ былъ продовольствовать ее на свой счетъ. «Ежели у котораго изъ нихъ лошадь падетъ, доносилъ полковникъ Бурнашевъ [1]), ружье или сабля испортится, царь за все платитъ. Когда-жь военные ихъ люди домой возвращаются, царь даетъ имъ подарки. Сверхъ того, всегда у царя живутъ на царскомъ содержаніи до 300 или 400 человѣкъ лезгинъ; ежели и тѣ отъѣзжаютъ, даетъ царь и имъ подарки».

Ежегодный расходъ денегъ на лезгинъ простирался отъ 50,000 до 60,000 рублей. Года за три до описываемаго времени, Ираклій потребовалъ отъ мирныхъ лезгинъ вспомогательныя войска, и когда они пришли, то далъ имъ, кромѣ подарковъ, въ первый разъ 100,000, въ другой разъ 110,000 рублей и, сверхъ того, нѣкоторые взяли и платье.

Таковы были отношенія Грузинскаго царя къ такъ-называемымъ имъ жителямъ мирныхъ селеній; всѣ же остальные жители горъ принадлежали къ числу немирныхъ и, собираясь небольшими партіями, дѣлали весьма частыя вторженія въ Грузію и разоряли населеніе безо всякой пощады. Почти всѣ пограничныя грузинскія селенія были опустошены и уничтожены, поля выжжены, а жители уведены въ плѣнъ и томились въ неволѣ. Страна съ каж-

[1]) См. списокъ дагестанскихъ уѣздовъ и деревень. Госуд. Арх., XXIII. № 13, карт. 47.

дымъ годомъ разорялась все болѣе и болѣе; царь Ираклій не видѣлъ исхода и не зналъ, какъ помочь горю. Съ прибытіемъ русскихъ войскъ въ Грузію, Ираклій умолялъ полковника Бурнашева защитить страну отъ хищническихъ вторженій и сознавался ему откровенно, что самъ, собственными средствами, сдѣлать этого не можетъ. «Никто не станетъ, конечно, упрекать грузинское дворянство въ недостаткѣ храбрости, но, доносилъ полковникъ Бурнашевъ [1]), «по безначалію ихъ и безпорядку, а особливо въ небытности царя и простые грузины худо слушаются своихъ начальниковъ, а дворяне—никого. Сумнительно производить съ ними дѣла заблаговременно распоряженныя, да и въ самомъ сраженіи ожидать точнаго исполненія приказовъ невозможно. Для преподанія имъ образца порядка и послушанія не безполезно бъ было видѣть имъ предъ собою, какъ въ обыкновенной службѣ, такъ и во время сраженія нашихъ регулярныхъ легкихъ войскъ. Небольшая часть оныхъ могла бы послужить къ совершенному воспрещенію впаденій частыхъ лезгинскихъ, какъ чрезъ недремлющее надзираніе, такъ и чрезъ конечное пораженіе въ преслѣдованіяхъ».

Для удовлетворенія этимъ условіямъ пришлось бы ввести новыя войска въ Грузію, но полковникъ Бурнашевъ самъ признавалъ это, если не совершенно невозможнымъ, то весьма затруднительнымъ по недостатку продовольствія.

«Хотя, писалъ онъ, усердіе и готовность царская служить и споспѣшествовать намъ не имѣетъ по истинѣ предѣловъ, но по безсилію, по неимѣнію властей подчиненныхъ, по крайнему небреженію исполнителей его указовъ, не слѣдуетъ весьма часто по его разсчетамъ. Прибавлю къ сему видимый недостатокъ въ деньгахъ, но и изъ тѣхъ похищаютъ немилосердно, ибо почти нѣтъ не только книгъ расходныхъ, но съ нуждою и отчетъ словесный».

Возвысившіяся цѣны на хлѣбъ и вообще недостатокъ его заставляли даже опасаться и за продовольствіе тѣхъ двухъ баталіоновъ, которые находились уже въ Грузіи, а между тѣмъ Ираклій увѣрялъ всѣхъ, что хлѣба въ Грузіи много и просилъ прислать ему 4,000 русскихъ войскъ, собственно для наказанія лезгинъ.

[1]) Потемкину въ рапортѣ отъ 2-го мая 1784 года.

Онъ настаивалъ на этомъ тѣмъ болѣе, что на разсвѣтѣ 15-го іюля партія лезгинъ, переправившись черезъ рѣку Алазань, напала на Кизихское селеніе Чугань. Хотя селеніе это было расположено на высокой горѣ, но жители его по безпечности, по неимѣнію карауловъ и разъѣздовъ были атакованы совершенно неожиданно. Грузины не видѣли, какъ весьма значительная партія хищниковъ спокойно подошла къ подошвѣ горы, спѣшилась и атаковала селеніе. Застигнутые врасплохъ жители, бросивъ свое имущество, спасались кто куда могъ. Хищники въ теченіе двухъ часовъ грабили и опустошали селеніе, убивали противящихся, забирали сколько могли людей, пожитки и весь скотъ. Грузины потеряли при этомъ нападеніи тринадцать человѣкъ убитыми, до семидесяти человѣкъ было уведено въ плѣнъ, все имущество разграблено и самая деревня зажжена въ пяти мѣстахъ.

При первомъ нападеніи на Чугань, Кизихскій моуравъ (управитель) собралъ въ селеніи Бодби всѣхъ вооруженныхъ грузинъ, но не рѣшился идти съ ними на помощь атакованнымъ, а ограничился тѣмъ, что отправилъ посланнаго къ командиру Горскаго егерскаго баталіона съ извѣстіемъ о нападеніи непріятеля. Посланный имѣлъ дурную лошадь, и хотя подполковникъ Квашнинъ-Самаринъ тотчасъ же выступилъ со своимъ баталіономъ, но не могъ придти во время, ибо до селенія Чугань было двадцать пять верстъ отъ нашего лагеря. Егеря шли все время бѣглымъ шагомъ, но пришли тогда, когда все уже было кончено, лишь горѣла деревня, да пылали стоги сѣна. «Отчего грузинскія войска, собравшіяся въ Бодби», доносилъ Самаринъ [1]), «благовременной помощи подать не успѣли,—отъ робости ли сіе произошло или не чаяли себя быть въ состояніи, по небытности моей въ то время тамъ, мнѣ неизвѣстно.

«При семъ также за необходимое нахожу донести, что находящаяся здѣсь грузинская артиллерія, а особливо отъ вчерашняго перехода, почти вся разсыпалась, такъ что чуть держится. Въ случаѣ какого движенія взять оную съ собою будетъ опасно, дабы изломавшись не замѣшкала баталіону и не причинила бы затруд-

---

[1]) Въ рапортѣ полковнику Бурнашеву отъ 16-го іюля. Госуд. Арх., XXIII, № 13, карт. 48.

нія оставлять для нея въ томъ мѣстѣ прикрытіе. Дѣйствія же отъ нея никакого надѣяться не можно» [1]).

Матеріальная часть артиллеріи была вообще въ плохомъ состояніи въ Грузіи; патроновъ и зарядовъ было недостаточно, а порохъ хотя и былъ въ небольшомъ запасѣ, но «вовсе негодный, грузинской фабрики» [2]). Получивъ свѣдѣнія о такомъ неустройствѣ, императрица Екатерина II пожаловала Ираклію двадцать четыре орудія различныхъ калибровъ и приказала отправить ихъ въ Грузію съ двойнымъ комплектомъ зарядовъ и снарядовъ. Генералъ-поручикъ Потемкинъ, въ бытность свою въ Тифлисѣ, также обращалъ вниманіе царя Ираклія на необходимость улучшенія всѣхъ боевыхъ средствъ, но Ираклій откровенно признавался, что онъ не въ силахъ этого сдѣлать. Онъ говорилъ П. С. Потемкину, что хотя подданные его и весьма храбры, но не могутъ устоять противъ лезгинъ, одно имя которыхъ наводитъ на нихъ страхъ и робость. Царь просилъ прислать въ Грузію шесть полковъ пѣхоты съ полнымъ содержаніемъ, и когда ему было въ томъ отказано, то просилъ разорить Джары и Бѣлоканы, главныя лезгинскія селенія, тѣми двумя баталіонами, которые были уже въ Грузіи. Царь обѣщалъ обезпечить наши баталіоны продовольствіемъ и для содѣйствія имъ собрать до четырехъ тысячъ человѣкъ грузинскихъ войскъ. П. С. Потемкинъ отвѣчалъ, что для истребленія селеній, удаленныхъ отъ границъ Грузіи, необходимы значительныя силы, которыхъ нѣтъ и взять неоткуда; что къ тому же отъ такой экспедиціи нельзя предвидѣть никакой пользы, потому что, завладѣвъ этими селеніями, Ираклій не въ состояніи будетъ удержать ихъ за собою. Царь принялъ этотъ отказъ съ крайнимъ огорченіемъ, и Потемкинъ, видя, что безпрестанныя вторженія лезгинъ «столь сердце его надсадили, что казалось и расположеніемъ однимъ наказать услаждался уже не мало», предложилъ Ираклію наказать ближайшія къ его границамъ селенія, дабы лезгины видѣли, что не всегда они могутъ дѣлать нападенія безнаказанно. Оставшись вполнѣ до-

---

[1]) Бурнашевъ послалъ Самарину одинъ двѣнадцатифунтовый единорогъ русской артиллеріи.

[2]) Рапортъ полковника Бурнашева П. С. Потемкину 2-го мая 1784 года. Госуд. Арх., XXIII, № 13, карт. 45.

воленъ этимъ предложеніемъ, Ираклій просилъ только привести его въ исполненіе какъ можно скорѣе.

Возвращаясь изъ Тифлиса въ Георгіевскъ, генералъ-поручикъ Потемкинъ оставилъ въ Грузіи прибывшаго съ нимъ генералъ-маіора Самойлова, которому и поручилъ начальство надъ экспедиціей. Въ составъ отряда были назначены оба егерскіе баталіона съ четырьмя полевыми орудіями и конвоировавшіе въ Грузію Потемкина эскадронъ Астраханскаго драгунскаго полка и около ста человѣкъ донскихъ и уральскихъ казаковъ [1]).

Наступавшая осень заставляла Самойлова торопиться выступленіемъ въ походъ и окончаніемъ экспедиціи, но всѣ усилія его въ этомъ отношеніи оставались совершенно напрасными. Обѣщанныя для содѣйствія нашимъ баталіонамъ грузинскія войска не были готовы и собрались весьма медленно; они не имѣли ни боевыхъ припасовъ, ни продовольствія. Запасовъ продовольствія для нашихъ баталіоновъ также не было, и генералу Самойлову стоило большихъ заботъ и усилій, чтобы снабдить свои войска только десятидневнымъ провіантомъ. «Я голову свою вскружилъ, доносилъ онъ генералу Потемкину [2]), и съ ногъ сбилъ подполковника Кишинскаго, чтобы достать у грузинъ нужное войску нашему пропитаніе и для такого подвига, который прямо имъ пользу принести долженъ. Я ни мало не могу въ томъ на царя пенять—онъ всею душой готовъ исполнить все, что ни требуется отъ него, но подданные его совсѣмъ иные люди. Прежде нежели захотятъ они сдѣлать то, что приказывается, надобно мнѣ нѣсколько разъ къ царю, къ архимандриту, къ мелику и къ какимъ-то казначеямъ посылать, которыхъ тщаніе только въ томъ состоитъ, чтобъ окрадывать царя. Я исключаю изъ числа сего архимандрита Гаіоса, который всякое отъ меня нужное требованіе тщился не только доводить до царя, но еще и ему представлять о скорѣйшемъ по оному рѣшеніи».

Обезпечивъ себя десятидневнымъ продовольствіемъ, Самойловъ рѣшился выступить не дожидаясь сбора грузинскихъ войскъ и на-

---

[1]) Рапортъ П. С. Потемкина князю Потемкину 10-го октября, № 14. Государственн. Архивъ, XXIII, № 13, карт. 45.

[2]) Въ рапортѣ отъ 1-го октября 1784 года Государственн. Архивъ, XXIII. № 13. папка 47.

дѣялся 4-го октября быть въ Кизихахъ, куда въ тотъ же день обѣщалъ прибыть и царь съ тѣмъ ополченіемъ, которое къ этому времени успѣетъ собраться. Ираклій увѣрялъ Самойлова, что въ Кизихахъ они найдутъ достаточно продовольствія и что русскія войска будутъ имъ обезпечены совершенно.

«Дай Боже, говорилъ Самойловъ, чтобъ они сдержали свое слово вѣрнѣе прежняго», но Ираклій и въ этомъ случаѣ не исполнилъ данныхъ обѣщаній.

Вмѣсто того, чтобы 4-го октября быть въ Кизихахъ, царь только въ этотъ день оставилъ Тифлисъ и лишь вечеромъ 7-го числа соединился съ генераломъ Самойловымъ въ селеніи Мачханѣ. Ираклій привелъ туда вмѣстѣ со своими войсками и сто двадцать человѣкъ имеретинъ подъ начальствомъ князя Георгія Цилукидзе, конвоировавшаго новобрачныхъ царевича Вахтанга и его супругу [1]).

Въ Мачханѣ генералъ-маіору Самойлову пришлось испытать то же, что испытывалъ онъ въ Тифлисѣ и видѣть во всемъ затрудненія и крайній безпорядокъ. Почти въ виду соединенныхъ силъ, лезгины грабили и опустошали селенія, жители которыхъ просили помощи. Самойловъ настаивалъ на скорѣйшемъ движеніи впередъ, но Ираклій хотя и сознавалъ, что движеніе это необходимо, медлилъ, отговариваясь тѣмъ, что ожидаетъ умноженія своихъ силъ. Царь не составилъ еще себѣ программы будущихъ дѣйствій. Онъ говорилъ Самойлову, что слѣдуетъ идти къ Бѣлоканамъ и разорить ихъ, а нѣсколько часовъ спустя замѣчалъ, что хорошо бы было нанести первый ударъ селенію Джарамъ. Ежеминутныя перемѣны эти заставляли генерала Самойлова сожалѣть, что Ираклій самъ принялъ начальство надъ грузинскими войсками, а не прислалъ одного изъ своихъ военачальниковъ, «ибо, доносилъ онъ, того я бы принудилъ ко всему, а царю только представлять лишь могу. Его высочество соглашается совсѣмъ на резоны мои, но только и всего, а поспѣшности не прибавляется ни мало».

Желая прервать бездѣятельность, Самойловъ предложилъ Ираклію два плана дѣйствій: или идти прямо на Бѣлоканы, и разоривъ ихъ продолжать путь къ Джарамъ, или же разорить лежащія за Ала-

[1]) Рапортъ полковника Бурнашева генералу Потемкину 4-го октября. Госуд. Арх., XXIII, № 13, карт. 48.

занью лезгинскія селенія и потомъ идти другою дорогой также къ Джарамъ. Царь предпочелъ послѣдній планъ, какъ наносящій пораженіе бо́льшему числу селеній, но все не рѣшался выступить, говоря, что войска его не всѣ еще собрались [1]).

Время уходило и Самойловъ опасался, что экспедиція вовсе не состоится. Наступила глубокая осень; прекрасные дни смѣнились ненастьемъ и въ теченіе четырехъ сутокъ шелъ безпрерывно проливной дождь; вода въ рѣкѣ Алазани быстро подымалась и можно было ожидать, что переправа въ бродъ окажется невозможною. Между тѣмъ, въ лагерѣ было получено извѣстіе, что партія лезгинъ, вторгшаяся въ предѣлы Грузіи, переправившись черезъ рѣку Алазань и соединившись съ нѣсколькими стами новыхъ хищниковъ, двинулась было къ Ганжѣ, но, узнавъ о приближеніи русскихъ войскъ, вернулась обратно. Генералъ-маіоръ Самойловъ, видя, что намъ представлялся удобный случай встрѣтиться съ непріятелемъ не переходя рѣки Алазани, не сталъ уже болѣе спрашивать мнѣнія Ираклія, но тотчасъ же выступилъ изъ лагеря, и утромъ 14-го октября, близъ урочища Мугаплу, настигъ лезгинъ, тянувшихся къ близъ лежавшему лѣсу, съ намѣреніемъ черезъ него пробраться къ Алазани. Какъ ни старался Самойловъ пресѣчь непріятелю дорогу въ лѣсъ, онъ не могъ успѣть въ этомъ, ибо лезгины, замѣтивъ наши войска, пошли на рысяхъ и скрылись въ лѣсу. «Царь весьма желалъ, доносилъ Самойловъ [2]), чтобъ ихъ въ то же время наказать, но до прибытія пѣхоты нашей ни одинъ изъ грузинъ къ лѣсу не подвинулся и самые ихъ князья стояли неподвижно».

Какъ только прибыла пѣхота, Самойловъ тотчасъ же приступилъ къ атакѣ лѣса. Онъ составилъ двѣ колонны, изъ коихъ одна въ двѣсти егерей, подъ командой подполковника Аршеневскаго, назначалась для атаки лѣса съ правой стороны; другая—изо ста егерей, подъ начальствомъ поручика Голокті́онова, должна была наступать съ лѣвой стороны. Общее завѣдываніе этими двумя колоннами поручено было подполковнику принцу Гессенъ-Рейнсфельдскому. Въ резервѣ правой колонны находился подполковникъ

[1]) Рапорты Самойлова генералу Потемкину 8-го и 9-го октября. Госуд. Арх., XXIII, № 13, карт. 47.

[2]) Потемкину въ рапортѣ отъ 14-го октября. Тамъ же.

Квашнинъ-Самаринъ съ Бѣлорусскимъ баталіономъ, а въ резервѣ лѣвой—подполковникъ Мерлинъ съ Горскимъ баталіономъ. На правомъ флангѣ пѣхоты стали казаки съ нѣсколькими стами лучшихъ грузинскихъ стрѣлковъ; между баталіонами были драгуны, а лѣвѣе всѣхъ, на открытой полянѣ, расположилась артиллерія и притомъ такъ, что могла обстрѣливать противоположный берегъ рѣки Алазани. Позади русскихъ стояли грузинскія войска, при которыхъ находился и царь Ираклій.

Распорядившись такимъ образомъ, Самойловъ двинулся въ атаку. Взобравшіеся на деревья и все время слѣдившіе за движеніемъ нашихъ войскъ лезгины встрѣтили наступавшихъ весьма сильнымъ огнемъ, но послѣ упорнаго пятичасоваго боя принуждены были отступить и поспѣшно переправляться черезъ рѣку подъ огнемъ нашей артиллеріи. Непріятель оставилъ до двухсотъ тѣлъ на мѣстѣ, не считая тѣхъ, которые были увезены или утонули въ рѣкѣ; у насъ было семнадцать убитыхъ и раненыхъ, въ томъ числѣ тяжело раненъ и вскорѣ умеръ принцъ Рейнсфельдскій.

Переночевавъ на полѣ сраженія, Самойловъ, чрезъ урочища Карагачъ, Стефанъ-Цминду и Мачханы, 20-го октября возвратился въ Тифлисъ. Побѣда эта не принесла никакихъ ощутительныхъ результатовъ, такъ какъ все дѣло ограничивалось однимъ разсѣяніемъ толпы хищниковъ.

«Весьма бы было полезнѣе, писалъ князь Потемкинъ, еслибы начальный ударъ на лезгинъ произведенъ былъ сильнѣйшимъ образомъ по умноженіи войскъ въ Грузіи и еслибы при самомъ первомъ случаѣ испытали они всю тягость нашихъ пораженій, чрезъ то бы навсегда облегчились наши предпріятія. Страхъ оружія россійскаго наипаче бы распространился повсюду и сіи разбойники не дерзнули бы уже когда-либо схватиться съ нами». Хотя замѣчаніе это было вполнѣ справедливо, но съ другой стороны нельзя отрицать того, что и этотъ незначительный успѣхъ произвелъ огромное нравственное вліяніе не только на грузинъ, но и на самого Ираклія.

Обрадованный побѣдой, царь устроилъ торжество при вступленіи русскихъ войскъ въ свою столицу и пригласилъ Самойлова прямо въ соборъ, гдѣ патріархъ ожидалъ ихъ для служенія

благодарственнаго молебствія за дарованную побѣду. При провозглашеніи многолѣтія императрицѣ произведены были пушечные выстрѣлы [1]). На слѣдующій день царь объявилъ Самойлову, что въ патріаршей церкви будетъ совершено молебственное служеніе о здравіи князя Потемкина-Таврическаго какъ покровителя Грузіи. Самойловъ пригласилъ въ церковь всѣхъ офицеровъ, а по окончаніи службы ѣздилъ къ царю благодарить за такое «къ главному начальнику нашему уваженіе» [2]).

Ираклій радовался этой побѣдѣ вдвойнѣ: вопервыхъ, потому, что ненавистные ему лезгины потерпѣли пораженіе, а вовторыхъ, что послѣдствіемъ ея была покорность ганжинцевъ.

Узнавъ о движеніи русскихъ войскъ къ рѣкѣ Алазани и видя, что лезгины ихъ оставляютъ, жители Ганжи отправили своихъ посланныхъ къ Ираклію съ объявленіемъ, что они попрежнему отдаютъ себя въ царское правленіе. Депутаты пріѣхали въ Тифлисъ наканунѣ прибытія Ираклія, для котораго подобное событіе было самымъ лучшимъ плодомъ побѣды, ибо Ганжинское ханство приносило ему наибольшую часть доходовъ. Занятый покорностью Ганжи, Ираклій оставилъ безъ вниманія то обстоятельство, что вскорѣ послѣ побѣды при Муганлу, лезгины снова вторглись въ его владѣнія со стороны Ахалцыха, разорили деревню князя Орбеліани, лежавшую близъ рѣки Куры, взяли въ плѣнъ 27 человѣкъ грузинъ и отогнали около 1,500 штукъ рогатаго скота [3]).

Не лезгины, а Ганжа привлекала теперь къ себѣ вниманіе Грузинскаго царя. Онъ вошелъ попрежнему въ сношеніе съ Ибраимъ-ханомъ Шушинскимъ и союзники дали другъ другу взаимное обѣщаніе завладѣть снова Ганжей, имѣть тамъ своихъ губернаторовъ и по прежнему дѣлить пополамъ всѣ доходы ханства. Союзниковъ безпокоило только вмѣшательство въ ихъ дѣла Нухинскаго хана, рѣшившагося поддержать ганжинцевъ.

Одновременно съ отправленіемъ депутатовъ въ Тифлисъ, ганжинцы послали депутатовъ и къ Ибраимъ-хану Шушинскому съ прось-

[1]) Рапортъ Самойлова Потемкину 20-го октября 1784 года.

[2]) Рапортъ Самойлова Потемкину 22-го октября 1784 года.

[3]) Рапортъ полковника Бурнашева Потемкину 2-го ноября, № 79. Госуд. Арх., XXXIII, № 13, папка 47.

*

бой, чтобъ онъ освободилъ заключеннаго хана съ братьями и отпустилъ его въ Ганжу. Ибраимъ прогналъ посланныхъ и приказалъ усилить надзоръ за заключеннымъ ханомъ. Тогда Ахметъ-ханъ Нухинскій отправилъ въ Ганжу сына Ганжинскаго хана Али-Бега, котораго жители приняли съ восторгомъ и назвали своимъ бекомъ. Нухинскій ханъ прислалъ ему подарки и провозгласилъ ханомъ; жители встрѣтили присланные подарки съ музыкой и пальбой. Не ограничиваясь этимъ, Ахметъ-ханъ предложилъ Ираклію прервать свои сношенія съ Ибраимъ-ханомъ Шушинскимъ и тогда обѣщалъ содѣйствовать въ подчиненіи Ганжинскаго ханства царю Грузіи, но съ условіемъ, чтобы тамъ былъ поставленъ ханомъ кто-либо изъ фамиліи прежнихъ Ганжинскихъ хановъ. Не встрѣтивъ въ Ираклія сочувствія своему предложенію, Нухинскій ханъ пригласилъ въ Ганжу лезгинъ, которые въ началѣ ноября, въ числѣ 3,000 человѣкъ, переправились черезъ Алазань и двинулись къ Ганжѣ. Желая преградить путь этой партіи въ Ганжу, Ираклій просилъ полковника Бурнашева поддержать его русскими войсками. Взявъ по три роты отъ баталіоновъ Горскаго егерскаго и Бѣлорусскаго и два единорога, Бурнашевъ, 8-го ноября, выступилъ изъ Тифлиса по дорогѣ къ Ганжѣ. Въ селеніи Марнеули, послѣ трехъ переходовъ, получено было извѣстіе, что лезгины, слѣдовавшіе въ Ганжу, повернули къ Ахалцыху. Ираклій бросился ихъ преслѣдовать, а полковникъ Бурнашевъ пошелъ слѣдомъ за нимъ [1]). Наши егеря дѣлали усиленные переходы, тащили на себѣ орудія, испытывали всѣ лишенія похода, но лезгинъ не догнали и, по выраженію князя Потемкина, ходили «попустому, изнурительно для россійскихъ войскъ и несовмѣстно со славой ими пріобрѣтенною» [2]).

Лезгины успѣли пробраться въ Ахалцыхъ, куда призывалъ ихъ Сулейманъ-паша, для совокупнаго дѣйствія съ турецкими войсками противъ царя Имеретинскаго.

---

[1]) Рапортъ Бурнашева Потемкину 8-го ноября, № 82. Журналъ похода, приложенный къ рапорту Бурнашева отъ 25-го ноября, № 84.

[2]) Ордеръ князя Потемкина генералу Потемкину 11-го января 1785 года.

IV.

Соломонъ, царь Имеретинскій, ищетъ покровительства Россіи. — Посылка въ Имеретію полковника Тамары и его переговоры съ царемъ. — Прошеніе Имеретинъ.— Кончина Соломона.—Вопросъ о престолонаслѣдіи.—Борьба партій.—Провозглашеніе Давида Георгіевича царемъ Имеретіи.—Поѣздка Бурнашева въ Имеретію и ея послѣдствія.—Князь Папуна Церетели и его интриги.—Князь Абашидзе, какъ претендентъ на Имеретинскій престолъ.—Намѣреніе турокъ вторгнуться въ Имеретію.— Подложное письмо царя Давида.—Имеретинскіе послы въ Петербургѣ.—Инструкціи нашему посланнику въ Константинополѣ.—Вторженіе турокъ въ Имеретію.— Отраженіе непріятеля.—Внутреннія дѣла въ Имеретіи.

Переговоры о покровительствѣ, веденные царемъ Ираклiемъ II съ русскимъ правительствомъ, возбудили зависть въ имеретинскомъ царѣ Соломонѣ. Человѣкъ, искренно преданный Россіи, Соломонъ давно желалъ подчиниться верховной власти русскихъ императоровъ и на столько любилъ Россію, что одно слово о ней производило въ немъ «нѣкоторое особливое чувствованіе». Посылаемыхъ къ нему русскихъ чиновниковъ имеретинскій царь принималъ всегда съ особымъ почетомъ, уваженіемъ и нѣкоторымъ подобострастіемъ. Подъ видомъ сообщенія заграничныхъ извѣстій, Соломонъ весьма часто присылалъ своихъ посланныхъ на линію съ письмами къ генералъ-поручику Потемкину, присылалъ ему подарки [1]) и вообще всѣми силами старался выказать свою преданность Россіи.

Притѣсняемый турками, Соломонъ неоднократно умолялъ императрицу Екатерину II оказать ему покровительство и защиту.

«Премилосердая мать всѣхъ восточныхъ православныхъ христіанъ, писалъ онъ [2]), всемилостивѣйшая, всеавгустѣйшая Екатерина Алексѣевна, самодержица всероссійская.

---

[1]) Царь Соломонъ прислалъ генералу Потемкину сначала двухъ мальчиковъ, а потомъ и дѣвушку «*для услуженія*». Потемкинъ благодарилъ царя и писалъ, что принимаетъ мальчиковъ только потому, что желаетъ ему сдѣлать угодное, но въ услугахъ ихъ никакой нужды не имѣетъ. Дѣвушку же возвратилъ обратно и при этомъ послалъ царю въ подарокъ зрительную трубу, кусокъ матеріи и нѣсколько пудовъ желѣза, въ которомъ Соломонъ нуждался для покрытія церковной крыши.

[2]) Въ письмѣ отъ 1-го сентября 1781 года, Главн. Московс. Арх. Минист. Иностран. дѣлъ.

«Съ великимъ благоговѣніемъ, подобострастіемъ и земнымъ поклономъ, осмѣливаюсь донесть я, имеретинскій царь Соломонъ, что изъ единой вашей матерней щедроты изволили вы оказать божественное ваше милосердіе. Вами св. церкви и народъ нашъ избавлены отъ тяжкаго ига неволи и дарована вольность,—за что всѣ восточные христіане, денно и ночно, молятъ Бога о здравіи вашемъ и до окончанія вѣка будутъ прославлять высочайшее ваше имя. Всѣ мы, находящіеся здѣсь, съ великимъ усердіемъ желаемъ, помощію Христа, за васъ, избавительницу нашу и всемилостивѣйшую монархиню, противъ враговъ вашихъ турокъ и противъ всѣхъ нашихъ непріятелей положить жизнь нашу и пролить кровь.

«Припадая къ стопамъ вашего императорскаго величества, осмѣливаемся мы молить о непреданіи забвенію насъ, избавленныхъ вами отъ неволи и о нелишеніи вашей монаршей милости, покровительства и помощи. Въ сосѣдствѣ съ нами находятся весьма многіе непріятели, а напротивъ того, насъ малое число и потому не въ состояніи мы дѣлать имъ всегда сопротивленіе. Всемилостивѣйшая монархиня! окажите милосердіе ваше и защитите вашимъ величествомъ избавленный народъ, да не возъимѣютъ турки власти надъ святыми православными церквами.

«Съ береговъ Чернаго моря чинятъ турки сильное на насъ нападеніе, хватаютъ народъ нашъ, продаютъ и приводятъ въ турецкій законъ и потому подвергаютъ христіанъ въ большое порабощеніе. Мы писали къ турецкимъ начальникамъ, чтобы они не дѣлали такого разоренія и нападенія въ нашемъ владѣніи. Но они, не взирая на наше требованіе, начали еще болѣе истреблять народъ нашъ и потому принуждены мы были собрать наше войско и счастіемъ вашего императорскаго величества одержали совершенную надъ ними побѣду; отмстили имъ болѣе, чѣмъ они сдѣлали намъ вреда.

«По такимъ обстоятельствамъ сами турки, да и другіе окружающіе насъ сосѣди, пришли въ немалое смущеніе и стараются напасть на насъ. Я, царь, также всѣ духовныя и свѣтскія владѣнія моего, стоя на колѣнахъ, молимъ принять насъ подъ ваше сильное покровительство и защищать вѣчно вами избавлен-

ныхъ отъ ига неволи вашихъ рабовъ. Окажите материнское ваше милосердіе намъ такое, какое сами соблаговолите».

Зависимость Имеретіи отъ Порты по Кучукъ-Кайнарджійскому трактату лишала насъ возможности приступить къ немедленному исполненію желаній царя Соломона. Хотя князь Потемкинъ и находилъ шагъ принятія Имеретіи подъ покровительство Россіи до времени весьма скользкимъ [1]), тѣмъ не менѣе русское правительство старалось поддержать расположеніе царя Соломона и обѣщало принять Имеретію подъ свое покровительство при первой возможности.

«Ея императорскому величеству благоугодно, писалъ князь Потемкинъ [2]), чтобы послѣ сего знаменитаго для имперіи Россійской дѣла (принятія подъ покровительство Грузіи), примѣру царя карталинскаго и кахетинскаго могъ подражать и царь имеретинскій Соломонъ, котораго расположенія согласуютъ уже сей высочайшей волѣ. Но какъ нѣкоторая зависимость его отъ Порты Оттоманской заставляетъ удержаться произведеніемъ сего въ дѣйство, покуда не откроются удобныя обстоятельства, то и нужно не упускать всего того, что только можетъ способствовать утвержденію преданности къ россійскому престолу имеретинскаго владѣтеля и его подданныхъ».

Руководствуясь этимъ наставленіемъ, генералъ-поручикъ Потемкихъ поддерживалъ непрерывныя сношенія съ Соломономъ, просилъ его чаще присылать извѣщеніе о состояніи дѣлъ въ Имеретіи и Турціи, и наконецъ, обнадеживалъ царя въ постоянномъ расположеніи къ нему русской императрицы. Взаимныя сношенія эти не имѣли серьезнаго характера до тѣхъ поръ, пока Соломонъ не узналъ, что трактатъ съ Грузіей уже подписанъ, но лишь только извѣстіе о семъ дошло до Имеретіи, царь тотчасъ же отправилъ письмо П. С. Потемкину, въ которомъ просилъ принять и его подъ покровительство Россіи, на такомъ же точно основаніи, на какомъ принята Грузія [3]). Потемкинъ послалъ Соло-

[1]) Письмо князя Потемкина А. А. Безбородко 5-го сентября 1785 г.

[2]) Въ ордерѣ П. С. Потемкину 3-го апрѣля 1783 года. Государств. Архивъ, XXIII, № 13, карт. 45.

[3]) Письмо Соломона генералу Потемкину 6-го сентября 1783 года. Государств. Архивъ, XXIII, № 13, карт. 45.

мону подарки [1]) и просилъ прислать довѣренное лицо, съ которымъ бы можно было переговорить объ условіяхъ подданства [2]).

Между тѣмъ, не ожидая присылки такого лица, князь Потемкинъ воспользовался отправленіемъ въ Грузію полковника Тамары со знаками инвеституры и поручилъ ему, по окончаніи всѣхъ празднествъ въ Тифлисѣ, отправиться въ Кутаисъ, для переговоровъ съ царемъ имеретинскимъ. Тамара долженъ былъ увѣрить Соломона въ искреннемъ расположеніи къ нему императрицы и свѣтлѣйшаго князя Потемкина и предложить ему отправить въ Петербургъ, за подписью всѣхъ сословій народа, на высочайшее имя прошеніе, проектъ котораго былъ переданъ полковнику Тамарѣ. Въ этомъ прошеніи царь долженъ былъ заявить, что главнѣйшую причину, побуждающую его искать покровительства Россіи, составляютъ частые и весьма трудные болѣзненные припадки, опасеніе оставить Имеретію въ рукахъ малолѣтнихъ и неопытныхъ наслѣдниковъ и, наконецъ, желаніе избавиться отъ набѣговъ турокъ, ихъ грабежей и разоренія его отечества. Эти три пункта, долженствовавшіе служить основаніемъ прошенія, не были приняты Соломономъ. При томъ неограниченномъ самовластіи, которымъ пользовался царь надъ своими подданными, ему трудно было сознаться публично въ своей неспособности къ правленію, хотя бы и вслѣдствіе тяжкой болѣзни; точно также по его понятію несовмѣстно было съ достоинствомъ царя видѣть вмѣстѣ со своею подписью, подписи его подданныхъ, и наконецъ, по характеру азіятскаго населенія опасно было заявлять о малолѣтствѣ и неопытности своихъ наслѣдниковъ. Основываясь на этомъ, Соломонъ говорилъ, что прошеніе должно быть подписано имъ однимъ и основано единственно на личномъ его желаніи вступить подъ покровительство Россіи. Упорство Соломона и несогласіе его исполнить наше требованіе, задержали Тамару въ Имеретіи и онъ долженъ былъ прожить тамъ три недѣли, чтобы добиться какого-либо отвѣта. Царь долгое время не высказывалъ окончательнаго рѣшенія и тѣмъ затягивалъ дѣло.

---

[1]) Часы золотые англійскіе съ репетиціей, табатерку, соболій и горностаевый мѣха, нѣсколько бумаги, сургучу и календарь.

[2]) Письмо П. С. Потемкина Соломону 24 сентября 1783 года.

Человѣкъ безусловно храбрый, рѣдкихъ правилъ, обладавшій особою способностью управлять своимъ народомъ, Соломонъ былъ малограмотенъ, умѣлъ только читать и, къ сожалѣнію, предавался въ сильной степени пьянству, убивавшему въ немъ всякую дѣятельность мысли. «Несчастная склонность къ вину, доносилъ Тамара [1]), которая въ немъ кажется умножилась послѣ того, какъ былъ я здѣсь въ первый разъ, препятствуетъ объясненіямъ. Рѣдко такой часъ случается, въ который поговорить съ нимъ можно по надлежащему».

Послѣ долгихъ усилій, полковнику Тамарѣ удалось, наконецъ, уговорить Соломона написать прошеніе отъ имени всего народа и поводомъ къ исканію покровительства выставить вторженія турокъ въ Имеретію. Въ Кутаисѣ были собраны представители всѣхъ сословій, которые послѣ взаимнаго совѣщанія сами составили прошеніе и подписали его 4-го марта 1784 года.

«Всему свѣту извѣстна великая самодержица, писали имеретины [2]), милосердіе и неусыпное попеченіе твое о всѣхъ единовѣрныхъ тебѣ народахъ, какъ бы оные отдалены ни были. Богомъ данная десницѣ твоей сила возстановляетъ народы кровію Христовою искупленные и вѣру его исповѣдующіе.

«Въ числѣ тѣхъ народовъ и народъ сея земли, непобѣдимымъ твоимъ оружіемъ защищенный, предъ очима враговъ стоитъ и привлекаетъ на себя ненасытный взоръ ихъ и сердце жаждущее нашей погибели... Отдѣли, всемилостивѣйшая государыня, хотя малую частицу этого вѣчно славы исполненнаго времени твоего на выслушаніе по дѣлу вѣры и совѣсти приносимаго къ престолу твоему отъ толикихъ христіанъ прошенія.

«Положеніе наше въ разсужденіи ближайшей беззаконной турецкой державы не можетъ быть ни твердо, ни спокойно, пока не будемъ мы подъ защищеніемъ вашего императорскаго величества. Чувствованія народа сего къ намъ ложны; ихъ желаніе— отмстить намъ междоусобіемъ, порабощеніемъ и поруганіемъ; время часто открываетъ глубину ихъ сердецъ.

---

[1]) Потемкину въ рапортѣ отъ 6-го марта. Государств. Архивъ, XXIII, № 13, карт. 47.

[2]) Госуд. Арх., XXIII, № 13, карт. 47.

Высказавъ, что турки всегда были непримиримыми врагами христіанства и перечисливъ всѣ разоренія, претерпѣнныя Имеретіей отъ нихъ въ послѣднее время, подписавшіеся просили защиты и покровительства. Припадая «съ преклоненіемъ головъ» къ престолу Всероссійскому, царь Соломонъ, его наслѣдникъ, князья, архіереи, начальники, служители и весь народъ имеретинскій «повергали себя навѣки подданными и рабами» русской императрицы.

«Помилуй, великая монархиня, говорили они, толикое множество единовѣрныхъ тебѣ христіанъ, и, ограждая насъ навсегда силою твоею, буди вѣчною избавительницей нашею; даруй намъ, землѣ, народамъ и потомкамъ нашимъ,—желающимъ быть вѣчно твоими подданными, — отнынѣ навсегда покровительство твое и преемниковъ престола твоего, прими на себя имя покровительницы нашей и государыни и возложи на насъ долгъ и званіе подданныхъ твоихъ, да будетъ то извѣстно врагамъ нашимъ, чтобы прекратилось въ нихъ, одинъ разъ навсегда, желаніе господствовать надъ нами...

«Не менѣе другихъ трудилася земля сія и народъ для защищенія вѣры христіанской, а съ тѣхъ временъ, какъ озарилъ насъ свѣтъ покровительства твоего, болѣе пролито здѣсь крови и болѣе претерпѣлъ непріятель. Не нужны и не полезны мы, государыня, ни тебѣ, ни преемникамъ твоимъ, но христіанскаго закона ради, который равно какъ и грузины исповѣдаютъ, просимъ быть приняты на равномъ съ ними основаніи подъ сильное покровительство твое.

«Даруй, всемилостивѣйшая государыня, мнѣ и преемникамъ моимъ ту же самую защиту, которая дарована тобою карталинскому и кахетинскую царю Ираклію и свѣтлѣйшаго дома его наслѣдникамъ. Сохрани равно въ лицѣ моемъ и наслѣдниковъ моихъ права и преимущества прежнихъ царей имеретинскихъ. Лучъ милости и самодержавія твоего, всемилостивѣйшая государыня, да просвѣтитъ наконецъ царство сіе, настоящаго онымъ владѣтеля, князей, воинство и народъ. Всѣ въ сердцахъ своихъ суть рабы, всѣ единогласно желаютъ быть подъ защитой освященнаго твоего престола, всѣ отвергаемъ въ лицѣ всего свѣта всякую власть надъ

нами кого-либо другаго, кромѣ Всероссійскаго престола и сіе всеподданнѣйшее наше прошеніе подтверждаемъ подписаніемъ и печатями нашими» [1]).

Прошеніе это не достигло еще до С.-Петербурга, когда въ Имеретіи произошла перемѣна въ правительствѣ. Въ два часа пополудни, 23-го апрѣля, Соломонъ скончался апоплексическимъ ударомъ. Утромъ, въ день св. Георгія, онъ всталъ совершенно здоровымъ, и, по отправленіи утренней молитвы, хотѣлъ одѣваться, но едва надѣлъ половину одного чулка, какъ упалъ и лишился языка. Находившійся при царѣ Соломонѣ докторъ Виттенбергъ, посланный въ Имеретію нашимъ правительствомъ, хотя и принималъ всевозможныя мѣры къ спасенію, но усилія его остались напрасными [2]).

За три дня до своей смерти, царь Соломонъ отправилъ было депутатами въ Россію своего шурина князя Зураба Церетели и князя Эристова, но кончина царя остановила ихъ въ Имеретіи. Вопросъ о томъ, кто будетъ преемникомъ скончавшагося царя, живо интересовалъ депутатовъ и всю Имеретію. Соломонъ не имѣлъ дѣтей мужескаго пола и потому скоропостижная кончина его поставила въ недоумѣніе первѣйшихъ людей Имеретіи. Не зная на что рѣшиться, они отправились къ доктору Виттенбергу и спрашивали, что имъ дѣлать?

— Вы, какъ мужи разумные, отвѣчалъ тотъ, — лучше меня знаете пользу отечества своего.

Послѣ взаимныхъ совѣщаній, представители власти положили, по окончаніи церемоніи погребенія царя, избрать ему преемника, и тѣхъ же депутатовъ съ письмами покойнаго и вновь избраннаго царя отправить въ Россію.

Въ Имеретіи въ то время были два претенданта на престолъ и оба они имѣли имя Давида; одинъ изъ нихъ былъ двоюродный братъ умершаго [3]), лѣтъ тридцати отъ роду, а другой—племян-

[1]) Прошеніе подписали: царь Соломонъ, два царевича Давида: одинъ двоюродный братъ царя, другой племянникъ его, сынъ Арчила, брата Соломона и внукъ царя Соломона, владѣтель Гуріи князь Георгій со своими сыновьями: Симеономъ и Вахтангомъ, князья, митрополиты, архіереи и многіе дворяне.

[2]) Рапортъ доктора Виттенберга Потемкину 25-го апрѣля 1784 года.

[3]) Отецъ Давида, царь Георгій, былъ младшій братъ отца Соломона. Этотъ ца-

никъ, одиннадцатилѣтній юноша [1]). Оба они имѣли сторонниковъ, и располагали бо́льшими или мѣньшими партіями своихъ приверженцевъ. Еще при жизни Соломона, царь Ираклій старался примирить его съ двоюроднымъ братомъ Давидомъ Георгіевичемъ и настаивалъ на томъ, чтобы наслѣдникомъ имеретинскаго престола былъ внукъ его, царевичъ Давидъ Арчиловичъ. Соломонъ уступилъ желанію Ираклія, дозволилъ Давиду Георгіевичу возвратиться въ Имеретію и отдалъ принадлежавшія ему деревни, а одиннадцатилѣтняго племянника, Давида Арчиловича, призналъ своимъ наслѣдникомъ. Признаніе это не имѣло, однакоже, никакого значенія, и послѣ смерти Соломона произошла обыкновенная борьба партій. Одни желали возвести на престолъ племянника, другіе—двоюроднаго брата [2]).

— Намъ надобенъ такой царь,—говорили приверженцы послѣдняго,—который могъ бы владѣть саблей и защищать свою землю, со всѣхъ сторонъ окруженную непріятелемъ.

Споры продолжались до тѣхъ поръ, пока сардарь (фельдмаршалъ) князь Папуна Церетели, пользовавшійся большимъ уваженіемъ соотечественниковъ, не провозгласилъ царемъ своего шурина, царевича Давида Георгіевича. Женатый на родной сестрѣ послѣдняго, князь Церетели надѣялся, что по родству и содѣйствію къ возведенію на престолъ, онъ пріобрѣтетъ при новомъ царѣ еще бо́льшія преимущества, вліяніе и значеніе. Предложеніе князя Папуны Церетели было принято большинствомъ, и 27-го апрѣля Давидъ Георгіевичъ былъ объявленъ царемъ Имеретіи. На слѣдующій день онъ торжественно присягалъ и обязался защищать права своихъ подданныхъ, править ими по законамъ и быть вѣрнымъ подданнымъ русской императрицы. Да-

---

ревичъ Давидъ за сопротивленіе Соломону былъ изгнанъ имъ изъ Имеретіи и жилъ въ Тифлисѣ, на содержаніи царя Ираклія, его родственника. Супруга Давида, Анна Матвѣевна, урожденная княжна Орбеліани, была внукой княгини Анны Теймуразовны Орбеліани, родной сестры царя Ираклія (Рапортъ Бурнашева Потемкину 7-го мая, № 34, Госуд. Арх., XXIII, № 13, карт. 47).

[1]) Молодой человѣкъ этотъ былъ сынъ Арчила, роднаго брата Соломона, и внукъ царя Ираклія и царицы Дарьи.

[2]) Рапорты Виттенберга Потемкину 25-го и 26-го апрѣля. Госуд. Арх., XXIII, № 135, карт. 47.

видъ Георгіевичъ тотчасъ же увѣдомилъ о своемъ вступленіи на престолъ генералъ-поручика Потемкина и полковника Бурнашева, причемъ отправилъ къ обоимъ прошеніе духовенства, князей и народа, въ которомъ они просили исходатайствовать вновь избранному царю утвержденіе русскаго правительства. Съ своей стороны царь Давидъ, высказывая желаніе идти по стезямъ своего предшественника и отправить посольство къ высочайшему двору, съ изъясненіемъ нуждъ и желаній имеретинскаго народа, просилъ сохранить къ нему ту довѣренность, которую русское правительство имѣло къ покойному [1]).

Между тѣмъ, устраненный отъ престолонаслѣдія царевичъ Давидъ Арчиловичъ, по совѣту своихъ приверженцевъ, обратился къ Ираклію, своему дѣду, съ просьбой защитить его право, основанное на торжественномъ признаніи его покойнымъ царемъ Соломономъ наслѣдникомъ престола [2]). Эта просьба царевича Давида и борьба партій готовы были породить междоусобіе въ Имеретіи, гдѣ раздѣльность интересовъ имѣла мѣсто гораздо болѣе, чѣмъ въ какой-либо другой странѣ. Лишь только скончался царь Соломонъ, какъ владѣтель Мингреліи, князь Дадіанъ, въ послѣднее время отложившійся отъ власти имеретинскаго царя, желая пріобрѣсти еще большую самостоятельность и независимость, сталъ интриговать противъ Имеретіи, стараясь усилить борьбу партій и произвести всеобщее волненіе. Дадіанъ отправилъ нарочнаго къ находившемуся въ изгнаніи князю Кайхосро-Абашидзе, призывая его въ Имеретію и обнадеживая своею помощью. Ходили слухи, что точно такой же посланный отправленъ былъ Дадіаномъ и въ Константинополь съ увѣдомленіемъ, что Соломонъ скончался и что Портѣ представляется теперь самый удобный случай привести къ покорности народъ имеретинскій.

Интриги Дадіана не остались безслѣдными. Князь Абашидзе прибылъ въ Трапезондъ съ намѣреніемъ пробраться въ Имеретію и произвести тамъ волненіе. Сулейманъ-паша Ахалцыхскій, узнавъ о вступленіи на престолъ Давида, требовалъ, чтобъ онъ по зави-

---

[1]) Письмо царя Давида генералу Потемкину 1-го мая 1784 года. Госуд. Арх., XXIII, № 13, карт. 47.

[2]) Рапортъ Бурнашева П. С. Потемкину 7-го мая 1784 года, № 34. Тамъ же.

симости Имеретіи отъ Порты отправилъ въ Константинополь посольство съ просьбой объ утвержденіи его на престолѣ.

Опасаясь, чтобы турецкій дворъ не воспользовался неизбѣжнымъ волненіемъ при перемѣнѣ правленія въ Имеретіи, наше правительство признавало необходимымъ какъ можно скорѣе упрочить власть царя Давида, и потому Ираклію внушено было не вмѣшиваться во внутреннія дѣла Имеретіи и признать установившійся тамъ образъ правленія. Ираклій, хотя и считалъ себя оскорбленнымъ за то, что престолъ, вопреки обѣщанію покойнаго Соломона, не перешелъ ко внуку его, Давиду Арчиловичу, согласился однакоже признать законнымъ избраніе Давида Георгіевича. «Опасаясь какого-либо безпорядка или междоусобія въ Имеретіи, писалъ Ираклій П. С. Потемкину, [1]) я въ настоящее время уклонился отъ моего права и далъ свое согласіе на признаніе Давида Георгіевича царемъ, но когда мой внукъ придетъ въ совершенный возрастъ, тогда судьба его будетъ зависѣть отъ императорскаго двора».

Грузинскій царь просилъ, чтобы русское правительство обязало царя Давида отдать во владѣніе его внука всѣ тѣ имѣнія, которыми владѣлъ отецъ его Арчилъ, чтобы царь Давидъ призналъ своего племянника наслѣдникомъ по немъ и чтобы кромѣ имѣній уступилъ ему двѣ вооруженныя крѣпости со всѣми принадлежащими къ нимъ землями. Для болѣе успѣшнаго достиженія желаемаго, Ираклій старался соединить свое требованіе съ видами политическими и говорилъ, что такая уступка крѣпостей необходима въ случаѣ уклоненія царя имеретинскаго отъ интересовъ Россіи, ибо тогда онъ можетъ быть ослабленъ противодѣйствіемъ царевича Давида Арчиловича [2]). Въ сущности же грузинскій царь главнѣйшимъ образомъ хлопоталъ о томъ, чтобы внукъ его могъ безопасно жить въ Имеретіи, такъ какъ опасался, чтобы люди услужливые, изъ угожденія новому царю, не отравили его.

Образованіе государства внутри государства не могло быть допущено нашимъ правительствомъ, какъ вещь крайне вредная, и потому требованія Ираклія остались неудовлетворенными. Во избѣжаніе же взаимной вражды между членами царскаго дома и

[1]) Въ письмѣ отъ 3-го мая 1784 года. Гос. Арх., XXIII, № 13, карт. 47.
[2]) Письмо Ираклія полковнику Бурнашеву 12-го мая 1784 года. Тамъ же.

возможнаго междоусобія, генералъ-поручикъ Потемкинъ поручилъ полковнику Бурнашеву отправиться въ Имеретію и устроить тамъ дѣла царства. Бурнашевъ пригласилъ ѣхать съ собою имеретинскаго католикоса Максима, давно оставившаго свое отечество и жившаго въ Грузіи [1]).

Максимъ пользовался большимъ уваженіемъ въ Имеретіи, гдѣ его присутствіе, какъ человѣка преданнаго Россіи, могло быть весьма полезно, не только для нашихъ интересовъ, но для подкрѣпленія царя Давида и удержанія знатнѣйшихъ лицъ отъ взаимной вражды и своеволія. Царь Давидъ, сознавая то огромное вліяніе, которое имѣлъ Максимъ на его подданныхъ, и нуждаясь въ его содѣйствіи, также приглашалъ его въ Имеретію. Максимъ и на этотъ разъ отказывался ѣхать, но принужденъ былъ уступить настоянію полковника Бурнашева [2]).

— Одна только всеподданѣйшая вѣрность къ ея императорскому величеству, говорилъ онъ, и повиновеніе, на кои я въ бытность въ Россіи присягалъ, заставляютъ меня туда слѣдовать. Если угодно великой всемилостивѣйшей государынѣ, то я готовъ и жизнію пожертвовать.

1-го іюня полковникъ Бурнашевъ вмѣстѣ съ католикосомъ Максимомъ выѣхали изъ Тифлиса. Непроходимость рѣкъ, вслѣдствіе бывшихъ предъ тѣмъ сильныхъ дождей, задержали ихъ путешествіе, и только 9-го іюня достигли они до резиденціи Давида, селенія Цха-Цхоро, находившагося на Сурамской дорогѣ, верстахъ въ сорока отъ Кутаиса. Царь, духовенство, князья и множество народа выѣхали версты за три отъ селенія на встрѣчу прибывшимъ. «Я нашелъ ихъ всѣхъ, доносилъ Бурнашевъ, [3]) вооруженныхъ партіями, съ примѣрнымъ безпокойствомъ, какъ будто въ ожиданіи отъ пріѣзда моего своего успокоенія. Всякъ жаждалъ слушать слова, обнадеживающія ихъ въ высочайшей милости и покровительствѣ Екатерины Великой».

[1]) Поводомъ къ удаленію Максима изъ Имеретіи было несогласіе его на бракосочетаніе сына царя Соломона, царевича Александра, желавшаго вторично жениться при живой женѣ, оставленной имъ въ Тифлисѣ. Покойный царь Соломонъ нѣсколько разъ предлагалъ Максиму возвратиться въ Имеретію, но тотъ, зная непостоянство соотечественниковъ, оставался въ Грузіи.

[2]) Рапортъ Бурнашева Потемкину отъ 25-го мая, № 44.

[3]) Рапортъ полковника Бурнашева Потемкину 13-го іюня № 51.

Всегда предупредительные къ русскимъ, имеретины на этотъ разъ, казалось, хотѣли превзойти себя. Нуждаясь теперь болѣе чѣмъ когда-либо въ покровительствѣ и поддержкѣ Россіи, царь, вельможи и даже простой народъ заискивали въ полковникѣ Бурнашевѣ. Они опасались, чтобы со смертію царя Соломона не прекратилось и расположеніе русской императрицы къ Имеретіи. Ихъ успокоивало только присутствіе католикоса Максима, прибытіе котораго въ Имеретію объясняли тѣмъ, что страна эта, вѣроятно, не лишилась еще покровительства Россіи. Максимъ былъ принятъ съ особеннымъ восторгомъ какъ царемъ, такъ и всѣми его подданными. Давидъ тотчасъ же возвратилъ ему всѣ права, имѣнія и въ своемъ письмѣ П. С. Потемкину [1]) называлъ Максима украшеніемъ страны; народъ же смотрѣлъ на своего католикоса какъ на святаго человѣка и единственнаго примирителя всѣхъ партій, враждебныхъ другъ другу [2]).

Причина безпокойнаго настроенія имеретинъ скоро объяснилась: оно происходило отъ непрочности новаго правительства, отъ недовѣрчивости другъ къ другу и отъ неопредѣленности положенія каждаго изъ присутствовавшихъ. Бурнашевъ замѣтилъ среди собравшихся двѣ партіи, если не вполнѣ враждебныя, то покрайней мѣрѣ не вошедшія въ соглашеніе другъ съ другомъ: одна, болѣе многочисленная, поддерживала сторону царя, другая—царевича Давида Арчиловича. Послѣдняя состояла изъ толпы вооруженныхъ, но бѣдныхъ и ничтожныхъ людей, преимущественно изъ тѣхъ, у коихъ отняты были имѣнія покойнымъ царемъ Соломономъ. Терять имъ было нечего, а поддерживая царевича, они надѣялись въ случаѣ успѣха улучшить свое состояніе.

Обѣ партіи смотрѣли на полковника Бурнашева какъ на лицо, присланное русскимъ правительствомъ установить въ Имеретіи правленіе, а слѣдовательно и спокойствіе. Въ ожиданіи такого рѣшенія всѣхъ занималъ вопросъ о томъ, какое участіе будетъ принято въ судьбѣ царевича Давида Арчиловича, и если вновь

---

[1]) Письмо Давида Потемкину отъ 13-го іюня 1784 года. Госуд. Арх., XXIII, № 13-й, карт. 45.

[2]) Письмо генералу Потемкину безъ числа отъ всѣхъ сословій народа. Тамъ же, карт. 47.

избранный царь будетъ оставленъ на престолѣ, то удержатъ-ли свою власть и чины тѣ лица, которыя были при покойномъ царѣ Соломонѣ? До окончательнаго разъясненія этого вопроса обѣ партіи не сходились другъ съ другомъ.

«Необычайно видѣть сіи толпы вооруженныя, писалъ Бурнашевъ [1]); каждый боярин имѣетъ свою немалую за собою свиту таковыхъ людей. Хотя они и всѣ стекаются подъ единое покровительство всеавгустѣйшей нашей государыни, но безпокойство отъ незнанія своей участи и недовѣрчивость между собою содержала ихъ въ крайнемъ мыслей кипѣніи. Не имѣя страха къ строгости царя Соломона, считаютъ они, какъ кажется, новаго своего царя яко по милости ихъ избраннаго и не сильнаго сдѣлать имъ никакого прещенія».

При содѣйствіи католикоса Максима, полковнику Бурнашеву удалось примирить враждовавшія партіи и возстановить спокойствіе въ Имеретіи. Царь Давидъ рѣшился дать письменное обязательство, въ которомъ высказалъ будущія отношенія къ своимъ подданнымъ. Онъ объявилъ непремѣнное желаніе отправить посольство въ Россію, съ просьбой о покровительствѣ; обѣщалъ обезпечить царевича Давида и поручилъ его опекѣ католикоса Максима, какъ его крестнаго отца. Князей и дворянъ царь обѣщалъ оставить при занимаемыхъ ими должностяхъ и званіяхъ и во всемъ поступать по сущей справедливости. Съ своей стороны князья, духовенство и дворяне письменно обязались быть вѣрными царю и исполнять всѣ его повелѣнія безпрекословно [2]).

Бурнашевъ уѣхалъ изъ Имеретіи, но спокойствіе въ ней не установилось. Сардарь князь Папуна Церетели первый подалъ поводъ къ новымъ замѣшательствамъ. Провозглашая своего шурина царемъ имеретинскимъ, Церетели, какъ мы видѣли, разсчитывалъ на многія преимущества, но, къ сожалѣнію, замѣтилъ, что Давидъ не оказываетъ ему никакихъ предпочтеній предъ другими. Онъ надѣялся быть первымъ лицомъ въ Имеретіи, но увидѣлъ, что царь обращается за совѣтами къ Бурнашеву и католикосу Максиму, какъ человѣку наиболѣе свѣдущему и опытному. Папуна Церетели возненави-

[1]) Генералу Потемкину отъ 13-го іюня № 51.
[2]) Рапортъ полковника Бурнашева генералу Потемкину 26-го іюня № 52.

дѣлъ этихъ лицъ и рѣшился противодѣйствовать царю во всемъ, что не исходило изъ его совѣтовъ. Тотчасъ послѣ отъѣзда полковника Бурнашева онъ подговорилъ князя Беро Цилукидзе и другихъ знатнѣйшихъ лицъ заявить, что они несогласны на отправленіе посольства въ Россію, и когда царь сталъ настаивать на этомъ, то партія Церетели и Цилукидзе рѣшилась оставить Давида. Покинувъ царскую резиденцію, они разъѣхались по домамъ. Удивленный такимъ поступкомъ, Давидъ послалъ спросить ихъ о причинѣ удаленія и требовалъ, чтобы всѣ князья оставались при немъ до отправленія посольства.

— Мы о посольствѣ ничего не знаемъ, отвѣчали князья посланнымъ,— и если царь хочетъ, то можетъ самъ ѣхать въ Россію, а изъ насъ никто не поѣдетъ.

Пріѣхавъ самъ въ Кутаисъ и зная, что источникомъ всѣхъ волненій князь Папуна Церетели, царь Давидъ просилъ бывшаго при немъ доктора Виттенберга узнать о причинѣ неудовольствій.

— Отчего вы такъ поспѣшно оставили царя, спросилъ Виттенбергъ Папуну Церетели,—вы, который содѣйствовали возведенію его на престолъ?

— Намъ досадно было, отвѣчалъ тотъ, — что царь переговаривался съ полковникомъ Бурнашевымъ безъ нашего согласія.

— Но вѣдь вы всѣ тутъ были и также съ Бурнашевымъ говорили.

— Правда, мы съ нимъ говорили, но мы просили царя, чтобъ онъ съ нимъ никакого дѣла не имѣлъ, а царь дѣлалъ все это намъ въ досаду.

— Что же вы теперь намѣрены дѣлать? спросилъ Виттенбергъ.

— Возведемъ на престолъ малолѣтняго Давида, отвѣчалъ рѣшительно Церетели.

Это извѣстіе встревожило царя, тѣмъ болѣе, что, не упрочивъ еще за собою власти, онъ получалъ неуспокоительныя извѣстія изъ Турціи. Порта объявила царемъ Имеретіи находившагося въ изгнаніи князя Кайхосро Абашидзе, искавшаго престола, обѣщавшаго турецкому правительству платить дань и посылать еже-

годно въ Константинополь 190 мальчиковъ и дѣвочекъ [1]). Князь Абашидзе отправилъ письма къ первѣйшимъ князьямъ Имеретіи, въ которыхъ сообщалъ, что Порта обѣщала дать ему двѣнадцать тысячъ войска и что въ самомъ непродолжительномъ времени онъ явится въ Имеретію.

— Мы получили письмо изъ Турціи, говорилъ загадочно князь Зурабъ Церетели лекарю Виттенбергу,—и скоро въ Имеретіи произойдетъ нѣчто новое.

Виттенбергъ зналъ, на что̀ намекаетъ Зурабъ, зналъ, что дѣло идетъ о прокламаціяхъ князя Абашидзе и потому старался представить князю Зурабу Церетели то бѣдствіе, въ которое будетъ вовлечена Имеретія, если опять подпадетъ подъ власть турокъ, и при этомъ замѣтилъ, что Россія не придетъ уже тогда вторично къ ней на помощь.

— Конечно, говорилъ Виттенбергъ,—Россіи до Имеретіи очень мало нужды, но вспомните, что потомки ваши будутъ оплакивать это несчастіе.

— Я всею душой радъ бы былъ, отвѣчалъ Зурабъ,—и желаю, чтобы Россія приняла Имеретію подъ свое покровительство, но что̀ мнѣ сдѣлать, когда братъ и Беро Цилукидзе не хотятъ, чтобы послы были посланы въ Россію.

— Уговорите вашего брата, оставьте Цилукидзе и обратитесь къ царю; Цилукидзе одному нечего будетъ дѣлать.

Совѣтъ Виттенберга подѣйствовалъ и князья Церетели помирились съ Давидомъ [2]). Царь хотѣлъ воспользоваться этимъ примиреніемъ и наказать князей Цилукидзе. Онъ приказалъ окружить домъ ихъ въ Кутаисѣ, съ намѣреніемъ захватить всю фамилію въ свои руки. Въ то время одна изъ дочерей князя Цилукидзе была сговорена уже за царевича Вахтанга, сына царя Ираклія, и женихъ долженъ былъ въ самомъ непродолжительномъ времени пріѣхать въ Кутаисъ. Узнавъ объ опасности, угрожающей фамиліи князей Цилукидзе, царевичъ Давидъ Арчиловичъ, какъ родственникъ царевича Вахтанга, собралъ толпу воору-

[1]) Рапортъ П. С. Потемкина князю Потемкину 10-го октября, № 461.

[2]) Письмо доктора Виттенберга генералу Потемкину отъ 9-го августа 1784 года. Госуд. Арх., XXIII, № 13, карт. 47.

*

женныхъ и отправился на выручку осажденныхъ. Опасаясь кровопролитія, а главное вмѣшательства Ираклія II, царь Давидъ оставилъ свое намѣреніе захватить Цилукидзе, и чтобы задобрить царевича Давида, рѣшился уступить ему, въ области Рачѣ, крѣпость Минду, со всѣми принадлежащими къ ней домами и вотчинами [1]).

Князья Цилукидзе примирились съ царемъ и присягнули быть ему вѣрными, а Давидъ не только простилъ ихъ, но впослѣдствіи ходатайствовалъ даже одному изъ нихъ, и именно сардарю, награду отъ щедротъ императрицы [2]). Царевичъ Давидъ Арчиловичъ пріобрѣлъ своимъ поступкомъ большое значеніе въ Имеретіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ нерасположеніе царя и всей преданной ему партіи. «Мы и Давидъ, племянникъ нашъ, писалъ царь полковнику Бурнашеву [3]), спокойны не будемъ и между нами согласіе и любовь совершенна быть не можетъ, да и жизнь наша благополучна. Для того просимъ донести его высочеству царю (Ираклію), дабы онъ дозволилъ сего молодаго человѣка воспитать порядочно и приказалъ непостоянныхъ людей отдалить на малое время для нашей общей пользы».

Имеретинскій царь видѣлъ въ царевичѣ Давидѣ опаснаго себѣ соперника и потому естественно искалъ случая или ослабить его, или вовсе удалить изъ Имеретіи. Возникшая между ними вражда, какъ увидимъ, была поводомъ ко многимъ волненіямъ въ странѣ и безъ того отличавшейся полнѣйшимъ безначаліемъ, въ странѣ, гдѣ власть царя не была еще упрочена, гдѣ князья и народъ привыкли къ своеволію, гдѣ каждый искалъ случая ловить рыбу въ мутной водѣ и обогатиться на счетъ ближняго. Только участіе Россіи, которое принимала она въ единовѣрномъ ей народѣ, удерживало Имеретію отъ разложенія и конечной погибели.

Зная о покровительствѣ Россіи, владѣтель Мингреліи, князь Дадіанъ, оставилъ свои происки и призналъ надъ собой верховную власть царя имеретинскаго; его примѣру послѣдовалъ и владѣтель

[1]) Письмо царевича Давида царю Ираклію безъ числа. Госуд. Арх., XXIII, № 13, карт. 47.

[2]) Письмо царя Давида князю Потемкину 7-го сентября 1784 года. Госуд. Арх., XV, 210.

[3]) Въ письмѣ отъ 1-го іюля. Госуд. Арх., XXIII, № 13, карт. 47.

Гуріи. На взаимномъ свиданіи царь Давидъ и оба эти владѣльца постановили жить въ мирѣ, содѣйствовать другъ другу во всемъ, что̀ касается спокойствія и цѣлости Имеретіи и въ особенности дѣйствовать единодушно противъ внѣшнихъ враговъ, которые готовы уже были вторгнуться въ Имеретію.

Владѣтель Гуріи и Дадіанъ мингрельскій получили по нѣсколькуписемъ отъ князя Кайхосро Абашидзе, увѣдомлявшаго о скоромъ прибытіи въ Батумъ со многочисленнымъ турецкимъ войскомъ и призывавшаго ихъ на соединеніе съ нимъ, если не желаютъ своей погибели [1]).

Въ маѣ князь Кайхосро Абашидзе прибылъ къ анатольскому пашѣ Аджи-Алію и вручилъ ему фирманъ Порты, повелѣвающій собрать тридцать тысячъ человѣкъ войска и отправиться съ ними, послѣ праздника байрама, въ Имеретію для возведенія князя Абашидзе на престолъ имеретинскій.

— Самъ-то я не поѣду и изъ ближнихъ своихъ чиновниковъ тоже никого не отправлю, говорилъ паша одному изъ нашихъ чиновниковъ [2]); — а пошлю кого-нибудь изъ постороннихъ. Если Россія или Грузія вступятся за Имеретію, то, не принимая въ томъ участія, буду смотрѣть на это дѣло какъ человѣкъ посторонній.

Не смѣя ослушаться повелѣній Порты, Аджи-Али-паша отправилъ въ Поти нѣсколько судовъ съ провіантомъ и приготовлялъ войска для отправленія туда же.

Получивъ свѣдѣнія о намѣреніи князя Абашидзе вторгнуться въ Имеретію съ турецкими войсками, царь Давидъ сталъ готовиться къ оборонѣ. Онъ собиралъ войска, и чтобы подвинуть успѣшнѣе дѣло защиты отечества, прибѣгнулъ къ хитрости. Царь составилъ подложное письмо, будто бы присланное ему генераломъ Потемкинымъ, и прочелъ его въ собраніи знатныхъ вельможъ и народа. Выслушавъ содержаніе письма, въ которомъ обѣщалась помощь Россіи въ томъ случаѣ, если имеретины будутъ дѣйствовать единодушно противъ общихъ враговъ отечества, всѣ собрав-

[1]) Письмо князя Кайхосро Абашидзе къ Гуріелю. Госуд. Архивъ, XXIII, № 13, пап. 46.

[2]) Посланному съ письмомъ пашѣ отъ генералъ-поручика Потемкина. Тамъ же.

шіеся клялись защищаться до послѣдней капли крови и постановили отправить немедленно посольство въ Россію [1]).

Въ составъ посольства были назначены католикосъ Максимъ, сардарь и салтъ-ухуцесъ князь Зурабъ Церетели, первый мдиванъбегъ князь Давидъ Квенихидзе и князь Бессаріонъ Габановъ. Въ концѣ августа послы оставили Имеретію и отправились въ Петербургъ, куда и прибыли въ день Рождества Христова, 25-го декабря.

На третій день послѣ пріѣзда, посольство было принято княземъ Потемкинымъ, величественный видъ и веселое лицо котораго, по выраженію католикоса Максима [2]), «обѣщали намъ покровительство». Свѣтлѣйшій обнадежилъ ихъ милостію императрицы, которая пожаловала посланнымъ 8,000 руб. [3]) и 29-го декабря удостоила ихъ своею аудіенціей. Послы были въ восторгѣ отъ привѣта великой монархини, ея обнадеживаній и, наконецъ, отъ самой церемоніи, съ которою производилось ихъ представленіе императрицѣ.

Пожаловавъ царю орденъ св. апостола Андрея Первозваннаго и богатые подарки какъ ему, такъ и его супругѣ, императрица

---

[1]) Письмо Витгенберга генералу Потемкину отъ 9-го августа 1784 года. Вотъ переводъ письма, написаннаго царемъ Давидомъ отъ имени П. С. Потемкина и читаннаго въ собраніи. «Извѣстіе о приближеніи турокъ до меня дошло и равно я слышалъ, что идутъ напасть на васъ и на вашу землю. Ими предводитъ одинъ изъ имеретинцевъ именемъ Абашидзе Кайхосро, которому обѣщано царство имеретинское. Съ нимъ идутъ двѣнадцать тысячъ турокъ воцарить его, за обѣщаніе султану поставить Имеретію какъ она прежде была въ рабствѣ и съ непремѣнною платой отроками обоихъ половъ. Но кто смѣетъ напасть на ту землю, которую защищаетъ ея императорское величество? Можетъ быть они не вѣдаютъ, что ея императорское величество покровительствуетъ Имеретіи и что имеретины наивѣрнѣйшіе подданные императорскаго престола.

«Покойный царь Соломонъ давно уже находился подъ сѣнію щедрой десницы августѣйшей государыни. Ваша свѣтлость, дайте всѣмъ вѣдать, что ежели турки приближутся къ Имеретіи, я имѣю повелѣніе имъ воспрепятствовать не только разорять, но и входить въ оную. Какъ скоро вы о томъ извѣстите, я приму надлежащія мѣры; войска здѣсь готовы и никто не можетъ имъ противостать. Я имѣю повелѣніе никого не пускать и нынѣ будьте вы осторожны и храбры. Извѣщайте обо всемъ меня и присылайте пословъ, дабы они увидѣли величіе и великолѣпіе высочайшаго двора» (См. Госуд. Архивъ., XV, № 210).

[2]) Госуд. Арх., XV, № 210.

[3]) Католикосу 2,000 р., княземъ Церетели и Квенихидзе по 1,500 р., свитѣ 1,000 р. и на столъ 2,000 р.

писала Давиду [1]): «Чувства усердія и преданности вашей и всего подвластнаго вамъ народа къ намъ и Имперіи нашей, изъясненныя въ письмѣ вашемъ, съ посланниками вашими нами полученномъ, мы пріемлемъ съ отличнымъ благоволѣніемъ.

«Отпуская сихъ посланниковъ вашихъ, коихъ усердіе къ намъ и ревность къ добру отечества ихъ хвалы достойны, возобновляемъ вашей свѣтлости наши увѣренія, что мы, сохраняя васъ и всѣхъ зависящихъ отъ васъ въ нашей императорской милости и покровительствѣ, не престанемъ пещися о благѣ имеретинскихъ народовъ.

«Подтверждаемъ желаніе наше, чтобы ваша свѣтлость, по примѣру достославнаго предмѣстника вашего блаженнаго Соломона, въ случавшихся дѣлахъ и надобностяхъ откровеннымъ образомъ относилися къ нашему генералъ-фельдмаршалу князю Григорію Александровичу Потемкину, которому главное начальство и управленіе пограничныхъ военныхъ нашихъ силъ и дѣлъ въ томъ краѣ отъ насъ ввѣрено и добрые его совѣты принимали и исполняли [2])».

Въ то время, когда въ Петербургѣ для посольства праздникъ слѣдовалъ за праздникомъ, въ Имеретіи происходили другаго рода событія: тамъ вторгнувшіеся турки грабили и разоряли страну.

Въ половинѣ сентября, князь Кайхосро Абашидзе дѣйствительно пріѣхалъ въ Батумъ, куда вмѣстѣ съ нимъ прибыла и часть турецкихъ войскъ; другая часть высадилась въ Поти. Новый претендентъ на имеретинскій престолъ разсылалъ повсюду письма, приглашая имеретинъ принять его сторону. Князь Абашидзе сначала предлагалъ Гуріелю и Дадіану союзъ и дружбу, но, не успѣвъ склонить ихъ на свою сторону, сталъ требовать аманатовъ [3]).

Не нарушая трактатовъ и мирныхъ постановленій съ Портой, наше правительство могло оказать Имеретіи только косвенно помощь и содѣйствіе противъ замысловъ турокъ. Генералъ-поручикъ

---

[1]) Царю были пожалованы: часы брилліантовые, мѣхъ соболій, сорокъ соболей, мѣхъ горностаевый, три куска парчи, десять половинокъ сукна; царицѣ: серьги брилліантовыя, сорокъ соболей, мѣхъ горностаевый и три куска парчи.

[2]) Архивъ Кабинета Его Величества. Св. 441.

[3]) Письмо царя Давида католикосу Максиму 26-го сентября. Рап. генер.-поруч. Потемкина князю Таврическому 10-го октября, № 461.

Потемкинъ отправилъ къ царю Давиду нѣкоторую сумму денегъ на военныя потребности; для привлеченія къ нашимъ интересамъ Дадіана Мингрельскаго и подъ видомъ засвидѣтельствованія сестры его царицы Дарьи объ усердіи Дадіана къ Россіи, императрица Екатерина II пожаловала ему орденъ св. Александра Невскаго съ жемчужною звѣздой, штуку лентъ и десять звѣздъ безъ украшеній. При этомъ владѣльцу Мингреліи сообщено, что если онъ сохранитъ расположеніе къ Россіи и останется вѣрнымъ ей, то можетъ разсчитывать и на бо̀льшія милости.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, императрица поручила своему посланнику въ Константинополѣ Булгакову настоять у Порты, чтобъ она оставила всякія покушенія на Имеретію и Грузію. Булгаковъ уполномоченъ былъ заявить турецкому правительству, что Россія, вступаясь за единовѣрные ей народы и избавляя ихъ отъ угнетеній, дѣлала это съ тою цѣлью, чтобъ они навсегда были обезпечены совершенною безопасностью и имѣли собственное правленіе и что русское правительство не можетъ смотрѣть равнодушно на новыя бѣдствія «имъ пріуготовляемыя». Желая сохранить дружбу и доброе согласіе съ Портой Оттоманскою, русское правительство будетъ крайне сожалѣть, если держава эта подастъ поводъ къ новымъ распрямъ своими дѣйствіями, клонящимися на угнетеніе народа единовѣрнаго Россіи. Оставляя народъ имеретинскій въ настоящемъ его состояніи, подъ управленіемъ нынѣшняго царя, избраннаго народною волей и по указанію покойнаго Соломона, Порта сохранитъ тишину въ томъ краѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ докажетъ свое миролюбіе, тогда какъ, напротивъ, всякое покушеніе противъ Грузіи и Имеретіи петербургскій дворъ не можетъ принять иначе, какъ за непріязненное дѣйствіе противъ Россіи.

Въ послѣднее время, и именно по принятіи Грузіи подъ покровительство Россіи, пограничные съ нею турецкіе паши, стараясь вредить царю Ираклію, разсылали къ лезгинамъ возмутительныя письма «съ выраженіями непристойными» для Россіи, а потому, чтобы «министерство турецкое отнюдь не думало, что можетъ оно мало-по-малу производить въ дѣйствіе вредныя намъ ихъ намѣренія», императрица поручила Булгакову спросить Порту, по ея ли повелѣнію разсылаются подобныя возмутительныя воз-

званія или по своеволію пашей? Въ первомъ случаѣ дать ей почувствовать, что дальнѣйшая разсылка подобныхъ воззваній можетъ произвести непріятныя послѣдствія, а во второмъ, то-есть, если турецкое правительство сложитъ всю вину на пограничныхъ пашей, требовать строгаго съ нихъ взысканія, какъ подающихъ поводъ къ нарушенію мира и добраго согласія между двумя союзными державами [1]).

«Быть можетъ, писала императрица Екатерина въ другомъ рескриптѣ Булгакову [2]), что министерство турецкое станетъ говорить о народѣ имеретинскомъ, что оный есть подданный Порты Оттоманской и присвоять потому право перемѣнять тамъ владѣтелей по своей волѣ, но таковой перемѣны мы никоимъ образомъ попустить не можемъ, а ежели бы вы не могли успокоить Порту до такой степени, чтобъ она оставила всякое движеніе въ томъ краѣ безъ дальнѣйшихъ изъясненій, то позволяемъ вамъ обратить дѣло сіе въ негоціацію, настоя однакожь непремѣнно, чтобы до окончанія сихъ переговоровъ, никакое препятствіе не дѣлано было нынѣшнему царю имеретинскому въ его правленіи и чтобы войска въ сію землю и противъ оной посылаемы не были. Что же принадлежитъ до царя карталинскаго и его земель и вообще до дѣлъ въ Персіи, въ томъ никакой вопросъ со стороны Порты настоять не можетъ».

Инструкціи эти не достигли до Булгакова, когда турки 30-го октября, въ числѣ 6,000 человѣкъ, вторглись въ Гурію. Дойдя до Озургетъ, они разграбили и выжгли семь селеній, разсѣяли жителей, но въ плѣнъ захватить ни одного не могли, ибо гурійцы, узнавъ о приближеніи непріятеля, заблаговременно скрылись въ безопасныя мѣста [3]). Царь Давидъ, собравъ до 4,000 имеретинъ, выступилъ съ ними изъ Кутаиса и 3-го ноября прибылъ въ селеніе Саджевахо, въ которомъ и остановился на нѣсколько дней, чтобы выждать прибытія къ нему новыхъ войскъ. Онъ отправилъ нарочнаго къ генералъ-поручику Потемкину, прося помощи и увѣ-

[1]) Рескриптъ Булгакову отъ 7-го октября. Госуд. Арх., XXIII, № 13, карт. 49.
[2]) Рескриптъ отъ того же числа. Тамъ же.
[3]) Письмо царя Давида католикосу Максиму въ декабрѣ безъ числа. Госуд. Арх., XV, № 210.

ряя его, что всѣ собравшіеся подъ его знамя имеретины горятъ желаніемъ сразиться съ непріятелемъ [1]).

На послѣднемъ переходѣ, наканунѣ предполагаемаго сраженія, къ Давиду прибылъ нарочный съ письмомъ отъ генерала Потемкина. Царь воспользовался этимъ и просилъ посланнаго объѣхать его войска, причемъ приближенные Давида распустили слухъ, будто нѣсколько русскихъ полковъ отправлены съ Кавказской линіи для подкрѣпленія имеретинъ, и что посланный опередилъ ихъ только для того, чтобы поторопиться доставить это извѣстіе въ лагерь имеретинскихъ войскъ. Какъ ни нелѣпы были эти слухи, но они ободрили христіанское ополченіе на столько, что впослѣдствіи Давидъ сожалѣлъ, что ему не пришлось сразиться съ турками [2]).

Зайдя въ тылъ непріятелю и занявъ всѣ пути отступленія, царь Давидъ намѣренъ былъ въ ночь на 12-е ноября атаковать турокъ, но, «къ оскорбленію моему, писалъ онъ [3]), невѣдомо кто изъ нашего общества предостерегъ враговъ моихъ». Терпя крайній недостатокъ въ продовольствіи, турки какъ только услышали о мнимомъ приближеніи русскихъ войскъ и узнали, что путь отступленія имъ отрѣзанъ, и что имеретины намѣрены атаковать ихъ, не выжидали нападенія. Разсѣявшись въ разныя стороны, они небольшими партіями перебрались въ Поти, оставивъ въ добычу имеретинамъ весь свой лагерь, обозъ, тяжести, аммуницію, 1,400 ружей и даже навьюченныхъ лошадей [4]). Предводитель турокъ и виновникъ бѣдствія своего отечества, князь Кайхосро Абашидзе, бѣжалъ въ Трапезонтъ, откуда болѣе не возвращался.

Давидъ торжествовалъ. «Ваше превосходительство, писалъ онъ Потемкину, подтверждаете намъ о соединеніи непоколебимомъ; я имѣю честь увѣдомить, что единодушіе нынѣ столь твердо, что какъ будто сердца всѣхъ составляли единое. Всѣ единодушно го-

[1]) Письмо Давида генералу Потемкину 3-го ноября. Госуд. Арх., XXIII, № 13, карт. 48. Рапортъ Бурнашева ему же, отъ 8-го ноября. Тамъ же, карт. 47.

[2]) Рапортъ П. С. Потемкина князю Потемкину 22-го января 1785 года, № 6. Письмо Давида Потемкину безъ числа. Госуд. Арх., XXIII, № 13, пап. 49 и 50.

[3]) Въ декабрѣ католикосу Максиму. Госуд. Арх., XV, № 210.

[4]) Рапортъ П. С. Потемкина князю Потемкину 22-го января 1785 года № 6.

товы защищаться; всѣ единогласно молятъ Бога за августѣйшую нашу государыню».

Съ удаленіемъ турокъ, Имеретія вздохнула свободнѣе отъ внѣшнихъ враговъ, но не избавилась отъ внутреннихъ безпорядковъ. Царь Давидъ для управленія народомъ не имѣлъ тѣхъ способностей, какія имѣлъ покойный царь Соломонъ, не умѣлъ поставить себя относительно своихъ подданныхъ и потому постоянно враждовалъ съ вельможами. Наиболѣе уважаемые имеретинами князья Церетели, Цилукидзе и другія лица, не пользуясь довѣренностью царя, отказались отъ чиновъ и, удалившись въ свои имѣнія, не принимали никакого участія въ управленіи страной. Простой народъ своевольничалъ, не слушалъ ни царя, ни поставленныхъ имъ правителей, избранныхъ большею частію изъ числа лицъ, не заслуживавшихъ уваженія. Всѣми дѣлами царства управлялъ бѣжавшій изъ Грузіи князь Элизбаръ Эристовъ, женившійся на дочери покойнаго царя Соломона, но мало способный къ управленію государственными дѣлами. Царь Давидъ, по безграмотности, по неопытности въ дѣлахъ и, наконецъ, по слабости характера только запутывалъ дѣла и обыкновенно слѣдовалъ первому совѣту кого-либо изъ окружающихъ, набранныхъ изъ людей бѣдныхъ и безпокойныхъ. Пользуясь безхарактерностью царя, его приближенные обкрадывали Давида, претерпѣвавшаго крайнюю бѣдность и бывавшаго часто безъ хлѣба. Царь принужденъ былъ, въ началѣ 1785 года, для собственнаго пропитанія наложить на народъ новые налоги, но имеретины отказались платить ихъ и, послѣ народнаго собранія, постановили давать царю съ каждаго двора по червонцу, по 60 копѣекъ вмѣсто барана, по 6 пудъ гоми, по 15 ведеръ вина, а затѣмъ болѣе ничего не давать.

Примирившись съ Дадіаномъ Мингрельскимъ, царь Давидъ считалъ его самымъ близкимъ себѣ другомъ и до того подпалъ подъ его вліяніе, что безъ совѣта Дадіана не рѣшался предпринять ничего сколько-нибудь важнаго ни по дѣламъ внѣшнимъ, ни по внутреннимъ [1]). Онъ отдалъ въ управленіе Дадіана до 700 дворовъ,

[1]) Вскорѣ послѣ возвращенія своего изъ похода въ Кутаисъ, Давидъ нашелъ тамъ посланнаго съ письмомъ отъ Сулейманъ-паши Ахалцыхскаго. Прежде чѣмъ отвѣчать на письмо паши, Давидъ отправился за совѣтомъ къ Дадіану, имѣлъ съ

доходы съ которыхъ предоставилъ въ его пользу, но Дадіанъ, въ знакъ благодарности, старался усилиться на счетъ царя и поддерживалъ постоянные раздоры въ Имеретіи [1]).

V.

Положеніе Грузіи относительно сосѣдей. — Внутреннее состояніе страны. — Намѣреніе Ираклія подчинить своей власти хана Ганжинскаго. — Вторженіе лезгинъ и отраженіе ихъ русскими войсками.—Интриги Порты и ихъ послѣдствія.

Введенные въ Грузію два егерскіе баталіона не могли одни защитить страну отъ внѣшнихъ враговъ, со всѣхъ сторонъ ея окружавшихъ и не могли оказать большаго вліянія на внутренній порядокъ или безпорядокъ, бывшій тогда въ Грузіи. Подданные магометанскаго закона дурно или вовсе не повиновались царю, а карталинскіе татары были готовы къ бѣгству. Въ Адербеджанѣ, послѣ усиленія Хойскаго хана, Ираклій потерялъ свое прежнее вліяніе и лишился подарковъ, которые получалъ прежде; Ганжа почти отложилась отъ него; Эриванскій ханъ не платилъ дани и, поддерживаемый ханомъ Хойскимъ и пашой Ахалцыхскимъ, не признавалъ надъ собою власти царя грузинскаго. Давнишній союзникъ Ираклія, Ибраимъ ханъ Шушинскій (Карабагскій), также сталъ уклоняться отъ союза, а сосѣдніе съ Грузіей лезгины, грабили и опустошали страну, отгоняли скотъ и уводили въ плѣнъ жителей. Защита страны находилась въ рукахъ наемниковъ, худо радѣвшихъ о пользѣ Грузіи. Усилить число своихъ войскъ Ираклій не находилъ возможнымъ, и на предложеніе генерала Потемкина, платить своимъ войскамъ жалованье и давать продовольствіе отъ казны, царь отвѣчалъ, что это не въ обыкновеніи въ ихъ землѣ. «Если сію плату, писалъ Ираклій [2]), будемъ производить нашему народу, то невозможно будетъ умножать нашихъ войскъ другими на-

нимъ свиданіе на рѣкѣ Цхенисъ-Цхали и только по возвращеніи отправилъ посланнаго съ отвѣтомъ.

[1]) Рапортъ Бурнашева генералу Потемкину 19-го августа 1785 года, № 34.

[2]) Въ письмѣ П. С. Потемкину 29-го декабря 1784 года. Госуд. Арх., XXIII, № 135, карт. 49.

родами, и потому содержимъ наши войска безъ платы, а на сіи деньги умножаемъ ихъ число другими народами».

Не смотря на свое безсиліе, Ираклій пытался возстановить потерянное имъ вліяніе въ Адербеджанѣ и упрочить свою власть въ Эриванѣ и Ганжѣ. Собравъ свои войска, онъ отправилъ ихъ къ Ганжѣ подъ начальствомъ бывшаго тамъ губернаторомъ князя Андроникова и Шамшадыльскаго Али-султана. Ганжинцы встрѣтили грузинъ въ садахъ, окружающихъ городъ, но послѣ непродолжительной перестрѣлки принуждены были запереться въ крѣпости. Этотъ незначительный успѣхъ подалъ надежду Ираклію, что ганжинцы покорятся и безъ содѣйствія русскихъ войскъ, если только Фетъ-Али-ханъ Дербентскій не помѣшаетъ Ибраимъ-хану Шушинскому прислать свои войска въ помощь грузинамъ. Опасаясь, чтобы вражда, возникшая между Дербентскимъ и Шушинскимъ ханами не помѣшала Ибраиму оказать содѣйствіе въ покореніи Ганжи, Ираклій просилъ Фетъ-Али оставить свои непріязненныя дѣйствія противъ Карабага. Посланный царя мирза Мисаилъ встрѣтилъ Дербентскаго хана на пути къ Карабагу, въ мѣстечкѣ Сальянахъ, гдѣ онъ принужденъ былъ остановиться со своими войсками по недостатку въ запасахъ продовольствія. Почти въ одно время съ мирзой Мисаиломъ прибылъ къ Фетъ-Али-хану посланный паши Ахалцыхскаго, его казначей съ тремя тысячами червонныхъ, собольею шубой и часами, усыпанными брилліантами. Посланный паши увѣрилъ Дербентскаго хана въ непремѣнной помощи со стороны турецкаго двора и передалъ ему письмо, возбуждающее его къ дѣйствіямъ противъ Россіи.

«Милости и обогащеніе Карталиніи со стороны россійскаго двора, писалъ Сулейманъ, имѣютъ ту наклонность, чтобъ обладать всѣмъ Ираномъ. Предувѣдомляемъ васъ заблаговременно о томъ; будьте готовы къ начатію (военныхъ дѣйствій) сего лѣта, а я вамъ отвѣчаю казною. Вы отъ тѣхъ мѣстъ начнете свое дѣло, а мы отсюда нападемъ на Грузію. Совѣтую вамъ соединить всѣ свои силы; въ противномъ случаѣ раскаитесь и скоро, когда ослабѣютъ всѣ ваши члены».

Фетъ-Али-ханъ хотя и не вѣрилъ всѣмъ этимъ обѣщаніямъ, но хотѣлъ извлечь возможную пользу отъ такой присылки. Онъ

отправилъ къ генералу Потемкину своего чиновника Садыкъ-мирзу съ извѣщеніемъ, что къ нему прибылъ посланный отъ турецкаго паши съ подарками, которыхъ онъ не только не принялъ, но и письма не читалъ, что посланный отправился потомъ въ Карабагъ къ Ибраимъ-хану, который принялъ его съ особенными почестями, пушечною пальбой и въ присутствіи всѣхъ надѣлъ на себя халатъ, присланный ему въ подарокъ.

«Вы изволите всегда мнѣ писать, говорилъ Фетъ-Али-ханъ въ письмѣ своемъ П. С. Потемкину [1]), что Ибраимъ-ханъ состоитъ подъ покровительствомъ ея величества, и чтобъ его не притѣснять, но увѣряю васъ, что онъ посылаетъ къ турецкому султану посланниковъ съ секретными перепиской и за то получаетъ себѣ подарки и вмѣшивается въ непристойныя дѣла, а я и поднесь состою въ вѣрности ея величеству».

Надѣясь получить одобреніе за мнимую преданность къ Россіи, Фетъ-Али-ханъ вмѣсто того получилъ отъ генерала Потемкина выраженіе сожалѣнія, что отпустилъ посланнаго, а не задержалъ его въ своихъ владѣніяхъ, какъ бы слѣдовало поступить человѣку преданному Россіи [2]). Ошибшійся въ разсчетахъ Дербентскій ханъ видѣлъ, что интрига его противъ Ибраимъ-хана Шушинскаго также не удалась. Онъ сознавалъ, что военныя его предпріятія противъ Ибраима не могутъ быть успѣшны, такъ какъ бо́льшая часть его войскъ, не имѣя средствъ къ пропитанію, расходилась по домамъ, а между тѣмъ жители Карабага, оставивъ селенія со всѣмъ своимъ имуществомъ, скотомъ и семействами, удалились въ горы и, засѣвъ въ крѣпкихъ мѣстахъ, готовы были встрѣтить непріятеля. Затруднительное положеніе, въ которомъ очутился Фетъ-Али-ханъ, было причиной, что онъ встрѣтилъ посланнаго Ираклія съ особою предупредительностью. Онъ увѣрялъ мирзу Мисаила, что желаетъ сохранить съ царемъ Иракліемъ дружбу и доброе согласіе и, не имѣя никакихъ враждебныхъ намѣреній противъ Грузіи, не можетъ, однако же, примириться съ Ибраимъ-ханомъ. Дербентскій ханъ предлагалъ раздѣлить Карабагъ на двѣ части, — одну

[1]) Отъ 10-го января 1785 года. Госуд. Архивъ, XXIII, № 13 карт. 49.

[2]) Рапортъ П. С. Потемкина князю Потемкину отъ 22-го января, № 7. Тамъ же.

взять себѣ, а другую предоставить Ираклію, но съ тѣмъ, чтобы въ этомъ раздѣлѣ русскіе не имѣли никакого участія.

— Намъ нужно, говорилъ Дербентскій ханъ мирзѣ Мисаилу, утвердить союзъ съ царемъ Иракліемъ присягой, аманатами или свиданіемъ. Я не требую отъ его высочества большаго числа войскъ, а только пятьсотъ человѣкъ для завоеванія Карабага. Когда я возьму и разорю Шушу, я поселю жителей на равнинѣ. Татарскую орду, принадлежащую Грузіи, возвращу, а остальныхъ раздѣлимъ между нами, или такъ: армяне достанутся его высочеству, а магометане—мнѣ. Буде царю угодно будетъ, то сдѣлаемъ брата Ибраимъ-хана начальникомъ Карабага: пусть онъ намъ обоимъ служитъ. Если мои предположенія исполнятся, я не хочу имѣть никакого участія въ дѣлахъ Ганжи и тогда вся область перейдетъ къ царю.

— Его высочество, отвѣчалъ на это Мисаилъ, находится подъ покровительствомъ россійской императрицы и безъ совѣта русскаго начальника ни въ какія дѣла входить не станетъ.

Отвѣтъ этотъ не нравился Фетъ-Али-хану, желавшему отклонить Ираклія отъ союза съ Ибраимъ-ханомъ.

— Коронованъ былъ вашъ царь? спросилъ Фетъ-Али-ханъ, какъ бы перемѣняя разговоръ.

— Корона въ родѣ нашихъ царей не новость, отвѣчалъ Мисаилъ;—они съ давнихъ временъ были всегда коронованы. Остановка въ семъ произошла отъ того, что свѣтлѣйшій князь (Потемкинъ) намѣренъ прибыть въ Моздокъ, а оттуда въ Карталинію, чтобы короновать царя при себѣ.

— Царь и предъ симъ ввелъ россіянъ въ свое отечество, замѣтилъ Фетъ-Али-ханъ, — но никакого прока отъ нихъ не видалъ... Чего вы отъ нихъ теперь ожидаете?

— Такія слова простительно говорить кому-нибудь другому, а не вамъ, когда вы существуете единственно поддержкой Россіи.

— Я не намѣренъ, отвѣчалъ Фетъ-Али-ханъ,—имѣть какое-либо дѣло съ русскими и дѣлать ихъ соучастниками въ моихъ поступкахъ. Если его высочество содержитъ нѣсколько войскъ россійскихъ для своей стражи, пусть съ ними и совѣтуется, а я усильно стараться буду завладѣть Карабагомъ.

Спустя нѣсколько дней Фетъ-Али-ханъ дѣйствительно подошелъ къ Карабагу. Ибраимъ вышелъ на встрѣчу непріятеля и расположившись въ четырехъ миляхъ отъ него, въ одной изъ своихъ крѣпостей, просилъ помощи Ираклія [1]). Не имѣя въ своемъ распоряженіи свободныхъ войскъ, грузинскій царь принужденъ былъ послать приказаніе Али-Султану и князю Андронникову, чтобъ они, снявъ осаду Ганжи, слѣдовали на соединеніе съ Ибраимъ-ханомъ.

Ганжинцы торжествовали, тѣмъ болѣе, что получили увѣреніе со стороны Фетъ-Али-хана, что онъ употребитъ всѣ свои силы къ освобожденію заключеннаго хана и возвращенію ему владѣнія. Чтобы скорѣе достигнуть желаемаго и поддержать Фетъ-Али-хана, ганжинцы стали склонять на свою сторону подданныхъ Ираклія Шамшадыльскихъ и Шамхорскихъ татаръ, которые, видя временный успѣхъ ганжинцевъ, намѣрены были также отложиться отъ власти царя. Ираклій обратился тогда къ помощи русскихъ войскъ. Онъ просилъ полковника Бурнашева поддержать его въ экспедиціи противъ Ганжи. Бурнашевъ приказалъ тремъ ротамъ Горскаго баталіона слѣдовать въ селеніе Муганлу; одной ротѣ Бѣлорусскаго полка изъ Сурама и тремъ изъ Кизиховъ прибыть въ Тифлисъ, съ тѣмъ, чтобы выступить оттуда съ грузинскими войсками. Общее соединеніе обоихъ нашихъ отрядовъ было назначено на рѣкѣ Алгетѣ. Въ Грузіи остались только три роты Горскаго егерскаго баталіона, расположенныя въ Сурамѣ и необходимыя для защиты страны отъ лезгинъ, производившихъ набѣги со стороны Ахалцыха [2]).

Не оставляя своихъ враждебныхъ дѣйствій противъ Грузіи, Сулейманъ-паша содержалъ лезгинъ на своемъ жалованьи и, давая имъ пріютъ въ Ахалцыхскомъ пашалыкѣ, направлялъ ихъ отъ времени до времени въ Грузію. На требованіе Потемкина, чтобы паша не держалъ у себя лезгинъ, Сулейманъ отвѣчалъ, что онъ не имѣетъ возможности воспретить имъ приходъ въ свои владѣнія и сваливалъ всю вину на Ираклія и его подданныхъ.

[1]) Письмо мирзы Мисаила князю Герсевану Чавчавадзе 7-го марта 1785 года. Госуд. Архивъ, XV, № 197.

[2]) Рапортъ Бурнашева Потемкину 22-го февраля № 7. Госуд. Архивъ, XXIII, № 13, папка 49.

«Для чего грузины, писалъ онъ [1]), пропускаютъ ихъ чрезъ свое отечество и не воспретятъ проходъ имъ въ Кахетію и Карталинію, чрезъ которыя они выходятъ и ко мнѣ. Какимъ образомъ мнѣ воспретить имъ входъ? тѣмъ болѣе, что леки (лезгины) съ нами одного закона, по которому взаимная вражда и брань воспрещается. Не безъизвѣстно также вамъ и то, что Дагестанъ по своему положенію составляетъ ближайшее сосѣдство Грузіи и удаленнѣе отъ меня; что народу сему издревле какъ Персія, такъ Ахалцыхъ и Карталинія не въ силахъ были въ отечества свои возбранить проходы. Довольно видно изъ сего, что не я причиной, и что я безсиленъ между двумя великими государями нарушить миръ нынѣ существующій».

Сулейманъ писалъ, что не онъ нарушаетъ миръ, а Ираклій, который, вторгаясь въ турецкія владѣнія, выводитъ жителей въ Карталинію, и что такимъ способомъ переселилъ къ себѣ нѣсколько сотъ крестьянъ.

Паша считалъ себя въ правѣ поступать точно такимъ же образомъ и потому собралъ въ своихъ владѣніяхъ довольно значительную толпу (до четырехъ тысячъ) лезгинъ и ахалцыхскихъ турокъ, которые, какъ «заподлинно извѣстно, писалъ князь Потемкинъ-Таврическій [2]), вызваны были въ сей походъ публичными крикунами».

Въ апрѣлѣ 1785 года сборище это вторгнулось въ Карталинію, разорило три деревни и увлекло въ плѣнъ болѣе 600 человѣкъ жителей. Находившійся въ Сурамѣ маіоръ Сенненбергъ, по полученіи свѣдѣній о вторженіи въ Грузію значительной толпы хищниковъ, взялъ 200 егерей съ однимъ орудіемъ и бросился ихъ преслѣдовать. 16-го апрѣля онъ настигъ ихъ на ахалцыхской дорогѣ, въ семи верстахъ отъ Сурама, прижалъ къ лѣвому берегу рѣки Куры, и послѣ четырехчасоваго сраженія разбилъ ихъ наголову. Болѣе 1,300 человѣкъ непріятелей погибло въ этомъ сраженіи; многіе изъ нихъ, спасаясь отъ русскихъ пуль и штыковъ, броса-

[1]) Въ письмѣ П. С. Потемкину 12-го марта 1785 года. Госуд. Архивъ XV, № 192.

[2]) Въ ордерѣ П. С. Потемкину 22-го мая № 146. Госуд. Арх. XXIII, № 13, папка 49.

лись въ Куру и тонули, будучи не въ силахъ достигнуть до противоположнаго берега; множество тѣлъ плыло по рѣкѣ Курѣ до самаго Тифлиса. Наибольшая потеря пала на долю турокъ, изъ коихъ 200 человѣкъ было взято въ плѣнъ [1]). Побѣда была полная и ее торжествовали въ Грузіи и Имеретіи. «Опыты храбрости нашихъ войскъ, писалъ Потемкинъ по поводу этой побѣды полковнику Бурнашеву [2]), и всегдашнее сокрушеніе лезгинъ, дерзающихъ противостоять храбрымъ нашимъ войскамъ, послужатъ въ доказательство царю и всѣмъ грузинамъ, сколь велико для нихъ благополучіе быть подъ щитомъ россійскаго воинства».

Скоро Ираклій долженъ былъ самъ сознать справедливость словъ Потемкина, ибо лезгины и турки, желая отомстить пораженіе, нанесенное имъ Сенненбергомъ, 27-го мая, снова вторгнулись въ Грузію въ числѣ 1,200 лезгинъ и 500 человѣкъ турокъ. Выйдя ночью изъ Ахалцыха и спустившись внизъ по рѣкѣ Курѣ, они опустошили нѣсколько селеній. Тотъ же маіоръ Сенненбергъ взялъ 300 человѣкъ егерей, 125 грузинъ и три орудія и, выступивъ изъ Сурама, пошелъ на встрѣчу хищникамъ. 28-го мая обѣ стороны встрѣтились другъ съ другомъ. Непріятель со стремительностію бросился на грузинъ, смялъ ихъ и атаковалъ егерей. Послѣ часоваго, весьма упорнаго сраженія, маіоръ Сенненбергъ, не смотря на замѣшательство грузинъ, разсѣялъ непріятеля, оставившаго на полѣ 300 человѣкъ убитыми и 63 человѣка плѣнными [3]).

Хотя турки и лезгины потерпѣли вторичное пораженіе, тѣмъ не менѣе поступки Сулеймана-паши заставили наше правительство требовать отъ Порты полнаго удовлетворенія, въ ожиданіи котораго Потемкину поручено было отправить къ сераскиру Хаджи-Али-пашѣ своего посланнаго «съ жалобой и настоять, чтобы съ Сулейманъ-пашой поступлено было яко съ нарушителемъ мирныхъ постановленій, и чтобы пресѣчена была впредь навсегда подобная дерзость».

«Соединеніе оттоманскихъ подданныхъ съ лезгинами, писала императрица нашему посланнику въ Константинополѣ Я. И. Бул-

---

[1]) Рапорты Бурнашева Потемкину 22-го и 24-го апрѣля, за №№ 1, 18 и 19.
[2]) Въ ордерѣ отъ 2-го іюля № 30.
[3]) Государств. Арх., XX, № 263.

гакову [1]), относимъ единственно на счетъ ахалцыхскаго Сулеймана-паши, который не одинъ разъ доказалъ уже свое недоброхотство къ сохраненію добраго сосѣдственнаго согласія, а нимало не подозрѣваемъ, чтобы тутъ Порта имѣла, вопреки мира къ намъ, какіе либо виды». Екатерина II поручила Булгакову заявить турецкому правительству, что она требуетъ «наиусильнѣйшаго» удовлетворенія и что «для утвержденія насъ въ добромъ мнѣніи о миролюбивыхъ Порты намѣреніяхъ, для отвращенія пролитія невинной крови и для упрежденія несогласій и самаго разрыва,—необходимо нужно наказать означеннаго пашу и другихъ, кто въ посылкѣ оттоманскихъ подданныхъ на земли вассала нашего царя Карталинскаго обще съ лезгинами участвовалъ».

Представленія нашего посланника въ Константинополѣ оставались безъ всякаго исполненія. Турецкое правительство неравнодушно смотрѣло на пребываніе нашихъ войскъ въ Грузіи и втайнѣ не только одобряло поведеніе паши Ахалцыхскаго, но и старалось возмутить противъ Грузіи сосѣднихъ владѣльцевъ, не щадя для того ни денегъ, ни подарковъ. Порта старалась разорить Грузію на столько, чтобы она была не въ состояніи продовольствовать русскія войска и, устрашивъ сосѣднихъ владѣльцевъ постоянными вторженіями въ Грузію, удалить ихъ отъ исканія покровительства Россіи [2]). По всему Закавказью, подъ именемъ путешественниковъ и торговцевъ, разъѣзжали посланныя турецкимъ правительствомъ лица, стараясь убѣдить все магометанское населеніе, что Россія обѣщала Ираклію покорить всю Персію. Какъ ни нелѣпы были эти толки, но они оказывали свое дѣйствіе и въ особенности, когда лѣтомъ 1785 года въ Закавказьѣ появился капиджи-баши, развозившій фирманы султана, призывавшіе правовѣрныхъ къ сопротивленію замысламъ Россіи.

Правовѣрные принимали посланныхъ съ подобающимъ почетомъ, вѣрили въ широкое обѣщаніе Порты содѣйствовать имъ деньгами и войсками и ополчались противъ Грузіи. Всѣ Адербейд-

---

[1]) Въ рескриптѣ отъ 23-го мая 1785 г., № 363. Арх. Кабинета Его Величества, св. 441.

[2]) Всеподдан. донесеніе кн. Потемкина. Московс. Арх. Глав. Штаба. «Журналъ кн. Потемкина подаваемымъ ея императорскому величеству записками».

жанскіе ханы, кромѣ Эриванскаго, заключили союзъ съ дагестанцами и обязались между собою сопротивляться завоевательнымъ видамъ Россіи. Многіе изъ нихъ прибыли на границу Грузіи и требовали, чтобы паша Ахалцыхскій или самъ одновременно съ ними вторгся въ Грузію, или отпустилъ къ нимъ находившихся у него лезгинъ [1]). Въ августѣ Ираклій получалъ со всѣхъ сторонъ свѣдѣнія о сборѣ на его границахъ многочисленныхъ враговъ: въ Ахалцыхѣ собирались лезгины и турки, подстрекаемые и набираемые Сулейманомъ-пашой; Омаръ-ханъ Аварскій, соединясь съ джаро-бѣлоканцами, также приготовлялся ко вторженію въ Грузію; магометанскіе подданные царя Ираклія волновались, переговаривались съ лезгинами и обѣщали, отложившись отъ царя, присоединиться къ нимъ. Казахи дали даже слово, съ появленіемъ лезгинъ, схватить жившаго среди нихъ царевича Георгія и передать въ ихъ руки. Посланные въ Дагестанъ лазутчики приносили каждый день все болѣе и болѣе угрожающія извѣстія и совѣтовали грузинамъ заблаговременно сыскать для своихъ женъ и дѣтей убѣжища и скрыть въ безопасныя мѣста свое имущество [2]).

Опасаясь болѣе всего вторженія Омаръ-хана, силы котораго простирались до 15,000 человѣкъ, Ираклій хотя и призывалъ къ себѣ на службу ингушей и осетинъ, обѣщая имъ хорошее жалованье, но считая свое положеніе безвыходнымъ, не думалъ уже объ оборонѣ границъ, а приказалъ жителямъ собираться въ четыре главные пункта, отстаивать которые и былъ намѣренъ. Пунктами этими были города: Гори, Тифлисъ, Телавъ и Сигнахъ. Приказаніе это осталось далеко неисполненнымъ. Въ то время въ Грузіи не было единства и многіе изъ князей и дворянъ, предпочитая слѣдовать собственнымъ интересамъ, остались въ своихъ маленькихъ замкахъ [3]). Положеніе страны было критическое; грузины собирались на защиту отечества медленно, вяло и неохотно, такъ что на успѣхъ отраженія непріятеля разсчитывать было трудно.

---

[1]) Моск. Арх. Гл. Штаба. «Журналъ кн. Потемкина подаваемымъ ея имп. вел. запискамъ.

[2]) Рапорты подполковника Квашнина-Самарина Бурнашеву 3-го и 17-го августа 1785 года.

[3]) Рапортъ Бурнашева 4-го октября, № 42.

«Долгомъ поставляю представить, писалъ полковникъ Бурнашевъ [1]), что по испытанію моему черезъ два года худую я имѣю надежду на грузинъ, причины сему не мѣсто теперь объяснять. Не имѣю я конныхъ войскъ и для разъѣздовъ, то нужно хотя бы сколько-нибудь имѣть оныхъ на сей случай; нужно и для того, чтобы присланіемъ сикурса ободрить отъ унынія упадшихъ здѣшнихъ жителей, а непріятелямъ вперить страхъ умноженіемъ нашихъ силъ».

Грузины находились дѣйствительно въ большомъ смятеніи, тѣмъ болѣе, что лезгины со стороны Ахалцыха, не ожидая Омаръ-хана Аварскаго, разсѣялись по всей Грузіи небольшими партіями, грабили и опустошали страну. Чрезвычайные жары изсушили всѣ рѣки, такъ что переправа черезъ нихъ не представляла никакихъ затрудненій и почти не было дня, чтобы лезгины не похищали гдѣ-нибудь скота или людей, или не сжигали хлѣба, до котораго до сихъ поръ они никогда не касались.

Ираклій, не надѣясь на собственную защиту, повторялъ свою просьбу о присылкѣ русскихъ войскъ въ Грузію и доставленіи ему заимообразно 200 пудовъ пороху. Полковникъ Бурнашевъ сосредоточилъ въ Тифлисѣ восемь ротъ своихъ баталіоновъ, съ тѣмъ, чтобы двинуться съ ними противъ непріятеля, когда узнаетъ дѣйствительное направленіе, которое онъ возьметъ при вторженіи въ Грузію [2]).

Въ то время Потемкинъ не могъ оказать Ираклію никакой помощи, ибо всѣ войска, расположенныя на Кавказской линіи, были заняты усмиреніемъ волненій, произведенныхъ на сѣверномъ склонѣ Кавказа появившимся въ Чечнѣ пророкомъ.

---

[1]) Рапортъ Бурнашева Леонтьеву 17-го августа. № 38.
[2]) Рапортъ Бурнашева Потемкину 19-го августа, № 33.

VI.

Пророкъ въ Чечнѣ и его ученіе о газаватѣ или священной войнѣ. — Неудачное дѣло полковника Шерри съ чеченцами. — Волненія въ Кабардѣ. — Нападеніе горцевъ на Каргинскій редутъ и на Григоріополисъ.

Въ началѣ 1785 года въ Чечнѣ явился пророкъ, по имени Мансуръ [1]), начавшій проповѣдывать новое ученіе. Уроженецъ селенія Алтыкабака [2]), пастухъ званіемъ, Мансуръ принадлежалъ къ

[1]) Дѣйствительное имя его было Учерманъ, передѣланное нами сначала въ Ушурму, а потомъ въ Мансура. Впослѣдствіи и самъ пророкъ называлъ себя этимъ послѣднимъ именемъ.

[2]) Такъ самъ Мансуръ называлъ то селеніе, въ которомъ онъ родился. На нашихъ картахъ оно извѣстно подъ именемъ Алды.

Въ журналѣ «Русская Мысль» 1884 г., кн. VII, была напечатана статья подъ названіемъ «*Авантюристъ XVIII вѣка*». Въ статьѣ этой разсказаны похожденія какого-то лжепророка Мансура, не имѣющаго, впрочемъ, никакого сходства съ тѣмъ, который явился проповѣдникомъ въ горахъ Кавказскихъ. Авторъ статьи говоритъ, что въ мартѣ 1785 года, въ Курдистанскомъ городѣ Амадіи, появился пророкъ Мансуръ (самозванецъ Жанъ-Батистъ-Боэтти, по происхожденію италіанецъ), начавшій проповѣдывать новое ученіе. Далѣе говорится, что число его учениковъ быстро возрастало и достигло до огромной цифры; что, выступивъ 20 апрѣля 1785 года изъ Амадіи всего съ 96 человѣками, онъ подошелъ къ г. Битлису съ такимъ большимъ ополченіемъ, что могъ осадить его и потомъ взять штурмомъ. Этотъ первый успѣхъ имѣлъ, будто-бы, громадныя послѣдствія: городъ Муссъ сдался пророку безъ сопротивленія, Ахалцыхъ онъ взялъ штурмомъ, Эрзерумъ сдался, а въ Тифлисѣ онъ разбилъ русскія войска и захватилъ 10,000 плѣнныхъ. Авторъ статьи, очевидно, плохо знаетъ Кавказъ, если говоритъ, что къ пророку шли послѣдователи изъ ущелій Кавказскихъ горъ подъ Эрзерумъ. Въ концѣ статьи сказано: «мы не можемъ сомнѣваться, что авантюристъ кончилъ свою жизнь въ Соловкахъ (Соловецкомъ монастырѣ), потому что послѣднее письмо его помѣчено «Соловецкъ 15 сентября 1798 г.»

Все это выдумка и не имѣетъ ничего общаго съ проповѣдникомъ въ горахъ Кавказскихъ. Изъ нашего разсказа, какъ предыдущаго, такъ и послѣдующаго, видно, что въ періодъ времени съ 1782 по 1795 г. Тифлисъ не подвергался нападенію пророка, что русскія войска имѣли дѣло только съ одними лезгинами и что, наконецъ, судьба кавказскаго Шейхъ-Мансура отлична отъ той, которая разсказана въ статьѣ «Авантюристъ XVIII вѣка».

Взятый въ плѣнъ въ 1791 году, Шейхъ-Мансуръ былъ отправленъ въ Петербургъ и представленъ императрицѣ. Было бы болѣе чѣмъ странно посылать фанатика-магометанина въ православный монастырь, и потому 15-го октября 1791 года Мансуръ былъ отправленъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, гдѣ и скончался 13-го апрѣля 1794 г. Онъ похороненъ безъ всякаго обряда на Преображенской горѣ, близъ города (См. рапортъ коменданта Шлиссельбургской крѣпости полковника Колюбакина, Госуд. Арх., VII, д. № 2777).

Въ томъ, что Мансуръ природный горецъ, сомнѣвались еще и въ прошломъ столѣтіи. Въ первое время появленія смотрѣли на него сначала какъ на эмисара, по-

самымъ бѣднымъ жителямъ аула и имѣлъ въ то время около двадцати лѣтъ отъ роду.

— Отецъ мой, говорилъ онъ [1]), — именовался Шебессе; онъ умеръ, но изъ братьевъ моихъ еще двое въ живыхъ. Я бѣденъ, все мое имѣніе состоитъ изъ двухъ лошадей, двухъ быковъ и одной хижины. Въ первые годы своей юности пасъ я овецъ, а возмужавъ упражнялся въ земледѣліи; грамотѣ не ученъ, читать и писать не умѣю, а выучилъ наизустъ повседневныя пять молитвъ и узналъ основные догматы религіи. Я видѣлъ, что соотчичи мои, какъ простой народъ, такъ ученые и духовенство, уклонились отъ путей закона, впали въ различныя заблужденія и отринувъ должное къ Богу почтеніе, постъ и молитву, стали жить развратно, утопая во всѣхъ родахъ злодѣяній. Мнѣ извѣстно было, что съ давняго времени народъ нашъ слѣдуетъ дурнымъ обычаямъ воровать, убивать безъ всякаго сожалѣнія нашихъ ближнихъ, и вообще ничего иного не дѣлать, кромѣ зла; и самъ я поступалъ такимъ же образомъ. Но, вспомнивъ смертный часъ и вѣдая, что за неисполненіе закономъ повелѣнныхъ обязанностей, долженъ буду дать отвѣтъ Богу на страшномъ судилищѣ, я вдругъ освѣтился размышленіемъ о родѣ жизни, мною провождаемомъ, и усмотрѣлъ, что онъ совсѣмъ противенъ нашему святому закону. Я постыдился своихъ дѣяній и рѣшился не продолжать болѣе такой варварской жизни, а сообразить свое поведеніе съ предписаніями священнаго закона. Я далъ себѣ твердый зарокъ не слѣдовать худымъ примѣрамъ своихъ соотчичей, жить набожно и никогда не отставать отъ поста и молитвы. Я покаялся во грѣхахъ своихъ, умолялъ о томъ же другихъ, и ближайшіе мои сосѣди повиновались моимъ совѣтамъ.

Небольшое число послѣдователей новаго ученія не удовлетворяло, однако же, Мансура. Одаренный отъ природы гибкимъ умомъ и сильною волей, онъ умѣлъ вкрадываться въ довѣренность дру-

---

досланнаго турками, а потомъ какъ на пришельца, ищущаго поддержки Порты. Всѣ эти предположенія оказались, однако же, несостоятельными (См. Сборникъ Императорскаго русскаго историческаго общества, томъ 47, стр. 143, 145, 179—181).

[1]) Въ своихъ показаніяхъ Шешковскому и другимъ, Госуд. Арх., VII, № 2,777; XXIII, № 13, карт. 50—52.

гихъ и, горя нетерпѣніемъ выдти изъ круга обыкновенныхъ людей, рѣшился для привлеченія къ себѣ большаго числа учениковъ прибѣгнуть къ хитрости и указать на себя, какъ на посланника великаго пророка. Однажды жители селенія Алды узнали, что Мансуръ видѣлъ сонъ, доказывающій несомнѣнно, что онъ избранникъ Божій.

— Во снѣ видѣлъ я, говорилъ Мансуръ его окружающимъ, что пріѣхали ко мнѣ на дворъ два человѣка на лошадяхъ и звали меня къ себѣ. Я приказалъ женѣ выдти посмотрѣть и узнать: кто они и откуда? Жена, увидя верховыхъ лошадей, удивилась, какъ могли они попасть на дворъ, ворота котораго были заперты накрѣпко.

Возвратясь къ мужу, она объявила, что на дворѣ дѣйствительно стоятъ два всадника, но кто они и откуда явились она не знаетъ. Тогда Мансуръ самъ пошелъ на дворъ. Пріѣхавшіе привѣтствовали его словами: селямъ-алейкюмъ, на которыя хозяинъ отвѣтилъ обычнымъ привѣтомъ, и вслѣдъ затѣмъ услышалъ отъ гостей необычайныя слова.

— Повелѣніемъ Бога нашего, говорилъ одинъ изъ нихъ, Магометъ пророкъ его прислалъ насъ къ тебѣ сказать, что народы ваши всѣ пришли въ заблужденіе и не исполняютъ совсѣмъ закона, даннаго имъ отъ Магомета. Увѣщевай народъ и передай ему наши слова, дабы онъ оставилъ свои заблужденія и шелъ по пути, данному намъ закономъ.

— Народъ нашъ, отвѣчалъ будто бы Мансуръ, не послушаетъ меня бѣднаго человѣка; да и не смѣю я сказать ему объ этомъ.

— Не бойся, говори, Господь тебѣ поможетъ и народъ повѣритъ всему, что ты станешь проповѣдовать.

Всадники исчезли. Мансуръ три дня провелъ въ постѣ и молитвѣ и затѣмъ передалъ свое сновидѣніе братьямъ. Онъ говорилъ имъ, что безвѣріе, закоренѣлые пороки, склонность къ грабежамъ и убійствамъ, губятъ чеченцевъ и готовятъ имъ осужденіе въ будущей жизни; что онъ, по власти данной ему Богомъ, можетъ исправить пороки своихъ соотечественниковъ, научить ихъ истинному закону и тѣмъ отвратить отъ ожидающаго ихъ бѣд-

ствія. Братья приняли этотъ разсказъ за бредъ воспаленнаго воображенія и запретили Мансуру видѣнный имъ сонъ передавать постороннимъ.

— Люди тебѣ не повѣрятъ, говорили они, а намъ будетъ стыдно.

Спустя два дня, Мансуръ снова обратился къ братьямъ съ просьбой дозволить ему объявить сонъ народу.

— Приключеніе это тѣснитъ меня, говорилъ онъ со слезами,— и такъ мнѣ тягостно, что если не объявлю народу, то долженъ умереть.

Послѣ такихъ словъ, братья принуждены были согласиться. Мансуръ взошелъ, по обычаю, на крышу своего дома, закрылъ уста рукавомъ и тихимъ голосомъ сталъ созывать односельцевъ. «Какъ тихо ни пущалъ онъ свой голосъ, говорили въ послѣдствіи алдинцы, но жители въ ту же минуту всѣ къ нему сбѣжались» [1]).

Разсказавъ собравшимся сновидѣніе, Мансуръ сталъ требовать покаянія.

— Оставьте взаимныя ссоры, убійства, кровомщеніе и простите другъ друга, говорилъ онъ народу.—Не курите табаку, не пейте ничего, что̀ изъ солода приготовляется и не прелюбодѣйствуйте. Имѣніе теперешнее, какъ неправильно собранное и накопленное, истребите, хлѣба не сѣйте, ибо вмѣсто него каждый будетъ имѣть отъ Бога посланное. Именемъ Бога и его пророка Магомета упрашиваю васъ, послушайте меня, а если не исполните сіи заповѣди и не послушаете моихъ сказаній, то въ скорости подвергнетесь гнѣву Божію.

По выходѣ изъ мечети, Мансуръ приказалъ зарѣзать двухъ барановъ и мясо ихъ роздалъ собравшимся. На слѣдующій день изъ двухъ воловъ, составлявшихъ все его имущество, онъ взялъ одного, обвелъ его, по обычаю, три раза вокругъ кладбища и затѣмъ, зарѣзавъ, раздѣлилъ мясо его пополамъ: одну часть отдалъ бѣднымъ, а другую —малолѣтнимъ, учащимся въ школѣ. Благотворительность эта, на которую разсчитывалъ и самъ Мансуръ, при-

[1]) Показаніе Кайтуки Бакова 1-го марта 1785 года. Госуд. Арх., XXIII. № 13, папка 49.

влекла ему многихъ приверженцевъ. Безкорыстіе не въ характерѣ чеченцевъ, и народъ, видя, что Мансуръ роздаетъ бѣднымъ послѣднее свое имущество, преклонялся предъ нимъ съ особеннымъ уваженіемъ. Онъ видѣлъ въ бѣдномъ пастухѣ избранника пророка Магомета, подражать которому Мансуръ старался на каждомъ шагу. Одержимый, подобно Магомету, падучими припадками,—по понятію магометанъ признаками вдохновенія,—Мансуръ часто притворялся ослабѣвающимъ и больнымъ. Онъ обыкновенно изнемогалъ и падалъ предъ слушателями, которые относили его въ другую комнату, гдѣ, пролежавъ часа съ три, какъ бы въ безчувственномъ состояніи, онъ возвращался къ собравшимся съ разными пророческими предсказаніями.

— Потерпите немного, говорилъ онъ имъ, и повѣрьте, что увидите чудеса отъ Бога сотворенныя.

— Какія они будутъ? спрашивали нѣкоторые скептики изъ числа собравшихся.

— Въ будущемъ мѣсяцѣ, и не далѣе какъ черезъ три недѣли, отвѣчалъ онъ, будетъ гласъ съ неба. Принявшіе мое ученіе возрадуются возвѣщенію о мнѣ; не принявшіе — поразятся скорбію и умственнымъ разстройствомъ, отъ котораго будутъ исцѣлены мною не прежде, какъ по чистосердечномъ раскаяніи.

Зная наклонность своихъ соотечественниковъ къ грабежу и хищничеству и желая удовлетворить народной страсти, Мансуръ сталъ проповѣдывать о необходимости войны противъ невѣрныхъ, придавая ей значеніе богоугоднаго дѣла.

— Волею Божіей, говорилъ онъ, предстоитъ намъ идти для обращенія народовъ въ законъ магометанскій, сначала къ карабулахамъ и ингушамъ, потомъ въ Кабарду и, наконецъ, въ русскіе предѣлы, для истребленія христіанъ. Когда наступитъ то время, тогда мнѣ приказано свыше взять знамя, палатку и выѣхать на чеченскую равнину [1]). Туда соберется ко мнѣ со всѣхъ сторонъ столько войска, что едва въ состояніи будетъ оно на той полянѣ помѣститься. Я устрою изъ него стражу на девяти разныхъ мѣстахъ, по десяти тысячъ человѣкъ на каждомъ. Потомъ мы дви-

[1]) Равнина эта, извѣстная подъ именемъ Красной Поляны, находится между рѣками Челхой и Аргунью.

немся впередъ и тѣ, кои не будутъ имѣть лошадей, пойдутъ за нами пѣшими. Когда мы дойдемъ до карабулаховъ и ингушей, то встрѣтятъ насъ три бѣлыя лошади съ полнымъ уборомъ. Пѣшіе обрадуются и бросятся ихъ ловить; каждый поймаетъ себѣ лошадь, а тѣ три бѣлыя останутся свободными, пока всѣ пѣшіе не обзаведутся лошадьми. Слѣдуя по горамъ, мы станемъ обращать всѣхъ невѣрныхъ въ нашъ законъ и достигнемъ до рѣки Кумы, гдѣ присоединится къ намъ столь же большое войско изъ Стамбула.

Обѣщая своимъ послѣдователямъ все, что по понятію чеченца составляетъ прелесть жизни, то есть хищничество, соединенное съ богоугоднымъ дѣломъ обращенія невѣрныхъ на истинный путь, Мансуръ грозилъ карой тѣмъ, кто не послѣдуетъ его ученію и совѣтамъ.

— Кто не повѣритъ моимъ словамъ, говорилъ онъ, и останется въ прежнемъ заблужденіи, тотъ не удостоится быть среди войска. Таковые принуждены будутъ возвратиться въ свои дома, гдѣ встрѣтятъ ихъ малолѣтнія дѣти, станутъ укорять ихъ и плевать въ глаза. Пристыженные дѣтьми, пойдутъ они за войскомъ, но не найдутъ его, точно такъ же какъ не сыщутъ и своихъ домовъ. Оставшись безъ крова, они будутъ искать убѣжища въ казацкихъ городкахъ. Отъ рѣки Кумы я пойду по русскимъ селеніямъ, и каждый изъ моихъ послѣдователей долженъ имѣть съ собою небольшой мѣдный кувшинъ, чтобы въ пути по землѣ русской черпать имъ воду изъ рѣкъ, которыя отъ того пересохнутъ, а зачерпнувшій будетъ имѣть воды для себя и для лошади на цѣлый мѣсяцъ. Когда настанетъ время сражаться, тогда каждый изъ васъ получитъ отъ меня по небольшому ножу, который при взмахѣ противъ христіанъ будетъ удлиняться, колоть и рубить невѣрныхъ, а противъ магометанъ скрываться. Ни пушки, ни ружья невѣрныхъ не будутъ вредить намъ, а выстрѣлы ихъ обратятся на нихъ самихъ. Всѣ жители русскихъ селеній послѣдуютъ нашему закону. Скрывшіеся у русскихъ наши единовѣрные принуждены будутъ также слѣдовать новому ученію, ибо тѣ, кои сего не исполнятъ, будутъ разрублены нами надвое, причемъ одна половина тѣла обратится въ собаку, а другая—въ свинью.

Суевѣрные до крайности чеченцы вѣрили предсказаніямъ, тѣмъ

болѣе, что случившееся вскорѣ послѣ начала пророчества землетрясеніе принято было народомъ за чудо, предсказанное ихъ новымъ учителемъ. Во второмъ часу дня 12-го и въ ночь на 13-е февраля, на Кавказской линіи слышенъ былъ подземный гулъ и ощущалось колебаніе земли, слѣдовавшее по направленію отъ горъ на плоскость. Колебаніе это было на столько сильно, что вода въ рѣкѣ Терекѣ волновалась какъ бы отъ жестокой бури. Землетрясеніе ощущалось въ Моздокѣ, Наурѣ, Григоріополисѣ, Екатериноградѣ, въ Павловской, Маріинской и Георгіевской крѣпостяхъ. Охвативъ значительное пространство, оно навело ужасъ на все туземное селеніе. Чеченцы видѣли въ немъ гнѣвъ Божій, исполненіе предсказаній Мансура, число послѣдователей котораго послѣ этого происшествія значительно увеличилось. Жители селенія Алды рѣшили разрядить ружья въ доказательство готовности ихъ прекратить кровомщеніе, перестали курить табакъ, пить бузу, стали одѣваться такъ, какъ одѣвался самъ Мансуръ, въ платье турецкаго покроя, и составили вокругъ него особую стражу, простиравшуюся до пятидесяти человѣкъ. Изъ этого числа двадцать человѣкъ занимали караулъ у воротъ, пятнадцать человѣкъ находились постоянно на дворѣ дома и пятнадцать въ сѣняхъ. Сверхъ того, алдинцы постановили оберегать всѣ пути сообщенія со стороны Россіи [1]).

Вполнѣ положившись на слова предсказателя, многія деревни стали готовиться къ походу, шили знамена и говорили, что пойдутъ съ Мансуромъ къ ингушамъ для обращенія ихъ въ магометанство и отысканія какого-то древняго корана, будто бы хранящагося у ингушей. Алдинцы увѣряли, что Омаръ-ханъ Аварскій прислалъ Мансуру письмо, въ которомъ, высказывая сочувствіе пророку, писалъ ему, что получилъ отъ Порты въ подарокъ шубу и саблю при требованіи, чтобъ онъ, собравъ войска, соединился со всѣми единозаконными. Омаръ-ханъ обѣщалъ черезъ двѣ недѣли самъ побывать въ Алдахъ и условиться о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ.

Происшествіе въ селеніи Алды скоро стало извѣстнымъ и въ

[1]) Показанія разныхъ лицъ, приложенныя къ рапорту генерала Леонтьева П. С. Потемкину отъ 13-го марта 1785 года. Госуд. Архивъ, XXIII, № 13. карт. 49.

сосѣднихъ аулахъ. Чеченцы съ разныхъ концовъ спѣшили побывать въ Алдахъ сначала изъ любопытства, съ намѣреніемъ провѣрить ходившіе слухи, а впослѣдствіи, чтобъ удостоиться видѣть самого пророка. Послѣдній скрылся въ покояхъ своего дома и рѣдко показывался народу. Въ дни общественныхъ молитвъ или праздниковъ онъ выходилъ не иначе, какъ одѣтый въ бѣлое платье и подъ покрываломъ. Любопытство прибывшихъ по большей части оставалось не удовлетвореннымъ и, не видавъ пророка, они обращались съ разспросами о немъ къ лицамъ его окружавшимъ и имъ избраннымъ. Естественно, что въ интересахъ послѣднихъ было разсказывать о своемъ учителѣ, какъ о человѣкѣ необычайномъ и отмѣченномъ перстомъ Божіимъ. Придавая каждому слову и движенію таинственное значеніе и допуская къ себѣ лишь немногихъ, преимущественно тѣхъ, свиданіе съ которыми могло принести ему нѣкоторую пользу, Мансуръ весьма успѣшно шелъ къ предположенной цѣли. Разсказы о его святой жизни, его предсказаніяхъ и тому подобное, быстро распространялись, видоизмѣнялись, преувеличивались и скоро про Мансура стали разсказывать необычайныя вещи. Одни говорили, что пророкъ видѣлъ во снѣ, будто онъ упалъ съ небесъ и оттого такъ сильно закричалъ, что вся деревня то слышала; другіе увѣряли, что онъ былъ мертвъ и потомъ воскресъ, и что это обстоятельство онъ самъ предсказалъ своимъ братьямъ.

— Сегодня я умру, сказалъ онъ однажды, но вы меня не хороните до другого дня, и ежели я въ этотъ срокъ не возстану изъ мертвыхъ, то тогда погребите.

Притворившись мертвымъ, Мансуръ имѣлъ терпѣніе пролежать цѣлыя сутки безъ движенія, а потомъ возсталъ къ удивленію своихъ ближайшихъ родственниковъ. Разсказъ о его смерти и воскресеніи быстро разнесся по чеченскимъ селеніямъ и жители стали распространять про Мансура такія небылицы, о которыхъ не подозрѣвалъ и самъ пророкъ. Чеченцы говорили, что онъ изсушилъ источникъ и потомъ снова наполнилъ его водой; что однажды проснувшись нашелъ въ головахъ своихъ копье, длиной въ четыре аршина, и потомъ объявилъ, что если пойдетъ съ этимъ копьемъ противъ христіанъ, то станетъ оно длиной шестьдесятъ аршинъ,

а если противъ магометанъ, то согнется и не станетъ колоть. Слава о Мансурѣ распространилась далеко за предѣлы Чечни; о немъ говорили на Кумыкской равнинѣ, въ горахъ и въ нѣдрахъ Дагестана.

Лжепророкъ старался воспользоваться такимъ всеобщимъ настроеніемъ.

Принявъ названіе шейха [1]), онъ сталъ требовать безусловнаго къ себѣ повиновенія. Впослѣдствіи, взятый въ плѣнъ и привезенный въ Петербургъ, онъ увѣрялъ, что не присваивалъ себѣ никакихъ названій, но не отказывался отъ титуловъ, будто бы данныхъ ему соотечественниками и другими горскими народами.

— Я ни эмиръ, ни пророкъ и никогда таковымъ не назывался, говорилъ онъ [2]), но не могъ воспрепятствовать, чтобы народъ меня таковымъ признавалъ, потому что образъ моихъ мыслей и жизни казался имъ какимъ-то чудомъ. Въ уединеніи своемъ я не зналъ, что слухъ о моемъ раскаяніи распространился, и я извѣстился только о томъ чрезъ посѣщеніе многихъ приходившихъ слушать мои наставленія объ исполненіи долга по закону. Сіе пріобрѣло мнѣ названіе шейха и съ того времени почитали меня человѣкомъ чрезвычайнымъ, который могъ отрещись отъ столь прибыточныхъ приманокъ, каковы воровство и грабежъ... Каждое слово мое было выслушиваемо съ жадностью и каждыя уста разсказывали объ ономъ различно по своему уму, способности или надеждѣ отличиться... Слухъ обо мнѣ разсѣялся повсюду и у отдаленныхъ народовъ дали мнѣ титулъ пророка. Мнѣ приносили подарки деньгами, овцами, быками, яицами, лошадьми, хлѣбомъ и плодами. Не имѣя при умѣренной жизни большой въ томъ надобности, я немедленно раздавалъ все получаемое и такимъ образомъ питалъ я бѣдныхъ послѣдователей закона Божія, которые съ своей стороны наставляли народъ, не знающій донынѣ ни повиновенія, ни порядка.

Заручившись, при помощи благотвореній и подкупа, значительнымъ числомъ послѣдователей и сознавая свое значеніе и силу,

---

[1]) Въ офиціальной перепискѣ онъ былъ извѣстенъ у насъ подъ именемъ Шиха.
[2]) Шешковскому 17-го октября 1791 года. Госуд. Архивъ, VII, № 2,777.

Мансуръ не остановился на полупути, но зашелъ уже слишкомъ далеко. Онъ провозгласилъ себя имамомъ и смѣло объявилъ, что великій пророкъ Магометъ предвидѣлъ появленіе такого имама и даже предсказалъ это въ одной обрядовой магометанской книгѣ, извѣстной подъ именемъ Зограта (?) и содержащей въ себѣ молитвы на каждую недѣлю.

— Есть, говорилъ Мансуръ, магометанская книга, называемая Зограта. Въ ней написано ясно, въ какое время явится имамъ Мансуръ. Объ этомъ читается по волѣ Божіей въ молитвахъ нашихъ. Теперь исполнилось пророчество: я—предвозвѣщенный Мансуръ имамъ. Кто мнѣ не повѣритъ, тотъ беззаконникъ и будетъ проклятъ. Помните, что этотъ міръ есть преходящій, и мнѣ, Мансуру, предоставлено судьбой быть наставникомъ въ правилахъ корана и указать надежный путь къ будущему блаженству. Если Богъ возлюбитъ кого изъ рабовъ своихъ, того осѣняетъ своею благодатію. Промысломъ и помощью Господа всемогущаго Мансуръ ввергнетъ беззаконниковъ въ ровъ погибели. Богъ милостивъ, наставникъ заповѣдей Его терпѣливъ, а дѣла терпѣливыхъ всегда увѣнчиваются успѣхами.

Признавая за собою право, по званію имама, толковать догматы религіи, Мансуръ не стѣснялся тѣмъ, что, какъ человѣкъ неграмотный, онъ не читалъ корана и не зналъ даже главнѣйшихъ его основаній. Онъ прежде всего хлопоталъ о соединеніи въ одно цѣлое всѣхъ горскихъ народовъ и съ этою цѣлью требовалъ прекращенія кровомщенія, какъ обычая, служившаго къ разъединенію общества. Затѣмъ онъ требовалъ строгаго соблюденія заповѣдей Магомета, раздачи милостыни, прекращенія грабежей и воровства, конечно, между своими [1]), и, наконецъ, самонадѣянно объявилъ, что ѣздить въ Мекку вовсе не нужно, а что всѣ тѣ, кои придутъ къ нему на поклоненіе, получатъ наименованіе хаджей [2]).

Не имѣя образованія и никакого знакомства съ догматами религіи, Мансуръ въ подробностяхъ своего ученія впадалъ въ самыя

---

[1]) Воровство и грабежи у горцевъ считались преступленіемъ только когда произведены были между своими.

[2]) Рапортъ П. С. Потемкина князю Потемкину 2-го октября, № 2. Госуд. Арх., XXIII, № 13, карт. 50.

грубыя ошибки и противорѣчія. Онъ дозволялъ себѣ такія уклоненія въ обрядахъ, которыя явно противорѣчили основнымъ законамъ Магомета и потому на первыхъ же порахъ встрѣтилъ сопротивленіе со стороны ученыхъ муллъ, считавшихъ себя оберегателями чистоты магометанской религіи.

Дозволеніе, данное Мансуромъ женщинамъ совершать молитву во время обыкновенныхъ ихъ болѣзней и запрещеніе пить бузу, произвело большое впечатлѣніе среди чеченскаго духовенства. Нѣсколько ученыхъ муллъ пріѣхали въ селеніе Алды и требовали отъ пророка объясненій, говоря, что и разрѣшеніе имъ данное и запрещеніе совершенно противны корану, написанному самимъ Магометомъ. Муллы доказывали Мансуру, что запрещеніе приготовлять солодъ и варить бузу лишаетъ народъ возможности одѣться, ибо выдѣлываніе овчинъ безъ солоду невозможно. Послѣ долгихъ споровъ, Мансуръ принужденъ былъ сознаться въ несостоятельности своего ученія и разрѣшить, какъ приготовленіе бузы, такъ и солода. Уступка Мансура уронила его въ глазахъ муллъ, вынесшихъ о немъ понятіе, какъ объ обманщикѣ, пользующемся легковѣріемъ народа, но съ другой стороны возбудила въ самомъ Мансурѣ глубокую ненависть ко всему мусульманскому духовенству. Ненависть эта была на столько сильна, что пророкъ рѣшался нарушить законы страны и презрѣть обычай гостепріимства, священный для каждаго чеченца. Опасаясь, однако же, чтобы духовенство своимъ вліяніемъ не отклонило отъ него народъ, Мансуръ пустился на новую хитрость, на новый обманъ. Въ Шалинской деревнѣ жилъ братъ его жены, котораго онъ избралъ орудіемъ для исполненія своихъ намѣреній. Мѣсяца три спустя послѣ начала пророчествъ самого Мансура, чеченцы узнали, что въ Шалинской деревнѣ явился новый пророкъ, девятилѣтній мальчикъ Юсуфъ, сынъ Батыръ-хана, который, не обучавшись грамотѣ, читаетъ коранъ, пишетъ, проповѣдуетъ, даже исцѣляетъ больныхъ и въ особенности бѣснующихся. Люди любопытные отправлялись въ Шалинскую деревню и возвращались оттуда съ убѣжденіемъ, что нѣчто высшее руководитъ Юсуфомъ во всѣхъ его поступкахъ и поученіяхъ.

— Однажды ночью, такъ разсказывала посѣтителямъ мать

Юсуфа, сынъ мой сталъ читать сквозь сонъ молитвы, тѣ самыя, которыя отправляются обыкновенно при намазѣ. Удивясь такому происшествію, я разбудила сына, но онъ просилъ меня не безпокоить его болѣе и опять заснулъ. Въ теченіе всего сна, онъ не переставалъ читать молитвы, и когда всталъ поутру, то не былъ веселъ, какъ бывалъ прежде, а скорѣе печаленъ. Такъ прошло время до полудня, и когда наступилъ часъ для отправленія намаза, то Юсуфъ исполнилъ его при всѣхъ своихъ родственникахъ съ такою точностію, съ какою можетъ исполнить только ученый мулла. Въ тотъ же день вечеромъ, онъ въ сопровожденіи своихъ односельцевъ пошелъ въ мечеть, гдѣ отправилъ богослуженіе, читалъ коранъ и поучалъ народъ.

Сначала шалинцы считали Юсуфа за волшебника, но впослѣдствіи, руководясь разсказами матери, признали его человѣкомъ святымъ.

— Когда Юсуфъ ложится спать, говорила его мать своимъ односельцамъ, тогда является къ нему неизвѣстный человѣкъ въ зеленомъ кафтанѣ и въ красной чалмѣ и вынимаетъ изъ него духъ, оставляя въ тѣлѣ вмѣсто его какую-то трубочку. Вынувъ духъ, онъ возводитъ его на небо въ особый покой, гдѣ сидящій человѣкъ съ краснымъ лицомъ, одѣтый въ зеленое платье и красную чалму, на подобіе эфенди, разспрашиваетъ о людяхъ, оставшихся на землѣ. Юсуфъ отвѣчаетъ, что теперь магометане законъ отправляютъ какъ должно и живутъ въ тишинѣ, а сидящій человѣкъ научаетъ его чтенію корана, обѣщая ему дать и самый коранъ.

Въ такомъ состояніи, по словамъ матери, Юсуфъ находился часа по два, но не всякую ночь, а иногда черезъ одну, иногда черезъ двѣ ночи.

Одинъ изъ числа бывшихъ въ Шалинской деревнѣ чеченцевъ, Али-Солтанъ Тыевъ, чистосердечно увѣрялъ бригадира Вишнякова, что самъ видѣлъ, какъ Юсуфъ отправлялъ намазъ и читалъ молитвы по-арабски. Тыевъ говорилъ, что Юсуфъ пользуется большимъ уваженіемъ жителей, повинующихся вполнѣ его наставленіямъ, состоящимъ въ томъ, чтобъ исполнять законъ, какъ предписано въ коранѣ, избѣгать воровства, кровомщенія, а главное имѣть полное повиновеніе къ алдинскому пророку Шейхъ-Мансуру.

Послѣдній пріѣзжалъ въ Шалинскую деревню, видѣлся съ Юсуфомъ, котораго называлъ своимъ духовнымъ сыномъ и имѣлъ съ нимъ продолжительный разговоръ. Юсуфъ оказывалъ ему почтеніе и уговаривалъ всѣхъ слѣдовать его ученію.

Сколько ни старалось чеченское духовенство выставить несостоятельность ученія Мансура, оно не могло отвратить народа отъ хитро-сплетенныхъ сѣтей и только навлекло на себя ненависть лжепророка. Видя со стороны духовенства противодѣйствіе своимъ видамъ, Мансуръ сторонился муллъ, не вступалъ съ ними ни въ какія объясненія, отказывалъ въ ночлегѣ въ своемъ домѣ и, наконецъ, не удержался отъ того, чтобы въ одной изъ своихъ проповѣдей не предсказать имъ въ будущей жизни самыя жестокія мученія. Говоря о скоромъ появленіи антихриста, Мансуръ увѣрялъ, что тогда наступитъ время, когда всѣ народы побѣгутъ въ ужасномъ смятеніи въ Тифлисъ.

— Тамъ, продолжалъ онъ, отъ великаго стеченія людей послѣдуетъ голодъ и люди будутъ пожирать платье и тетиву отъ луковъ. Почти всѣ погибнутъ и немногіе лишь останутся. Въ то же время выйдутъ изъ земли полчища Даджала (антихриста), многочисленныя, какъ трава, и умножатъ бѣдствія рода человѣческаго. Потомъ явится пророкъ Иса и убьетъ Даджала, легіоны же его будутъ совершенно истреблены ядовитыми червями. Смрадъ ихъ смоетъ трехдневный дождь, каждая капля котораго будетъ величиной со сливу. Останется разбросаннымъ на землѣ одно оружіе Даджала и народъ нашъ будетъ топить имъ печи триста лѣтъ. Во все это время будетъ царствовать пророкъ Иса для блага народа, а потомъ наступитъ преставленіе свѣта. Кто словамъ моимъ не вѣритъ, тотъ будетъ проклятъ въ этой жизни и въ будущей, особенно же адскому мученію подвергнутся нынѣшніе учители изъ духовенства.

Какъ ни нелѣпы были всѣ проповѣди Мансура и его предсказанія, но въ глазахъ суевѣрныхъ чеченцевъ они имѣли значеніе полной достовѣрности. Большинство слушателей и послѣдователей проповѣдника были убѣждены, что въ недалекомъ будущемъ должно совершиться торжество Ислама, и что всѣ страны,

куда ни пойдетъ пророкъ со своими учениками, покорятся ему и послѣдуютъ закону правовѣрныхъ.

Враждебное отношеніе Мансура ко всему населенію, не исповѣдующему магометанской религіи, а главное стремленіе его соединить всѣхъ горцевъ въ одно цѣлое, не могли быть оставлены безъ вниманія начальствомъ Кавказской линіи. Соединившись вмѣстѣ, горцы могли образовать весьма значительную силу. По исчисленію генералъ-поручика П. С. Потемкина, въ случаѣ единодушнаго возстанія, кумыки (андреевцы и аксаевцы) могли легко выставить до 5,000 человѣкъ вооруженныхъ ружьями, чеченцы—до 4,000, обѣ Кабарды—до 10,000, а съ присоединеніемъ къ нимъ мелкихъ племенъ, все ополченіе горцевъ могло достигнуть до 25,000 человѣкъ. Цифра эта была весьма велика, если вспомнить, что число русскихъ войскъ, разбросанныхъ по всему протяженію Кавказской линіи, не превышало 27,000 человѣкъ, обязанныхъ защищать весьма обширную границу. Въ то время командующаго войсками не было на Моздокской линіи. Вызванный еще въ декабрѣ 1784 года въ Петербургъ, по вопросу объ открытіи кавказскаго намѣстничества, генералъ-поручикъ П. С. Потемкинъ возвратился на линію не прежде конца сентября 1785 года. Командовавшій за его отсутствіемъ войсками генералъ-поручикъ Леонтьевъ не безъ опасенія смотрѣлъ на волненіе, происходившее въ Чечнѣ, и предписалъ всѣмъ пограничнымъ начальникамъ имѣть всю военную осторожность, приготовиться на случай нечаяннаго нападенія и всѣми мѣрами стараться захватить Мансура въ свои руки. Находившійся въ крѣпости св. Маріи генералъ-маіоръ Пеутлингъ, получивъ такое распоряженіе и имѣя извѣстіе, что пророкъ намѣренъ прежде всего напасть на карабулаховъ и ингушей, усилилъ войсками ближайшіе къ чеченцамъ пункты. Онъ отправилъ двѣ гренадерскія роты во Владикавказъ и 100 егерей въ Григоріополисъ, чтобы на всякій случай быть въ лучшемъ оборонительномъ положеніи [1]).

Вслѣдъ затѣмъ посты эти были еще болѣе усилены.

---

[1]) Письмо Пеутлинга П. С. Потемкину 17-го марта 1785 года. Госуд. Арх., XXIII, № 13, пап. 49.

«Повторяемыя извѣстія съ Кавказа, писалъ князь Потемкинъ [1]), о появившихся тамъ лжепророкахъ и народномъ отъ сего волненіи, сколь ни темны и не обстоятельны, тѣмъ не менѣе требуютъ однако уваженія. Ваше превосходительство, не оказывая, впрочемъ, наружной заботы, могущей послужить къ ободренію мятежниковъ, прикажите сблизить нѣкоторое число войскъ на рѣкѣ Сунжѣ, гдѣ главное скопище лжепророческое. Единый страхъ, таковымъ движеніемъ произведенный, будетъ удобенъ къ разогнанію сей сволочи... Страхъ наказанія и надежда мзды имѣютъ въ тѣхъ народахъ всегда сильное движеніе».

П. С. Потемкинъ, еще до полученія этого распоряженія, приказалъ отправить во Владикавказъ баталіонъ пѣхоты на усиленіе тамошняго гарнизона и сосредоточить на рѣкѣ Сунжѣ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Шемякина, особый, довольно сильный по тому времени отрядъ. Въ составъ послѣдняго были назначены два полка пѣхоты, одинъ баталіонъ егерей, нѣсколько эскадроновъ драгунъ и полкъ Уральскихъ казаковъ. Генералу Шемякину поручено было избрать позицію по своему усмотрѣнію и дѣйствовать рѣшительно, дабы усмирить волненіе въ самомъ началѣ и «не дать самой малой искрѣ произвести пламень» [2]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, П. С. Потемкинъ призналъ полезнымъ отправить къ горскимъ народамъ прокламацію, въ которой просилъ ихъ не вѣрить Мансуру и не слѣдовать его ученію.

«Къ неудовольствію моему извѣщенъ я, писалъ Потемкинъ въ своей прокламаціи чеченцамъ и прочимъ горскимъ народамъ [3]), что въ предѣлахъ чеченскаго народа явился нѣкто изъ бродягъ, возмущающій лживымъ прельщеніемъ спокойствіе народа. Называя себя пророкомъ, коего лжи никто изъ разумныхъ вѣрить не можетъ и не долженъ, привлекаетъ ослѣпленныхъ суевѣровъ и обманываетъ ихъ. Таковое происшествіе не можетъ мною оставлено быть безъ надлежащаго разсмотрѣнія, а какъ я вскорѣ отъ высочайшаго ея императорскаго величества двора отправлюсь паки въ кавказскіе предѣлы, симъ предварительно повелѣваю всѣмъ

[1]) Въ ордерѣ генералу Потемкину отъ 26-го апрѣля 1785 года.
[2]) Ордеръ П. С. Потемкина генералъ-поручику Леонтьеву 2-го апрѣля, № 20.
[3]) Отъ 2-го апрѣля, № 21. Госуд. Архивъ, XXIII, № 13, папка 50.

народамъ отнюдь не вѣрить лжепророчеству сего обманщика. По прибытіи моемъ, я скоро изобличу его обманы, его ложь и докажу народамъ, что онъ не есть пророкъ, но льстецъ и обманщикъ, а дабы ослѣпленные его ложью не пострадали, то объявляю всѣмъ и каждому не вѣрить его прельщеніямъ и отъ него удалиться; если за симъ моимъ объявленіемъ послѣдуетъ кто обманщику, таковые возчувствуютъ гнѣвъ и наказаніе».

Объявленіе это, разосланное въ Чечню, Аксай и Эндери, не имѣло никакихъ послѣдствій и партія приверженцевъ лжепророка быстро возрастала. Съ каждымъ часомъ усиливавшійся Мансуръ сталъ проповѣдывать газаватъ или священную войну, и его ученіе, теряя мало-по-малу чисто религіозный характеръ, обращалось въ политическое стремленіе весьма для насъ опасное. Сознавая необходимость подавить волненіе чеченцевъ въ самомъ его началѣ, князь Потемкинъ поручилъ лично извѣстному ему по своей энергіи полковнику Піери взять Астраханскій полкъ съ нѣсколькими орудіями артиллеріи и быстрымъ движеніемъ въ самое мѣсто сборища лжепророка стараться захватить его въ свои руки. Для поддержанія Піери, приказано было отряду генерала Шемякина придвинуться къ Амиръ-хановой деревнѣ, а Московскій пѣхотный полкъ отправленъ къ Григоріополису [1]). Прибывъ къ мѣсту назначенія, Піери долженъ былъ требовать выдачи лжепророка, и если послѣдуетъ какое-либо сопротивленіе, то силой возстановить въ томъ краю спокойствіе.

«Полковнику Піери, писалъ князь Потемкинъ [2]), прикажите по прибытіи къ сборищу дать знать прельщеннымъ отъ лжепророка, что единое средство къ отвращенію предстоящаго имъ бѣдствія есть выдача сего обманщика, безъ сомнѣнія, подосланнаго отъ противной стороны, и что въ случаѣ упорства подвергнутъ они себя всей тяжести наказанія. Весьма желательно, чтобы дѣло сіе было окончено безъ пролитія крови».

Къ сожалѣнію, первыя попытки наши въ этомъ отношеніи были неудачны. Полковникъ Піери слишкомъ увлекся, пренебрегъ непрія-

[1]) Ордеръ П. С. Потемкина генералу Леонтьеву 10-го мая, № 23. Государ. Архивъ, XXIII, № 13, папка 50.

[2]) П. С. Потемкину 6-го мая, № 136. Тамъ же, папка 49.

телемъ и, не дождавшись посланнаго для его поддержки отряда бригадира Апраксина, двинулся противъ чеченцевъ, былъ окруженъ ими и потерпѣлъ пораженіе. Дѣло происходило такъ.

4-го іюля, между Науромъ и Калиновскою станицей, собрались войска, назначенныя для экспедиціи полковника Піери. Въ составъ отряда вошли: весь Астраханскій пѣхотный полкъ, баталіонъ Кабардинскаго егерскаго полка, двѣ гренадерскія роты Томскаго пѣхотнаго полка и сотня казаковъ Терскаго войска. Около четырехъ часовъ пополудни полковникъ Піери выступилъ въ походъ, по направленію къ селенію Алды, до котораго считалось верстъ около пятидесяти. Пройдя всю ночь, онъ достигъ до береговъ рѣки Сунжи, отъ которой до селенія Алды оставалось не болѣе пяти верстъ. Путь къ селенію пролегалъ по густому и почти сплошному лѣсу. Желая застать жителей врасплохъ и воспользоваться всѣми преимуществами нечаяннаго нападенія, Піери рѣшился слѣдовать палегкѣ. Онъ оставилъ близъ переправы черезъ рѣку Сунжу весь обозъ и для его прикрытія мушкатерскія роты Астраханскаго полка подъ начальствомъ полковника Тамары. Переправившись съ остальными войсками черезъ рѣку Сунжу, Піери вскорѣ вступилъ въ лѣсъ, по которому пролегала весьма извилистая дорога и до такой степени узкая, что по ней едва могли проходить рядомъ только четыре человѣка. Близъ селенія Алды отрядъ встрѣтился съ тремя чеченцами, изъ коихъ два были убиты, а третій успѣлъ дать знать лжепророку и его односельцамъ объ угрожающей имъ опасности. Не смотря на то, Піери настигъ жителей врасплохъ, и въ десять часовъ утра, 6-го іюля, зажегъ домъ Мансура и все селеніе Алды, состоявшее изъ четырехсотъ дворовъ. Лжепророкъ успѣлъ скрыться и селеніе было разграблено нашими гренадерами. Цѣль экспедиціи была достигнута и въ часъ пополудни Піери предпринялъ обратное движеніе къ рѣкѣ Сунжѣ, но это-то движеніе и было гибельнымъ для нашего отряда. Разсѣянные алдинцы успѣли собраться въ лѣсу, и соединившись съ жителями сосѣднихъ селеній, совершенно окружили небольшой отрядъ полковника Піери. Всегда горячіе при отступленіи непріятеля, чеченцы съ необыкновеннымъ увлеченіемъ насѣдали на нашихъ егерей и почти уничтожили весь отрядъ. Командиръ Кабардинскаго егерскаго баталіона, маіоръ Комарскій, предлагалъ оста-

новиться на одной изъ полянъ и выждать прибытія отряда бригадира Апраксина, но Піери не принялъ этого предложенія и продолжалъ движеніе. Солдаты отступали мужественно, шагъ за шагомъ, но на половинѣ пути Піери былъ убитъ, а вслѣдъ затѣмъ и маіоръ Комарскій смертельно раненъ. Потеря двухъ начальниковъ произвела совершенное разстройство въ отрядѣ. «Тутъ видно, доносилъ генералъ-поручикъ Потемкинъ [1]), что наши егеря совершенно побѣжали, ибо чеченцы ихъ рѣзали безоборонныхъ, послѣ брали шатающихся по лѣсу въ плѣнъ». Успѣвшіе достигнуть до рѣки Сунжи, бросились въ ся волны, нѣкоторые изъ нихъ утонули, другіе же достигли противоположнаго берега и соединились съ прикрытіемъ обоза. При отступленіи отрядъ потерялъ два орудія, отбитыя чеченцами, лишился восьми человѣкъ офицеровъ убитыми и пяти сотъ семидесяти шести человѣкъ нижнихъ чиновъ [2]), изъ коихъ четыреста четырнадцать человѣкъ было убито [3]).

«Происшествіе за Сунжей, писалъ князь Потемкинъ [4]), тѣмъ сожалительнѣе, что принятіе мѣръ надлежащихъ упущено. Я уже не говорю о томъ, что покойный полковникъ Піери не обезпечилъ своей переправы и погорячился идти на чеченцевъ, не дождавшись бригадира Апраксина къ своему подкрѣпленію, но удивляюсь, что самъ генералъ-поручикъ (Леонтьевъ) не сталъ прежде въ близости сего мѣста станомъ, чтобы наблюсть точность исполненія моихъ предписаній. Полковникъ Піери тутъ бы, конечно, не оставилъ требовать отъ чеченцевъ лжепророка или лучше сказать орудіе, присланное отъ турокъ [5]) и по отказѣ слѣдовать въ то селеніе, гдѣ онъ находился. Тогда бы знали чеченцы, за чѣмъ идутъ къ нимъ и

[1]) Князю Потемкину отъ 8-го ноября № 323. Госуд. Архивъ, XXIII, № 13, карт. 50.

[2]) Изъ Астраханскаго полка выбыло 110 человѣкъ нижнихъ чиновъ; изъ баталіона Кабардинскаго егерскаго полка 402 человѣка и изъ двухъ гренадерскихъ ротъ Томскаго полка 64 человѣка. Рапортъ генерала Потемкина князю Потемкину 31-го іюля, № 36. Тамъ же.

[3]) Остальные 162 человѣка были взяты въ плѣнъ и потомъ въ разное время выкуплены; точно также чеченцы возвратили намъ обѣ пушки, изъ коихъ за одну взяли сто рублей.

[4]) Въ ордерѣ П. С. Потемкину отъ 1-го августа. Государствен. Архивъ, XXIII, № 13, карт. 49.

[5]) Мнѣніе это не оправдывается. Мансуръ никогда не былъ прямымъ орудіемъ турокъ.

можетъ-быть предпочли бы выдать злодѣя, нежели за него драться и подвергнуть себя мщенію».

Полковникъ Піери былъ дѣйствительно оставленъ безъ всякой поддержки, ибо бригадиръ Апраксинъ только 6-го іюля получилъ приказаніе Леонтьева приблизиться къ алдинской переправѣ, отъ которой находился не ближе двадцати верстъ. Хотя онъ тотчасъ же выступилъ по назначенію, но участь отряда Піери была уже рѣшена. Апраксинъ наткнулся на толпу чеченцевъ, преслѣдовалъ ихъ до Алхановой деревни, сжегъ ее и, возвратившись въ Малую Кабарду, написалъ пышное донесеніе о подвигахъ своего отряда.

«Если то были одни скрывшіеся жители деревни Алхановой, писалъ князь Потемкинъ, недовольный донесеніемъ Апраксина [1]), то о преимуществѣ, одержанномъ надъ ними столь знатными силами, можно было сказать короче. Достойно, однакоже, примѣчанія, что нѣсколькими ядрами, коихъ всѣхъ пущено только двадцать шесть, погибло въ одной схваткѣ сто семьдесятъ человѣкъ и что еще однимъ выстрѣломъ повалено болѣе половины толпы,—искусство артиллеристовъ чрезвычайное. Но менѣе удачи въ трофеяхъ: снятый съ мертваго патронташъ, нѣчто похожее на барабанъ, и таковое жь знамя могли бы быть преданы молчанію, особливо когда уже и отданы казакамъ»...

«Я желаю, писалъ свѣтлѣйшій въ другомъ своемъ ордерѣ [2]), чтобы ваше превосходительство вперили всѣмъ начальникамъ отрядовъ, дабы избѣгать пушками пугать, но употреблять выстрѣлы тамъ, гдѣ артиллерія вредить можетъ, ибо я увѣренъ, что всѣ горскіе жители, соединясь вмѣстѣ, не выдержатъ живаго огня нашихъ батарей».

Увлеченіе полковника Піери имѣло гибельныя послѣдствія. Первый успѣхъ Мансура надъ русскими войсками народъ приписалъ его чудесамъ и исполненію пророчествъ. Значеніе пророка возвысилось не только въ глазахъ его соотечественниковъ, но и между сосѣдними народами. Кабардинцы волновались и готовы были пристать къ чеченскимъ хищникамъ. Побѣды бригадира Апраксина, о которыхъ онъ доносилъ съ такою подробностью, не испугали

[1]) Въ ордерѣ П. С. Потемкину. 5-го августа Госуд. Арх., XXIII, № 13, карт. 49.
[2]) П. С. Потемкину отъ 1-го августа 1785 года.

горцевъ и не ослабили ихъ приверженности къ Мансуру. Съ разныхъ мѣстъ и цѣлыми толпами шли они подъ знамена лжепророка и черезъ шесть дней послѣ сожженія Алхановой деревни напали на наши передовые посты. Мансуръ пріобрѣлъ теперь столь большую власть надъ народомъ, что по собственному усмотрѣнію лишалъ жизни преступниковъ и вопреки ученію Магомета ввелъ обрядъ обрѣзанія. Чеченцы, не исключая стариковъ и женщинъ, спѣшили исполнить этотъ обрядъ, сулившій блаженство въ будущей жизни, и по неискусству операторовъ нерѣдко платились за это жизнью. Вся Чечня безпрекословно подчинилась Мансуру, но онъ, не довольствуясь этимъ, простиралъ виды еще далѣе. Лжепророкъ хотѣлъ привлечь подъ свои знамена все магометанское населеніе и обратить въ Исламъ и другія горскія племена, не исповѣдывавшія до сихъ поръ этой религіи Его ученики эмиссары появились у осетинъ и ингушей и старались склонить ихъ на свою сторону. Осетины отказались слѣдовать ученію чеченскаго пророка, а ингуши отправили нарочнаго къ подполковнику Матцену, находившемуся съ отрядомъ у Владикавказа.

— Будемъ ли мы блаженны, совершивъ обрѣзаніе? спрашивалъ посланный.

— Еслибъ отъ обрѣзанія могло произойти какое-либо чудо, отвѣчалъ Матценъ, то я первый совершилъ бы его.

Ингуши отвергли предложеніе Мансура и остались въ идолопоклонствѣ. Не смотря на эти неудачи, лжепророкъ не терялъ надежды на успѣхъ. Онъ торжественно объявлялъ, что въ скоромъ времени пойдетъ къ Кизляру и въ іюлѣ напалъ на Каргинскій редутъ, находившійся верстахъ въ пяти отъ этого города. Хотя весь гарнизонъ редута состоялъ изъ одного оберъ-офицера и нѣсколькихъ человѣкъ рядовыхъ, но чеченцы, не смотря на свою многочисленность, не могли овладѣть укрѣпленіемъ и принуждены были зажечь близъ лежащія строенія. Распространившійся огонь достигъ до пороховаго погреба и укрѣпленіе съ храбрыми его защитниками взлетѣло на воздухъ [1]).

Шихъ-Мансуръ торжествовалъ новую побѣду и честнымъ сло-

[1]) Рапортъ Леонтьева П. С. Потемкину 16-го августа. Госуд. Арх., XXIII, № 13, карт. 49.

вомъ увѣрялъ своихъ легковѣрныхъ послѣдователей, что Кизляръ точно также падетъ къ ногамъ правовѣрныхъ. Жители города были въ большомъ страхѣ. Командовавшій войсками на линіи, за отсутствіемъ П. С. Потемкина, генералъ-поручикъ Леонтьевъ, самъ отправился въ Кизляръ, чтобъ усилить его войсками и принять мѣры къ его защитѣ. Въ Кизлярѣ онъ нашелъ два полка, Томскій и Астраханскій, причемъ двѣ роты послѣдняго находились на Очинской пристани для охраненія провіанта. Считая эти войска недостаточными для защиты такого пункта, Леонтьевъ просилъ астраханскаго губернатора прислать къ нему двѣ тысячи калмыковъ [1]), и приказалъ бригадиру Апраксину съ его отрядомъ слѣдовать къ рѣкѣ Малкѣ съ цѣлью не дозволить кабардинцамъ соединиться съ чеченцами, а подполковника Вреде съ баталіономъ мушкетеръ отправилъ на усиленіе Григоріополиса.

Между тѣмъ, находившійся въ крѣпости Григоріополисѣ маіоръ Жильцовъ донесъ подполковнику Вреде, что 26-го іюля, поутру, прискакалъ къ нему владѣлецъ Малой Кабарды князь Джембулатъ и объявилъ, что князь Долъ со своими подвластными перешелъ на сторону Мансура; что жители, подвластные князю Долу, опасаясь наказанія, приготовляются къ побѣгу, и что лжепророкъ, по соединеніи съ кабардинцами, намѣренъ напасть на Григоріополисъ. Получивъ эти свѣдѣнія, подполковникъ Вреде выслалъ тотчасъ же разъѣздъ изъ тридцати пяти человѣкъ донскихъ казаковъ, подъ начальствомъ хорунжаго Павлова. Отъѣхавъ верстъ пятнадцать отъ укрѣпленія, разъѣздъ нашъ наткнулся на небольшую партію чеченцевъ, которую хотя и преслѣдовалъ верстъ пять, но настичь не могъ. Поутру, 27-го числа, Павловъ отправленъ былъ опять для открытія непріятеля, имѣлъ съ нимъ перестрѣлку и донесъ, что значительная партія чеченцевъ вступила уже во владѣнія Малой Кабарды. Пріѣхавшій въ тотъ же день князь Джембулатъ сообщилъ болѣе подробныя свѣдѣнія. Онъ говорилъ, что Мансуръ со значительною толпой чеченцевъ и своихъ приверженцевъ прибылъ въ селенія князя Дола и расположился въ его домѣ; что пророкъ пригласилъ къ себѣ всѣхъ князей и владѣльцевъ

[1]) Рапортъ Леонтьева Потемкину 16-го августа, № 140.

Малой Кабарды и требовалъ, чтобъ они съ нимъ соединились. Недовольные своими владѣльцами уздени и простой народъ съ радостію приняли предложеніе Мансура, надѣясь при его посредствѣ избавиться отъ деспотическаго правленія своихъ князей.

Еще раньше появленія пророка въ предѣлахъ Кабарды уздени нѣсколько разъ обращались съ жалобой на притѣсненія владѣльцевъ и просили о дозволеніи переселиться въ предѣлы Россіи. Они писали, что князья, въ противность обычаямъ и законамъ, захватываютъ у нихъ барановъ, быковъ и употребляютъ въ пищу; что они берутъ лошадей и ѣздятъ на нихъ, не спрашивая дозволенія хозяйскаго; берутъ деньги взаймы подъ поручительствомъ узденей и не отдаютъ ихъ, а заставляютъ платить поручителей; безъ разрѣшенія хозяина входятъ въ домъ и, отобравъ отъ родителей хорошенькихъ мальчиковъ и дѣвочекъ, уводятъ въ свои дома, гдѣ держатъ сколько вздумается [1]).

Такой произволъ и вообще жестокое обращеніе владѣльцевъ со своими подвластными заставили узденей просить русское правительство или ограничить произволъ князей, или дозволить имъ выселиться изъ Кабарды и перейти на другое мѣсто. Уздени находили свое положеніе столь невыносимымъ, что намѣрены были разбрестись въ разныя стороны, если не получатъ удовлетворенія. Появленіе Мансура привлекло ихъ вниманіе и большинство изъявило готовность стать подъ его знамена. Владѣльцы были поставлены между двухъ огней: съ одной стороны они не рѣшались открыто присоединиться къ Мансуру, опасаясь наказанія со стороны русскаго правительства, съ другой—боялись быть разоренными своими же подвластными. Первое время они не давали никакого опредѣленнаго отвѣта Мансуру, но когда увидѣли, что большинство населенія ихъ ненавидѣвшаго перешло на сторону пророка, то признали болѣе выгоднымъ послѣдовать общему теченію, но такъ, чтобъ оставить себѣ нѣкоторый путь отступленія. Они уполномочили Джембулата отправиться въ Григоріополисъ, увѣдомить русскихъ о происходящемъ и увѣрить начальника гарнизона, что кабардинскіе владѣльцы, по силѣ данной ими присяги, остаются вѣрными

[1]) Прошеніе кабардинскихъ узденей генералъ-маіору Пеутлингу 21-го марта 1785 года.

русскому правительству, но просятъ разрѣшенія отправить женъ, дѣтей и имущество къ сторонѣ Барсукловъ и Анзоровыхъ Кабаковъ, съ тѣмъ, что все взрослое населеніе останется на своихъ мѣстахъ.

— Оставшись налегкѣ въ Кабардѣ, говорилъ Джембулатъ, мы будемъ, въ случаѣ нападенія развратника, защищать себя и свои селенія.

Джембулатъ просилъ дать ему нѣсколько воловъ для перевозки своего имущества и обѣщалъ тотчасъ же возвратить ихъ. Подполковникъ Вреде отговаривалъ кабардинцевъ отъ такого переселенія и, не будучи въ силахъ запретить, требовалъ, чтобы тѣ изъ владѣльцевъ, кои захотятъ переселиться, прислали предварительно своихъ сыновей въ аманаты. Взявъ двѣ пары воловъ, Джембулатъ отправился въ Кабарду съ обѣщаніемъ исполнить требованіе русскаго начальника, но кабардинскіе князья аманатовъ не прислали, хотя изъ Григоріополиса видно было, какъ длинные обозы ихъ съ имуществомъ покидали селенія.

Поутру, 29-го іюля, въ укрѣпленіи замѣтили, что въ близъ лежащемъ лѣсу собирались толпы вооруженныхъ людей; что по временамъ нѣсколько чеченскихъ всадниковъ со значками и знаменами показывались изъ лѣсу; что на встрѣчу имъ изъ кабардинскаго лѣса выѣзжало точно также нѣсколько всадниковъ со значками. Не трудно было убѣдиться, что кабардинцы дѣйствовали заодно съ чеченцами и, что обѣщаніе ихъ остаться вѣрными русскому правительству было сдѣлано съ цѣлью усыпить бдительность нашихъ начальниковъ и успѣть удалить свое имущество.

Видя, что толпа горцевъ все усиливается, подполковникъ Вреде отправилъ къ нимъ переводчика съ приказаніемъ спросить, зачѣмъ они собираются. Вмѣсто отвѣта собравшіеся стали бранить русскихъ и хотѣли встрѣтить выѣхавшаго выстрѣлами. Переводчикъ принужденъ былъ возвратиться въ укрѣпленіе, къ оборонѣ котораго и были приняты мѣры. Стоявшія лагеремъ войска были введены въ укрѣпленіе и расположены вдоль прикрытаго пути. Наиболѣе слабыя мѣста этого послѣдняго были заставлены провіантскимъ обозомъ, причемъ промежутки между фурами были за-

браны досками, бревнами и другими лѣсными матеріалами, имѣвшимися подъ руками. Казенныя лошади и волы, загнанные внутрь укрѣпленія, были размѣщены въ различныхъ строеніяхъ и во рву, а частный скотъ, по тѣснотѣ укрѣпленія, оставленъ былъ подъ пушечными выстрѣлами, за валомъ, въ бывшихъ близъ укрѣпленія землянкахъ Селенгинскаго полка; двери и окна этихъ землянокъ были наскоро заложены.

Около двухъ часовъ пополудни горцы подошли къ Григоріополису и почти со всѣхъ сторонъ окружили укрѣпленіе; толпами и въ одиночку они разъѣзжали по горамъ и лощинамъ, стараясь пресѣчь всякое сообщеніе. Одна изъ такихъ партій наткнулась на семь человѣкъ казаковъ, конвоировавшихъ переводчика Цыганкова, ѣхавшаго изъ Владикавказа съ письмами и конвертами. За версту отъ укрѣпленія казаки были окружены толпой горцевъ, открывшихъ по нимъ весьма частый огонь. При первыхъ выстрѣлахъ подполковникъ Вреде отправилъ на помощь атакованнымъ хорунжаго Павлова съ нѣсколькими казаками, который хотя и выручилъ Цыганкова, но, будучи самъ окруженъ скопившимся непріятелемъ, принесъ его на своихъ плечахъ къ укрѣпленію. Толпа кабардинцевъ и чеченцевъ, спустившись въ овраги, окружающіе укрѣпленіе, стреножили своихъ лошадей и открыли огонь по укрѣпленію; ихъ поддерживала еще бо́льшая толпа всадниковъ, посреди которыхъ виднѣлся, одѣтый въ бѣломъ платьѣ, самъ пророкъ.

Перестрѣлка, начавшаяся съ двухъ часовъ пополудни, продолжалась до самыхъ сумерекъ. Не надѣясь взять укрѣпленіе открытою силой, горцы зажгли сараи, конюшни и прочія строенія, принадлежавшія Астраханскому пѣхотному полку. Подъ прикрытіемъ густаго дыма, они ближе подошли къ укрѣпленію и усилили огонь, укрываясь сами въ лощинахъ и за закрытіями. Чтобы выманить ихъ на открытое мѣсто, подполковникъ Вреде употребилъ довольно удачно слѣдующую хитрость: зная алчность горцевъ и ихъ склонность къ грабежу и хищничеству, Вреде сталъ выпускать изъ крѣпости скотъ по одиночкѣ; горцы цѣлыми толпами бросались на добычу, а ихъ поражали картечью. Такой маневръ удавался довольно долгое время, и тринадцать штукъ скота, выпу-

щеннаго разновременно, дорого стоили горцамъ, все еще питавшимъ надежду овладѣть укрѣпленіемъ, гарнизонъ котораго сталъ ощущать недостатокъ въ водѣ.

Стояли жаркіе дни; вода, которою успѣли запастись до осады, была почти вся израсходована, и потому подполковникъ Вреде рѣшился произвести вылазку и выгнать непріятеля изъ овраговъ и засадъ. Восемьдесятъ человѣкъ охотниковъ и сто казаковъ, подъ прикрытіемъ огня крѣпостныхъ орудій, съ крикомъ бросились съ разныхъ сторонъ изъ укрѣпленія. Ошеломленный непріятель отступилъ, зажегъ бывшіе на равнинѣ стоги сѣна и скрылся въ чеченскихъ лѣсахъ.

Осада Григоріополиса была неудачна для горцевъ; они потеряли много убитыми и ранеными, не причинивъ намъ большаго вреда; вся наша потеря состояла изъ девяти убитыхъ нижнихъ чиновъ и раненыхъ: одного офицера и шестнадцати рядовыхъ [1]).

VII.

Нападеніе Кабардинцевъ на нашъ отрядъ при рѣкѣ Малкѣ и Шейхъ-Мансура на Кизляръ. — Хищничество на линіи. — Дѣятельность Мансура и преслѣдованіе его нашими войсками. — Прокламаціи П. С. Потемкина.—Бой у Татартупа.

Отступая отъ Григоріополиса, чеченцы хотя и видѣли несбыточность предвѣщаній Мансура, будто выстрѣлы русскихъ пушекъ обратятся на самихъ стрѣляющихъ, но довольствовались тѣмъ, что успѣли привлечь на свою сторону кабардинцевъ. Бо́льшая часть жителей Малой Кабарды покинули свои селенія и, страшась наказанія, разсѣялись въ разныя стороны. Князь Долъ, со своими подвластными и нѣкоторыми другими владѣльцами, поселился въ вершинахъ рѣки Сунжи, въ сосѣдствѣ съ ингушами; другая часть жителей Малой Кабарды удалилась къ верховьямъ рѣки Терека и лишь немногіе возвратились въ свои селенія и просили помилованія [2]).

[1]) Донесеніе полковника Вреде, отъ 31-го іюля 1785 года.
[2]) Госуд. Арх., XXIII, № 13, карт. 49.

Жители Большой Кабарды были также скорѣе враждебны, чѣмъ покорны намъ. Вся Кабарда дѣлилась въ то время на три партіи: первая и самая сильная доброжелательствовала Мансуру, снабжала его толпу продовольствіемъ, готовилась присоединиться къ лжепророку и приглашала его въ свои владѣнія. Вторая партія, подъ руководствомъ Мисоста Баматова, оставалась въ нерѣшимости и, скрытно сочувствуя чеченцамъ, наружно показывала видъ, будтобы недовольна приближеніемъ Мансура къ ихъ владѣніямъ. Наконецъ, третья партія, составлявшая меньшинство, подъ руководствомъ фамилій князей Касаевыхъ и Хамурзиныхъ, была чистосердечно предана Россіи, но, опасаясь преслѣдованія большинства, была въ самомъ непріятномъ положеніи. Не было никакого сомнѣнія, что если Мансуръ вступитъ въ Кабарду, то и эта послѣдняя партія, силой обстоятельствъ принуждена будетъ перейти на сторону противниковъ Россіи [1]).

Между тѣмъ, волненіе въ Кабардѣ съ каждымъ днемъ все болѣе усиливалось. Поддерживая постоянныя сношенія съ закубанскими черкесами и чеченцами и получая возбуждающія къ возстанію письма Мансура, большинство кабардинцевъ продавали свое имущество, скотъ и на вырученныя деньги покупали оружіе и лошадей. Подстрекаемые Портой, обнадеживавшею ихъ своею помощью, кабардинцы, соединившись съ закубанскими черкесами, вторгались въ наши предѣлы, грабили, уводили въ плѣнъ жителей и, наконецъ, послѣ взаимныхъ совѣщаній, собравшись въ значительномъ числѣ, произвели безуспѣшныя, впрочемъ, нападенія на Константиногорскъ, селеніе Нино и даже на крѣпость Георгіевскую.

Получивъ свѣдѣніе, что главное скопище кабардинцевъ находится на рѣкѣ Малкѣ, генералъ-маіоръ Шемякинъ собралъ наскоро отрядъ съ намѣреніемъ разогнать собравшихся. Версты за четыре отъ рѣки Малки, 4-го августа, около шести часовъ пополудни, кабардинцы встрѣтили нашъ отрядъ тремя толпами, численность которыхъ простиралась до тысячи человѣкъ. Они требовали, чтобы русскія войска вернулись назадъ и кричали, что не позволятъ имъ расположиться лагеремъ на рѣкѣ Малкѣ. Считая подобное требо-

[1]) Рапортъ генерала П. С. Потемкина князю Потемкину 21-го ноября, № 302. Гос. Арх., XXIII, № 13, карт. 49.

ваніе до крайности дерзкимъ, Шемякинъ приказалъ чрезъ переводчика Вилковскаго объявить собравшимся, чтобъ они, оставя свою наглость, немедленно разошлись по домамъ. Вмѣсто изъявленія покорности, кабардинцы атаковали нашъ отрядъ, но были отражены и прогнаны за Малку [1]). Остановившись на мѣстѣ сраженія, Шемякинъ просилъ генералъ-поручика Леонтьева прислать ему подкрѣпленія для наказанія кабардинцевъ, но просьба эта не могла быть удовлетворена, за неимѣніемъ свободныхъ войскъ, занятыхъ въ то время дѣйствіями противъ Мансура, успѣвшаго собрать весьма значительную толпу хищниковъ.

Въ началѣ августа, кизлярскій комендантъ бригадиръ Вишняковъ донесъ, что бо́льшая часть Аксаевскихъ владѣльцевъ съ ихъ узденями присоединились къ Мансуру, который намѣренъ прежде всего напасть на Очинскую пристань, гдѣ онъ надѣялся захватить провіантъ и тѣмъ пріобрѣсти средство къ пропитанію своего сборища. Кромѣ значительнаго запаса провіанта, привлекавшаго на себя вниманіе лжепророка, Очинская пристань имѣла въ глазахъ Мансура то важное значеніе, что овладѣвъ ею онъ прерывалъ сообщеніе Кизляра съ Астраханью и со станицами Гребенскаго и Семейнаго войскъ. Предоставленный собственнымъ средствамъ, Кизляръ казался горцамъ легкою добычей и они, обнадеженные обѣщаніями лжепророка, вполнѣ были увѣрены въ успѣхѣ. Охотники до всякаго рода поживы, туземцы толпами стекались съ разныхъ сторонъ подъ знамена Мансура. Здѣсь были чеченцы, кабардинцы, лезгины различныхъ племенъ и поколѣній, жители Шамхальства Тарковскаго и главнѣйшимъ образомъ Кумыки, составлявшіе ядро толпы. Ингуши вовсе не участвовали въ возмущеніи, а изъ костюковцевъ лишь немногіе находились въ толпѣ Мансура. Костюковскій владѣлецъ Хамза, имѣвшій чинъ капитана, оставался непоколебимымъ ко всѣмъ внушеніямъ лжепророка и своимъ примѣромъ удержалъ многихъ отъ вступленія въ толпу хищниковъ. Андреевскій владѣлецъ, старикъ Темиръ, съ тремя сыновьями, оставался вѣрнымъ Россіи; другой такой-же старикъ, Муртаза-Алій, также выказывалъ свое усердіе, но сынъ

[1]) Рапорты Шемякина генералу Леонтьеву 4-го и 5-го августа. Госуд. Арх., XXIII, № 13, карт. 49.

его, Чапаловъ, былъ главнымъ пособникомъ Мансура [1]). Большая часть владѣльцевъ Малой Кабарды держали сторону лжепророка и въ особенности князь Долъ, который былъ главнымъ его орудіемъ въ собиранiи толпы и въ распространенiи всякаго рода несбыточныхъ слуховъ о святости Мансура.

Поддержанный столь вліятельными лицами, приведшими къ нему своихъ вооруженныхъ подвластныхъ, чеченскій имамъ рѣшился напасть на Кизляръ. Пользуясь обмелѣніемъ рѣки Терека и возможностью перейти его во многихъ мѣстахъ въ бродъ, Мансуръ, 19-го августа, около 11 часовъ утра, сталъ переходить на лѣвый берегъ рѣки, верстахъ въ пятнадцати ниже Кизляра. Послѣ переправы все скопище, численность котораго, по донесенію бывшихъ на пикетахъ Гребенскихъ казаковъ, простиралась до 10,000 человѣкъ, подошло къ урочищу Буйвалы, находившемуся верстахъ въ семи отъ Кизляра и расположилось въ садахъ, окружающихъ городъ. Добравшись до садовъ, нестройная толпа хищниковъ не внимала уже голосу своего предводителя и не слѣдовала его указаніямъ идти прямо на приступъ. Горцы видѣли предъ собою добычу и вмѣсто того, чтобы слѣдовать далѣе, предались грабежу. Весь день 20-го августа непріятель опустошалъ сады, жегъ находившіяся тамъ строенія и только ночью, желая ворваться въ городъ, пытался напасть на ретраншементъ, возведеннный вокругъ форштадта [2]).

Медленность, съ которою непріятель приготовлялся къ нападенію на Кизляръ, дозволила бригадиру Вишнякову приготовиться къ его встрѣчѣ. Оборона ретраншемента была раздѣлена на двѣ части: правая его половина, прикрывавшая дома татаръ, была поручена защитѣ Терскаго войска капитану князю Бековичу-Черкасскому, а лѣвая, съ домами грузинъ и армянъ—плацъ-маіору Бояркину. Для защиты города былъ назначенъ отрядъ въ 2,500 человѣкъ, въ составѣ которыхъ находились: двѣ роты Астраханскаго и Кизлярскаго полковъ, Гребенскіе и Терскіе казаки и ополченіе, состав-

[1]) Рапортъ П. С. Потемкина князю Потемкину отъ 8-го ноября, № 323.

[2]) Рапортъ астраханскаго губернатора П. С. Потемкину 2-го сентября, № 104, Госуд. Арх., XVI, № 910, Рапортъ Леонтьева П. С. Потемкину 30-го августа, № 172. Тамъ же, XXIII, № 13, карт. 49.

ленное изъ грузинъ, армянъ и калмыковъ. Гарнизонный баталіонъ оставленъ былъ въ крѣпости, въ резервѣ, а внѣ ретраншемента стоялъ лагеремъ Томскій пѣхотный полкъ въ числѣ 720 человѣкъ, подъ начальствомъ полковника Лунина [1]).

Вечеромъ, 20-го августа, какъ мы уже сказали, непріятель пытался овладѣть ретраншементомъ, но былъ встрѣченъ сильнымъ огнемъ изъ всѣхъ орудій, бывшихъ въ укрѣпленіи. Засѣвъ во рву ретраншемента, горцы до пяти разъ бросались на штурмъ и продолжали нападеніе до тѣхъ поръ, пока спустившіеся въ ровъ защитники не выбили ихъ оттуда штыками. Видя неудачу, Мансуръ отступилъ къ урочищу Буйвалы, захвативъ съ собою и всѣ тѣла убитыхъ.

На слѣдующій день непріятель, оставивъ намѣреніе овладѣть укрѣпленіемъ, атаковалъ Томскій пѣхотный полкъ, который, построившись въ каре, встрѣтилъ его баталіоннымъ огнемъ. Но ни этотъ огонь, ни выстрѣлы съ крѣпости не могли первое время остановить горцевъ, дравшихся отчаянно; скрываясь въ ямахъ и лощинахъ, засѣвъ за разными закрытіями, они производили бѣглый огонь по каре, въ которомъ находилось только 720 человѣкъ нижнихъ чиновъ. Видя многочисленность непріятеля и не желая терять напрасно людей, полковникъ Лунинъ построилъ изъ каре треугольникъ и одною изъ вершинъ его сталъ отступать въ укрѣпленіе. Горцы хотя насѣдали на отступающихъ и старались окружить ихъ, но всюду встрѣчались лицомъ къ лицу и несли огромныя потери. При каждомъ натискѣ непріятеля полковникъ Лунинъ останавливался, принималъ его въ штыки и тѣмъ наносилъ жестокое пораженіе противнику. Съ отступленіемъ Томскаго полка въ ретраншементъ, горцы были встрѣчены огнемъ изъ всѣхъ орудій и принуждены отступить. Они оставили на мѣстѣ восемь значковъ и до 70 тѣлъ убитыхъ, которыхъ не успѣли захватить съ собой. При зарываніи ихъ было найдено сверхъ того много труповъ въ кустахъ, забросанныхъ хворостомъ.

Свидѣтельствуя о заслугахъ всего Кизлярскаго гарнизона, полковникъ Лунинъ доносилъ, что особенно храбро защищались спѣ-

[1]) Рапортъ Вишнякова генералу Леонтьеву 27-го августа, № 766. Гос. Арх., XXIII, № 13, карт. 49.

шенные Гребенскіе казаки съ ихъ атаманомъ Петромъ Сехинымъ, Терское войско, бывшее подъ начальствомъ князя Бековича-Черкасскаго, и всѣ жители, за исключеніемъ калмыковъ. «Они суть совершенные трусы, доносилъ Лунинъ [1]), за всѣми понужденіями и побоями, никакъ не могъ довесть, дабы вслѣдъ за бѣгущими бросились или въ сраженіи вспомоществованіе чинили, а только стояли дрожа».

Отраженное отъ Кизляра скопище, переночевавъ на рѣчкѣ, извѣстной подъ именемъ Новаго Терека, въ двадцати верстахъ отъ Кизляра, чуть свѣтъ 22-го августа поднялось всѣмъ своимъ станомъ, и раздѣлившись на три части, разошлось въ разныя стороны: одна часть двинулась по дорогѣ, пролегавшей по морскому берегу,—другая къ кумыкскому селенію Эндери, и наконецъ, третья—въ чеченскія селенія.

Неудача подъ Кизляромъ сильно подѣйствовала на сообщниковъ Мансура, теперь ясно видѣвшихъ, что предсказанія его не сбываются и его послѣдователи терпятъ лишь однѣ неудачи. Чеченцы рѣшились оставить своего имама, который принужденъ былъ покинуть родину и скрыться въ кумыкскихъ селеніяхъ. Кавказское начальство не съумѣло воспользоваться этимъ охлажденіемъ и Мансуръ снова усилился. Тамъ, гдѣ нужно было употребить силу, представители нашей власти употребляли убѣжденіе, совѣты и тратили напрасно время въ безполезныхъ переговорахъ. Горцы понимали, что поступки ихъ достойны наказанія, и ожидал его, андреевцы и аксаевцы покидали свои дома и со всѣмъ имуществомъ удалялись въ горы. Такъ-называемые аульные татары (осѣдлые Ногайцы), возбужденные старшинами, также поднялись со своихъ мѣстъ, чтобы присоединиться къ лжепророку, но были остановлены полковникомъ Савельевымъ, подоспѣвшимъ съ Моздокскимъ казачьимъ полкомъ и занявшимъ всѣ переправы по Старому Тереку [2]). Генералъ-поручикъ Потемкинъ поручилъ Леонтьеву уговорить кумыковъ и ногайцевъ оставаться на мѣстѣ и принести чистосердечное раскаяніе. «Милосердіе Великой Екатерины, писалъ

[1]) Генералу Леонтьеву 27-го августа. Госуд. Архивъ, XXIII, № 13, папка 49.

[2]) Рапортъ П. С. Потемкина князю Потемкину 2-го октября, № 92. Государств. Архивъ, XXIII, № 13, карт. 50.

онъ [1]), не отринетъ и ихъ раскаяніе, если оно будетъ чистосердечно».

Вмѣсто того, чтобы дѣйствовать скоро и рѣшительно, Потемкинъ откладывалъ всѣ дѣйствія до своего возвращенія на линію и поручалъ только кизлярскому коменданту бригадиру Вишнякову заготовить продовольствіе для четырехъ полковъ пѣхоты, пяти эскадроновъ и тысячи человѣкъ казаковъ.

Распоряжаясь издали, теряя напрасно время въ перепискѣ, упуская благопріятныя обстоятельства и связывая руки стоявшему у дѣла ближайшему начальству, Потемкинъ хотѣлъ устрашить горцевъ однимъ своимъ именемъ. Онъ приказалъ распустить слухъ, что какъ только онъ прибудетъ на линію, то весь собранный отрядъ будетъ обращенъ для наказанія послѣдователей лжепророка [2]).

Послѣдній, найдя себѣ пріютъ въ селеніи Эндери, не терялъ еще надежды на лучшую будущность и вербовалъ себѣ новую толпу хищниковъ. Всѣ искатели приключеній находили у него пріютъ и выслушивали хвастливыя обѣщанія. Жители селеній Казанишъ, Губдень, Хунзаха, Эрпели, Карабудагкента, Каякента и пр. партіями и по одиночкѣ стекались къ имаму; нѣкоторые кумыкскіе князья также приняли его сторону и выдали аманатовъ, но считали своею обязанностью увѣрить русское начальство, что, будучи сами искренно преданы Россіи, не могутъ справиться со своими подвластными, которые, не смотря на запрещеніе, уходятъ въ толпу лжепророка [3]).

Въ началѣ сентября, Мансуръ явился въ Горячевское селеніе, подвластное князьямъ Аксаевскимъ, и увѣрялъ всѣхъ, что ожидаетъ прибытія къ себѣ чеченскихъ войскъ и что послѣ совѣщаній съ андреевцами и аксаевцами пойдетъ или опять на Кизляръ, или на Калиновскую станицу.

— Кумыки просятъ меня идти на Кизляръ, говорилъ имамъ,— а чеченцы желаютъ напасть на Калиновскую станицу. Послѣ совѣта мы рѣшимъ куда идти.

---

[1]) Въ ордерѣ бригадиру Вишнякову 9-го сентября, № 54. Госуд. Арх., XXIII, № 13, карт. 50.

[2]) Ордеръ бригадиру Вишнякову 9-го октября, № 54.

[3]) Показаніе татарина Киликаева. Государств. Архивъ, XXIII, № 13, карт. 49.

Совѣщаніе это, однако же, не состоялось, и Мансуръ, не дождавшись прибытія обѣщанныхъ имъ чеченскихъ войскъ, отправился на рѣчку Ярыкъ-су, гдѣ и водрузилъ свое знамя. Съ нимъ прибыло нѣсколько человѣкъ кабардинцевъ и кумыкскіе князья: Чапаловъ, Арсланъ-Гирей и Али-Солтанъ, изъ коихъ послѣдній, обѣщаясь доставить продовольствіе, отправилъ его въ лагерь лжепророка на большомъ числѣ арбъ [1]). Провіантъ этотъ, какъ единственный источникъ для продовольствія послѣдователей Мансура, число которыхъ простиралось до 500 человѣкъ, былъ весьма скоро израсходованъ и потому большинство собравшихся на рѣку Ярыкъ-су принуждено было разойтись по домамъ [2]). Остатки сборища вмѣстѣ съ имамомъ отправились къ деревнѣ Костюкамъ и, не доходя верстъ десяти, расположились лагеремъ. Здѣсь Мансуръ думалъ устроить себѣ постоянное пристанище и укрѣпиться [3]), чтобы въ случаѣ преслѣдованія нашими войсками имѣть убѣжище, гдѣ можно бы было защищаться до послѣдней крайности.

Видя охлажденіе къ себѣ чеченцевъ, имамъ отправилъ къ нимъ родъ окружнаго посланія, въ которомъ высказывалъ свое сожалѣніе о томъ, что при немъ находятся всего только девять человѣкъ чеченцевъ. Онъ призывалъ ихъ къ себѣ, говоря, что послѣ Курбанъ-Байрама всѣ собравшіеся вокругъ него увидятъ посреди себя святаго человѣка, при покровительствѣ котораго легко овладѣютъ Кизляромъ и будутъ имѣть во всемъ удачу. Мансуръ писалъ, что если и на этотъ разъ слова его окажутся несправедливыми, то готовъ предать себя сожженію [4]). Чеченцы приняли это посланіе съ крайнею недовѣрчивостью и большинство не откликнулось на его приглашеніе. Мансуръ принужденъ былъ ѣздить по деревнямъ и собирать себѣ приверженцевъ по одиночкѣ, стараясь для того возстановить простой народъ противъ ихъ владѣльцевъ. Онъ посѣтилъ качкалыковъ, аксаевцевъ, кабардинцевъ, былъ нѣсколько разъ въ селеніи Эндери, съ цѣлью пригласить всѣхъ жителей этихъ деревень идти съ нимъ на Кизляръ, гдѣ обѣщалъ богатую до-

[1]) Показаніе андреевскаго владѣльца Казія Темирова. Государ. Арх., XXIII, № 13, карт. 49.

[2]) Показаніе узденя Салатъ-Гирея. Тамъ же.

[3]) Показаніе костюковскаго владѣльца капитана Хамзы-Муртазы-Алія.

[4]) Показаніе Кайтуки Бакова 29-го сентября. Гос. Арх., XXIII, № 13, папка 50.

бычу [1]). Хотя при всѣхъ своихъ усиліяхъ лжепророкъ успѣлъ собрать себѣ шайку не болѣе какъ человѣкъ во сто, но намѣреніе Мансура сдѣлать вторичное нападеніе на Кизляръ заставило Потемкина принять мѣры къ тому, чтобы не допустить его до города. Онъ приказалъ полковнику Лунину, въ случаѣ движенія непріятеля къ Кизляру, взять всѣ свободныя команды и, выйдя изъ города, разбить горцевъ въ полѣ [2]). Къ кабардинцамъ же командующій войсками отправилъ воззваніе, призывавшее ихъ къ порядку и повиновенію. Онъ просилъ ихъ опомниться, не навлекать на себя наказанія и быть увѣренными, что «оказавшійся ложный имамъ Мансуръ не спасетъ обманными чудесами отъ грома и стрѣлъ, которыя поразятъ преступниковъ».

Маіоръ князь Ураковъ, которому поручено было объявить это воззваніе, самъ отправился въ Кабарду и, собравъ князей и владѣльцевъ въ домѣ Мисоста Баматова, прочелъ имъ воззваніе, но собравшіеся, вмѣсто покорности, требовали возвращенія ихъ холоповъ, вышедшихъ изъ Кабарды и поселившихся на линіи. Безусловная уступка требованію кабардинскихъ князей могла бы послужить для нихъ признакомъ нашей слабости и повлечь за собою новыя требованія, а потому П. С. Потемкинъ не призналъ возможнымъ тогда же удовлетворить желаніе кабардинцевъ, но не отказывался исполнить его въ будущемъ, если князья и владѣльцы останутся вѣрными русскому правительству. «Никогда подчиненные, писалъ онъ [3]), не дерзали начальнику дѣлать требованіе, но каждую нужду покорно представляютъ и просятъ. Вѣрные рабы ея императорскаго величества всегда отличены будутъ: холопья, принадлежащіе владѣльцамъ вѣрнымъ, отданы были бъ. Но сей милости должно сдѣлаться достойными».

Не удовлетворенные въ своемъ желаніи, кабардинцы не считали нужнымъ исполнить волю командующаго войсками и попрежнему продолжали свои сношенія со лжепророкомъ.

---

[1]) Рапортъ бригадира Вишнякова П. С. Потемкину отъ 4-го октября, № 896. Гос. Арх., XXIII, № 13, папка 96.

[2]) Ордеръ П. С. Потемкина полковнику Лунину 1-го октября. № 77, Государ. Арх., XXIII, № 13, карт. 50.

[3]) Листъ кабардинскимъ владѣльцамъ, узденямъ и народу 11-го октября, № 167. Тамъ же.

Владѣлецъ Малой Кабарды, князь Долъ, переселившись къ кавказскимъ горамъ, собралъ себѣ шайку болѣе 700 человѣкъ, съ которыми и разбойничалъ въ окрестностяхъ Владикавказа. Онъ нападалъ на всѣхъ проѣзжающихъ, прервалъ сообщеніе съ Грузіей, и когда въ октябрѣ была послана изъ крѣпости наша команда за сѣномъ, онъ напалъ на нее и захватилъ въ свои руки сѣно, въ виду всего владикавказскаго гарнизона. Бывшій во Владикавказѣ подполковникъ Матценъ выслалъ противъ хищниковъ 200 человѣкъ егерей и въ то же время послалъ сказать жившимъ вблизи крѣпости ингушамъ, чтобъ они ударили на шайку князя Дола. Игнушевскій старшина Чошъ, собравъ въ полчаса 150 человѣкъ, подоспѣлъ съ ними къ нашимъ егерямъ и вмѣстѣ съ ними заставилъ князя Дола бросить захваченное имъ сѣно [1]).

Князь Долъ скрылся, но не оставилъ своихъ разбойническихъ дѣйствій. Соединясь съ другими кабардинскими владѣльцами, онъ производилъ безпрестанныя вторженія въ наши границы. Сынъ князя Мисоста Баматова, вскорѣ послѣ прочтенія въ домѣ его отца воззванія П. С. Потемкина, собралъ до 30 человѣкъ узденей, съ которыми и отправился къ чеченскому имаму съ тѣмъ, чтобы пригласить его придти въ Кабарду со своимъ ополченіемъ. Подъ предлогомъ того, что намѣренъ въ скоромъ времени идти къ Кизляру, а въ дѣйствительности опасаясь попасть въ наши руки, Мансуръ отказался исполнить предложеніе князя Мисоста, зная, что среди кабардинцевъ есть еще лица намъ преданныя. Онъ вручилъ прибывшимъ свое знамя и просилъ кабардинцевъ производить по возможности частыя нападенія на различные пункты Кавказской линіи и въ особенности безпокоить русскихъ въ то время, когда онъ приведетъ въ исполненіе свое предпріятіе на Кизляръ [2]).

Кабардинцы съ восторгомъ приняли знамя, присланное Мансуромъ, и обѣщали исполнить желаніе чеченскаго имама [3]). Они вошли

[1]) Рапортъ генерала Потемкина князю Потемкину отъ 24-го октября, № 233. Въ поощреніе на будущее время подобныхъ поступковъ, П. С. Потемкинъ выдалъ Чошу 100 червонцевъ, брату его 50 и обоимъ на платье по 5 аршинъ сукна. Всѣмъ же остальнымъ ингушамъ, съ нимъ бывшимъ, было выдано по 4 аршина сукна на каждаго.

[2]) Рапортъ князя Уракова генералу П. С. Потемкину 5-го октября.

[3]) Рапортъ П. С. Потемкина князю Потемкину 6-го октября, № 127.

въ сношенія съ закубанскими народами и согласились съ ними дѣйствовать единодушно. Будучи всегда готовы на хищничество, закубанцы тѣмъ охотнѣе слѣдовали внушеніямъ кабардинцевъ, что надѣялись на помощь Порты. Въ то время по всему Закубанью прошелъ слухъ, будто бы турецкое правительство, всегда враждебное Россіи, прислало къ Мансуру письмо, въ которомъ говорилось, что если ему нужны деньги, знамя, пушки и войско, то все это будетъ доставлено. Услужливые люди увѣряли даже, что деньги и знамя уже присланы и находятся у Ахалцыхскаго паши [1]). Хотя всѣ эти слухи и были ложны, но имѣли большое вліяніе на все горское населеніе праваго фланга Кавказской линіи: оно дѣйствовало смѣлѣе и съ большею настойчивостію. Такъ, 2-го октября, кабардинцы и закубанцы одновременно напали на редуты Невинный и Кубанскій [2]), а девять дней спустя, 11-го октября, партія кабардинцевъ, въ четыреста человѣкъ, напала на селеніе Нино, гдѣ успѣла отогнать пятьсотъ лошадей и восемьсотъ барановъ; другая такая же партія, человѣкъ въ пятьсотъ, пробравшись на линію выше Константиногорска, разграбила нѣсколько селеній и захватила тридцать одного человѣка поселенцевъ, ѣхавшихъ на линію [3]).

Между тѣмъ лжепророкъ, не считая себя достаточно сильнымъ, чтобы напасть на Кизляръ, увѣрялъ своихъ единомышленниковъ что не идетъ къ этому городу только потому, что качкалыки и аксаевцы приглашаютъ его вторгнуться въ русскіе предѣлы между Шелкозаводскою и Щедринскою станицами, разорить селенія и отогнать табуны. Мансуръ говорилъ, что движеніе его и направленіе удара будетъ зависѣть отъ того числа войскъ, которое соберется подъ его знамена, а между тѣмъ, чтобъ удовлетворить разнообразнымъ требованіямъ собравшихся, занять ихъ и не оставлять праздными, лжепророкъ отправилъ партію человѣкъ въ четыреста для нападенія на Каргалинскую станицу. Предпріятіе это не увѣнчалось успѣхомъ и горцы были разогнаны прежде, чѣмъ успѣли переправиться черезъ рѣку.

Въ такомъ положеніи были дѣла когда генералъ-поручикъ

[1]) Рапортъ его же отъ 13-го октября, № 178.
[2]) Рапортъ его же отъ 13-го октября, № 175.
[3]) То же отъ 13-го октября, № 176.

П. С. Потемкинъ, возвращаясь изъ Петербурга на Кавказскую линію, прибылъ въ Георгіевскъ 30-го сентября. Онъ нашелъ, что вся наша граница, начиная отъ Каспійскаго до Чернаго Моря, была одинаково подвержена нападенію хищниковъ. «Обстоятельства здѣшнія въ крайнемъ замѣшательствѣ, доносилъ онъ [1]); лжепророкъ паки собирается напасть на Кизляръ и на всѣ наши селенія. Всѣ кумыки, чеченцы и прочіе горцы, даже часть дагестанцевъ, стекаются къ нему для нападенія на наши предѣлы».

Наканунѣ пріѣзда П. С. Потемкина въ Науръ, къ этому мѣстечку подходило до тысячи человѣкъ чеченцевъ, покушавшихся переправиться черезъ рѣку Терекъ; другая такая же партія появилась у Моздока, но была прогнана. Партіи кабардинскихъ хищниковъ вторгались въ наши границы, производили грабежи, отгоняли скотъ и уводили въ плѣнъ жителей. Примѣру ихъ слѣдовали почти всѣ племена закубанскихъ черкесовъ. Хищническіе набѣги горцевъ были тѣмъ удачнѣе, что войска наши, состоявшія преимущественно изъ пѣхоты, не могли воспрепятствовать прорыву партіямъ наѣздниковъ, дѣлавшихъ быстрые и неожиданные переѣзды съ одного пункта на другой. Находившіеся на линіи кавалерійскіе полки были въ плохомъ состояніи: при некомплектѣ въ людяхъ они имѣли еще болѣе недостатка въ лошадяхъ, въ разное время отогнанныхъ горцами и не пополненныхъ. Пѣхотные полки были разбросаны по всей линіи небольшими частями, и потому, чтобы собрать сколько-нибудь значительный отрядъ для наказанія волнующихся, требовалось довольно значительное время. Все это заставило генералъ-поручика П. С. Потемкина стянуть войска къ главнѣйшимъ пунктамъ и образовать три самостоятельные отряда: первый противъ кумыковъ, чеченцевъ и дагестанцевъ, второй противъ Большой и Малой Кабарды и, наконецъ, третій противъ закубанцевъ. Сообразно съ этимъ, для дѣйствія противъ Мансура и его скопищъ былъ расположенъ на рѣкѣ Терекѣ отрядъ подъ начальствомъ генералъ-маіора Шемякина [2]); противъ Боль-

[1]) Въ рапортѣ князю Потемкину 2-го октября, № 89. Госуд. Арх., XXIII, № 13, карт. 50.

[2]) Въ составъ этого отряда вошли Томскій и Астраханскій пѣхотные полки, два гренадерскіе баталіона (одинъ изъ двухъ ротъ Кабардинскаго и двухъ Селен-

шой и Малой Кабарды былъ сосредоточенъ другой отрядъ, подъ начальствомъ генералъ-поручика Потемкина [1]) и, наконецъ, третій отрядъ [2]), подъ начальствомъ бригадира Апраксина, расположившись у Невиннаго Мыса, долженъ былъ оберегать все пространство отъ Прочнаго окопа до Константиногорска.

Не желая открывать военныхъ дѣйствій, не испытавъ всѣхъ средствъ къ увѣщанію, П. С. Потемкинъ разослалъ повсюду прокламаціи, въ которыхъ требовалъ повиновенія и покорности. Кабардинцы, какъ мы видѣли, въ отвѣтъ на это требовали возвращенія ихъ подвластныхъ, выселившихся на линію. Жители селенія Большой Атаги увѣряли, что они преданы Россіи, никакихъ шалостей не производили, а только выселились изъ своего селенія при приближеніи русскихъ войскъ, шедшихъ для наказанія Мансура. Старшины селенія Алды отвѣчали Потемкину, что имамъ ихъ не имѣетъ враждебныхъ намѣреній, что онъ прославляетъ только магометанскую религію, подтверждаетъ вѣрно соблюдать законъ, убиваетъ и вѣшаетъ воровъ. Старшины откровенно признавались, что безъ разрѣшенія Мансура ни въ какіе переговоры съ нашимъ правительствомъ вступать не могутъ и не смѣютъ. «Мы находимся, писали они [3]), въ точномъ послушаніи имама Мансура; что онъ прикажетъ, то и дѣлаемъ. Онъ есть удостоенный и избранный отъ Бога, человѣкъ добрый и справедливый. Онъ не велитъ обижать христіанъ и другихъ беззаконниковъ, при-

---

гинскаго; другой изъ двухъ ротъ Астраханскаго и двухъ Томскаго полковъ), два эскадрона Астраханскаго драгунскаго полка, казаки, тысяча калмыковъ и восемь орудій полевой артиллеріи.

[1]) По шести ротъ отъ полковъ: втораго Московскаго, Казанскаго, Кабардинскаго и Куринскаго; три гренадерскіе баталіона (первый изъ двухъ ротъ Казанскаго и двухъ Куринскаго; второй—изъ двухъ ротъ втораго Московскаго и двухъ ротъ Владимірскаго; третій—изъ двухъ ротъ Ладожскаго и двухъ Бутырскаго полковъ), четыре роты Свіяжскаго егерскаго полка, сто пятьдесятъ человѣкъ Кабардинскаго, четыре эскадрона Таганрогскаго, три эскадрона Астраханскаго драгунскаго полковъ, полкъ Уральскихъ, два полка Донскихъ казаковъ. Волгскіе казаки и двѣнадцать орудій полевой артиллеріи.

[2]) Изъ Бутырскаго и Ладожскаго пѣхотныхъ полковъ, четырехъ эскадроновъ Таганрогскаго, четырехъ эскадроновъ Астраханскаго драгунскаго полковъ, двухъ Донскихъ полковъ, Хоперскихъ казаковъ, тысячи калмыковъ и шести орудій полевой артиллеріи (Рапортъ Потемкина князю Таврическому 2-го октября, № 89. Госуд. Арх., XXIII, № 13, карт. 50).

[3]) Госуд. Арх., XXIII, № 13, карт. 50.

казываетъ наблюдать законъ магометанскій. Къ сторонѣ вашей убытку не дѣлалъ (?) и не желалъ; да и нынѣ, что онъ прикажетъ, то исполнять будемъ, а къ сторонѣ вашей убытку не желаемъ».

Еслибы Потемкинъ, вмѣсто безполезныхъ увѣщаній, сталъ дѣйствовать рѣшительно, то онъ успѣлъ бы усмирить волненія, ибо въ это время дѣла лжепророка были въ довольно плохомъ состояніи. Костюковцы, на приглашеніе его, отказались къ нему присоединиться, а чеченцы, которыхъ онъ ожидалъ, призывали его къ себѣ. Они говорили, что Кизляръ хорошо укрѣпленъ и имѣетъ довольно войскъ для своей защиты, селенія же по рѣкѣ Тереку защищены слабо, что нападеніе на эти селенія обѣщаетъ бо́льшій успѣхъ, чѣмъ нападеніе на Кизляръ. Мансуръ готовъ былъ исполнить просьбу своихъ соотечественниковъ, но удержанъ былъ дагестанцами, составлявшими большинство его ополченія.

— Рѣка Терекъ, говорили дагестанцы,—вверху гораздо глубже и быстрѣе; идти намъ въ чеченскія селенія далеко, да мы не имѣемъ и провіанта. Мы готовы слѣдовать къ Кизляру, но въ чеченскія селенія не пойдемъ и разойдемся по домамъ [1]).

Опасаясь лишиться послѣднихъ средствъ, Шейхъ-Мансуръ долженъ былъ уступить желанію дагестанцевъ.

Оставивъ свой лагерь 12-го октября, онъ потянулся къ Аксаю и, подойдя къ Нижнему-Яру, сталъ готовиться къ переправѣ черезъ рѣку Терекъ. Ненодалеку отъ избраннаго горцами мѣста переправы, и именно у Старогладковской станицы, находился полковникъ Савельевъ со своимъ отрядомъ, состоявшимъ изъ баталіона гренадеръ, двухъ мушкетерскихъ ротъ и всѣхъ казачьихъ войскъ, расположенныхъ по рѣкѣ Тереку. Какъ только полковникъ Савельевъ получилъ свѣдѣніе о движеніи непріятеля, онъ тотчасъ же взялъ эскадронъ Моздокскаго казачьяго полка, 100 человѣкъ Гребенскихъ казаковъ съ однимъ орудіемъ и поскакалъ съ ними къ мѣсту переправы. Густой лѣсъ прикрылъ движеніе Савельева и непріятель не замѣтилъ его приближенія. Спокойно расположивъ свой станъ по берегу рѣки Терека, горцы заготовляли спуски и лодки для переправы. Полковникъ Савельевъ спѣшилъ

[1]) Показаніе андреевца Али-Алханова 12-го октября 1785 года.

казаковъ и, разсыпавъ ихъ по опушкѣ лѣса, приказалъ открыть огонь. Бѣглый ружейный огонь и десять выстрѣловъ изъ орудія, заставили горцевъ поспѣшно удалиться отъ мѣста переправы; они поднялись выше по Тереку и прикрылись лѣсомъ. Дождавшись присоединенія къ себѣ пѣхотныхъ частей отряда, Савельевъ въ тотъ же вечеръ двинулся вверхъ по противоположному берегу рѣки и на утро заставилъ горцевъ отступить еще выше [1]). Лазутчики донесли, что Мансуръ намѣренъ ворваться на линію между Щедринскою и Червленною станицами и потому полковникъ Савельевъ со своимъ отрядомъ пошелъ параллельно движенію непріятеля. Подойдя къ рѣкѣ Сунжѣ, скопище лжепророка остановилось въ лѣсу близъ Брагунской деревни. Отрядъ Савельева также остановился у Щедрина и, расположившись на противоположномъ берегу, продолжалъ слѣдить за непріятелемъ [2]).

Между тѣмъ Мансуръ, оставивъ свое ополченіе у Брагунскаго лѣса, отправился въ селеніе Алды, чтобъ уговорить чеченцевъ присоединиться къ нему. Собравъ съ разныхъ мѣстъ до 6,000 человѣкъ, имамъ около одиннадцати часовъ утра, 22-го октября, переправился черезъ рѣку Сунжу и потянулся вверхъ по рѣкѣ Тереку съ намѣреніемъ соединиться съ кабардинцами и дѣйствовать заодно съ ними.

По мѣрѣ того, какъ скопище Мансура подвигалось къ Кабардѣ, оно входило въ раіонъ наблюденія двухъ отрядовъ. Изъ Щедрина за нимъ слѣдилъ полковникъ Савельевъ, а изъ Шадрина полковковникъ Лунинъ, въ отрядѣ котораго находились: Томскій полкъ, гренадерскія роты Астраханскаго полка, два эскадрона Астраханскаго драгунскаго полка и нѣсколько орудій полевой артиллеріи. Считая такое движеніе Мансура весьма удобнымъ для нанесенія ему окончательнаго пораженія, генералъ-поручикъ Потемкинъ приказалъ полковнику Нагелю отправиться въ Моздокъ, принять тамъ начальство надъ войсками и если представится необходимымъ и возможнымъ, то присоединить къ себѣ отряды полковниковъ Лунина и Савельева. Сформировавъ себѣ самостоятельный отрядъ, полковникъ Нагель долженъ былъ дѣйствовать наступательно,

[1]) Рапортъ Савельева генералу Потемкину 14-го октября.

[2]) Рапортъ его же отъ 17-го октября.

чтобы воспрепятствовать соединенію Мансура съ кабардинцами, а еслибы такое соединеніе не состоялось, то отрѣзать ему путь отступленія [1]). Самъ П. С. Потемкинъ, съ отрядомъ въ 5,000 строевыхъ чиновъ [2]), двинулся къ Бештовымъ горамъ и 21-го октября расположился на Малкѣ. Онъ все еще пытался возстановить спокойствіе одними убѣжденіями и отправилъ Кабардинцамъ объявленіе, въ которомъ старался выставить обманъ и шарлатанство лжепророка.

«Богъ всемогущъ, писалъ Потемкинъ кадіямъ, духовенству и всему народу [3]), всесиленъ, премудръ и безконеченъ, устроилъ небеса, міръ и непремѣнное теченіе природы. Для блага человѣкъ силою Духа Своего поставилъ законодателей, изъ коихъ первый былъ Моисей, потомъ Іисусъ Христосъ и, наконецъ, вся Азія чтитъ Магомета третьимъ избраннымъ пророкомъ Божіимъ. Коранъ гласитъ, что послѣ сихъ трехъ установителей законовъ не будетъ болѣе пророчества.

«Откуда взялся имамъ Мансуръ? Почему вѣрятъ ему слѣпо на-

---

[1]) Ордеръ полковнику Нагелю 25-го октября, № 23

[2]) Отрядъ этотъ былъ въ слѣдующемъ составѣ:

	Офиц.	У.-оф. и капраловъ.	Рядов.	Нестр.	Итого.
Кабардинскій пѣхотный полкъ	17	56	666	104	843
Куринскій	14	30	422	87	553
Казанскій	7	24	221	54	306
Свіяжскій егерскій баталіонъ	11	35	352	56	454
Кабардинскій	3	19	114	15	151
Гренадерскій баталіонъ изъ 6 соединенныхъ ротъ	12	40	595	68	715
Полевой артиллеріи и фурштата	10	25	237	127	399
Итого	74	229	2,607	511	3,361
Таганрогскаго драг. полка 8 эскадроновъ	19	57	712	90	878
Казачьихъ полковъ.					
Ѳедора Грекова	—	—	426	—	426
Михаила Грекова	—	—	175	—	175
Уральскаго полка	1	—	297	—	298
Калмыковъ	—	—	500	—	500
Всего	94	286	4,717	601	5,698

(Рапортъ Потемкина князю Таврическому 30-го октября, № 275).

[3]) Листъ Кабардинцамъ отъ 23-го октября, № 221.

роды, невѣжествомъ полные, не зная ни силъ закона, ниже зная писанія корана.

«Льстецъ и обманщикъ Шихъ, пользуясь ослѣпленіемъ людей, обѣщалъ имъ чудеса, но сдѣлалъ-ли хоть единое? Обнадежилъ народы пролять въ бубны звукъ во всѣ концы вселенныя—кто слышалъ звукъ сей? Обѣщалъ спустить гласъ съ небесъ, ослѣпить и оглушить иновѣрныхъ—кто слышалъ гласъ небесный, кто видитъ глухихъ и ослѣпленныхъ?

«Невѣжественный народъ, не внемля обману, продолжаетъ еще ожидать чудесъ; немысленные, привыкнувъ къ воровству, подъ предлогомъ мнимаго имама, пускаются на грабежи и разбои. Но вы, духовные богослужители, вы знаете писаніе Магомета, вы точно должны вѣдать, что Шихъ не пророкъ, но льстецъ и обманщикъ, не отъ Бога посланный, но отъ дьявола явившійся на гибель здѣшнихъ народовъ.

«Когда вспомянете вы прошлые годы, въ какомъ благоденствіи была Кабарда; когда помыслите, что я, будучи уставленъ отъ престола всеавгустѣйшей манархини вашимъ начальникомъ и повелителемъ здѣшнихъ странъ, утвердилъ было миръ, тишину и правосудіе, которыя продолжались до моего отъѣзда, представьте и сравните тѣ времена съ настоящими: повсюду проливается кровь и кровь сія вопіетъ о мщеніи; повсюду грабежи и зло разсѣяно, но Богъ Всемогущій накажетъ злодѣевъ.

«Пусть скажутъ мнѣ, какое было именно утѣсненіе кабардинцамъ: утѣснялись-ли они въ исповѣданіи магометанскаго закона? Нѣтъ. Всеавгустѣйшая императрица позволяетъ свободное каждому исповѣданіе вѣръ и требуетъ только вѣрности, которую кабардинцы троекратно нарушали. Богъ самъ, видя клятвопреступниковъ, можетъ-ли взирать на нихъ милосердымъ окомъ? Пусть скажутъ мнѣ, какое отъ войскъ россійскихъ чинимо было угнетеніе кабардинцамъ: дерзость и буйство ихъ возбудило въ нихъ духъ измѣны; они начали впадать во всѣ мѣста, рѣзали людей проѣзжающихъ и слабо вооруженныхъ, грабили селенія и отгоняли скотъ.

«Нынѣ, возвратясь я на линію, хочу обратить ввѣренное мнѣ оружіе въ наказаніе дерзкихъ преступниковъ. Духовенство да бу-

детъ увѣрено, что не коснусь я ихъ закона; народъ да будетъ увѣренъ, что оставлю я всѣхъ вѣрныхъ въ покоѣ и пріиму ихъ подъ покровъ императорскаго оружія; преступниковъ же буду гнать, разить и карать доколѣ не придутъ они съ раскаяніемъ и падутъ къ ногамъ просить помилованія».

Получивъ такого рода объявленіе и видя, что весьма значительный отрядъ русскихъ войскъ находится уже на рѣкѣ Малкѣ, кабардинцы считали неудобнымъ выказывать сопротивленіе. Представители преданной намъ партіи тотчасъ же явились въ лагерь, просили защиты и оставались среди русскихъ войскъ до тѣхъ поръ, пока они не оставили Кабарды. Нѣкоторые князья изъ враждебной намъ партіи также явились въ русскій лагерь съ повинною и увѣреніемъ въ своей преданности Россіи. П. С. Потемкинъ объявилъ имъ, что требуетъ выдачи плѣнныхъ, возвращенія всего награбленнаго имущества и плату за убитыхъ. Князья обѣщали исполнить требованіе, и хотя по этому поводу созывали собраніе, но видно было, что хотѣли только протянуть время, ибо одновременно съ совѣщаніемъ они отправляли въ горы свои семейства, подвластныхъ, скотъ и имущество [1]). Повидимому, совѣщавшіеся ожидали прибытія въ Кабарду скопища лжепророка и тогда намѣрены были дѣйствовать по обстоятельствамъ.

Получая ежедневно свѣдѣнія, что Мансуръ дѣйствительно намѣренъ соединиться съ кабардинцами и что толпа его весьма значительна, Потемкинъ присоединилъ къ себѣ бригадира Апраксина съ его отрядомъ, состоявшимъ изъ Владимірскаго полка, численность котораго вмѣстѣ съ его гренадерскими ротами не превышала 500 человѣкъ, изъ пяти эскадроновъ Астраханскаго драгунскаго полка и 400 казаковъ донскаго Кутейникова полка [2]). Присоединеніе къ себѣ этого отряда командующій войсками признавалъ необходимымъ для того, чтобы въ случаѣ появленія лжепророка въ Кабардѣ быть на столько сильнымъ, чтобы нанести ему конечное пораженіе.

Желаніе П. С. Потемкина не исполнилось, такъ какъ предполагаемое соединеніе не состоялось. Худоба лошадей и недостатокъ въ продовольствіи парализовали всѣ движенія Мансура и прину-

[1]) Рапортъ П. С. Потемкина князю Потемкину 30-го октября, № 275.
[2]) Предписаніе П. С. Потемкина бригадиру Апраксину 31-го октября, № 277.

дили его просить кабардинцевъ, чтобъ они прислали для его ополченія съ каждаго двора по коровѣ и по мѣшку муки [1]). Въ ожиданіи этой присылки и пріисканія средствъ къ продовольствію, лжепророкъ остановился близъ Червленной станицы и расположился лагеремъ на противоположномъ берегу рѣки Терека. Онъ пытался было переправиться на нашу сторону, но былъ прогнанъ выстрѣлами изъ орудій слѣдившаго за нимъ отряда полковника Лунина [2]). Простоявъ нѣсколько дней на одномъ и томъ же мѣстѣ, Мансуръ двинулся далѣе, но на пути совершенно для него неожиданно встрѣтился съ отрядомъ полковника Нагеля.

Имѣя приказаніе дѣйствовать наступательно, полковникъ Нагель собралъ въ Моздокѣ отрядъ, въ который вошли: второй Московскій полкъ, гренадерскій баталіонъ изъ ротъ Кабардинскаго и Селенгинскаго полковъ, два эскадрона Астраханскаго драгунскаго полка, Моздокскій казачій полкъ, 150 человѣкъ Гребенскихъ и Семейныхъ казаковъ и 150 человѣкъ Донскихъ казаковъ. Желая воспрепятствовать соединенію лжепророка съ кабардинцами, Нагель торопился выступить изъ Моздока и едва только сталъ подниматься на первые гребни горъ, какъ встрѣтилъ уже непріятеля, занявшаго весь лѣсъ и ущелья между Григоріополисомъ и Малою Кабардой. По мѣрѣ приближенія русскихъ войскъ, горцы зажигали всѣ опустѣвшія селенія Малой Кабарды и постепенно окружали отрядъ полковника Нагеля. Русскія войска видѣли, какъ отдѣльныя группы всадниковъ, скрывая главныя свои силы, вертѣлись предъ ними не смѣя приблизиться. Горцы думали заманить насъ въ лѣсъ и ущелья, но видя, что желаніе ихъ не исполняется, съ разсвѣтомъ 30-го октября атаковали отрядъ полковника Нагеля съ разныхъ сторонъ. Отбитые они засѣли въ ущельяхъ и открыли живой огонь по нашимъ войскамъ. Полковникъ Нагель вызвалъ охотниковъ, и подкрѣпивъ ихъ Гребенскими казаками и гренадерскими ротами Московскаго и Кабардинскаго полковъ, приказалъ выгнать непріятеля изъ закрытій. Послѣ пятичасоваго самаго ожесточеннаго штыковаго боя, горцы принуждены

[1]) Рапортъ подполковника Матцена генералу Потемкину 30-го октября.

[2]) Рапорты Потемкину полковника Савельева отъ 23-го октября и полковника Лунина отъ 24-го октября.

были отступить и скрылись въ лѣсу, оставивъ на полѣ сраженія много убитыхъ и раненыхъ [1]).

Насчитывая въ своихъ рядахъ до двадцати тысячъ человѣкъ, Мансуръ рѣшился повторить атаку, надѣясь, что второе нападеніе будетъ удачнѣе перваго. Онъ отправилъ къ кабардинцамъ ихъ соотечественника князя Дола съ объявленіемъ, что не придетъ въ Кабарду, будто бы потому, что намѣренъ уничтожить отрядъ полковника Нагеля, который окруженъ имъ со всѣхъ сторонъ. На самомъ же дѣлѣ, онъ отложилъ намѣреніе идти на соединеніе съ кабардинцами оттого, что получилъ извѣстіе о переправѣ черезъ рѣку Малку части отряда генерала Потемкина, который приступилъ къ этому съ намѣреніемъ отвлечь вниманіе кабардинцевъ и не дозволить имъ соединиться съ лжепророкомъ. Послѣдній поручилъ князю Долу пригласить кабардинцевъ къ нему на помощь и увѣрить ихъ, что онъ или разобьетъ отрядъ полковника Нагеля, или, отведя воду, принудитъ его къ сдачѣ. Дѣйствительно, горцы запрудили нѣсколько горныхъ рѣчекъ и тѣмъ заставили Нагеля перемѣнить мѣсто лагеря и придвинуться къ мѣстечку, извѣстному подъ именемъ Татартупа.

Переходъ нашихъ войскъ въ другой лагерь былъ принятъ Мансуромъ за отступленіе и потому, около семи часовъ утра 2-го ноября, онъ вторично атаковалъ полковника Нагеля всѣми своими силами. Подкрѣпленное прибытіемъ владѣльцевъ Большой и Малой Кабарды съ ихъ сообщниками, скопище Мансура наступало на нашъ отрядъ одновременно съ разныхъ сторонъ: справа дѣйствовали лучшіе кабардинскіе наѣздники подъ руководствомъ князя Дола, съ тылу — кумыки подъ начальствомъ самого Мансура, слѣва—тавлинцы и, наконецъ, съ фронта — главное скопище, состоящее изъ чеченцевъ и прочихъ мелкихъ племенъ. Самая отчаянная атака была произведена тавлинцами, сражавшимися пѣшими; чеченцы же и прочіе народы держались вдалекѣ, прятались за разнаго рода закрытіями и ограничивались одною перестрѣлкой. Отбивъ атаку тавлинцевъ, Нагель перешелъ въ наступленіе, выгналъ чеченцевъ изъ лощинъ и принудилъ ихъ отступить. Въ

[1]) Рапортъ П. С. Потемкина князю Потемкину 4-го ноября, № 306.

это время Мансуръ, ободряя кумыковъ, самъ бросился въ атаку. Кумыки наступали подъ прикрытіемъ 50 щитовъ, сдѣланныхъ горцами въ защиту отъ огня нашей артиллеріи. Сколоченные изъ двухъ рядовъ бревенъ, съ насыпанною между ними землей, щиты эти имѣли по два колеса и катились довольно легко и свободно. Нагель встрѣтилъ наступавшихъ штыками, овладѣлъ щитами и разсѣялъ непріятеля. Горцы искали спасенія въ бѣгствѣ и самъ Мансуръ былъ однимъ изъ первыхъ, оставившихъ поле сраженія [1]).

Торопясь укрыться отъ преслѣдованія, непріятель оставилъ въ ущельяхъ все свое имущество, такъ что впослѣдствіи проходившія по этимъ мѣстамъ наши команды находили много котловъ, разнаго рода платья и въ особенности бурокъ. «Число убитыхъ у злодѣевъ весьма велико, доносилъ П. С. Потемкинъ [2]). Знамена ихъ взятыя не почелъ я достойными поднести вашей свѣтлости, а обругавъ ихъ при собраніи тѣхъ кабардинскихъ владѣльцевъ, кои у меня въ стану находятся, черезъ профоса сжечь приказалъ».

Разсѣянные въ разныя стороны, горцы находились въ самомъ печальномъ положеніи. Кумыки, какъ ближніе, вернулись въ свои дома, а дагестанцы, не имѣя пропитанія, скитались по деревнямъ, прося милостыни. Многіе изъ нихъ отдавали за безцѣнокъ лошадей, оружіе и даже платье, чтобы получить за нихъ небольшой кусокъ хлѣба. Жители селеній, расположенныхъ по рѣкѣ Сунжѣ, пользовались этимъ, обирали скитальцевъ, захватывали ихъ въ плѣнъ и отвозили на продажу [3]).

Послѣ одержанной побѣды, полковникъ Нагель не преслѣдовалъ бѣгущихъ, ибо его кавалерія была въ очень плохомъ состояніи. Четыре дня некормленныя лошади заставили Нагеля не только отказаться отъ преслѣдованія, но отступить ближе къ Моздоку и просить о присылкѣ подкрѣпленія [4]). Генералъ Потемкинъ тотчасъ же отправилъ къ нему на помощь двѣ гренадерскія роты Ладожскаго и Бутырскаго полковъ, двѣсти егерей Кабардин-

---

[1]) Рапорты полковника Нагеля генералу Потемкину 1-го и 2-го ноября.

[2]) Рапортъ Потемкина князю Потемкину 4-го ноября, № 3,065.

[3]) Показаніе капрала Ясноводскаго. Рапорты П. С. Потемкину бригадира Вишнякова отъ 3-го ноября, и полковника Нагеля отъ 8-го ноября.

[4]) Рапортъ Нагеля генералу Потемкину отъ 2-го ноября.

ского полка, сто человѣкъ Волжскихъ и семьдесятъ человѣкъ Семейныхъ казаковъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, полагая, что пораженіе, нанесенное Мансуру и его скопищу, образумитъ чеченцевъ, кумыковъ и прочихъ народовъ съ нимъ бывшихъ, командующій войсками опять обратился къ нимъ съ новымъ воззваніемъ, призывающимъ ихъ къ спокойствію, покорности и выдачѣ Мансура.

«Настало время, писалъ онъ [1]), чтобы всѣ народы, ослѣпясь обманами извѣстнаго злодѣя и развратника, дерзнувшаго назвать себя ложнымъ священнымъ именемъ пророка и принявшаго имя имама Мансура, нынѣ, скинувъ мракъ съ ослѣпленныхъ очей, прозрѣли на обманъ сего злодѣя и преступленія свои.

«Да вспомянутъ владѣльцы, старшины и народъ, что злодѣй Шихъ, принявъ ложно имя имама, многократно обманывалъ народъ, обѣщалъ имъ показать чудеса, ниспослать гласъ съ небесъ и проліять оный во всѣхъ концахъ вселенной; обѣщалъ ударить въ бубны и звукомъ оныхъ оглушить себѣ противныхъ; обѣщалъ, что ни орудія, ни ружья россійскаго воинства не будутъ дѣйствовать. Но кто видѣлъ чудеса его? кто слышалъ гласъ небесный? кто оглушенъ отъ звука бубновъ? а онъ злодѣй, со всѣми скопищами къ нему прилѣпившимися, опроверженъ, пораженъ оружіемъ воинства россійскаго, и сволочь его бѣжала отъ руки побѣдителей, яко прахъ вѣется отъ лица вѣтровъ.

«Я призываю владѣльцевъ, старшинъ и народъ: да опамятуются они въ своемъ недоумѣніи, да познаютъ ложь и обманъ злодѣя Шиха, да вразумятся, что не пророкъ онъ, но разбойникъ и обманщикъ.

«Народы, узнавъ его обманы, видятъ его оставленнымъ отъ своихъ, скитаются, и дабы искоренить виновника толикой гибели ослѣпленныхъ людей, дабы пресѣчь язву сію, родившуюся на гибель его послушниковъ, обѣщаю, что если народы кумыкскіе, чеченскіе, обратясь на путь истины, принесутъ раскаяніе и, поймавъ сего развратника, выдадутъ его въ руки мои, то будутъ во всемъ прощены, оставлены въ покоѣ и дано будетъ тѣмъ, кто

[1]) Всѣмъ кумыкскимъ, чеченскимъ и прочимъ народамъ 6-го ноября, № 319.

приведетъ его живаго, три тысячи рублей; голову же отъ мертваго—пятьсотъ рублей. Но если и за симъ народы не раскаются или паки къ нему прилѣпляться будутъ, тогда подвину я громъ оружія и мечъ острый на пораженіе преступниковъ».

Объявленіе это, какъ появившееся тотчасъ послѣ пораженія Мансура, въ первое время хотя и испугало горцевъ, но зараженные ложнымъ фанатизмомъ, они не рѣшались, однако же, посягнуть на личность лжепророка и потому требованіе о выдачѣ его не было исполнено. Страшась наказанія за неисполненіе нашего требованія и не надѣясь на успѣхъ при сопротивленіи, они въ большинствѣ слѣдовали обыкновенному своему правилу—покидали дома и скрывались въ горы со всѣмъ семействомъ и имуществомъ. Тѣ же, которые остались въ своихъ селеніяхъ, готовились къ оборонѣ. Жители деревни Эндери рыли вокругъ селенія ровъ и строили укрѣпленія. Алдинцы, собравшись къ своему кадію, и явившись вмѣстѣ съ нимъ къ Мансуру, спрашивали его, что имъ надо дѣлать.

— Ты много прежде обѣщалъ намъ, говорили они,—но ничего не исполнилъ и подвергъ только насъ мщенію русскихъ. Что теперь ты намъ скажешь: оставаться ли намъ на зиму въ деревнѣ или разойтись и скрыться въ горахъ?

— Я не князь вашъ, отвѣчалъ Мансуръ,—дѣлайте, что хотите [1]).

Такой отвѣтъ раздражилъ алдинцевъ и сгоряча они хотѣли отобрать отъ своего учителя подаренныя ему вещи, но были удержаны кадіемъ. Довѣріе къ Мансуру значительно уменьшилось, тѣмъ болѣе, что около этого времени въ Чечнѣ и Дагестанѣ явилось письмо одного изъ табасаранскихъ муллъ, въ которомъ отрицалось право Мансура на присвоенное имъ званіе имама. «Всевышній Господь Богъ, писалъ мулла, сниспосылая благодать свою на рабовъ возлюбленныхъ, являетъ чрезъ нихъ чудеса и знаменія, а по сему самому и мы, яко рабы недостойные, должны святыхъ чудотворцевъ и угодниковъ Божіихъ неизреченно любить и почитать; чудеса же истинныя почитать свято и должное чинить чудотворцамъ почтеніе и послушаніе. Любить ихъ мы обязаны, потому

---

[1]) Рапортъ полковника Нагеля П. С. Потемкину 13-го ноября. Объясненіе извѣстій, полученныхъ въ лагерѣ 13-го ноября.

что чудотворцы суть угодники Божіи; въ нихъ почиваетъ Божія благодать. Еслибы проявившійся въ Чечнѣ имамъ былъ изъ таковыхъ же преподобныхъ, въ коихъ почиваетъ благодать Божія, то великое бы произвелъ въ родѣ мусульманскомъ утѣшеніе и счастіе. Но чудотворцы и угодники Божіи, оставляя всѣ мірскія прихоти, отвращаются уже ото всего до сану ихъ неприличнаго; ищущіе душеспасенія злато и серебро почитаютъ какъ нѣкое бремя, похвалой не возносятся и поношеніе пріемлютъ они за благо. Отъ неимѣющихъ же таковаго набожнаго свойства ожидать чудесъ не можно. Пишу я сіе не въ поношеніе Шиха, но заключаю, что дѣянія угодниковъ Божіихъ и чудотворцевъ сами по себѣ доказываютъ свое достояніе.

«О подвигахъ и дѣлахъ назвавшагося имамомъ слышно, что они противны закону и святому нашему писанію: 1) что опущеніе поста и богослуженія довершать онъ уже возбраняетъ; 2) богослуженіе отправляетъ онъ не такъ, какъ по закону слѣдуетъ; 3) чинитъ поборы съ народа и пріемлетъ подарки. Народъ же, не считаясь тѣмъ, по непросвѣщенію своему ожидаетъ отъ него чего-либо полезнаго, но когда не сбудется отъ него ожидаемое, въ надеждѣ коего народъ его теперь почитаетъ, то и пріобрѣтенное имъ отъ народа не будетъ ему въ душеспасеніе, но въ пагубу.

«Истинныхъ угодниковъ Божіихъ любить и почитать есть не что иное, какъ любить и почитать самого Бога, но какъ вы со стороны своей принять описанное здѣсь изволите, не оставьте своимъ увѣдомленіемъ, дабы могли мы слѣдовать сообразно здравому разсужденію нашему, иначе же не пострадалъ бы непросвѣщенный народъ своимъ Шиху послушаніемъ и не могъ бы обмануться. Долгъ бо есть просвѣщенныхъ наставлять заблуждающихся на путь истинный, ведущій къ тишинѣ и общему спокойствію».

Письмо это оказало свое дѣйствіе и бо́льшая часть приверженцевъ лжепророка искала прощенія и помилованія. Переправа черезъ рѣку Малку отряда генерала Потемкина и движеніе его въ Кабарду убѣдило населеніе въ невозможности дальнѣйшаго сопротивленія. Какъ только, 13-го ноября, наши войска явились на рѣкѣ Баксанѣ, кабардинцы сейчасъ же отправили въ лагерь своихъ представителей. Генералъ-поручикъ Потемкинъ принялъ ихъ ласко-

во, но потребовалъ, чтобы кабардинцы немедленно возвратили все награбленное, заплатили пеню за убитыхъ родственниковъ и избрали бы депутатовъ для отправленія ихъ съ просьбой о помилованіи сначала къ князю Потемкину, а потомъ въ Петербургъ къ высочайшему двору. Кабардинцы объявили, что готовы исполнить всѣ требованія русскаго начальства, но отправить депутатовъ въ Петербургъ скоро не могутъ. Потемкинъ отвѣчалъ, что не согласенъ давать имъ болѣе времени на разсужденія, что онъ ожидаетъ ихъ отвѣта въ тотъ же день, и если не получитъ его, то силой оружія заставитъ кабардинцевъ исполнить свои требованія [1]).

«Объявите имъ, писалъ онъ князю Уракову [2]), что я до сей поры хотѣлъ только вывести ихъ изъ заблужденія и привести въ покорность, но упрямство ихъ будетъ причиной ихъ разоренія».

Кабардинцы созвали собраніе, на которомъ большинство хотя и готово было просить помилованія, но не рѣшалось высказать этого, опасаясь преслѣдованія сильныхъ и вліятельныхъ владѣльцевъ. Воспользовавшись настроеніемъ большинства, князь Мисостъ Баматовъ какъ старшій владѣлецъ, предложилъ исполнить наше требованіе безпрекословно. Онъ указалъ противникамъ мира и покорности, что несогласіе ихъ навлечетъ странѣ многія бѣдствія, что мостъ черезъ рѣку Баксанъ уже построенъ русскими, что войска готовятся къ переправѣ и что, конечно, вслѣдъ за отказомъ послѣдуетъ разореніе ихъ селеній и потеря имущества. Собравшіеся выбрали четырехъ представителей и отправили ихъ въ русскій лагерь. Депутаты привезли съ собою письма на имя императрицы и князя Потемкина, дали обязательство исполнять всѣ требованія русской власти и возвратить все захваченное и награбленное. Именемъ императрицы, генералъ-поручикъ Потемкинъ даровалъ прощеніе кабардинцамъ и объявилъ имъ, что отправляетъ депутатовъ и письма князю Потемкину, что назначаетъ приставомъ въ Кабарду маіора князя Уракова, которому и поручаетъ принять отъ кабардинцевъ взятыхъ ими въ плѣнъ людей, все награбленное имущество и пеню за убитыхъ по 250 барановъ за каждаго. Въ обезпеченіе же точнаго исполненія нашего требованія, кабардинцы должны были выдать

[1]) Ордеръ князю Уракову отъ 13-го ноября, № 352.
[2]) Въ ордерѣ отъ 13-го ноября, № 353.

аманатовъ отъ каждой фамиліи по одному узденю [1]). Въ концѣ ноября депутаты отправились въ Россію, причемъ командующій войсками просилъ князя Потемкина назначить ежегодныя пенсіи наиболѣе преданнымъ намъ владѣльцамъ. Онъ полагалъ, что при жадности кабардинцевъ къ деньгамъ, это былъ бы самый лучшій способъ для привлеченія ихъ къ видамъ и покорности Россіи [2]).

Подаривъ князю Мисосту Баматову перстень съ брилліантами [3]) и отправивъ такой же подарокъ андреевскому владѣльцу Муртаза-Алію, Потемкинъ поручилъ всѣмъ пограничнымъ начальникамъ распустить слухъ между горцами, что кабардинцы, страшась наказанія, просили пощады и покорились русскому правительству [4]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобъ устрашить жителей лѣваго фланга и самого Мансура, былъ собранъ подъ начальствомъ полковника Нагеля довольно сильный отрядъ, въ который вошли: Астраханскій, Томскій и Московскій полки, три баталіона гренадеръ [5]), 8 полевыхъ орудій и всѣ казачьи войска Гребенскія, Семейныя и Моздокскія. Полковнику Нагелю приказано было стараться захватить лжепророка въ свои руки, обѣщать помилованіе всѣмъ покорившимся подобно кабардинцамъ и изслѣдовать путь къ селенію Эндери, узнать о положеніи и числѣ его жителей и гдѣ пасутся ихъ стада; точно такія же свѣдѣнія собрать о деревняхъ Аксаевской и Брагунской.

Наступившее осеннее время и недостатокъ въ продовольствіи заставляли отложить военныя дѣйствія до болѣе благопріятнаго времени, но для устрашенія жителей и привлеченія ихъ къ покорности приказано было строить три переправы черезъ рѣку Терекъ. Приготовительныя работы эти оказали свое дѣйствіе и горцы, мало-по-малу, покидали лжепророка. Послѣдній, видя охлажденіе къ себѣ чеченцевъ и въ особенности своихъ односельцевъ, оставилъ селеніе Алды и удалился къ брату своей жены въ деревню Шалин-

---

[1]) Листъ кабардинцамъ 15-го ноября, № 358. Рапортъ Потемкина князю Потемкину 21-го ноября, № 362.

[2]) Рапортъ Потемкина князю Потемкину 29-го ноября, № 386.

[3]) Письмо Потемкина князю Баматову 15-го ноября.

[4]) Ордера бригадиру Вишнякову и прочимъ начальникамъ отъ 18-го ноября.

[5]) Баталіоны Мансурова (двѣ роты Кабардинскаго и двѣ Селенгинскаго полковъ); Кривцова (двѣ Томскаго и двѣ Московскаго полковъ) и Раціуса (двѣ роты Астраханскаго, одна Ладожскаго и одна Бутырскаго полковъ).

скую. Тамъ выпросилъ онъ себѣ у жителей мѣсто для построенія дома и намѣренъ былъ поселиться навсегда, хотя и не отчаивался еще въ пріобрѣтеніи прежняго вліянія на народъ. Мансуръ отправилъ письма ко всѣмъ закубанскимъ народамъ и татарскимъ ордамъ, приглашая ихъ присоединиться къ нему или дѣлать частыя вторженія въ русскія владѣнія. Своимъ новымъ односельцамъ и небольшому числу оставшихся послѣдователей, онъ разсказывалъ, что предвидѣлъ всѣ случившіяся бѣдствія, радуется нанесенному горцамъ пораженію, въ которомъ народъ долженъ видѣть гнѣвъ Божій за ослабленіе вѣры, взаимное несогласіе и неисполненіе его наставленій.

— Но если вы впредь будете мнѣ послушны, говорилъ Мансуръ,—то убіенные на полѣ брани, по предстательству моему, будутъ приняты въ царствіе небесное, а оставшіеся въ живыхъ на будущую весну будутъ очень обрадованы.

На вопросъ, какая радость ожидаетъ ихъ въ будущемъ, Мансуръ отказался отвѣчать, но готовилъ знамя, украшая его серебромъ и золотомъ.

— Для кого это знамя? спрашивали Мансура его приверженцы

— Для того, кто явится черезъ два мѣсяца, отвѣчалъ онъ загадочно,—и тогда я открою вамъ чудеса.

— У меня будетъ войска несравненно болѣе прежняго, говорилъ Мансуръ однажды сыну кумыкскаго владѣльца Чапалову, прежде бывшему главнымъ его сторонникомъ.

— Откуда у тебя можетъ быть войско? спрашивалъ Чапаловъ.—Дагестанцы отъ тебя отстали: они побиты, ограблены или запроданы, чеченцы тебя презираютъ, кабардинцы покорились, а наши просятъ пощады.

— Войско у меня будетъ сильное, повторилъ лжепророкъ,— но его никто не увидитъ.

Чапаловъ засмѣялся и уѣхалъ отъ своего бывшаго наставника [1]).

---

[1]) Рапортъ подполковника Матцена генералу Потемкину отъ 22-го ноября. Госуд. Арх., XXIII, № 13, карт. 50.

VIII.

Бѣдственное положеніе Грузіи отъ вторженій дагестанскихъ горцевъ.—Неустройство грузинскихъ войскъ.—Царь Ираклій проситъ помощи.—Участіе Порты въ хищническихъ набѣгахъ горцевъ.—Вторженіе турокъ въ Имеретію и Омаръ-хана Аварскаго въ Грузію.—Переговоры его съ царемъ Ираклiемъ.—Князь Чавчавадзе предлагаетъ Ираклію сдѣлать князя Потемкина вассаломъ Грузіи и уступить ему часть своихъ владѣній.

Волненіе горцевъ, проявившееся почти на всемъ пространствѣ Кавказской линіи и весьма ограниченное число войскъ, назначенныхъ для ея защиты, лишали насъ возможности оказать какую-либо помощь Грузіи, а между тѣмъ положеніе ея крайне безпокоило генералъ-поручика Потемкина. Съ началомъ непріязненныхъ дѣйствій кабардинцевъ и чеченцевъ прерывалось наше сообщеніе съ Грузіей и находившіеся тамъ два егерскіе баталіона казались обреченными на жертву. Они лишены были самаго необходимаго и въ теченіе почти года не получали ни жалованья, ни обмундированія. Продовольствіе ихъ находилось въ самомъ печальномъ положеніи. Ираклій, обѣщая продовольствовать наши войска, доставлялъ провіантъ съ крайнимъ затрудненіемъ, не аккуратно и притомъ одну только муку; крупъ же баталіоны вовсе не получали.

При смутныхъ обстоятельствахъ и томъ положеніи, въ которомъ находилась Грузія, можно было разсчитывать, что доставка продовольствія въ будущемъ пойдетъ еще хуже, что не только нельзя будетъ сдѣлать никакого запаса провіанта на случай движенія и открытія военныхъ дѣйствій, но что баталіоны не будутъ получать его и оставаясь на мѣстѣ. Для обезпеченія нашихъ войскъ въ этомъ отношеніи оставалось одно средство: послать въ Грузію русскія деньги, чтобы командиры баталіоновъ могли, не завися отъ царя, сами покупать продовольствіе, но такая мѣра оказывалась невозможною за прекращеніемъ сообщенія.

«Грузинскія дѣла, писалъ князь Потемкинъ [1]), меня меньше

[1]) Въ ордерѣ П. С. Потемкину 13-го октября. Государств. Арх., XXIII, № 13, карт. 50.

бы озабочивали, еслибы не поступалъ тамошній начальникъ вопреки моимъ предписаніямъ. Я именно запретилъ раздроблять егерей на части: они должны быть вмѣстѣ и брать позицію не самую передовую, ибо, отстоя нѣсколько отъ идущаго на нихъ непріятеля, не подвергнутся первому онаго стремленію. Грузины, опрокинутые при нихъ (нашихъ баталіонахъ) находили бы убѣжище, а непріятель—упоръ. Не знаю, будутъ ли умѣть воспользоваться крѣпостью тамошнихъ мѣстъ и есть ли гдѣ заготовленный провіантъ, дабы въ случаѣ превосходнаго нападенія, могли безвредно дожидаться помощи. Меня безпокоитъ положеніе Грузіи, а паче состояніе войскъ нашихъ. Старайтесь всѣми мѣрами удержать теперешнее стремленіе лезгинъ. Зима придетъ скоро, а между тѣмъ и фанатизмъ (къ Мансуру) пройдетъ. Напишите Омаръ-хану (Аварскому), отвлекая его отъ нападенія на грузинъ. Вспомните доброе его расположеніе, прежде вамъ оказанное, почему вы одобрили его вѣрность къ службѣ ея императорскаго величества и что, къ сожалѣнію вашему, оставляетъ онъ васъ въ словѣ въ то время, когда исходитъ къ нему монаршее благоволеніе, поставляющее состояніе его завиднымъ».

Генералъ-поручикъ П. С. Потемкинъ не находилъ другаго средства помочь дѣлу, какъ разгласить, что въ Грузію отправленъ повый и весьма значительный отрядъ русскихъ войскъ и съ этою цѣлью приказалъ генералъ-поручику Леонтьеву придвинуть къ Моздоку Кабардинскій и Бутырскій полки и Донской казачій Грекова полкъ. Не ограничиваясь однимъ сосредоточеніемъ этихъ войскъ, а желая придать распущенному слуху бо́льшую достовѣрность, Потемкинъ поручилъ Леонтьеву предпринять съ отрядомъ такое движеніе, «которое бы могло принято быть какъ будто подлинно въ ту сторону оно (войско) идти готово» [1]).

Ни распространеніе слуха, ни даже движеніе войскъ не могли устрашить или обмануть лезгинъ и прочихъ дагестанскихъ племенъ, дѣйствовавшихъ одновременно противъ Грузіи и войскъ, расположенныхъ на Кавказской линіи. Горцы хорошо знали, что всѣ войска на линіи заняты, что для прохода имъ въ Грузію суще-

[1]) Ордера Потемкина генералу Леонтьеву 6-го и 9-го сентября, №№ 50 и 53.

ствовалъ только одинъ путь, представлявшій весьма большія затрудненія для движенія и въ то же время весьма удобный для защиты небольшимъ числомъ вооруженныхъ. Враги Грузіи отлично понимали, что помощь со стороны Россіи, при тогдашнемъ положеніи дѣлъ, была невозможна или по крайней мѣрѣ весьма затруднительна, а потому готовились ко вторженію въ Грузію съ полною надеждой на успѣхъ. Грузинскіе разъѣзды доносили, что скопище лезгинъ со стороны Джаро-Бѣлоканъ намѣрено, 16-го сентября, напасть на кизихскія селенія. По полученіи этихъ свѣдѣній, полковникъ Бурнашевъ тотчасъ же выступилъ изъ Тифлиса и расположился въ Сигнахѣ. Сюда пріѣхалъ царь Ираклій II, а за нимъ стали прибывать изъ разныхъ селеній, небольшими частями, вооруженные жители, которые собственно и составляли то, что называлось царскими войсками.

Имѣя свѣдѣніе о сомнительной преданности жителей Кизиха и опасаясь, чтобъ они не перешли на сторону непріятеля, полковникъ Бурнашевъ совѣтовалъ Ираклію слѣдовать въ Кизихъ, и, не допуская магометанскихъ подданныхъ Грузіи соединиться со своими единовѣрцами лезгинами, атаковать послѣднихъ при переправѣ ихъ черезъ рѣку Алазань. Царь не согласился съ этимъ предложеніемъ и, по совѣту своихъ близкихъ, намѣренъ былъ дѣйствовать оборонительно съ тѣмъ, чтобы защищаться только отъ нападеній въ крѣпкихъ мѣстахъ Кахетіи.

Омаръ-ханъ Аварскій переправился, между тѣмъ, въ Караагачѣ черезъ рѣку Алазань съ 11,000 человѣкъ отборнаго войска, и остановившись 15-го сентября у подошвы горы Накорцихе, выжегъ все сѣно, накошенное окрестными жителями.

По утру, 17-го сентября, въ Сигнахѣ узнали, что непріятель переправился уже черезъ рѣку Іору, и зайдя въ тылъ собранному въ Сигнахѣ отряду, намѣренъ двигаться по направленію къ Тифлису. Имѣя въ своемъ распоряженіи не болѣе 1,000 человѣкъ плохо вооруженныхъ грузинъ, Ираклій не рѣшался ни встрѣтить съ ними непріятеля, ни даже отрядить часть конныхъ для наблюденія за движеніемъ Омаръ-хана. По совѣщанію съ полковникомъ Бурнашевымъ, рѣшено было оставить въ Сигнахѣ больныхъ, слѣдовать какъ можно скорѣе и кратчайшимъ путемъ черезъ Магару

къ Тифлису и имѣть въ виду главнѣйшимъ образомъ охраненіе столицы Грузіи.

Пройдя двадцать верстъ, соединенный отрядъ остановился лагеремъ, въ который пріѣхалъ къ Ираклію племянникъ ганжинскаго старшины Аджи-бека съ 50 всадниками. Онъ сообщилъ, что Ибраимъ-ханъ Шушинскій, пользуясь настоящими замѣшательствами въ Грузіи, хочетъ одинъ захватить Ганжинское ханство въ свои руки; что Шушинскій ханъ лишилъ уже жизни находившагося въ заключеніи и ослѣпленнаго Мегметъ-хана Ганжинскаго, что собравъ войска, онъ подошелъ уже къ Ганжѣ и расположился въ пятнадцати верстахъ отъ города; что Ибраимъ отправилъ къ Омаръ-хану, своему шурину, 8,000 денегъ и проситъ его придти къ нему съ войскомъ для овладѣнія Ганжею. Это сообщеніе крайне опечалило Ираклія, не желавшаго отказаться отъ Ганжи и все еще надѣявшагося на подчиненіе ханства своей власти. Царя успокоивало только то извѣстіе, что Аджи-бекъ обѣщалъ защищаться до послѣдней крайности и сохранить преданность къ грузинскому царю.

Отступая къ Тифлису и присоединяя къ себѣ стекавшихся съ разныхъ сторонъ вооруженныхъ грузинъ, число которыхъ простиралось теперь до трехъ тысячъ человѣкъ, отрядъ пришелъ 18-го сентября въ Сагореджи, гдѣ узналъ, что лезгины, подойдя къ рѣкѣ Курѣ, остановились при урочищѣ Караѣ, находившемся всего въ двадцати пяти верстахъ отъ столицы. Опасаясь, чтобы непріятель, среди котораго было много конницы, не сдѣлалъ быстраго набѣга на Авлабаръ, предмѣстье Тифлиса, царь Ираклій не надѣялся, чтобы жители оказали сильное сопротивленіе непріятелю «не столько по малости могущихъ противиться, доносилъ Бурнашевъ, [1]) сколько по внутреннему неустройству и неудовольствію мѣщанъ по причинѣ сильныхъ налоговъ отъ правящихъ городомъ».

Раннимъ утромъ 19-го сентября, Ираклій съ Бурнашевымъ, выступивъ изъ Сагореджи, слѣдовали къ Тифлису и на пути узнали, что непріятель, переправившись при Караѣ на правый бе-

[1]) Рапортъ Бурнашева Потемкину 25-го сентября 1785 года. Госуд. Архивъ, XXIII, № 13, папка 49.

регъ рѣки Куры, перешелъ затѣмъ рѣку Алгету ниже селенія Марнеули. Это движеніе указывало, что дагестанцы намѣрены были соединиться со своими единовѣрцами и спѣшили въ Борчалы, грузинскую провинцію, населенную исключительно магометанами. Предыдущія сношенія и взаимныя пересылки давали надежду лезгинамъ, что магометанскіе подданные царя соединятся съ ними и отложатся отъ Ираклія. Поведеніе ихъ было таково, что и самъ царь былъ почти убѣжденъ въ неблагонадежности своихъ подданныхъ, однако, желая предупредить возстаніе, онъ торопился преслѣдовать непріятеля и если возможно не допустить его исполнить свое намѣреніе. Ираклій отовсюду сзывалъ своихъ подданныхъ на защиту отечества, дѣлалъ распоряженія по защитѣ Тифлиса и упрашивалъ Бурнашева поторопиться переправою черезъ рѣку Куру. Войска наши дѣлали усиленные переходы и переправлялись черезъ Куру въ Тифлисѣ по мосту; грузины толпами сгонялись въ станъ Ираклія, который переправился въ двѣнадцати верстахъ выше Тифлиса въ бродъ. Всѣ, кто могъ носить оружіе, были призваны на защиту своей родины.

20-го сентября Ираклій насчитывалъ у себя пять тысячъ человѣкъ, усиленныхъ восемью ротами русскихъ войскъ и четыреста человѣкъ ингушей и осетинъ, прибывшихъ по вызову царя. Сдѣлавъ переходъ въ сорокъ верстъ, войска около девяти часовъ вечера достигли до селенія Марнеули, гдѣ и расположились лагеремъ. Омаръ-ханъ, вторгнувшись въ Борчалы и не разоряя селеній, взялъ аманатовъ и потянулся ущельемъ вверхъ по рѣкѣ Дебедѣ къ Ахтальскимъ серебрянымъ заводамъ, разорилъ ихъ и церковь, овладѣлъ крѣпостью Агджа-Кале, и, вырѣзавъ тамъ до 640 человѣкъ обоего пола, захватилъ въ плѣнъ 860 душъ, преимущественно грековъ, работавшихъ на заводѣ [1]).

Когда наши войска вмѣстѣ съ грузинскими прибыли къ ущелью на рѣкѣ Дебедѣ, находившемуся немного выше крѣпости Агджа-Кале, то непріятеля тамъ уже не было: онъ ушелъ въ глубь ущелья и, какъ говорили, потянулся къ замку Лори. Ираклій не рѣшался преслѣдовать враговъ и опасался войти въ ущелье. Онъ

[1]) Рапортъ Бурнашева 4-го октября, № 42.

не имѣлъ даже точныхъ свѣдѣній о томъ, гдѣ непріятель, ибо толпа вооруженныхъ грузинъ была неспособна ни къ какому развѣдыванію. Въ грузинскихъ войскахъ царствовалъ полнѣйшій безпорядокъ и непослушаніе. «Въ самомъ дѣлѣ, доносилъ Бурнашевъ [1]), не только нѣтъ передовыхъ отрядовъ, но съ нуждою и ночные разъѣзды, а оттого не имѣемъ мы скорыхъ и вѣрныхъ о непріятелѣ извѣстій: всѣ толпятся около нашихъ войскъ». Никто не слушалъ приказаній; многіе расходились по домамъ, такъ что для водворенія какого-нибудь порядка Ираклій принужденъ былъ употребить строгость, не приведшую, впрочемъ, къ положительнымъ результатамъ. Царь приказалъ ловить бѣглецовъ и хотя нѣкоторымъ пойманнымъ были обрѣзаны уши, но побѣги не прекратились и царское войско весьма скоро уменьшилось почти на половину. Ираклій насчитывалъ до трехъ тысячъ, но было ли столько, рѣшить трудно, потому что это была толпа, безъ строя, безъ дисциплины и безъ дѣленія на части.

Для развѣдыванія о непріятелѣ принуждены были вызывать охотниковъ, которые, за большую плату, пробираясь тайно по лѣсамъ и подымаясь на горы, высматривали непріятеля издали и, дождавшись опять ночи, возвращались окольными путями. Такія лица доставляли самыя невѣрныя свѣдѣнія и притомъ только на третій день — время, въ которое непріятель могъ искрестить всю Грузію вдоль и поперекъ.

Въ такомъ безвыходномъ положеніи Ираклій возлагалъ свою надежду только на новую присылку русскихъ войскъ въ Грузію. Изъ лагеря при рѣкѣ Дебедѣ онъ отправилъ къ П. С. Потемкину третьяго посланнаго съ письмомъ, въ которомъ писалъ, что если черезъ двѣнадцать или пятнадцать дней русскія войска не прибудутъ въ Грузію, то страна эта должна погибнуть.

«Безъ нашей воли докучаемъ симъ нашимъ писаніемъ, писалъ царь Потемкину [2]), потому что по согласію турка и лезгина претерпѣваемъ великое бѣдствіе нашей земли и можетъ быть, что большее мученіе и печаль случится. Мы не бережемъ себя, ежели

[1]) Рапортъ Бурнашева 25-го сентября.

[2]) Въ письмѣ отъ 25-го сентября. Государственный Архивъ, XXIII, № 13, папка 49.

кровь наша будетъ въ пользу нашему отечеству, понеже никогда не жалѣли себя по должности нашей, кольми паче на сіе время, въ которомъ большія утѣсненія окружаютъ насъ и наши земли, гдѣ терпѣніе бѣдъ и оказаніе храбрости предлежитъ всѣмъ. Но не чаемъ мы, ни народъ нашъ, чтобы послѣ нашей крови въ покоѣ и безопасности пребывали бъ наши и избавились отъ большихъ бѣдствій».

Мы видѣли причины, по которымъ Потемкинъ не могъ удовлетворить желанію Ираклія. Онъ отвѣчалъ царю, что употребитъ всѣ средства къ тому, чтобъ оказать помощь, «но какъ можно послать войска, спрашивалъ Потемкинъ, когда дорога въ Грузію вся испорчена? Я не замедлю приступить къ исправленію оной и тогда все что̀ отъ меня будетъ зависѣть исполнить не премину».

Предоставленный себѣ и своимъ средствамъ, Грузинскій царь все время оставался на одномъ мѣстѣ. Въ это время Омаръ-ханъ, поднявшись по рѣкѣ Дебедѣ до селенія Узунларъ, находившагося въ сорока пяти верстахъ отъ Тифлиса, отрядилъ одну партію къ замку Лори, гдѣ она, не касаясь укрѣпленія, выжгла въ окружности его весь хлѣбъ, сѣно и все, что только истребить было можно. Не встрѣчая нигдѣ сопротивленія и считая, что нанесъ достаточное разореніе Грузіи, Омаръ-ханъ отправилъ къ Ираклію грузинскаго дворянина Мурванова съ объявленіемъ, что онъ готовъ помириться и сдѣлаться союзникомъ, если только царь заплатитъ по пятидесяти рублей за каждаго изъ плѣнныхъ и положитъ ему, Омаръ-хану, ежегодное жалованье по десяти тысячъ рублей. Ираклій чрезъ того же Мурванова отвѣчалъ, что готовъ заплатить за каждаго плѣннаго по сорока пяти рублей половину деньгами, а половину парчами, и что если Омаръ выйдетъ изъ его предѣловъ за рѣку Алазань, то тогда онъ поведетъ съ нимъ дальнѣйшіе переговоры. Не ожидая отъ Омаръ-хана удовлетворительнаго отвѣта, Ираклій отправилъ для подкрѣпленія гарнизона въ замкѣ Лори семьдесятъ человѣкъ охотниковъ, съ обѣщаніемъ выдать каждому изъ нихъ по пятидесяти рублей. Помощь эта прибыла какъ разъ вовремя, ибо 28-го сентября Омаръ-ханъ атаковалъ Лори, но, не имѣя успѣха, скрылся изъ виду. Опять никто не зналъ, куда онъ направилъ

свое движеніе. Прибывшіе въ разное время изъ Лори поодиночкѣ грузины говорили только, что непріятель ушелъ, но куда—неизвѣстно. Прошло нѣсколько дней, а свѣдѣній о непріятелѣ все-таки получено не было и Ираклій предполагалъ, что Омаръ-ханъ пошелъ на соединеніе съ войсками Сулеймана-паши Ахалцыхскаго, и что, получа отъ него помощь и нѣсколько орудій, устремится на Тифлисъ. Предположеніе это, казалось, готово было оправдаться, ибо 3-го октября возвратился изъ Ахалцыха одинъ грузинъ, посланный туда Иракліемъ, который объявилъ, что видѣлъ лезгинъ у озера Топаравани, а на пути своемъ къ Ахалкалакамъ узналъ, что Сулейманъ-паша послалъ въ Константинополь донесеніе о вступленіи въ Грузію Омаръ-хана и испрашивалъ у Порты повелѣнія какъ поступать ему въ данномъ случаѣ. Ираклій счелъ лучшимъ не ходить за непріятелемъ, и отступилъ со всѣми войсками къ Тифлису, какъ единственному мѣсту, которое онъ, при своихъ средствахъ, намѣренъ былъ защищать. Свое отступленіе онъ объяснялъ, однакоже, тѣмъ, что намѣренъ стать въ центрѣ своего царства и имѣть возможность подать помощь во всѣ стороны, куда бы непріятель ни устремился. По прибытіи въ столицу Грузіи, было получено извѣстіе, что Омаръ-ханъ пошелъ въ Ахалкалаки, слѣдовательно на соединеніе съ пашой Ахалцыхскимъ.

Теперь вся опасность для Грузіи грозила со стороны Ахалцыха, но, не смотря на настояніе Бурнашева отправить хотя часть войскъ для обороны границъ съ этой стороны, Ираклій не трогался съ мѣста. Турки, соединившись съ лезгинами, партіями отъ 300 до 700 человѣкъ, дѣлали набѣги по обѣимъ сторонамъ рѣки Куры, отгоняли скотъ, грабили имущество и уводили въ плѣнъ жителей. Эти набѣги производились, очевидно, съ дозволенія турецкаго правительства. Хотя Порта, вслѣдствіе требованія посла нашего, и разослала къ сосѣднимъ пашамъ запретительные фирманы, въ которыхъ приказывала не трогать *быка, если лежитъ, и не заставлять его подняться*, тѣмъ не менѣе, втайнѣ она покровительствовала всѣмъ враждебнымъ дѣйствіямъ противъ Россіи и, не жалѣя денегъ, разсылала ихъ Адербеджанскимъ ханамъ и горскимъ владѣльцамъ. Посланные Порты отъ времени до времени появлялись въ разныхъ мѣстахъ Закавказья и въ Даге-

станѣ. Одинъ изъ нихъ пробрался къ осетинамъ съ порученіемъ уговорить ихъ портить дороги и преграждать всякое сообщеніе Россіи съ Грузіей [1]). Если осетины не согласились удовлетворить желанію турецкаго правительства, то происки Порты среди другихъ племенъ не остались безслѣдны, и число непріятелей Россіи ежедневно увеличивалось. «Долгомъ поставляю», доносилъ полковникъ Бурнашевъ [2]), «точное представить состояніе относительно насъ въ Грузіи, что сосѣди коварны и вообще намъ непріятели; союзникъ во всѣхъ частяхъ слабъ и не надеженъ; продовольствіе войскъ нашихъ не въ моей власти и доставляется весьма медленно, и сверхъ сего, не имѣю я другихъ средствъ, кромѣ царской стороны, получать свѣдѣнія о дѣлахъ сосѣднихъ».

Грузины въ этомъ послѣднемъ случаѣ были совершенно неспособны, и много времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ Ираклій получилъ послѣднія свѣдѣнія о непріятелѣ. До Тифлиса дошли только слухи, что жители Памбакъ, страшась вторженія лезгинъ, ушли въ Эриванскую область, а нѣкоторые дошли до Карса. Хотя Сулейманъ-паша и требовалъ съ угрозами отъ хана Эриванскаго отдать ему все принадлежащее грузинамъ, но ханъ отказалъ и принялъ всѣхъ бѣжавшихъ съ ихъ имуществомъ подъ свое покровительство. Ибрагимъ-ханъ Шушинскій, все еще стоявшій подъ Ганжей, пользуясь замѣшательствомъ въ Грузіи, пытался было овладѣть городомъ, но былъ отбитъ съ урономъ. Тогда онъ отправилъ къ Ираклію письмо, въ которомъ писалъ, будто отступилъ отъ Ганджи по его совѣту и что, желая сохранить съ нимъ союзъ и дружбу, отправилъ къ Омаръ-хану своего посланнаго съ предложеніемъ помириться съ Иракліемъ. Карабагскій ханъ говорилъ, что если Омаръ-ханъ откажется исполнить его требованіе, то онъ готовъ содѣйствовать Грузіи своими войсками. Не довѣряя Ибрагиму, Ираклій просилъ его прислать не войска, а деньги на военныя издержки, которыхъ, конечно, ханъ Шушинскій не прислалъ, точно такъ же, какъ не думалъ дѣлать никакихъ предложеній Омаръ-хану Аварскому.

---

[1]) Рапортъ П. С. Потемкина князю Потемкину 20-го декабря, № 410.

[2]) Рапорты Бурнашева П. С. Потемкину, отъ 4-го и 15-го октября, №№ 42 и 44.

Послѣдній, расположившись со всѣмъ своимъ ополченіемъ въ Ахалкалакахъ, получилъ отъ Сулеймана-паши Ахалцыхскаго 100 кесъ денегъ и содержаніе для войскъ. Соединившись съ лезгинами и предполагая сдѣлать новое вторженіе въ Грузію, Сулейманъ отправилъ въ Имеретію къ царю Давиду своего посланнаго, съ обнадеживаніемъ, что Порта пришлетъ царю саблю, шубу и фирманъ на признаніе его въ царскомъ достоинствѣ, если только Давидъ присоединится къ нимъ со своими войсками.

Отказъ Давида крайне раздражилъ союзниковъ, и Омаръ-ханъ, не долго думая, вторгнулся въ Имеретію, имѣя при себѣ до шести тысячъ человѣкъ лезгинъ и до тысячи человѣкъ Ахалцыхскихъ турокъ. Едва только вѣсть эта достигла до столицы Грузіи, какъ полковникъ Бурнашевъ, по просьбѣ Ираклія, тотчасъ же выступилъ съ егерскими баталіонами изъ Тифлиса и, пройдя Мцхетъ, остановился на Мухранскомъ полѣ. Слѣдовавшій за нимъ царь Ираклій остановился со своимъ ополченіемъ въ самомъ Мцхетѣ и оба они положили оставаться въ мѣстахъ своего расположенія до тѣхъ поръ, пока не получатъ болѣе опредѣленныхъ свѣдѣній о непріятелѣ.

27-го октября получено было извѣстіе, что Омаръ-ханъ атаковалъ замокъ Вахань, принадлежавшій князьямъ Абашидзе и лежавшій на границѣ Имеретіи съ Карталиніей. Ираклій тотчасъ же двинулся со своею конницей впередъ и пошелъ по направленію къ городу Гори, съ тѣмъ, чтобы заготовить тамъ провіантъ для нашихъ войскъ. Бурнашева онъ просилъ оставаться на Мухранскомъ полѣ, до полученія отъ царя извѣстій. Причиной такой просьбы было то обстоятельство, что Ираклій не вѣрилъ справедливости слуховъ, считая невѣроятнымъ, чтобы лезгины вмѣстѣ съ турками осадили Вахань, такъ какъ князь Абашидзе и Сулейманъ-паша были между собою въ дружескихъ отношеніяхъ. На слѣдующій день, 28-го октября, Ираклій сообщилъ Бурнашеву, что слухи справедливы и просилъ его слѣдовать на соединеніе, причемъ сообщалъ, что царь Давидъ, соединившись съ Дадіаномъ Мингрельскимъ, прибыли къ селенію Марели съ войсками, число которыхъ, по словамъ царя, простиралось до пятнадцати тысячъ человѣкъ.

Въ Гори Бурнашевъ не нашелъ продовольствія, обѣщаннаго ему Ираклiемъ, и могъ запастись провіантомъ только на полтора дня. Оставивъ въ Гори обозъ и больныхъ, Бурнашевъ выступилъ далѣе, переправился черезъ рѣку Ліахву и вечеромъ, 30-го октября, достигъ до Сурама, куда въ тотъ же день прибылъ и Ираклій со своими войсками, которыхъ царь насчитывалъ до 1,500 человѣкъ. Въ Сурамѣ наши баталіоны простояли два дня, съ тѣмъ, чтобы сдѣлать необходимые запасы продовольствія и исправить артилерію. Омаръ-ханъ Аварскій все еще находился предъ замкомъ Ваханскимъ. Не будучи въ силахъ овладѣть имъ штурмомъ, онъ пробовалъ два раза подорвать его порохомъ, подобно тому, какъ сдѣлалъ это въ Ахталѣ, но неудачно. Тогда онъ прибѣгнулъ къ хитрости и успѣлъ вызвать къ себѣ, подъ видомъ переговоровъ о мирѣ, владѣльца замка князя Абашидзе, зятя Имеретинскаго царя Соломона. Зная, что при Омаръ-ханѣ находятся князь Папуна Церетели, родной братъ бывшаго посла имеретинскаго въ С.-Петербургѣ, и одинъ изъ его однофамильцевъ, князь Абашидзе довѣрился и вышелъ къ Омаръ-хану, но былъ схваченъ, связанъ и объявленъ плѣннымъ. Этотъ измѣнническій поступокъ Омаръ-хана не ослабилъ энергіи осажденныхъ: не отвѣчая на требованія сдаться, они рѣшились отстаивать крѣпость и просили помощи. Ираклій хотѣлъ тотчасъ же идти къ нимъ и съ этою цѣлью послалъ сказать Имеретинскому царю Давиду, чтобъ онъ соединился съ нимъ 1-го ноября при селеніи Небозири, съ тѣмъ, чтобъ оттуда совокупными силами атаковать непріятеля. Между тѣмъ, въ ночь на 1-е ноября, къ удивленію Ираклія [1]), получено было извѣстіе, что гарнизонъ замка сдался лезгинамъ, что причиной сдачи были не столько поврежденія въ крѣпости, сколько мученія и тиранство, производимыя лезгинами надъ князьями Абашидзе, въ виду гарнизона. Не желая видѣть страданія своихъ князей, ваханцы отворили ворота и за этотъ поступокъ поплатились самымъ жестокимъ образомъ: всѣ мущины, число которыхъ простиралось до 700 человѣкъ, были, за исключеніемъ князей, лишены жизни, а строенія замка обращены въ пепелъ.

[1]) «Сія крѣпость, писалъ Ираклій Потемкину, такъ была крѣпка, что никогда не думалъ я, чтобъ могли взять оную».

*

Уничтоженіе Ваханскаго замка заставило Ираклія остановить свое движеніе. Онъ писалъ царю Давиду, чтобы тотъ преслѣдовалъ лезгинъ, а онъ съ русскими войсками отрѣжетъ имъ путь отступленія, если они двинутся на Тишхеты. Лезгины не пошли, однако же, этою дорогой; они двинулись къ Ахалцыху черезъ горы самыми труднѣйшими путями и ушли никѣмъ не преслѣдуемые. Русскія войска возвратились къ рѣкѣ Курѣ и расположились ниже селенія Чалы. Сюда прибылъ и царь Ираклій съ остатками своего ополченія, а вслѣдъ за тѣмъ и посланный Имеретинскаго царя съ увѣдомленіемъ, будто Омаръ-ханъ намѣренъ сдѣлать нападеніе на Кутаисъ. При всемъ своемъ желаніи помочь Давиду, царь Ираклій не могъ этого сдѣлать, по крайне-разстроенному состоянію своихъ дѣлъ.

«Грузія приходитъ въ крайнее разореніе, доносилъ Бурнашевъ [1]); купечество (торговля) вовсе пресѣклось, въ разсужденіи опасности по дорогамъ, хлѣбопашество помѣшано, по причинѣ сборовъ на службу поселянъ и оставленныхъ ими вовсе деревень. Его высочество войскъ въ собраніи содержать не можетъ, по неимѣнію денегъ, ибо доходы его почти вовсе уничтожились отъ собственныхъ же войскъ, а особливо горскихъ: гдѣ они ни стоятъ или идутъ походомъ, по своевольству ихъ оставляютъ вездѣ слѣды совершеннаго опустошенія. Грузины вовсе опустились, одни только наши баталіоны [2]) должны дѣлать фасъ на всѣ стороны, но и тѣмъ продовольствіе трудно».

«Если черезъ короткое время не подадите мнѣ помощи, писалъ Ираклій Павлу Сергѣевичу Потемкину [3]), то отечество мое разорится до основанія, да и останусь я въ посмѣяніи моихъ непріятелей. Чрезъ нынѣшнія обстоятельства, многіе примутъ магометанскій законъ, чтобъ избѣжать отъ смерти и погибели, нѣкоторые же предадутся лезгинамъ, а остальные разбѣгутся по разнымъ мѣстамъ. Если жь я уцѣлѣю со своею фамиліей отъ непріятелей, то все-таки останусь одинъ безъ людей и безъ призрѣнія».

---

[1]) Въ рапортѣ Потемкину, отъ 4-го ноября, 1785 года. Государствен. Архивъ, XXIII, № 13, папка 50.

[2]) Численность которыхъ въ то время не превышала 1,800 человѣкъ.

[3]) Въ письмѣ отъ 5-го ноября 1785 года.

Въ столь затруднительныхъ обстоятельствахъ, Ираклій рѣшился отправить письмо къ Омаръ-хану. Царь писалъ ему, что въ теченіе 33-хъ лѣтъ онъ сохранялъ дружбу и доброе согласіе съ отцомъ его, что онъ оказывалъ нерѣдко благодѣянія не только отцу, но и самому Омаръ-хану и просилъ прекратить вторженіе лезгинъ въ Грузію и возвратить захваченныхъ ими плѣнныхъ. Омаръ, признавая справедливость словъ Ираклія, отвѣчалъ ему, что онъ также, имѣя желаніе оказывать сыновнее послушаніе, просилъ безпрестанно признать его сыномъ, прислать ему подарки, но былъ обиженъ тѣмъ, что царь считалъ его не сыномъ, а дагестанскимъ *бѣлади* [1]). Аварскій ханъ говорилъ, что готовъ сохранять дружбу и доброе согласіе, если Ираклій перемѣнитъ относительно его свое поведеніе. «Мы живемъ въ Дагестанѣ», писалъ онъ Ираклію; «сила земли сей вамъ довольно извѣстна и мы вступили съ войсками въ Грузію сражаться, получать добычу, а не умножать нашу славу. Если угодно вамъ судить по справедливости, то должно признаться, что вы сами подали причины къ случившимся въ Грузіи происшествіямъ. Но намъ не прилично требовать отчета отъ столь великаго человѣка въ его дѣяніяхъ. Взятые плѣнные раздѣлены уже войскомъ по дагестанскому обыкновенію и теперь нѣтъ возможности собрать оныхъ. Впрочемъ, донесутъ вамъ словесно обо всемъ Мирза-Мегметъ и Алискантъ».

Оба уполномоченные явились въ Тифлисъ въ концѣ декабря съ предложеніемъ Ираклію помириться съ Омаръ-ханомъ Аварскимъ, но съ тѣмъ, чтобы грузинскій царь обязался платить Омару ежегодно по 10,000 рублей и выдалъ единовременно 10,000 рублей для удовлетворенія дагестанскихъ старшинъ, бывшихъ въ войскахъ Аварскаго хана. Ираклій отвѣчалъ, что готовъ дать 10,000 рублей дагестанскимъ старшинамъ, а самому Омаръ-хану будетъ давать ежегодно по 4,000 руб., и если ханъ на это согласенъ, то пусть пришлетъ для заключенія окончательныхъ условій своихъ лучшихъ и довѣреннѣйшихъ чиновниковъ.

Чтобы съ своей стороны оказать содѣйствіе къ скорѣйшему примиренію царя Грузіи съ Аварскимъ владѣльцемъ, генералъ-по-

[1]) Бѣлади—предводитель горской партіи хищниковъ.

ручикъ Потемкинъ отправилъ Омаръ-хану въ подарокъ 1,000 червонныхъ и богатую табатерку, съ обнадеживаніемъ, что если онъ оставитъ въ покоѣ Грузію и будетъ вѣрнымъ Россіи, то онъ исходатайствуетъ хану монаршее благоволеніе [1]). Какъ человѣкъ весьма жадный, Омаръ готовъ былъ поклясться чѣмъ угодно въ своей вѣрности, лишь бы только получить подарки и присланныя деньги. «Вы изволили писать, отвѣчалъ Омаръ-ханъ генералу Потемкину [2]), о вступленіи войскъ нашихъ во владѣнія царя, отца нашего и что царство грузинское присоединено теперь къ Россійской Имперіи. Мы, какъ прежде съ его высочествомъ царемъ, отцомъ нашимъ, были въ союзѣ, такъ и теперь будемъ и его земель безпокоить не станемъ. Искать причинъ случившимся теперь происшествіямъ безполезно, однакожь, то справедливо, что не мы, а самъ царь, отецъ нашъ, подалъ къ сему причины, коихъ изъяснить откровенно въ семъ письмѣ намъ невозможно».

Человѣкъ не твердый въ данномъ словѣ, измѣнчивый по характеру, Омаръ-ханъ не внушалъ къ себѣ никакого довѣрія, ибо были примѣры, что, переговариваясь о мирѣ и добромъ согласіи, онъ вторгался въ союзную страну, грабилъ и разорялъ селенія. Пребываніе такого лица съ многочисленнымъ войскомъ въ Ахалцыхѣ, по сосѣдству съ Грузіею, не могло не безпокоить Ираклія, хорошо знавшаго, что для Омаръ-хана не было въ жизни ничего святаго. Не смотря на переговоры о мирѣ, царь долженъ былъ ежеминутно ожидать вторженія лезгинъ въ Грузію и потому обязанъ былъ принимать всѣ мѣры къ оборонѣ. Къ прискорбію своему, Ираклій долженъ былъ сознать, что подданные его не въ состояніи защитить себя отъ постороннихъ вторженій; что бо́льшая часть населенія, дававшаго лучшихъ военныхъ людей, удалилась изъ Грузіи: казахи и шамхорцы переселились въ Шушу, а шамшадыльцы—въ Ганжу; жители Памбакъ, какъ мы видѣли, ушли въ Эриванское ханство и нѣкоторые изъ нихъ достигли Карса; многіе армяне и грузины оставили свое отечество и удалились въ Кизляръ и Моздокъ. По сознанію самого Ираклія, Грузія въ это время была такъ разорена и находилась въ такомъ бѣдствіи, въ какомъ

[1]) Рапортъ Потемкина кн. Таврическому 24-го ноября 1785 г., № 376.
[2]) Госуд. Арх., XXIII, № 13, папка 50.

не была со времени разоренія шаха Аббаса. Послѣ разоренія ахтальскихъ рудниковъ, царь лишился 100,000 рублей дохода, остался совершенно безъ денегъ и не имѣлъ никакихъ средствъ къ содержанію своихъ войскъ, которыя необходимо было бы собрать въ виду могущаго явиться непріятеля. Горесть царя усиливалась еще постоянными попреками царицы Дарьи, говорившей, что причиною всѣхъ бѣдствій Грузіи было вступленіе ея подъ покровительство Россіи. Мнѣніе царицы поддерживалось и многими князьями, полагавшими сначала, что съ заключеніемъ трактата они будутъ безъ всякихъ заслугъ осыпаны милостями императрицы. Ираклій одинъ выносилъ на себѣ всю тяжесть подавляющихъ обстоятельствъ и умолялъ князя Потемкина подать ему руку помощи.

Въ декабрѣ онъ писалъ свѣтлѣйшему [1]) и просилъ его прислать десять тысячъ русскаго войска, сверхъ того, которое находилось уже въ Грузіи, и оставить его до окончанія смутнаго времени. Царь просилъ прислать ему или въ подарокъ, или взаймы тридцать тысячъ рублей для найма войскъ, такъ какъ, по его мнѣнію, русскія войска не могли ни въ какомъ случаѣ прежде весны перейти черезъ кавказскія горы. Ираклій спрашивалъ находившагося при князѣ Потемкинѣ своего министра князя Герсевана Чавчавадзе, какія онъ долженъ употребить средства, чтобы пріобрѣсти полную довѣренность русскаго правительства и добиться его помощи. Князь Чавчавадзе увѣрилъ Ираклія, что князь Потемкинъ желаетъ жениться на одной изъ его дочерей и совѣтовалъ царю сдѣлать свѣтлѣйшаго вассаломъ и уступить ему горныя мѣста на всемъ пространствѣ отъ Дарьяла до Ананура. «Хотя, писалъ князь Чавчавадзе, народу здѣсь мало, но на бумагѣ будетъ довольно древнихъ замковъ, а въ натурѣ—крѣпкихъ мѣстъ».

Обманывая царя въ столь трудныхъ для него обстоятельствахъ, князь Чавчавадзе входилъ въ подробности своего плана. Онъ писалъ царю, что такая уступка будетъ благодѣтельна для Грузіи, что князь Потемкинъ построитъ въ Дарьялѣ крѣпость и укротитъ осетинъ, обезпечитъ дорогу въ Грузію, а изъ Ананура сдѣлаетъ

[1]) Бутковъ, ч. II, 188 и 189.

прекрасный европейскій городъ, наполнитъ его фабриками, художниками, купцами, и европейскій порядокъ, водворившись въ Грузіи, сдѣлаетъ ее счастливою. Предложеніе это, какъ увидимъ ниже, осталось неисполненнымъ, но за то междоусобія въ Персіи ослабили это государство настолько, что кн. Потемкинъ все еще ласкалъ себя мыслію о возможности освобожденія христіанъ и объ образованіи за Кавказомъ самостоятельнаго христіанскаго государства.

IX.

Междоусобіе въ Персіи.— Экспедиція графа Войновича.— Стѣсненіе нашей торговли Гилянскимъ Гедаетъ-ханомъ. — Бомбардированіе Энзелей.—Борьба за Персидскій престолъ. — Прокламація П. С. Потемкина.—Сношенія князя Потемкина съ Али-Муратъ-ханомъ Испаганскимъ.—Противодѣйствіе намъ Франціи и Турціи.—Отправленіе полковника Тамары въ Персію.—Инструкція ему данная.—Кончина Али-Муратъ-хана и ея послѣдствія.—Возвышеніе Ага-Магометъ-хана. —Двуличіе Гедаетъ-хана Гилянскаго.

Распространеніе русской торговли на Каспійскомъ морѣ, привлеченіемъ туда товаровъ съ Востока, составляло постоянную заботу нашего правительства со временъ Петра I.

По приказанію великаго преобразователя Россіи, положившаго первое къ тому начало, было сдѣлано описаніе Каспійскаго моря, а вслѣдъ затѣмъ послѣдовало присоединеніе къ Россіи нѣкоторыхъ сѣверныхъ персидскихъ провинцій.

Въ царствованіе Анны Іоанновны, провинціи эти были снова возвращены Персіи, у которой успѣли, однако же, выговорить право русскому купечеству на свободную и безпошлинную торговлю. Междоусобія, существовавшія въ Персіи, были, однако же, причиною того, что русская торговля не имѣла тамъ твердой базы и основательнаго пристанища. Вслѣдствіе этого, въ 1778 году приказано было адмиралтействъ-коллегіи снарядить военную эскадру въ Казани, которая въ 1780 году спустилась по Волгѣ въ Астрахань, а въ слѣдующемъ году была отправлена въ Каспійское море, подъ начальствомъ капитана 2-го ранга графа Войновича.

Цѣлью экспедиціи было обозрѣніе Огурчинскаго острова, лежавшаго у восточныхъ береговъ Каспійскаго моря и, по показанію туркменъ, бывшихъ въ Петербургѣ, наилучшаго пункта для тор-

говыхъ заведеній. Въ случаѣ справедливости показанія туркменъ относительно удобствъ, представляемыхъ Огурчинскимъ островомъ, предполагалось устроить на немъ купеческій городъ, а въ противномъ случаѣ, графъ Войновичъ долженъ былъ идти къ персидскимъ берегамъ и стараться склонить одного изъ прибрежныхъ хановъ къ добровольной уступкѣ мѣста, для устройства торговаго пункта.

Въ концѣ іюня 1781 года, русская эскадра прибыла къ Огурчинскому острову. Не найдя его удобнымъ для предположенной цѣли, графъ Войновичъ пошелъ къ Астрабадскому заливу, осмотрѣлъ его и, признавъ этотъ заливъ лучшимъ пунктомъ для торговли на Каспійскомъ морѣ, расположился въ немъ съ эскадрою. Онъ намѣренъ былъ вступить въ переговоры съ Агою-Магометъ-ханомъ, тогдашнимъ владѣтелемъ Астрабадскимъ, объ уступкѣ изъ его владѣній «нѣкоторой части земли, для построенія на ней купеческаго города.»

Переговоры эти затянулись, такъ какъ Аги-Магометъ-хана въ то время не было въ Астрабадѣ: онъ велъ войну съ испаганскимъ Али-Муратъ-ханомъ и находился съ своими войсками подъ г. Казвиномъ.

Безначаліе, возникшее въ Персіи послѣ смерти векиля Керима, было поводомъ къ безпрерывнымъ междоусобнымъ войнамъ между ханами и владѣльцами. Пока Керимъ управлялъ Персіею, страна эта пользовалась еще нѣкоторымъ спокойствіемъ, но, со смертью его, Персія утопала въ собственной крови. Сынъ и преемникъ Керима, Абулъ-Фетъ-ханъ, по смерти отца своего вступилъ въ верховное управленіе дѣлами, но не долго оставался правителемъ.

Въ 1781 году, дядя его, Садыкъ-ханъ, возсталъ противъ племянника, похитилъ у него власть, а самого заключилъ подъ стражу. Въ Персіи произошло всеобщее волненіе. Ханы и правители разныхъ областей раздѣлились на два враждебныхъ лагеря: одни подчинились Садыкъ-хану, а другіе не признавали его власти. Безпорядки съ каждымъ днемъ усиливались и каждый, кто имѣлъ силу, старался подчинить своей власти болѣе слабаго сосѣда или же погубить его, чтобы воспользоваться имѣніемъ и сокровищами. Одни по праву искали возвращенія потеряннаго; другіе, похищая

власть сосѣдей и уничтожая соперниковъ, стремились къ обладанію всѣмъ Ираномъ. Въ числѣ послѣднихъ былъ властолюбивый владѣлецъ Астрабадскій и Мазандеранскій Ага-Магометъ-ханъ. Стремясь къ подчиненію своей власти всей Персіи, онъ прежде всего напалъ на Гилянскаго Гедаетъ-хана. Послѣдній, выходя съ войсками на встрѣчу непріятеля, отправилъ своихъ женъ и семейство въ Энзелинскій портъ и письмомъ предоставилъ управленіе гилянскою провинціею русскому консулу Тумановскому, по особенной къ нему довѣренности. Разбитый затѣмъ Агою-Магометъ-ханомъ, Гедаетъ бѣжалъ въ Энзели, откуда отправилъ письмо астраханскому губернатору Жукову, прося его оказать помощь русскими войсками [1]).

«Гилянская провинція, писалъ Гедаетъ-ханъ, всегда находившаяся въ подданствѣ Россіи, уступлена была россійскою державою Надыръ-Шаху, единственно изъ дружелюбія, какъ то и въ обоюдныхъ трактатахъ явствуетъ, съ тѣмъ, что если, кромѣ наслѣдниковъ персидскаго престола, другіе какіе владѣльцы будутъ оную провинцію къ себѣ присваивать, то бы Россія имѣла долгомъ своимъ оборонять оную, какъ собственную свою землю и паки принять подъ свою защиту».

На основаніи этого заявленія, Гедаетъ-ханъ просилъ оказать помощь не только ему, но и его родственнику Абулъ-Фетъ-хану, сыну Керима, къ возстановленію его правъ и тѣмъ избавить Персію отъ конечнаго разоренія. Астраханскій губернаторъ не имѣлъ ни полномочія, ни средствъ удовлетворить желаніе Гилянскаго владѣльца и бѣгство Гедаета въ Энзели не спасло его отъ преслѣдованія Аги-Магометъ-хана. Получивши извѣстіе о приближеніи противника къ Энзелямъ и не надѣясь отразить его, Гедаетъ рѣшился оставить Гилянскую провинцію. Объявивъ о томъ консулу Тумановскому, ханъ нагрузилъ на суда свои вещи, посадилъ женъ и семейство и вмѣстѣ съ Тумановскимъ вышелъ на рейдъ, имѣя намѣреніе заѣхать въ Сальяны, для оставленія тамъ нѣкоторыхъ людей, а затѣмъ отплыть въ Астрахань.

---

[1]) Выписка изъ рапортовъ астраханскаго губернатора Жукова и консула Тумановскаго. Арх. Кабин. Его Величества, св. 380.

Покинутые владѣльцемъ Энзели, точно такъ же какъ и другіе города, были заняты Агою-Магометъ-ханомъ, просившимъ консула Тумановскаго возвратиться на берегъ и вступить въ отправленіе своей должности. Тумановскій возвратился въ Энзели, а Гедаетъ отплылъ въ Сальяны, а оттуда въ Баку, по приглашенію хана, обѣщавшаго ему помощь и содѣйствіе къ возвращенію потерянаго владѣнія.

Между тѣмъ Али-Муратъ-ханъ Испаганскій, опасаясь возрастающаго значенія Аги-Магометъ-хана, отправилъ 12,000 войскъ для изгнанія похитителя изъ Гилянской провинціи. Войска Али-Мурата очистили провинцію отъ непріятелей и Ага-Магометъ-ханъ принужденъ былъ до времени уступить первенство своему противнику.

Среди самаго разгара борьбы двухъ соперниковъ, Ага-Магометъ-ханъ получилъ письмо графа Войновича, въ которомъ онъ объяснялъ причину и цѣль прибытія эскадры въ Астрабадъ. Открытіе прямыхъ сношеній съ русскимъ правительствомъ, въ томъ положеніи, въ которомъ находился Ага-Магометъ, было для него неожиданною находкою и дѣломъ существенно важнымъ. Астрабадскій ханъ прислалъ графу Войновичу отвѣтъ, въ самыхъ «ласкательнѣйшихъ выраженіяхъ». Онъ писалъ, что съ удовольствіемъ принимаетъ дружественный союзъ съ Россіею; что охотно соглашается на уступку части земли, для постройки города, и готовъ доставить необходимые матеріалы и рабочихъ [1]). Ханъ самъ перечислялъ всѣ выгоды, которыя могутъ произойти отъ учрежденія русскими торговаго пункта въ его владѣніяхъ. Графъ Войновичъ избралъ городъ Ашрефъ, лучшее мѣсто на всемъ берегу Каспійскаго моря, какъ по живописности своего положенія, такъ и по богатству природы. Ашрефъ—хотя и назывался городомъ, но въ сущности былъ увеселительнымъ мѣстомъ, гдѣ еще шахомъ Аббасомъ были построены дворцы, тонувшіе въ зелени садовъ, наполненныхъ рѣдкими деревьями. Здѣсь возведено было укрѣпленіе и поселено до 300 семействъ персіянъ. Вблизи Ашрефа жило много грузинъ, выведенныхъ въ Персію шахомъ Аббасомъ.

Ага-Магометъ-ханъ отвѣчалъ гр. Войновичу, что Ашрефа уступить не можетъ, но предлагаетъ ему избрать какое либо дру-

[1]) Историческій журналъ бывшей въ 1781 и 1782 годахъ на Каспійскомъ морѣ эскадры, подъ командою гр. Войновича.

гое мѣсто на берегу Каспійскаго моря. Такимъ мѣстомъ было избрано Городовинское урочище, находившееся на берегу Астрабадскаго залива. Построивъ нѣсколько домовъ и батарею, для защиты отъ нападеній туркменъ, гр. Войновичъ отправилъ въ Петербургъ планъ и описаніе Астрабадскаго залива, въ которомъ и остался зимовать. Въ ноябрѣ укрѣпленіе было готово и вооружено 18-ю морскими орудіями. Вскорѣ послѣ того были возведены изъ тростника: госпиталь, казарма, провіантскій магазинъ, нѣсколько домовъ и пристань, выдававшаяся въ море на 50 саженъ. Оставалось только поднять на батареѣ русскій флагъ, но графъ Войновичъ ожидалъ на то повелѣніе князя Потемкина и разрѣшенія на заключеніе съ Агою-Магометъ-ханомъ трактата объ уступкѣ Россіи этого урочища. Для заселенія этого пункта предполагалось вызвать изъ Баку, по добровольному желанію, нѣсколько семействъ армянъ и, по словамъ г. Буткова, у князя Потемкина былъ готовъ уже и гербъ для новаго селенія.

Такъ прошло четыре мѣсяца. Въ этотъ промежутокъ времени, вступленіе Ага-Магометъ-хана въ прямыя сношенія съ Россіею возбудило зависть прочихъ персидскихъ хановъ и опасеніе, что Россія будетъ содѣйствовать его усиленію и подчиненію Персіи своей власти.

Наружно друзья, а внутренно враги, сосѣдніе ханы стали увѣрять Агу-Магометъ-хана, что намѣреніе русскихъ не ограничивается установленіемъ и развитіемъ только одной торговли, но что въ Астрахани собирается значительный корпусъ русскихъ войскъ для овладѣнія частью провинцій Персіи и что Ага-Магометъ прежде другихъ подвергнется ихъ нападенію. По легковѣрію, свойственному всѣмъ азіятцамъ, Ага-Магометъ сталъ безпокоиться и затѣмъ, не зная, какъ расторгнуть начатыя сношенія съ Россіею, прибѣгнулъ къ обыкновенному персидскому способу—коварству. Онъ приказалъ захватить, при удобномъ случаѣ, самого графа Войновича.

Въ декабрѣ, будучи приглашенъ на обѣдъ однимъ изъ персидскихъ начальниковъ, графъ Войновичъ отправился въ его деревню, верстахъ въ десяти отъ берега, и не подозрѣвая измѣны, пригласилъ съ собою нѣсколькихъ человѣкъ офицеровъ. Едва только

пріѣхалъ онъ въ деревню и вступилъ во дворъ пригласившаго его хозяина, какъ былъ окруженъ толпою вооруженныхъ людей и арестованъ вмѣстѣ со всѣми лицами, съ нимъ бывшими. Плѣнные были брошены «въ грязную и мерзкую хижину» и на обнаженныя ихъ ноги набили колодки. «Тягость ихъ не дозволяла ни встать, ни двигаться; а боль отъ тѣснаго ущемленія, черезъ нѣсколько часовъ причиняла на ногахъ видъ совершеннаго антоновaго огня.» Отъ графа Войновича требовали свезти съ берега весь экипажъ на суда, а укрѣпленія и постройки уничтожить.

— Я не самъ собою, а съ дозволенія хана расположился на берегу, отвѣчалъ графъ Войновичъ; команда безъ начальниковъ не можетъ того сдѣлать сама собою.

Онъ просилъ, чтобы освободили хотя одного офицера, который могъ бы распорядиться командою. Персіяне долго колебались, но, наконецъ, согласились освободить капитанъ-лейтенанта Баскакова, которому и поручено было исполнить требованіе персіянъ. Команда перебралась на суда, орудія были отправлены туда же, но графъ Войновичъ не былъ освобожденъ изъ плѣна. Снявъ колодки и заковавъ въ желѣза, плѣнниковъ отвезли въ Сари — мѣстопребываніе Ага-Магомета. Ханъ принялъ графа Войновича весьма ласково, угощалъ, возилъ съ собою на охоту и оправдывался въ вѣроломномъ съ нимъ поступкѣ. Ага-Магометъ увѣрялъ, что на такой поступокъ онъ вынужденъ былъ всѣми ханами, грозившими напасть соединенными силами на владѣтеля Астрабада. Онъ увѣрялъ, что не только ханы, но его собственные подданные роптали на близкія сношенія хана съ Россіею, сношенія, могущія, по ихъ понятію, принести лишь одинъ вредъ. Только по прошествіи двухъ недѣль, и именно 1-го января 1782 года, Ага-Магометъ-ханъ отпустилъ графа Войновича на эскадру. Покрытыя льдомъ устья Волги были причиною, что графъ Войновичъ только въ концѣ марта могъ сообщить о случившемся съ нимъ нашему правительству. Простоявши до іюля въ Астрабадскомъ заливѣ, графъ Войновичъ отправился съ эскадрою къ Балханскому заливу.

Во все время пребыванія эскадры въ Астрабадѣ, Ага-Магометъ-ханъ часто присылалъ своихъ посланныхъ съ увѣреніями о преданности Россіи и съ обѣщаніемъ загладить свой опрометчивый

поступокъ. «При производимыхъ здѣсь, писалъ онъ графу Войновичу [1]), прежде торгахъ между персіянами и россіянами всегда были согласіе и дружба. Потомъ прибыли вы сюда, и хотя разные объ васъ слухи до меня дошли, но я ни на что не смотрѣлъ, потому что нѣкоторые злобные люди хотѣли препятствовать нашему союзу и разславили про васъ, что вы не инако, какъ непріятели сюда пришли. Но какъ сіе и прежде никогда не было, то я и уважилъ все оное и по желанію вашему отдалъ вамъ Городовинъ, что и нынѣ утверждаю и вы дѣлайте на ономъ или владѣйте имъ какъ вамъ угодно. А какъ я рабъ Божій иду теперь въ походъ въ Ярагъ, то отъ сего числа 15-го іюня черезъ два мѣсяца возвратясь назадъ, не премину съ моей стороны помогать вамъ строиться и не только въ Городовинѣ, но и въ другомъ мѣстѣ, гдѣ пожелаете всякую помощь сдѣлаю».

Графъ Войновичъ хотя и не вѣрилъ заявленіямъ астрабадскаго владѣльца, но не могъ отказать въ просьбѣ Аги-Магометъ-хана отправить посла въ Петербургъ къ высочайшему двору, для доставленія котораго въ Астрахань и оставилъ одинъ ботъ въ Астрабадѣ.

Зайдя въ Баку, эскадра наша въ сентябрѣ достигла до Астрахани, и вслѣдъ затѣмъ, взявъ съ собою посла Аги-Магометъ-хана, графъ Войновичъ отправился въ Петербургъ. На первый разъ русское правительство считало себя удовлетвореннымъ извиненіями Аги-Магометъ-хана и считало неудобнымъ прерывать съ нимъ сношенія. Въ октябрѣ 1782 года, для защиты нашихъ поселенцевъ и торговыхъ судовъ, былъ отправленъ къ Городовинскому урочищу капитанъ-лейтенантъ Баскаковъ, съ однимъ фрегатомъ и двумя ботами. Баскакову было поручено, между прочимъ, озаботиться о разведеніи садовъ, постройкѣ домовъ и амбаровъ для склада продовольствія и товаровъ, и наблюдать затѣмъ, чтобы на Каспійскомъ морѣ не было персидскихъ судовъ [2]). Съ Баскаковымъ было послано Ага-Магометъ-хану въ подарокъ: большіе

[1]) Москвс. Главный Арх. Министер. Иностранныхъ дѣлъ карт. № 570.

[2]) Инструкція графа Войновича Баскакову отъ 24-го октября 1782 г. Госуд. Арх., XXIII, № 14.

стѣнные часы, два большихъ зеркала въ золотыхъ рамкахъ, одно хрустальное паникадило и 12 штофовъ сладкой водки [1])

Декабря 1-го, Баскаковъ съ своими судами прибылъ къ Городовинскому урочищу, гдѣ и былъ принятъ весьма дружелюбно. Ага-Магометъ-ханъ приказалъ построить на свой счетъ шесть хановъ; наша судовая команда построила кузницу, баню, хлѣбопекарню и все это было сдѣлано изъ плетня виноградныхъ лозъ и камыша. Вслѣдъ затѣмъ устроена была пристань въ 40 саженъ длиною и посажено 196 разнаго рода деревьевъ.

«Прибытіе ея императорскаго величества военныхъ судовъ въ Астрабадскій заливъ, доносилъ Баскаковъ, [2]) Ага-Магометъ-хана и его подданныхъ несказанно обрадовало, ибо сія провинція притѣснена была предъ нашимъ приходомъ туркменами, отъ происходящихъ большими партіями набѣговъ, грабительства и увоза персіянъ. Къ будущей веснѣ непремѣнно ожидаютъ нападенія Али-Муратъ-хана, а пребываніе вышеупомянутыхъ военныхъ судовъ на заливѣ доставило по близости къ Городовинскому урочищу живущимъ въ деревняхъ персіянамъ совершенную тишину и покой».

Принявъ присланные подарки и обѣщая быть вѣрнымъ слугою императрицы, Ага-Магометъ-ханъ надѣялся на помощь Россіи въ борьбѣ своей съ Али-Муратъ-ханомъ, стремившемся завладѣть всею Персіею.

Собравши войско, Али-Муратъ-ханъ двинулся сначала противъ похитителя власти Садыкъ-хана. Али-Муратъ объявилъ, что онъ поднялъ оружіе съ единственною цѣлью возвести на престолъ Абулъ-Фетъ-хана, законнаго наслѣдника, и наказать его противниковъ, но по овладѣніи Ширазомъ, обнаружилъ истинное свое намѣреніе и присвоилъ себѣ верховную власть надъ всею Персіею. Абулъ-Фетъ-ханъ не былъ возведенъ на престолъ, Садыкъ-хану приказано было выколоть глаза, 18 человѣкъ его сыновей умерщвлены, сокровища захвачены и отправлены въ Гамаданъ.

Покидая Ширазъ, Али-Муратъ-ханъ объявилъ, что ослушники его власти будутъ жестоко наказываемы. Такое объявленіе возста-

[1]) Письмо Баксакова Ага-Магометъ-хану 26-го ноября 1782 г. Государст. арх., XXIII, № 14.

[2]) Въ рапортѣ графу Войновичу 31 го января 1783 г. Тамъ же.

новило всѣхъ хановъ и они стали готовиться къ оборонѣ. Никто изъ нихъ не желалъ подчиняться посторонней власти, всѣ враждовали между собою, междоусобная война возгорѣлась въ Персіи.

Дербентскій ханъ просилъ нашей защиты отъ Омаръ-хана Аварскаго и въ то же время собиралъ войска, чтобы съ ними двинуться на выручку хана Ганжинскаго, захваченнаго въ плѣнъ и ослѣпленнаго царемъ Ираклiемъ и его союзникомъ Ибрапмъ-ханомъ Шушинскимъ (Карабагскимъ). Генералъ-поручикъ Потемкинъ совѣтовалъ Фетъ-Али-хану Дербентскому не только не предпринимать никакихъ дѣйствій противъ Грузіи, но и оставить свои враждебныя намѣренія вообще противъ всего христіанскаго населенія Закавказья. Царь Ираклій II въ то время искалъ уже покровительства Россіи, тогда какъ Фетъ-Али-ханъ только двуличничалъ. «Вашей свѣтлости извѣстно, доносилъ П. С. Потемкинъ князю Потемкину [1]), что сей ханъ всегда ищетъ ознаменить себя услугами, которыя ему ничего не стоятъ, даритъ всегда пріѣзжающихъ тѣмъ, чего взять не можно и старается уступать то, чего удержать никогда не мыслилъ». Хитрый и коварный, онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, для которыхъ чужды понятія о чести и достоинствѣ, и нарушеніе спокойствія сосѣдей составляетъ истинное наслажденіе. Прикидываясь преданнымъ Россіи, Дербентскій ханъ въ то же самое время велъ переписку съ турецкими пашами. Тамъ и тутъ изыскивалъ онъ средства добыть денегъ, въ которыхъ нуждался для уплаты войскамъ жалованья. Неудовлетворенный въ своихъ исканіяхъ ни со стороны Россіи, ни со стороны Турціи, а между тѣмъ принужденный дать какое-либо занятіе своему ополченію, Фетъ-Али-ханъ ворвался въ Карабагъ, гдѣ разорялъ и грабилъ селенія [2]). Только новое письмо П. С. Потемкина заставило его выдти изъ Карабага, и, воспользовавшись обстоятельствами, направить свою дѣятельность къ сторонѣ Гиляна.

Около этого времени, Гилянскій Гедаетъ-ханъ изъ Баку перебрался къ Дербентскому Фетъ-Али-хану, у котораго и нашелъ себѣ временное убѣжище. При содѣйствіи послѣдняго, хана Бакинскаго и Шамхала

[1]) Въ рапортѣ отъ 31-го января 1783 г. См. также рапорты его же отъ 20-го февраля. Госуд. Арх., XXIII, № 13, карт. 45.

[2]) Письмо царя Ираклія II Потемкину 6-го апрѣля 1783 г.

Тарковскаго, Гедаетъ-ханъ успѣлъ собрать до 6,000 человѣкъ и при помощи ихъ былъ возстановленъ на ханскомъ достоинствѣ и утвержденъ снова въ Гилянѣ. Онъ казнилъ всѣхъ противниковъ его власти и просилъ консула Тумановскаго оказать помощь русскими войсками сверженному съ престола Абулъ-Фетъ-хану. При этомъ онъ передалъ Тумановскому и письмо Абулъ-Фета, въ которомъ тотъ писалъ, что «на всѣ тѣ обязательства, съ которыми братъ его, Гедаетъ-ханъ, вступитъ съ россійскимъ дворомъ, онъ согласенъ и присовокупляетъ къ тому и свое прошеніе, сѣтуя, впрочемъ, что на многократныя ихъ домогательства отвѣта получить не могутъ» [1]).

Не получивъ просимой помощи, какъ человѣкъ весьма лукавый и криводушный, Гедаетъ-ханъ въ благодарность за спасеніе сталъ притѣснять русское купечество. Онъ арестовалъ нѣсколько нашихъ судовъ и консула, находившагося въ Энзеляхъ. Поводомъ къ такому аресту, по словамъ хана, была потеря имъ на пять милліоновъ имущества, перевозившагося на русскомъ суднѣ. Ханъ обвинялъ нашего консула Тумановскаго въ расхищеніи его богатства. Боясь наказанія за подобный поступокъ, ханъ запретилъ выпускать русскія суда изъ гавани и при самомъ выходѣ въ море построилъ батарею на 12 орудій. На выручку арестованнаго консула были отправлены два русскія военныя судна, подъ начальствомъ лейтенанта Аклечеева. Гедаетъ-ханъ не соглашался на освобожденіе консула и захваченныхъ имъ русскихъ и тогда Аклечеевъ рѣшился атаковать Энзели. Подходя ко вновь выстроенной батареѣ, онъ былъ встрѣченъ выстрѣлами изъ орудій и огнемъ стрѣлковъ, разсыпанныхъ въ кустарникахъ по сторонамъ укрѣпленія. Суда отвѣчали выстрѣлами по батареѣ и ханскому дому. Гилянцы бѣжали въ разныя стороны, и самъ Гедаетъ-ханъ пришелъ въ крайнее замѣшательство. Онъ отправилъ посланнаго къ консулу Тумановскому съ изъявленіемъ раскаянія въ своихъ поступкахъ и съ просьбой прислать къ нему офицера для переговоровъ. Ханъ просилъ прощенія, далъ слово поступать во всемъ

[1]) Выписка изъ рапортовъ Астраханскаго губернатора Жукова и консула Тумановскаго. Персидскія извѣстія, полученныя 28-го февраля 1783 года. Арх. Кабин. Его Величества, св. 380.

согласно заключеннымъ трактатамъ, и особымъ письмомъ просилъ консула Тумановскаго остаться въ Энзеляхъ. Въ отвѣтъ на эту просьбу было потребовано отъ хана обязательство въ предоставленіи полной свободы торговли русскому купечеству и ручательство за безопасность консула. Въ присутствіи Тумановскаго и лейтенанта Аклечеева, Гедаетъ-ханъ поклялся, что онъ «ни въ какое время противъ его (Тумановскаго), такъ и прочихъ всѣхъ подданныхъ великой Имперіи Россійской никакого предпріятія не токмо чинить, ниже объ ономъ и помыслить не посмѣетъ, а токмо съ своей стороны будетъ стараться оказывать дружбу, всякое удовольствіе и ласку [1])».

Давъ такую клятву, и Гедаетъ-ханъ и не думалъ объ исполненіи ея, а попрежнему притѣснялъ наше купечество разными поборами. Онъ выказывалъ свое расположеніе только тогда, когда находился въ опасности, но едва страхъ этотъ проходилъ, ханъ снова принимался за прежнія продѣлки.

Сознавая, что рано или поздно онъ будетъ наказанъ за свое коварство или русскими, или враждебными ему сосѣдними владѣльцами, Гедаетъ-ханъ принималъ мѣры къ оборонѣ своихъ владѣній. Онъ укрѣплялъ Энзели съ сухаго пути, возводилъ каменную стѣну со стороны Талышей и, наконецъ, строилъ батарею со стороны Мазандерана, верстахъ въ десяти отъ города [2]). Въ противность трактатамъ, онъ завелъ на Каспійскомъ морѣ свои собственныя полувоенныя суда, продолжалъ притѣснять наше купечество, бралъ поборы, накладывалъ новыя пошлины и грабилъ товары съ разбившихся судовъ [3]). На протестъ нашего консула, онъ угрожалъ ему арестомъ. Хотя русское правительство неоднократно требовало, точнаго исполненія трактатовъ но Гедаетъ-ханъ не обращалъ на наши заявленія никакого вниманія.

Примѣру его слѣдовали ханы Дербентскій и Бакинскій. Пользуясь безначаліемъ въ Персіи, они считали себя независимыми и не при-

[1]) Рапортъ Аклечеева отъ 1-го апрѣля 1783 года. Госуд. Арх., XXIII, № 13, карт. 45.

[2]) Донесеніе консула Тумановскаго Иностранной Коллегіи 16-го октября 1783 г. Госуд. Арх., XV, № 192.

[3]) Ордеръ князя Потемкина генералу Потемкину отъ 22-го января, № 66, Моск. Арх. Главн. Штаба.

знавали прежде заключенныхъ трактатовъ. Наша торговля съ Персіей, подвергаясь различнымъ случайностямъ, съ каждымъ годомъ приходила въ бо̀льшій упадокъ, а между тѣмъ, безпорядки въ Персіи и борьба за престолъ казались безконечными, ибо союзъ и дружба въ Персіи непродолжительны, перемѣнчивы и скоро проходящи: сегодня союзникъ, завтра непримиримый врагъ, а послѣ завтра опять союзникъ. Вся эта перемѣна происходила изъ самыхъ ничтожныхъ вещей, изъ-за малѣйшихъ матеріальныхъ выгодъ, и казалось, что Персія сама собою не въ состояніи успокоиться.

Желая оказать какое-нибудь содѣйствіе къ прекращенію междоусобной вражды, хотя бы только между ближайшими къ намъ Адербеджанскими ханами, генералъ-поручикъ Потемкинъ рѣшился воспользоваться тѣмъ впечатлѣніемъ страха, которое внушало имъ приближеніе русскихъ войскъ къ ихъ границамъ. Подъ видомъ письма къ находившемуся тогда въ Грузіи доктору Рейнегсу [1]), П. С. Потемкинъ отправилъ къ нему на персидскомъ языкѣ прокламацію ко всѣмъ Адербеджанскимъ ханамъ, съ порученіемъ распространить ее въ персидскихъ провинціяхъ.

«Ея императорское величество, писалъ Потемкинъ [2]), удостоя поставить меня начальникомъ Моздокской линіи и побѣдоносныхъ ея войскъ, расположенныхъ какъ на линіи, такъ и въ Астраханской губерніи, по берегамъ рѣкъ Волги и Дона, препоручить мнѣ соизволила наблюдать спокойствіе не только границъ ея имперіи, но стараться о мирномъ и безмятежномъ пребываніи сосѣдственныхъ владѣтелей. Къ оскорбленію моему извѣщаюсь я, что персидскіе разныхъ областей ханы, имѣя всегда междоусобіе, взаимно другъ друга раздирая, умножаютъ время отъ времени вкоренившуюся отъ зависти вражду и каждый тщится на погибели другаго основать состояніе свое, которое тѣмъ болѣе зыблемо, что каждый себѣ имѣетъ равнаго завистника. Между тѣмъ Персія, плавая въ крови, на мѣсто благодатной земли, представляетъ позорище, мертвыми трупами покрытое: земледѣліе кинуто, плодоносныя поля остались опустошенными, богатство городовъ расхи-

[1]) Докторъ Рейнегсъ былъ повѣреннымъ нашего правительства въ Грузіи, Имеретіи и Адербеджанѣ.

[2]) Отъ 12-го апрѣля 1783 года. Госуд. Арх., XXIII, № 13, карт. 45.

щено, купечество ограблено, истреблено, и избѣжавшіе отъ злости и мщенія граждане и земледѣльцы обливаютъ слезами землю, которая прежде процвѣтала, не имѣя и надежды, чтобы лучъ благоденствія возсіялъ надъ ними. Такое состояніе приводитъ въ содроганіе человѣчество; а наипаче я, видя все сіе происходящимъ въ сосѣдственныхъ Адербеджанскихъ областяхъ, гдѣ усугубляемое зло пресѣкло всякое сообщеніе коммерціи, и находя, что чрезъ оное и подданные всеавгустѣйшей самодержицы нашей терпятъ многія разоренія, симъ даю вамъ знать, чтобъ вы, находясь по близости къ тѣмъ мѣстамъ, внушили Адербеджанскимъ владѣльцамъ, дабы они возстановили между собою спокойство, пребывали въ тишинѣ, и, вкушая плоды благословеннаго мира, довольствовались каждый своимъ достояніемъ. Изъявите имъ, что пребывающіе въ покоѣ и тишинѣ найдутъ въ Россіи и благонадежное сосѣдство, и твердое покровительство. Не безъизвѣстно имъ, сколь страшно подвергнуть себя мщенію россійскаго оружія, повсюду грознаго, повсюду непобѣдимаго».

Ни увѣщанія, ни угрозы не дѣйствовали на персидскихъ хановъ, и какія мѣры ни принимало русское правительство въ обезпеченіе своей торговли, оно видѣло, что всѣ усилія его останутся напрасными до тѣхъ поръ, пока въ Персіи не установится спокойствіе и единовластіе. Вопросъ о торговлѣ тѣсно связывался съ вопросомъ о единовластіи и прочномъ правленіи, а потому нашему правительству не оставалось ничего болѣе, какъ поддержать сильнѣйшаго изъ хановъ и содѣйствовать къ упроченію его власти.

Въ началѣ 1784 года, наиболѣе сильнымъ владѣтелемъ въ Персіи былъ Али-Муратъ-ханъ Испаганскій. Подчинивъ своей власти бо́льшую часть Персіи, Али-Муратъ-ханъ имѣлъ только одного соперника въ лицѣ Ага-Магометъ-хана Астрабадскаго, который въ то время не могъ считаться опаснымъ противникомъ. Дѣла его были столь неудовлетворительны, что многіе города сами собою отлагались отъ власти Ага-Магометъ-хана и добровольно предавали себя во власть Али-Муратъ-хана [1]).

[1]) Рапортъ капитанъ-лейтенанта Лялина 22-го іюля 1784 года. Государ. Арх., XXIII, № 13, карт. 48.

Послѣдній считалъ себя на столько сильнымъ, что не довольствовался уже званіемъ векиля или намѣстника, но желалъ провозгласить себя шахомъ всей Персіи и утвердить престолъ за своимъ потомствомъ. Хотя Али-Муратъ-ханъ владѣлъ уже большею частію Персіи и столицею прежнихъ шаховъ изъ дома Софіевъ, хотя онъ производилъ судъ и расправу въ шахскомъ диванѣ и нѣсколько разъ садился на шахское мѣсто, хотя, наконецъ, онъ могъ располагать огромнымъ богатствомъ, собраннымъ при помощи грабежа, и ежедневно получалъ новые подарки отъ покорившихся ему разныхъ хановъ, но онъ все-таки не считалъ своего положенія вполнѣ прочнымъ. Али-Муратъ видѣлъ, что повиновеніе его подвластныхъ вынужденное, притворное, и сознавалъ, что быть истиннымъ шахомъ онъ можетъ только при содѣйствіи и признаніи его въ этомъ достоинствѣ русскою императрицей. Только одна она могла доставить ему шахское достоинство, усмирить и ослабить своимъ вліяніемъ враговъ и не допустить посторонняго вмѣшательства во внутреннія дѣла Персіи. Али-Муратъ искалъ случая сблизиться съ Россіею, въ интересахъ которой было также возстановить единоначаліе въ Персіи. Вотъ почему ханъ съ особеннымъ удовольствіемъ узналъ, что 20-го января прибылъ въ Испаганъ армянинъ Яковъ Токатловъ, посланный съ письмомъ генералъ-поручика Потемкина, не заключавшимъ, впрочемъ, въ себѣ ничего важнаго. Потемкинъ увѣдомлялъ Али-Муратъ-хана [1]), что ему поручено начальство надъ войсками и пограничными землями на всемъ пространствѣ нашей границы съ Персіею, и что онъ считаетъ своею обязанностію войти въ дружественныя сношенія со всѣми сосѣдними владѣльцами и «наипаче съ обладателемъ Испагана». Нетерпѣливо желая знать содержаніе письма, Али-Муратъ въ тотъ же день прислалъ за нимъ своего визиря, который объявилъ посланному, что утромъ слѣдующаго дня онъ будетъ призванъ во дворецъ для свиданія съ ханомъ.

Желая придать возможно бо̀льшее значеніе прибытію русскаго посланнаго, Али-Муратъ устроилъ ему парадную встрѣчу. Онъ прислалъ за Токатловымъ двѣнадцать человѣкъ чиновниковъ и

[1]) Письмомъ отъ 17-го октября 1783 года. Государств. Арх., XXIII, № 13, карт. 45.

особую лошадь съ серебрянымъ уборомъ. По пути ко дворцу были разставлены войска, и хотя число ихъ было весьма значительно, но Токатловъ замѣтилъ, что они были вооружены весьма плохо; большая часть имѣла только сабли; часть была съ дротиками, сѣкирами и лишь небольшое число съ ружьями.

Во дворцѣ посланный былъ принятъ также съ большою почестью. Поздравивъ его съ благополучнымъ пріѣздомъ, Али-Муратъ приказалъ своему секретарю прочесть вслухъ письмо Потемкина. По окончаніи чтенія, ханъ сказалъ Токатлову, что онъ давно расположенъ къ Россіи и сожалѣетъ, что до сихъ поръ не имѣлъ случая выказать свою преданность императрицѣ.

— Нынѣ настаетъ благость, говорилъ онъ,—и я благодарю Бога, что удостоился получить письмо. Я заявляю гласно, что желалъ бы продолжать мою дружбу и почелъ бы себя счастливымъ, если бы дворъ Россійскій отправилъ сюда нарочнаго резидента, котораго я готовъ бы былъ содержать и снабжать довольнымъ жалованьемъ. Я бы отправилъ тогда точно на такомъ же основаніи и своего резидента въ Россію.

Али-Муратъ-хану очень хотѣлось имѣть при своемъ дворѣ представителя Россіи, присылка котораго значительно подвинула бы его на пути къ шахскому достоинству. Чтобы достигнуть до завѣтной цѣли своихъ желаній, владѣтель Испагана и большей части Персіи готовъ былъ обѣщать многое.

— Если государынѣ угодно, говорилъ онъ посланному, получить отъ меня области или города подъ свою протекцію, то я, по благости Божіей, имѣю власть и силу раздѣлить всю Персію пополамъ и передать часть въ ея владѣніе. Будучи, однако же, извѣстенъ, что государыня сама имѣетъ достаточно городовъ и прочихъ мѣстъ, я не думаю, чтобъ она желала уступки областей, но токмо я давно ищу и намѣренъ продолжать дружбу, да и до сего времени мы, кромѣ доброжелательства, никакихъ непристойныхъ дѣлъ съ Россіею не имѣемъ, но желаемъ ей благополучія. Что касается коммерціи, то какъ въ прежнія времена не собираемо было никакихъ пошлинъ или денегъ, такъ и нынѣ я уничтожаю оныя, въ желаемомъ намѣреніи, дабы русское купечество въѣзжало къ намъ безпрестанно. Я не премину ему дѣлать пособіе и по-

кровительство и тѣмъ болѣе, что желаю удостоиться получить отъ двора ея императорскаго величества посланника и отправить своего со всеусердіемъ и искреннимъ сердцемъ.

Уполномоченный доставить только письмо Потемкина, Токатловъ могъ лишь выслушать Али-Муратъ-хана и сказать, что донесетъ о томъ своему начальству. Получивъ въ подарокъ платье, деньги и лошадь съ уборомъ, Токатловъ при обратномъ отправленіи былъ вторично позванъ во дворецъ, причемъ ему приказано было одѣться въ подаренное ханомъ парчевое платье. Али-Муратъ принялъ его весьма ласково, вторично высказалъ ему свою преданность Россіи, и горя нетерпѣніемъ войти въ сношеніе съ нашимъ правительствомъ, объявилъ, что отправляетъ вмѣстѣ съ нимъ своего довѣреннаго, Магометъ-хана, съ письмомъ къ генералу Потемкину [1]).

Не высказывая никому прямой цѣли посылки Магометъ-хана и сохраняя ея въ глубокой тайнѣ, Али-Муратъ гласно объявлялъ окружающимъ, что Магометъ-ханъ посылается на Кавказскую линію съ единственною цѣлью заключить съ Россіей торговые договоры. Только одинъ визирь, Мирза-Раби, зналъ истинную причину посольства, которая даже и самому посланнику была объявлена въ день выѣзда его изъ Испагана. Магометъ-хану приказано было не довѣрять этой тайны никому, не высказывать ее даже и русскому правительству, какъ бы ласково оно ни приняло посланнаго,—до тѣхъ поръ, пока онъ не увидитъ истиннаго желанія Россіи сблизиться съ Али-Муратъ-ханомъ и не приступитъ къ предварительнымъ переговорамъ о посольствѣ и даже о союзѣ.

28-го марта, армянинъ Токатловъ и посланникъ Магометъ-ханъ прибыли въ Тифлисъ. Какъ ни старался скрыть Али-Муратъ-ханъ истинную цѣль своего посольства, но изъ словъ Токатлова и поспѣшности въ отправленіи отвѣтнаго письма, можно было заключить, что Али-Муратъ ищетъ расположенія Россіи и нуждается въ ней. Хорошо зная персидскую политику, царь Ираклій хотѣлъ воспользоваться обстоятельствами и извлечь пользу, по его словамъ, для Россіи, но въ сущности для самого себя. При свиданіи съ пол-

[1]) Донесеніе Токатлова отъ 18-го апрѣля 1784 года. Госуд. Арх., XV, № 192.

ковникомъ Бурнашевымъ, царь говорилъ ему, что для установленія прочныхъ границъ между Россіей и Персіей необходимо потребовать отъ Али-Муратъ-хана уступки Адербеджанскихъ областей, включая Гилянъ, Мазандеранъ и Астрабадъ.

— Онъ ихъ уступитъ, говорилъ Ираклій Бурнашеву, потому что и такъ онъ ими не владѣетъ, а тогда все Каспійское море будетъ внутри Россіи.

Такая уступка, конечно, скорѣе всего могла осуществить мечты князя Потемкина объ образованіи въ Закавказьи обширнаго христіанскаго владѣнія подъ покровительствомъ Россіи. Ираклій надѣялся, что съ образованіемъ такого государства, бразды правленія будутъ безъ сомнѣнія переданы ему подъ верховною властью русской императрицы [1]).

Въ концѣ апрѣля, Магометъ-ханъ прибылъ на Кавказскую линію и вручилъ Потемкину письмо Али-Муратъ-хана. Переполненное восточнымъ краснорѣчіемъ, письмо это не имѣло важнаго значенія. Али-Муратъ сообщалъ только о сдѣланномъ имъ распоряженіи, чтобы русское купечество пользовалось въ его владѣніяхъ полною свободой и безопасностью. «Понимая, писалъ онъ [2]), сколь будетъ выгодно прочное и тѣсное дружество между Имперіей Всероссійскою и государствомъ персидскимъ, всеконечно буду искать всѣхъ средствъ къ достиженію сего союза и по всей возможности моей не пощажу ничего, чѣмъ удобно пріобрѣсти столь выгодный и полезный союзъ и дружество». Въ концѣ письма Али-Муратъ прибавлялъ, что онъ отправилъ съ этимъ письмомъ своего ближайшаго адъютанта, который пользуется наибольшею его довѣренностію, и тѣмъ какъ бы намекалъ, что присланному могутъ быть сообщены самыя секретныя свѣдѣнія.

Встрѣченный весьма ласково на линіи, Магометъ-ханъ словесно передалъ генералъ-поручику Потемкину, что повелитель его, благодаря русскаго начальника за починъ въ дѣлѣ взаимныхъ сношеній, будетъ тщательно стараться сдѣлаться извѣстнымъ рус-

[1]) Рапортъ Бурнашева генералу Потемкину 4-го апрѣля. Госуд. Арх., XXIII, № 13, карт. 47.

[2]) Въ письмѣ, представленномъ полковникомъ Бурнашевымъ, при рапортѣ отъ 4-го апрѣля. Госуд. Арх., XXIII, № 13, карт. 47.

скому двору и потому проситъ позволенія на отправленіе своего посольства въ С.-Петербургъ. Цѣлью этого посольства, по словамъ Магометъ-хана, должно быть постановленіе «такого союза, какой угодно будетъ ея императорскому величеству, по извѣстнымъ всему свѣту ея щедротамъ, приказать начертать для пользы Россіи и Персіи» [1]).

По словесному сообщенію посланнаго, Али-Муратъ-ханъ горячо желалъ быть въ союзѣ съ Россіей, считать ея враговъ за своихъ собственныхъ и быть другомъ ея друзей; онъ желаетъ слить интересы Персіи съ интересами Россіи, заслужить названіе сына столь величайшей въ свѣтѣ государыни, которую уважаетъ, какъ свою мать и благодѣтельницу рода человѣческаго. Магометъ-ханъ говорилъ, что его повелитель предоставляетъ Россіи имѣть во всѣхъ городахъ и даже въ провинціяхъ свои торговыя конторы, агентовъ и консуловъ, что не «полагаетъ онъ мѣры выгодамъ Россіи»; что онъ «отказывается отъ всѣхъ провинцій, бывшихъ прежде въ россійскомъ владѣніи, и сверхъ оныхъ отъ Карадага, Карабага, Нахичеванской и Эриванской областей» и что о желаніи заключить союзъ съ Россіею, Али-Муратъ-ханъ объявилъ уже всему своему совѣту.

Магометъ-ханъ говорилъ, что разрѣшенія на заведеніе въ Персіи торговыхъ конторъ и консуловъ давно ищетъ французское правительство чрезъ своего консула въ Бассорѣ, но что Али-Муратъ устранилъэ то искательство, объявивъ, что русскіе—его сосѣди и что только съ ними одними онъ ищетъ твердаго союза.

Такое преобладаніе Россіи крайне не нравилось французскому правительству и въ особенности Портѣ Оттоманской, старавшейся всѣми силами воспрепятствовать распространенію нашего вліянія не только внутри Персіи, но и въ Адербеджанѣ. Для ослабленія этого вліянія, весною 1784 года былъ отправленъ изъ Константинополя въ Испаганъ агентъ французскаго правительства графъ Феріери съ порученіемъ къ Али-Мурату. Онъ увѣрялъ, что польза Персіи и личные интересы хана требуютъ не допускать русскихъ

[1]) Les ordres verbalesd' Ali-Mourad-Khan à son ambassadeur. Госуд. Арх., XXIII № 13, карт. 48.

къ занятію Адербеджана и силой отстаивать независимость Персіи [1]). Хотя Ферiери и старался убѣдить Али-Муратъ-хана, что если русскіе овладѣютъ даже частью Адербеджана, то онъ будетъ впослѣдствіи раскаяваться, но всѣ его внушенія остались недѣйствительными и Али-Муратъ продолжалъ искать союза съ Россіей.

Еще въ то время, когда Магометъ-ханъ только прибылъ въ Тифлисъ, генералъ-поручикъ Потемкинъ спрашивалъ уже, какъ поступить ему съ пріѣздомъ посланнаго въ Георгіевскъ. Князь Потемкинъ приказалъ задержать его на Кавказской линіи, и писалъ, что вслѣдъ за симъ самъ отправляетъ въ Испаганъ къ Али-Муратъ-хану письмо и подарки [2]).

«Генералъ-поручикъ Потемкинъ донесъ мнѣ, писалъ свѣтлѣйшій Али-Муратъ-хану [3]), о прибывшемъ отъ васъ посольствѣ и благихъ намѣреніяхъ, которыя вы изъявляете, желая пріобрѣсти благоволеніе моей государыни. Воздавая должную хвалу таковому вашему желанію, къ пользѣ и благоденствію всей персидской монархіи служащему, увѣдомляю, что я должностію поставляю споспѣшествовать вашему намѣренію и могу васъ обнадежить, что государыня, воспріемлющая подъ свое покровительство царей земныхъ, безъ сомнѣнія удостоитъ и васъ высочайшаго благоволенія. Ваше о семъ къ ея величеству писаніе можете вы препроводить ко мнѣ».

Не ограничиваясь этимъ письмомъ и желая воспользоваться расположеніемъ Али-Муратъ-хана, для осуществленія своей любимой мечты объ образованіи за Кавказомъ обширнаго христіанскаго государства, князь Потемкинъ рѣшился приступить къ дѣлу безотлагательно и тотчасъ же отправилъ въ Персію полковника Тамару, поручивъ ему взять съ собой и Магометъ-хана, все еще находившагося въ Георгіевскѣ. Вручивъ полковнику Тамарѣ золотой сервизъ въ подарокъ Али-Муратъ-хану, а двѣ чашки золоченыя и перечникъ, осыпанный брилліантами, [4]) для подарка его

---

[1]) Рапортъ консула Тумановскаго 28-го мая изъ Энзелей. Госуд. Арх., XXIII, № 13, карт. 48.

[2]) Ордеръ князя Потемкина генералу Потемкину отъ 11-го мая. Тамъ же.

[3]) Въ письмѣ отъ 18-го іюня.

[4]) Реестръ подаркамъ, отправленнымъ съ Тамарой. Тамъ же.

посланному, князь Потемкинъ писалъ владѣльцу Испагана, что Тамара засвидѣтельствуетъ объ усердіи къ нему свѣтлѣйшаго и искреннемъ желаніи его, чтобы доброе согласіе между двумя державами, Россіей и Персіей, было основано на незыблемомъ союзѣ. Хваля намѣреніе Али-Муратъ-хана быть въ твердомъ союзѣ съ Россіей, князь Таврическій обнадеживалъ его благоволеніемъ императрицы, и въ то же время поручилъ генералу Потемкину внушить посланцу Магометъ-хану, чтобъ онъ старался убѣдить Али-Муратъ-хана въ необходимости искать покровительство императрицы.

Полковнику Тамарѣ поручалось собрать болѣе точныя свѣдѣнія о политическомъ состояніи Персіи, силѣ и могуществѣ отдѣльныхъ владѣльцевъ и ближе познакомиться съ характеромъ лицъ, имѣющихъ наибольшее вліяніе въ правленіи испаганскомъ; при свиданіи же съ Али-Муратъ-ханомъ употребить всѣ средства, чтобы снискать къ себѣ его расположеніе и довѣренность. Давая въ разговорахъ обширную пищу самолюбію испаганскаго владѣльца, лаская его надеждой на постоянную и сильную поддержку Россіи, всегда готовой утвердить единовластіе въ Персіи, конечно, въ лицѣ преданнаго ей владѣльца, и наконецъ, выставляя какъ можно рельефнѣе всѣ выгоды взаимнаго союза и дружбы, Тамара долженъ былъ добиться согласія Али-Муратъ-хана на выдѣленіе Армянской области изъ состава персидской монархіи и признаніе ея независимости. Средствомъ къ достиженію такой уступки было избрано безначаліе, существовавшее въ то время въ Персіи. Въ разговорѣ съ Али-Муратъ-ханомъ, полковникъ Тамара уполномоченъ былъ высказать свое сожалѣніе о междоусобіи, раздиравшемъ страну, и увѣрить его, что русское правительство, искренно желая скорѣйшаго прекращенія всѣхъ безпорядковъ и водворенія тишины, признаетъ возможнымъ достигнуть этого только образованіемъ въ Персіи самостоятельнаго и чисто однороднаго государства.

«Соединеніе раздѣльныхъ частей, писалъ князь Потемкинъ, [1]) подъ единую державу, есть средство къ возстановленію цвѣтущаго тамъ состоянія. Вы можете искусно коснуться тутъ самолюбія

[1]) Въ инструкціи Тамарѣ. Московскій архивъ Главнаго Штаба.

сего владѣльца. Шахское достоинство есть лестно. Но притомъ нужно изъяснить ему всю надобность составленія сей монархіи изъ самихъ персіянъ. Таковое соединеніе будетъ твердо и прочно, когда, напротивъ того, разность народовъ, всегда готовыхъ къ сверженію ига, не умножаетъ силы государственныя, но паче раздѣляетъ и ослабляетъ оныя. Сіе говорю я объ Арменіи и другихъ окрестныхъ провинціяхъ; ибо что̀ надлежитъ до Грузіи, то объ ней ни слова; участь ея уже рѣшена. Къ сему присовокупить непримиримость Порты и виды ея, требующіе прилежнаго вниманія. Честь и слава имени его обязываютъ привесть себя въ состояніе противостать сему завистливому сосѣду и уничтожить его замыслы, доставленіемъ безопасности границамъ своимъ. Сія безопасность будетъ совершенна, если народъ армянскій будетъ преградою имъ (персіянамъ) съ турками».

Въ январѣ 1785 года, полковникъ Тамара выѣхалъ изъ Моздока въ Персію, но на пути въ Эчміадзинскомъ монастырѣ узналъ, что Али-Муратъ-ханъ скончался и что въ Персіи происходятъ еще бо̀льшіе безпорядки и борьба партій.

Вражда, существовавшая между Ага-Магометъ-ханомъ Астрабадскимъ и Али-Муратъ-ханомъ Испаганскимъ, собственно говоря, не прерывалась, и осенью 1784 года военныя дѣйствія между ними снова возобновились. Отправивъ противъ Ага-Магометъ-хана сына своего Шихъ-Вейса и страдая самъ водяною болѣзнію, Али-Муратъ-ханъ оставилъ Испаганъ и, по совѣту медиковъ, для перемѣны воздуха, расположился лагеремъ близъ Тегерана. Здѣсь онъ получилъ извѣстіе, что Шихъ-Вейсъ разбилъ Ага-Магометъ-хана, завладѣлъ Мазандераномъ и, заставивъ своего противника бѣжать въ Астрабадъ, самъ расположился въ Сари. Али-Муратъ-ханъ былъ въ восторгѣ отъ такого извѣстія,—счастіе, казалось, благопріятствовало ему. Онъ разослалъ повсюду фирманы съ приказаніемъ торжествовать побѣду, но торжество это было непродолжительно. Два брата Ага-Магометъ-хана и личные враги его, Муртаза и Мустафа-Кули-ханы, которыхъ онъ лишилъ владѣній и содержалъ подъ присмотромъ, успѣли бѣжать и добровольно перешли на сторону побѣдителя. Одинъ изъ нихъ вызвался плѣнить Ага-Магометъ-хана, и, получивъ отъ Шихъ-Вейса шесть тысячъ войска, отпра-

вился съ ними къ Астрабаду. Ага-Магометъ-ханъ не потерялся отъ неудачи и не оставался праздным зрителемъ совершавшихся событій. Человѣкъ энергичный и дѣятельный, Ага-Магометъ былъ въ то время безспорно лучшимъ полководцемъ въ Персіи. Онъ успѣлъ склонить на свою сторону туркменъ, столь страшныхъ для персіянъ своими набѣгами, и съ ними выступилъ противъ войскъ Али-Муратъ-хана. Встрѣтивъ своего брата въ лѣсахъ мазандеранскихъ, Ага-Магометъ-ханъ разбилъ его на голову и, не давая опомниться отъ претерпѣнной неудачи, бросился на Сари. Атакованный совершенно неожиданно, Шихъ-Вейсъ былъ также разбитъ и бѣжалъ къ отцу въ Тегеранъ; оба брата Ага-Магометъ-хана должны были скрыться отъ преслѣдованій побѣдителя, расположившагося въ Кумшанѣ.

Недавно торжествовавшій побѣду, Али-Муратъ-ханъ очутился въ крайне затруднительномъ положеніи: войска Шихъ-Вейса были разбиты и разсѣяны; тѣ, которыя были подъ личнымъ его начальствомъ у Тегерана, не получая долгое время жалованья, расходились по домамъ, оставшіяся не повиновались, и наконецъ въ Испаганѣ произошло волненіе, для уничтоженія котораго необходимо было прибѣгнуть къ силѣ. Жители Испагана не любили Али-Муратъ-хана за его жестокость, гордость и истребленіе потомства Керима. Воспользовавшись его удаленіемъ, испаганцы готовы были сбросить съ себя власть Али-Муратъ-хана и подчиниться Багуръ-хану, правителю столицы и одному изъ богатѣйшихъ лицъ въ Персіи.

Между тѣмъ, опасаясь быть настигнутымъ Ага-Магометъ-ханомъ, и имѣя еще въ своемъ распоряженіи войскъ достаточно для того, чтобы подавить волненіе въ Испаганѣ, Али-Муратъ-ханъ рѣшился возвратиться въ свою столицу и тамъ ожидать наступленія непріятеля. Онъ отправилъ впередъ для занятія города отрядъ подъ начальствомъ Джафаръ-хана, брата своего по матери, а слѣдомъ за нимъ спѣшилъ и самъ, но во время пути, страдая припадками своей болѣзни, принужденъ былъ весьма часто останавливаться. Предыдущее потрясеніе столь сильно подѣйствовало на здоровье Али-Муратъ-хана, что онъ не перенесъ болѣзни, и 7-го февраля 1785 года скончался, за четыре дня пути до Испагана. Джа-

фаръ-ханъ, овладѣвъ столицею, приказалъ отрубить голову Багуръ-хану, и, пользуясь общимъ замѣшательствомъ, захватилъ власть въ свои руки. Бросившійся было въ Испаганъ, съ намѣреніемъ воспользоваться отцовскими сокровищами, Шихъ-Вейсъ былъ разбитъ и принужденъ бѣжать въ Ширазъ. Джафаръ-ханъ временно утвердился въ Испаганѣ, а Ага-Магометъ-ханъ, пользуясь замѣшательствами, успѣлъ овладѣть Тегераномъ, послѣ упорнаго сраженія, въ которомъ самъ былъ тяжело раненъ.

Въ лицѣ Али-Муратъ-хана мы лишились человѣка, преданнаго Россіи и искавшаго ея покровительства. Обстоятельства перемѣнились: на сцену выходили новые люди съ иными взглядами и интересами, и князь Потемкинъ по необходимости принужденъ былъ отложить исполненіе своихъ видовъ на неопредѣленное время. Онъ не отказывался, однакоже, отъ своихъ намѣреній, и императрица Екатерина предполагала непремѣннымъ условіемъ нашего владычества за Кавказомъ, подчинить своей власти всѣ владѣнія, лежавшія по берегу Каспійскаго моря, всѣ же остальныя, входившія въ составъ Адербеджана, оставить подъ покровительствомъ Россіи. Съ этою цѣлью начальствовавшимъ войсками на Кавказской линіи разрѣшено было склонять на нашу сторону и принимать подъ верховную власть или покровительство русской державы всѣхъ владѣльцевъ Адербеджана. Вмѣстѣ съ тѣмъ, желая сохранить и послѣ смерти Али-Муратъ-хана свое вліяніе въ самомъ центрѣ Персіи, князь Потемкинъ-Таврическій поручилъ командующему войсками на линіи собрать самыя точныя свѣдѣнія о состояніи наиболѣе вліятельныхъ владѣльцевъ, и узнать кто изъ хановъ сильнѣйшій и имѣетъ въ своихъ рукахъ Испаганъ и полуденную Персію?

«Я рекомендую вамъ, писалъ князь Потемкинъ генералу Потемкину [1]), ласкать отлично хана Астрабадскаго (Ага-Магометъ-хана), если онъ усилился и если не потерялъ еще преимущества, одержаннаго чрезъ разбитіе войскъ Али-Муратъ-хановыхъ. Но если кто другой успѣлъ превзойти его, то къ тому подослать стороною внушить, чтобъ прибѣгъ къ ея императорскому величеству. Я

[1]) Въ ордерѣ отъ 8-го мая 1875 года, № 138.

не поставляю произведенія сего труднымъ. *Али-Муратъ-ханъ умеръ, но желаніе шахства не умретъ ни въ комъ».*

Потемкинъ отправилъ въ Энзели двухъ своихъ конфидентовъ и одному изъ нихъ [1]) поручилъ пробраться до Испагана. Они должны были собрать по возможности подробныя свѣдѣнія о томъ, кто послѣ смерти Али-Муратъ-хана завладѣлъ его сокровищами и Испаганомъ, твердое-ли онъ имѣетъ владычество, и всѣ ли тѣ области ему подвластны, кои были въ управленіи Али-Мурата. Посланнымъ вмѣнено въ обязанность разузнать, какія силы имѣетъ новый правитель Персіи, какого нрава, какой препровождаетъ образъ жизни, склоненъ ли къ военнымъ дѣйствіямъ, строгъ или кротокъ, щедръ или скупъ, трезвъ или склоненъ къ вину, «славолюбивъ или смиреніе и спокойство предпочитаетъ» [2]).

Доставленныя какъ посланными, такъ и другими лицами извѣстія изъ Персіи были далеко не успокоительны. Со смертію Али-Муратъ-хана, междоусобіе хановъ усилилось и на борьбу выступили такія лица, которыя до того времени, опасаясь Али-Муратъ-хана, оставались покойными. Хойскій Ахметъ-ханъ, при содѣйствіи хановъ Шушинскаго (Карабагскаго) и Карадагскаго, овладѣлъ Тавризомъ, жители котораго сдали ему городъ предательски ночью. Владѣвшій Тавризомъ, Худіатъ-ханъ, былъ взятъ въ плѣнъ и отвезенъ въ Хой; все его имущество досталось Ахметъ-хану, который, сверхъ того, наложилъ милліонъ рублей контрибуціи на тѣхъ изъ жителей, которые оставались вѣрными Худіатъ-хану. Обладаніе Тавризомъ, самымъ богатымъ городомъ въ Адербеджанѣ, подчиненіе своей власти хана Нахичеванскаго и союзъ съ ханами Шушинскимъ и Карадагскимъ, сдѣлали Хойскаго Ахметъ-хана первымъ въ Адербеджанѣ по силѣ, могуществу и богатству. Вліяніе его еще болѣе усилилось, когда онъ выдалъ свою тридцатилѣтнюю дочь за одиннадцатилѣтняго сына Эриванскаго хана и вошелъ въ родственныя связи съ послѣднимъ.

Въ то время, когда въ Адербеджанѣ распространялась власть Хойскаго Ахметъ-хана, въ Тегеранѣ властвовалъ Ага-Магометъ-

---

[1]) Кубанскаго полка маіору Лампро-Канчони.

[2]) Ордеръ Потемкина генералъ-поручику Леонтьеву и наставленіе конфидентамъ 10-го мая, №№ 24 и 25.

ханъ Астрабадскій и Мазандеранскій, считавшій себя самостоятельнымъ и независимымъ правителемъ подчиненныхъ ему владѣній и областей. Одинъ изъ потомковъ шаха Надира силился утвердиться въ Хоросанѣ, и наконецъ, Джафаръ-ханъ, братъ Али-Мурата, располагая первое время войсками, властвовалъ въ Испаганѣ, былъ признанъ правителемъ въ Ширазѣ и во всей средней части Персіи.

Извѣстіе о томъ, что Джафаръ-ханъ утвердился въ Испаганѣ, весьма обрадовало Магометъ-хана, посланнаго въ Россію Али-Муратъ-ханомъ. Сначала Магометъ хотѣлъ было вернуться обратно вмѣстѣ съ полковникомъ Тамарой, съ тѣмъ, чтобы навсегда остаться въ Россіи, но когда узналъ, что Испаганъ находится въ рукахъ Джафаръ-хана, то рѣшился ѣхать далѣе.

— Джафаръ-ханъ, говорилъ Магометъ полковнику Тамарѣ, былъ всегда моимъ покровителемъ и я ѣду съ тѣмъ, чтобы стараться всѣми силами внушить ему тѣ же намѣренія, которыя имѣлъ его покойный братъ.

Разставшись въ Хоѣ съ Магометъ-ханомъ, полковникъ Тамара отправилъ къ Джафаръ-хану посланнаго съ подарками и письмомъ отъ своего имени, въ которомъ увѣрялъ, что Россія всегда готова поддерживать съ нимъ дружественныя сношенія.

«Почтенный Мегметъ-ханъ», писалъ Тамара [1]), «отправленъ былъ отъ покойнаго и славнаго Али-Муратъ-хана, предмѣстника и брата вашего, великолѣпный ханъ, къ воинскому и гражданскому начальнику нашему на границѣ — генералу Павлу Сергѣевичу Потемкину съ предложеніями, коихъ силу отъ него-жъ самого или отъ Мирзы-Раби, довѣреннаго тогда министра, узнать изволите. Предложенія тѣ приняты благосклонно были не токмо отъ помянутаго генерала, но, по представленію его, и отъ верховнаго уполномоченнаго всемилостивѣйшей самодержицы всероссійской высокоповелительнаго генералъ-фельдмаршала, свѣтлѣйшаго князя Григорія Александровича Потемкина, который, призвавъ меня, повелѣлъ ѣхать вмѣстѣ съ помянутымъ присланнымъ къ Али-Муратъ-хану, вручить ему почтенные свои отзывы, потомъ выслушать и объя-

[1]) Московскій Архивъ Министер. Иностр. дѣлъ.

сниться съ нимъ относительно его намѣреній. Исполняя съ должною вѣрностію толь лестное для меня верховнаго уполномоченнаго повелѣніе, получилъ извѣстіе въ области Эриванской о смерти Али-Муратъ-хана, тако-жь о вашемъ, великолѣпный ханъ, на мѣсто его возвышеніи. Не смотря на трудности, продолжалъ путь до города Хойса (Хоя), гдѣ увидѣвъ, что оные чѣмъ далѣе умножаются, рѣшился возвратиться. Но притомъ имѣю долгъ увѣрить васъ о благосклонности и доброжелательствѣ его свѣтлости верховнаго уполномоченнаго нашего ко всѣмъ занимающимъ въ Персіи мѣсто бывшаго славнаго оной намѣстника Зендъ-Керимъ-хана и желающимъ возстановить въ оной спокойствіе; почему и можете быть благонадежны, что къ отзывамъ, по примѣру предмѣстника вашего, сыщете въ немъ наидружественнѣйшія расположенія.

«Сожалѣя отъ сердца о столь важной утратѣ высокопочтеннаго дому вашего, поздравляю васъ, всеискреннѣйшій, великолѣпный ханъ, съ вашимъ возвышеніемъ и желаю, чтобъ оное, при долговременномъ благоденствіи послужило къ вящшему прославленію имени вашего».

Джафаръ-ханъ не отвѣчалъ на это письмо, такъ какъ ему приходилось заботиться не объ отвѣтѣ и политическихъ сношеніяхъ, но объ обезпеченіи собственной особы.

Персіяне смотрѣли на Джафара какъ на близкаго родственника Али-Муратъ-хана, не пользовавшагося любовью своихъ подданныхъ по чрезмѣрной строгости и преданности Россіи. Это послѣднее обстоятельство отдаляло многихъ отъ Джафаръ-хана и дало средство усилиться его врагу Ага-Магометъ-хану, владѣльцу Астрабадскому и Мазандеранскому.

Частію угрозами, частію обѣщаніями Ага-Магометъ-ханъ успѣлъ склонить на свою сторону нѣсколькихъ хановъ, и пріобрѣтя себѣ союзниковъ, оставилъ въ Тегеранѣ довольно сильный гарнизонъ, самъ съ остальными войсками двинулся къ Испагану. Джафаръ-ханъ встрѣтилъ его въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города, но былъ разбитъ и бѣжалъ въ Ширазъ. Ага-Магометъ-ханъ вступилъ въ столицу, овладѣлъ всѣми сокровищами Али-Муратъ-хана, захватилъ его семейство и отправилъ въ Астрабадъ вмѣстѣ со мно-

ними другими семействами, на преданность которыхъ онъ не могъ положиться [1]).

Джафаръ-ханъ пытался было возвратить потерянное владѣніе, но безуспѣшно. Разбитый вторично, онъ принужденъ былъ снова скрыться въ Ширазъ и предоставить первенство своему сопернику, сдѣлавшемуся однимъ изъ сильнѣйшихъ владѣльцевъ въ Персіи. Съ паденіемъ Испагана, весь Иранъ призналъ надъ собою господство Ага-Магометъ-хана; Тавризскій ханъ присягнулъ ему въ вѣрности, а затѣмъ и большая часть Адербеджанскихъ хановъ послѣдовали его примѣру. Только Ширазъ и часть Фарсистана остались во владѣніи Джафаръ-хана.

Сдѣлавшись обладателемъ столицы, Ага-Магометъ-ханъ сталъ простирать далѣе свои властолюбивые виды—онъ мечталъ уже о шахскомъ достоинствѣ и единовластіи во всей Персіи. Чтобы достигнуть послѣдняго, ему необходимо было подчинить себѣ еще многихъ владѣльцевъ, сохранявшихъ нѣкоторую долю самостоятельности и независимости. Вниманіе его прежде всего было обращено на Гилянскаго Гедаетъ-хана, его личнаго врага, давшаго пріютъ одному изъ братьевъ Ага-Магометъ-хана, Муртаза-Кули-хану.

Тотчасъ послѣ овладѣнія Испаганомъ, Ага-Магометъ-ханъ потребовалъ отъ Гедаетъ-хана значительную контрибуцію, старшаго сына и брата въ аманаты и выдачи Муртаза-Кули-хана. Гедаетъ-ханъ подъ разными предлогами уклонялся отъ исполненія этого требованія, укрѣплялъ Энзели, и, желая задобрить Ага-Магометъ-хана, послалъ къ нему подарки, какъ знакъ признанія его господства надъ собою. Предвидя, однако же, грозу, Гедаетъ-ханъ и Муртаза-Кули-ханъ искали покровительства Россіи. Узнавъ въ августѣ 1785 года, что въ Энзели прибылъ русскій фрегатъ «*Кавказъ*», Муртаза-Кули-ханъ прислалъ къ командиру фрегата, капитанъ-лейтенанту Аклечееву, своего старшину, поздравить съ благополучнымъ прибытіемъ на рейдъ и съ просьбой о свиданіи. Аклечеевъ съѣхалъ на берегъ и отправился къ Муртаза-Кули-хану, который объявилъ ему, что онъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ, Мустафой, желаетъ вступить въ подданство Россіи.

---

[1]) Рапортъ Потемкина князю Таврическому 6-го октября, № 125.

Нѣсколько ранѣе этого свиданія, Мустафа самъ пріѣзжалъ на фрегатъ къ Аклечееву, въ то время когда тотъ находился еще въ Астрабадскомъ заливѣ и просилъ его о томъ же. Онъ говорилъ, что готовъ даже переселиться въ Россію на вѣчное жительство, если бы къ тому представился удобный случай. Аклечеевъ обнадежилъ обоихъ братьевъ и совѣтовалъ имъ обратиться съ просьбой къ генералу Потемкину, какъ главному начальнику того края [1]). Послѣдній поручилъ обнадежить ихъ полнымъ покровительствомъ Россіи, надѣясь имѣть въ лицѣ двухъ братьевъ прекрасное средство противъ всѣхъ враждебныхъ замысловъ Ага-Магометъ-хана. «Если Магометъ-ханъ, доносилъ Потемкинъ [2]), усилясь въ Испаганѣ утвердится и пожелаетъ искать покровительственнаго союза Россіи, тогда можно будетъ посредствовать къ примиренію обоихъ съ братомъ ихъ Ага-Магометъ-ханомъ. Когда же бы Магометъ-ханъ не похотѣлъ поступить на предполагаемыя о Персіи мѣры, сихъ братьевъ противу онаго Магометъ-хана удобно для уменьшенія его силы подвигнуть». Свѣтлѣйшій поручилъ ласкать братьевъ Ага-Магометъ-хана и объявить имъ, что «продолженіемъ своего благонамѣренія подадутъ поводъ къ изъявленію самымъ дѣломъ высочайшаго имъ благоволенія» [3]).

Въ октябрѣ Муртаза-Кули-ханъ отправилъ прошеніе на высочайшее имя и письмо къ князю Потемкину, прося принять его подъ покровительство Россіи и прислать войска для его защиты.

Примѣру Муртаза-Кули-хана послѣдовалъ и Гедаетъ-ханъ Гилянскій, также искавшій покровительства Россіи.

Отправляя въ Энзели новаго консула, надворнаго совѣтника Скиличія, генералъ Потемкинъ писалъ Гедаетъ-хану, что желаніе его вступить подъ покровительство Россіи милостиво принято императрицей, и что онъ можетъ исполнить это съ соблюденіемъ четырехъ условій: чтобы было указано мѣсто, гдѣ бы мы могли построить при Энзелинскомъ портѣ городъ, для защиты русской тор-

[1]) Рапорты Аклечеева Потемкину 11-го мая и 15-го августа 1785 г. Госуд. Арх., XXIII, № 13, папка 49.

[2]) Князю Потемкину 15-го сентября, № 60. Тамъ же, папка 50.

[3]) Ордеръ Потемкину 16-го октября 1785 года. Тамъ же.

говли и купечества; чтобъ онъ вмѣстѣ съ своими подвластными принялъ присягу на вѣчное подданство Россіи; чтобъ отправилъ въ С.-Петербургъ, въ видѣ аманатовъ, одного изъ своихъ дѣтей и двухъ или трехъ родственниковъ; и наконецъ, въ знакъ подданства, обязался бы платить ежегодную, хотя незначительную дань.

Условія эти не нравились Гедаетъ-хану. Человѣкъ въ высшей степени вѣроломный и жадный, Гедаетъ въ поступкахъ своихъ руководился одною матеріальною выгодой и уклонялся всегда въ ту сторону, гдѣ ожидалъ для себя болѣе пользы. Не имѣя искренняго намѣренія вступать въ подданство Россіи, Гедаетъ понималъ, конечно, всю стѣснительность русской колонизаціи на его территоріи, и потому всѣми мѣрами старался отклонить ее. Онъ писалъ Потемкину, что переговоры о подданствѣ столь важны, что должны быть производимы въ совершенной тайнѣ до окончательнаго постановленія условій, а между тѣмъ, всякое начало работъ по устроенію города обнаружитъ ихъ и навлечетъ ему многочисленныхъ непріятелей, какъ въ Персіи, такъ и въ Турціи; что основаніе русскаго поселенія при Энзелинскомъ портѣ вовсе не нужно, такъ какъ онъ самъ давно уже строитъ городъ, который приходитъ къ окончанію и поступитъ въ распоряженіе русскаго правительства, ибо, вступивъ въ подданство, самъ Гедаетъ-ханъ будетъ не болѣе, какъ приближеннымъ министромъ, «и тогда, писалъ онъ, какъ городъ и домъ мой, такъ и вся область моя имѣетъ быть ваша».

Высказывая преданность Россіи и желаніе вступить въ подданство, Гедаетъ въ то же время стѣснялъ торговлю и притѣснялъ купечество разными поборами, увѣряя, что пошлины составляютъ единственное средство къ его существованію. «Вы здѣшніе порядки и мои доходы знаете, писалъ онъ въ одномъ изъ писемъ Скиличію [1]), (знаете и то) что я только мизанными и пошлинными сборами во владѣніи моемъ содержаніе войска и прочіе расходы имѣю». Гедаетъ-ханъ говорилъ, что если лишнія пошлины и взяты съ русскихъ купцовъ, то по ошибкѣ, помимо его воли

[1]) Госуд. Арх., XXIII, № 13, папка 49.

и въ его отсутствіе, но если дѣло идетъ о вѣсовыхъ за шелкъ, то это не пошлина и въ торговомъ трактатѣ о вѣсовыхъ деньгахъ ничего не упомянуто. Онъ скорбѣлъ, что русское купечество не понимаетъ его благодѣяній, которыя онъ оказываетъ даже въ ущербъ собственнымъ интересамъ. «Для полученія себѣ благодарности, писалъ онъ [1]), и честнаго имени, я вознамѣрился вѣсовыя деньги уничтожить, чтобъ вовсе были истреблены. Почему я шелковыя гири [2]), которыя за тысячу лѣтъ предъ симъ установлены были отъ прежнихъ персидскихъ монарховъ и съ другими гирями сходствія не имѣли, въ вѣсѣ пріумножилъ и на каждый пудъ по три фунта прибавилъ». Гедаетъ-ханъ увѣрялъ, что, назначая теперь вѣсовыя деньги по два рубля за каждый батманъ, онъ дѣлаетъ это для виду купечества другихъ націй, но въ сущности наноситъ себѣ крайній убытокъ, желая доказать тѣмъ свою преданность Россіи. Совершенный произволъ персидскихъ хановъ во всемъ, что касалось торговли и наложенія пошлинъ, не дозволялъ придавать какое-либо значеніе и цѣну словамъ Гедаетъ-хана, а между тѣмъ, самъ онъ полагалъ, что обѣщанія его заставятъ русское правительство сдѣлать нѣкоторыя уступки и оказать помощь Гилянскому владѣльцу въ его затруднительныхъ обстоятельствахъ и борьбѣ съ Ага-Магометъ-ханомъ.

Гедаетъ-ханъ отправилъ на линію къ генералу Потемкину двухъ посланныхъ и прошеніе на высочайшее имя, въ которомъ просилъ принять его въ подданство Россіи на такомъ же точно основаніи, на какомъ принята Грузія, и прислать въ распоряженіе хана, для его охраны, три тысячи человѣкъ русскаго войска. Посланные говорили, что ханъ обязуется продовольствовать войска на свой счетъ и готовъ платить не только то жалованье, которое императрицѣ угодно будетъ назначить, но будетъ вносить ежегодно въ казну ея величества, вмѣсто дани, шелку-сырцу по три тысячи батмановъ, и отправитъ въ С.-Петербургъ къ высочайшему двору одного изъ своихъ сыновей съ пристойными дарами. Уполномоченные заявили Потемкину, что ханъ ихъ проситъ

[1]) Въ письмѣ Потемкину безъ числа и мѣсяца, Госуд. Арх., XXIII, № 13, папка 49.

[2]) То-есть гири, употребляемыя для взвѣшиванія шелка.

русскія войска не для завоеваній, но единственно для личной охраны, и что въ благодарность за ихъ присылку онъ обязуется, въ случаѣ успѣха и пріобрѣтенія новыхъ провинцій, всѣ доходы съ нихъ вносить въ казну императрицы [1]).

Не скрывая того, что имѣетъ въ Персіи многихъ непріятелей и болѣе всего опасается Ага-Магометъ-хана, Гедаетъ писалъ, что отказъ русскаго правительства принять его подъ свое покровительство заставитъ его искать помощи и покровительства турецкаго двора, добивающагося вліянія въ Персіи и возстановленія персидскихъ хановъ противъ Россіи. Дѣйствительно, Порта разослала къ окрестнымъ ханамъ: Дербентскому, Гилянскому, Мазандеранскому, Тавризскому и ко всѣмъ Дагестанскимъ владѣльцамъ человѣкъ до сорока съ письмами и подарками, склоняя ихъ вытѣснить русскихъ изъ предѣловъ Персіи [2]).

Предыдущее поведеніе Гедаетъ-хана не указывало въ немъ искренняго расположенія къ Россіи и потому наше правительство, не полагаясь на его обѣщанія и слова, требовало безусловнаго исполненія предложенныхъ ему условій подданства. Князь Потемкинъ писалъ хану, что прошеніе его, присланное на имя императрицы, получено и онъ можетъ быть увѣренъ въ покровительствѣ, если перемѣнитъ свое поведеніе. Свѣтлѣйшій говорилъ, что для вступленія подъ покровительство Россіи необходимы: искренность, чистосердечіе и доказательство совершенной преданности, а онъ, напротивъ того, замѣчается въ колеблемости, недовѣрчивости и предписываетъ условія «невмѣстныя». Гедаетъ-ханъ медлилъ отвѣтомъ, но въ то же время старался извлечь возможную пользу изъ начатыхъ переговоровъ. Опасаясь нападенія Ага-Магометъ-хана, онъ укрѣплялъ Энзели и въ то же время собиралъ все свое имущество на наши суда, какъ въ мѣсто совершенно безопасное, вполнѣ надѣясь, что русскіе не откажутъ въ гостепріимствѣ и не завладѣютъ его сокровищами [3]). «Если паче ожиданія, писалъ генералъ Потемкинъ [4]), оный Гедаетъ-ханъ столь утѣсненъ,

[1]) Прошеніе посланныхъ хана Абида и Сеидъ-Ризы. Государствен. Архивъ, XXIII, № 13, папка 49.

[2]) Рап. капитанъ-лейтенанта Аклечеева 11-го мая 1785 года.

[3]) Рап. Потемкина кн. Таврическому 23 декабря, № 414.

[4]) Ордеръ Потемкина консулу Скиличію 3 іюля, № 32.

что неизбѣжно будетъ принужденъ, оставя свое владѣніе, бѣжать, то надлежитъ тщательно радѣть, чтобъ особа его и сокровища ему принадлежащія были спасены и безопасно препровождены въ Астрахань».

Гедаетъ-хану только того и хотѣлось. Едва онъ убѣдился, что Ага-Магометъ-ханъ, занятый войной съ Джафаръ-ханомъ, принужденъ оставить его до времени въ покоѣ, Гедаетъ-ханъ тотчасъ же прервалъ переговоры съ Россіей и попрежнему сталъ притѣснять русское купечество наложеніемъ новыхъ пошлинъ. Эта мѣра повела къ столкновенію консула Скиличія съ ханомъ и къ началу враждебныхъ отношеній между ними. Гедаетъ-ханъ жаловался Потемкину на произволъ Скиличія и вмѣшательство его въ чужія дѣла, а Скиличій указывалъ на недостойные поступки самого Гедаетъ-хана, на его двуличіе, коварство, и говорилъ, что добиться отъ него уступки можно только силой. Народъ персидскій, писалъ нашъ консулъ, «дерзокъ и грубъ; не разумѣетъ кротости и зазнался, потому что понынѣ не наказанъ» [1]). Человѣкъ строптивый и горячій, какъ характеризовалъ его Потемкинъ, Скиличій не могъ ужиться съ Гилянскимъ владѣльцемъ, не могъ свыкнуться съ его лукавствомъ и потому, считая свое пребываніе въ Персіи безполезнымъ, прислалъ просьбу объ увольненіи его въ отставку. Генералъ Потемкинъ находилъ также необходимымъ замѣнить Скиличія другимъ лицомъ и просилъ князя Потемкина снова назначить Тумановскаго [2]). Скиличій былъ, однако же, оставленъ, хотя Тумановскій былъ все-таки посланъ съ особымъ порученіемъ и, какъ увидимъ ниже, ни тотъ, ни другой не заслужили расположенія хана.

---

[1]) Рапортъ Скиличія Потемкину 3 апрѣля 1785 года. Арх. Кабинета, св. 380.
[2]) Рап. Потемкина кн. Таврическому 23 декабря, № 414.

X.

Положеніе дѣлъ въ Персіи. — Изгнаніе Гедаетъ-хана изъ Решта. — Дѣятельность нашего консульства.—Прибытіе Тумановскаго въ Энзели.—Переговоры его съ Гедаетъ-ханомъ.—Междоусобная война Гилянскаго хана съ Ага-Магометъ-ханомъ.—Штурмъ Решта.—Измѣнническое убійство Гедаета.—Стѣсненіе нашей торговли и притѣсненіе русскаго купечества.—Прибытіе въ Россію посланнаго отъ Аги-Магометъ-хана и высылка его за неприличное поведеніе и поступки.

Непримиримая вражда, возникшая между Гедаетъ-ханомъ и нашимъ консуломъ Скиличіемъ, дошла до того, что послѣдній, не имѣя никакого полномочія со стороны нашего правительства, рѣшился принять мѣры къ изгнанію хана изъ Гилянской провинціи. Въ январѣ 1786 года, Скиличій отправилъ Ага-Магометъ-хану письмо, въ которомъ призывалъ его въ Гилянь.—«Что касается начальника провинціи, писалъ нашъ консулъ [1]), то весь народъ желаетъ ему паденія, а ваше имя любимо и почитаемо отъ мала до велика. Народъ токмо чрезъ вашу помощь надѣется избавиться отъ безчеловѣчныхъ его мучительствъ. Я имѣю много причинъ быть недовольнымъ его грубостью и лукавствомъ, и въ случаѣ неудачи не пособлю ему ни въ томъ, чтобъ удержаться въ провинціи, ни бѣжать моремъ. Однимъ словомъ, будьте увѣрены, что я ничего столько не желаю, какъ увеличенія вашего могущества и славы, и всегда готовъ оказать вамъ всѣ услуги».

Ага-Магометъ-ханъ воспользовался такимъ предложеніемъ, овладѣлъ Рештомъ и выгналъ оттуда Гедаетъ-хана, бѣжавшаго въ Энзели. Побѣдитель отправилъ тотчасъ же своего посланнаго къ генералу Потемкину съ письмомъ, въ которомъ высказывалъ желаніе сблизиться съ Россіей и поступать во всемъ со строгимъ соблюденіемъ трактатовъ. Ага-Магометъ-ханъ предоставилъ русскимъ купцамъ полную свободу торговли, оставилъ въ пользованіи ихъ тѣ мѣста, которыми они владѣли и запретилъ брать пошлину за шелкъ.

Съ другой стороны, Гедаетъ-ханъ также просилъ нашей помощи и писалъ, что «расположилъ уже себя, чтобы быть мнѣ съ

[1]) Письмо Скиличія Агѣ-Магометъ-хану отъ 24-го января 1786 года. Арх. Кабинета, связка 380, ч. II.

провинціями моими зависимымъ всероссійскому императорскому престолу».

Получивъ извѣстіе объ изгнаніи Гедаета изъ Решта, генералъ Потемкинъ сдѣлалъ распоряженіе о немедленномъ отправленіи къ энзелинскимъ берегамъ одного фрегата въ помощь фрегату *Астрахань*, находившемуся тамъ для покровительствованія нашей торговлѣ. Командиру фрегата приказано не вмѣшиваться въ дѣла консула, но по требованію его оказывать возможное пособіе, «для упасенія купечества россійскаго отъ наглостей, каковыя обыкновенно, въ осадѣ города или можетъ быть въ завладѣніи Энзелей, быть могутъ [1])».

На этомъ же фрегатѣ былъ отправленъ и бывшій консулъ Тумановскій, которому приказано объясниться съ Гедаетъ-ханомъ и, «отдавъ ему мое письмо, писалъ Потемкинъ, показать видъ искренняго участія въ состояніи его мною пріемлемаго» [2]). Выборъ и посылка Тумановскаго были крайне неудачны. Онъ былъ также личнымъ врагомъ Гедаетъ-хана, и слѣдовательно посылать такого человѣка тогда, когда желали оказать расположеніе и помощь хану, было совершенно неумѣстно.

Тумановскому было поручено, познакомившись съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣлъ и намѣреніями какъ Ага-Магометъ-хана, такъ и Гедаетъ-хана, обѣщать содѣйствіе тому, кто будетъ искать покровительства Россіи. Съ такимъ лицомъ постараться заключить письменное условіе о свободѣ торговли, отмѣнѣ пошлинъ и объ уступкѣ части земли въ Энзеляхъ для возведенія тамъ необходимыхъ для насъ строеній. Во всякомъ же случаѣ, нашему консульству поручено было оказать покровительство Гедаетъ-хану. Въ случаѣ же, если у него не оказалось бы никакихъ средствъ къ защитѣ, всемѣрно стараться, писалъ Потемкинъ Тумановскому, «чтобъ его не упустить изъ рукъ, и уговорить ѣхать въ Астрахань, подъ защиту Россіи».

Тумановскому передано было три письма: Муртазѣ-Кули-хану,

[1]) Ордера капитану 1-го ранга Шишкину отъ 25-го марта 1786 года, №№ 96 и 99. Госуд. Архивъ, XXIII, № 13, папка 51.

[2]) Предписаніе Тумановскому 25-го марта, № 100. Госуд. Архивъ, XXIII, № 13, папка 51.

Гедаетъ-хану и Ага-Магометъ-хану. Генералъ Потемкинъ обнадеживалъ двухъ первыхъ добрымъ расположеніемъ къ нимъ князя Таврическаго, обѣщалъ покровительство и предлагалъ переговорить о своихъ нуждахъ съ Тумановскимъ [1]); Ага-Магометъ-хану предлагалъ дружбу и союзъ съ Россіей.

«Слава дѣлъ вашихъ, писалъ ему Павелъ Сергѣевичъ Потемкинъ [2]), достигающая къ предѣламъ ввѣреннымъ моему управленію, причиняетъ удовольствіе мнѣ и подаетъ поводъ поздравить васъ со всѣми побѣдами и завоеваніями вами одержанными и пріобрѣтенными.

«Персія, раздираемая донынѣ междоусобіями, обагряемая кровью собственныхъ чадъ своихъ, подъ управленіемъ вашимъ пріобрѣтетъ спокойство и исцѣлитъ свои раны благоустройствомъ, прекратитъ подданныхъ вашихъ скорби и осушитъ ихъ слезы. Благоразумное ваше правительство (правленіе) придастъ державѣ вашей блеска, когда обратите вниманіе и на внутреннее земель вашихъ распоряженіе, и на возобновленіе прежнихъ сношеній съ Имперіей моей августѣйшей самодержицы. Польза онаго ощутительна; величество и сила ея извѣстны, премудрость великой Екатерины громка и благость ея безконечна. Прибѣгающіе къ ея покрову-союзу находятъ всегда скиптръ ея надежнымъ укрѣпленіемъ.

«Богъ, учреждая государства, можетъ опредѣлить васъ владѣтелемъ Испагана къ обновленію благополучія онаго... Время и обстоятельства открываютъ благопріятное поле къ обновленію связи между обоихъ государствъ граничащихъ. Я ожидаю вашихъ писемъ, чтобъ изъявить вамъ ту дружбу, все то усердіе, которое къ особѣ вашей имѣю.»

Не зная въ чьихъ рукахъ находится престолъ персидскій и кому повинуется бо́льшая часть народа, Потемкинъ отправилъ письмо и къ Джафаръ-хану, который, по дошедшимъ свѣдѣніямъ, овладѣлъ Испаганомъ и котораго посланный явился на линіи.

«Бывшій у меня посланникъ, Магометъ-бей, писалъ Потемкинъ Джафаръ-хану [3]), возглашалъ похвалу имени вашего, а сіе слу-

[1]) Письма П. С. Потемкина къ ханамъ отъ 30-го марта 1786 г.
[2]) Ага-Магометъ-хану въ письмѣ отъ 29-го марта, № 116.
[3]) Отъ 10-го апрѣля 1786 года.

житъ поводомъ мнѣ, получа извѣстіе о благополучномъ овладѣніи вами великолѣпнымъ городомъ Испаганью, васъ поздравить. Персія, раздираемая черезъ толикое время междоусобіемъ, окончитъ, всеконечно, стенаніе свое подъ вашимъ управленіемъ, удержитъ текущую кровь и раны болѣзненныя исцѣлитъ. Благоразуміе ваше подастъ древней сей державѣ спокойство и возвратитъ ей прежнюю славу, когда вы обратите вниманіе ваше и на внутреннее Персіи устройство, и на возобновленіе прежнихъ сношеній съ Имперіей Всероссійскою.»

Вскорѣ получено было извѣстіе, что Джафаръ изгнанъ изъ Испагана Али-ханомъ, и тогда генералъ Потемкинъ отправилъ точно такое же письмо и Али-хану.

Между тѣмъ, Гедаетъ, опасаясь нападенія Ага-Магометъ-хана, укрѣплялъ Энзели, обносилъ ихъ каменною стѣной, захватывавшею и находившуюся тамъ русскую колонію, церковь и консульскій домъ. Потемкинъ требовалъ, чтобы Гедаетъ отмѣнилъ свое намѣреніе и не забывалъ, что консулъ и купечество, живущіе въ Энзеляхъ, суть подданные русской императрицы, и что ханъ не имѣетъ права заключать въ стѣнахъ русскихъ подданныхъ. «И мѣсто то, прибавлялъ П. С. Потемкинъ [1]), гдѣ консулъ россійскій и купечество живутъ, есть мѣсто вамъ не принадлежащее и есть въ дѣлахъ собственное отъ васъ письмо, въ которомъ, при возвращеніи нашего консула въ Энзели, утверждаете вы портъ Энзелинскій для Россіи. Извѣщая о семъ, требую, чтобъ обитаніе россійское оставили вы, ни мало къ нему не касаясь.»

Гедаетъ отвѣчалъ, что онъ всегда оказывалъ покровительство русскимъ купцамъ. И «кто бы дерзнулъ, спрашивалъ онъ, бывающимъ здѣсь подданнымъ россійскимъ оказать какую-либо обиду или притѣсненія»?

Слова эти не сходились съ дѣйствительными поступками Гилянскаго хана, продолжавшаго строить укрѣпленіе, окруженное съ трехъ сторонъ водой, а съ четвертой—защищаемое густымъ лѣсомъ, чрезъ который можно было пройти лишь съ большимъ затрудненіемъ.

[1]) Въ письмѣ отъ 18-го апрѣля 1786 г., Государствен. Архивъ, XXIII, № 13, папка 57.

Въ такомъ положеніи находился Гедаетъ-ханъ, когда 20-го мая подошелъ къ Энзелинскому порту нашъ фрегатъ *Астрахань*, на которомъ находился надв. совѣтн. Тумановскій. Послѣдній, сообщивъ консулу Скиличію о своемъ прибытіи, спрашивалъ его: можетъ ли онъ съѣхать на берегъ и нѣтъ ли какой опасности? Получивъ удовлетворительный отвѣтъ, Тумановскій сошелъ съ фрегата и имѣлъ свиданіе съ консуломъ. Скиличій увѣрялъ прибывшаго въ дурномъ расположеніи къ намъ Гедаетъ-хана и совѣтовалъ, не полагаясь на его увѣренія, быть весьма осторожнымъ. Зная вспыльчивый и гордый нравъ хана, Скиличій находилъ, что снисходительностью скорѣе всего можно склонить Гедаета на нашу сторону, но Тумановскій былъ противнаго мнѣнія.

— Я знаю, какъ должно обходиться съ нимъ, замѣтилъ онъ самонадѣянно;—птица эта не улетитъ отъ насъ.

Тумановскій настаивалъ, чтобы прежде извѣщенія Гедаета о его прибытіи, Скиличій отправилъ хану послѣднее письмо генерала Потемкина объ оставленіи нашей колоніи внѣ черты укрѣпленій [1]).

— Содержаніе этого письма колко, замѣтилъ Скиличій,—и было бы неблагоразумно возбуждать въ ханѣ недовѣрчивость и причинять ему неудовольствіе въ такое время, когда его должно ободрять, а не раздражать.

— Напротивъ, отвѣчалъ Тумановскій, — его надо сначала устрашить этимъ письмомъ, а потомъ увѣдомить о моемъ пріѣздѣ.

Требованіе это было исполнено, и письмо генерала Потемкина было отправлено хану. На слѣдующій день Гедаетъ собралъ своихъ приближенныхъ и поручилъ имъ прочитать письмо. Въ Гилянь проникъ слухъ, что Тумановскій посланъ за тѣмъ, чтобъ овладѣть Энзелями и увезти старшаго сына хана въ Россію. Прибытіе чрезъ нѣсколько дней фрегата *Кавказъ* усиливало подозрѣніе и убѣждало персіянъ въ справедливости распространившихся слуховъ.

— Вы видите, сказалъ ханъ собравшимся, — что подозрѣнія

[1]) Слѣдственное дѣло. Архивъ Кабинета, св. 380.

наши были не безосновательны; намъ должно стараться предупредить такое происшествіе. И Гедаетъ намѣренъ былъ захватить Тумановскаго въ свои руки.

Нѣкоторые изъ приближенныхъ старались разубѣдить хана, увѣряли, что слухи ложны, старались представить всю опасность отъ подобнаго поступка, но ханъ не слушалъ совѣтовъ и настаивалъ на своемъ [1]).

— Если бы Россія, говорилъ онъ,—желала мнѣ добра и дѣйствительно хотѣла оказать помощь—она не прислала бы сюда двухъ фрегатовъ и Тумановскаго, моего непримиримаго врага.

Увѣдомляя о полученіи письма генерала Потемкина и поздравляя Тумановскаго съ пріѣздомъ, Гедаетъ писалъ, что желаетъ имѣть съ нимъ личное свиданіе. Въ то время Ага-Магометъ-ханъ, отвлеченный болѣе сильнымъ врагомъ внутрь Персіи, оставилъ Рештъ, и Гедаетъ-ханъ снова утвердился въ немъ. Онъ имѣлъ при себѣ до 10,000 человѣкъ войска и, какъ человѣкъ заносчивый, думалъ, что въ будущемъ не только можетъ устоять противъ притязаній Ага-Магометъ-хана, но и сдѣлать нѣкоторыя завоеванія. Подъ вліяніемъ минуты, онъ не считалъ нужнымъ заискивать въ русскомъ посланномъ, а намѣренъ былъ захватить его въ свои руки и, имѣя заложникомъ, пріобрѣсть нѣкоторыя выгоды.

Вечеромъ, 29-го мая, одинъ персіянинъ предупредилъ консула, чтобы онъ былъ остороженъ, такъ какъ ханъ намѣренъ захватить не только Тумановскаго, но и его, консула, и двухъ командировъ фрегатовъ. Персіянинъ увѣрялъ, что для этой цѣли ханъ прислалъ въ Энзели 300 человѣкъ вооруженныхъ людей, которые скрыты въ его дворцѣ и ждутъ удобнаго случая, чтобы напасть на русскихъ, когда они соберутся, и захватить ихъ прежде, чѣмъ они будутъ въ состояніи защищаться. Не показывая вида, что намѣреніе хана извѣстно, Тумановскій и Скиличій сообщили объ этомъ командирамъ фрегатовъ и приняли мѣры къ тому, чтобы не быть застигнутыми врасплохъ и въ то же время имѣть возможность защитить русскую колонію. Съ этою цѣлью

[1]) Письмо Скиличія Потемкину 3-го апрѣля 1787 г. Арх. Кабинета, св. 380.

были выставлены орудія, учреждены караулы и ночной обходъ. Бывшій въ Энзеляхъ сынъ хана спрашивалъ, почему русскіе принимаютъ такую предосторожность. Если имѣютъ, говорилъ онъ, какое-либо подозрѣніе, то оно несправедливо.

— Мы дѣлаемъ это, отвѣчалъ Скиличій, — не отъ недовѣрія нашего къ вамъ, но для собственной безопасности, какъ обыкновенно поступаемъ во всякое смутное время.

Удовлетворенный такимъ отвѣтомъ, сынъ хана, 2-го іюня, пригласилъ къ себѣ обѣдать консула, Тумановскаго и командировъ фрегатовъ, но они отказались, и планъ захвата ихъ не удался. Тогда чрезъ нѣсколько дней прибылъ въ Энзели докторъ хана съ письмомъ, въ которомъ Гедаетъ благодарилъ за присланные ему подарки.

— Не имѣете ли вы какихъ особыхъ порученій къ хану? спросилъ докторъ Тумановскаго.

— Никакихъ особыхъ порученій не имѣю, отвѣчалъ спрошенный,—кромѣ заявленія о томъ искреннемъ участіи, которое принимаетъ Россія въ настоящемъ положеніи хана.

— Не находите ли вы необходимымъ, чтобы ханъ повидался съ вами?

— Если ханъ желаетъ меня видѣть, отвѣчалъ Тумановскій,— то я готовъ его принять когда угодно.

— Ханъ желалъ бы просить у русскаго правительства тысячу человѣкъ солдатъ, если не можетъ получить болѣе для охраненія страны.

— Если ханъ будетъ просить о принятіи его подъ покровительство Россіи и предастъ себя во власть русской императрицы, то, конечно, ему будетъ выслано не только просимое, но и гораздо бо̀льшее число войска, съ однимъ только условіемъ, что русское правительство само уже будетъ распоряжаться и заботиться о сохраненіи его владѣній.

Тумановскій намекнулъ при этомъ доктору, что если Гедаету будетъ угрожать какая-либо опасность, то онъ всегда можетъ сѣсть на одинъ изъ нашихъ фрегатовъ и отправиться въ Астрахань. Такое предложеніе было несогласно съ видами хана, и онъ не имѣлъ никакого желанія искать покровительства Россіи. Ослаб-

ленная внутренними раздорами, Персія представляла обширное поле для всякаго рода насилій и своевольства. Каждый изъ болѣе или менѣе сильныхъ хановъ разсчитывалъ захватить въ свою пользу значительную часть территоріи и стать независимымъ правителемъ области. Для достиженія такой цѣли, въ Персіи въ то время не пренебрегали никакими средствами: ножъ, петля и измѣна все пускалось въ ходъ и было одинаково законно, если удовлетворяло видамъ искавшаго власти. Располагая случайно довольно значительнымъ войскомъ, Гедаетъ мечталъ о многомъ, но только не о признаніи надъ собой верховной власти Россіи. Онъ думалъ о расширеніи своей власти, собиралъ войска и наложилъ новыя пошлины на товары. На протестъ нашего купечества и консула, Гедаетъ отдѣлывался молчаніемъ и не отвѣчалъ на письма Тумановскаго. Послѣдній, будучи не расположенъ къ хану, отправилъ посланнаго къ Муртазѣ-Кули-хану и самопроизвольно предложилъ ему ханство Гилянское. Муртаза отказался, и тогда Тумановскій писалъ Гедаету, что намѣренъ отправиться самъ въ Мазандеранъ къ Ага-Магомету, для доставленія ему письма генерала Потемкина. Не обративъ вниманія на эту угрозу, Гедаетъ пожелалъ ему счастливаго пути, но скоро долженъ былъ раскаяться въ своемъ поступкѣ: Ага-Магометъ уже шелъ на Гилянь тремя колоннами, причемъ самая главная была двинута на Рештъ—мѣстопребываніе Гедаета.

Гилянскій ханъ, какъ только узналъ объ этомъ, отправилъ въ Энзели всѣхъ своихъ женъ, дѣтей и имущество. Онъ писалъ Тумановскому и Скиличію, что, считая себя подъ покровительствомъ Россіи, ввѣряетъ имъ свое семейство и имущество, будучи увѣренъ, что, по долгу дружбы, они позаботятся о его женахъ и дѣтяхъ. Нашъ консулъ предоставилъ довѣренному хана выбрать одно изъ русскихъ купеческихъ судовъ и договориться съ хозяиномъ въ цѣнѣ. Гедаетъ-ханъ приказалъ жителямъ Решта очистить городъ и вмѣстѣ съ населеніемъ окрестныхъ деревень спѣшить въ Энзели, гдѣ въ короткое время собралось отъ 8 до 10 тысячъ человѣкъ, пришедшихъ съ разныхъ мѣстъ, не имѣвшихъ крова и размѣстившихся подъ открытымъ небомъ; все же остальное населеніе Гилянской провинціи скрылось въ лѣсахъ.

Въ три дня городъ Рештъ опустѣлъ и самъ Гедаетъ-ханъ остался налегкѣ, имѣя при себѣ лишь самыя необходимыя вещи и свиту изъ родственниковъ и довѣренныхъ лицъ, на преданность которыхъ онъ могъ вполнѣ положиться. Не ограничиваясь этимъ, онъ прислалъ 19-го іюля старшинъ съ просьбою принять его подъ покровительство Россіи. По составленіи проекта условій, старшины отправились обратно, чтобы представить ихъ на утвержденіе хана, но въ Энзели болѣе не возвратились, такъ какъ событія шли весьма быстро.

23-го іюля, Ага-Магометъ-ханъ со своими войсками остановился въ сорока верстахъ отъ Решта. Высланныя ему на встрѣчу войска Гедаетъ-хана, еще до встрѣчи съ непріятелемъ, разошлись по домамъ, а тѣ, которыя остались и вступили въ бой, были разбиты и обращены въ бѣгство. На слѣдующій день Ага-Магометъ-ханъ штурмовалъ укрѣпленія и овладѣлъ городомъ.

Сидѣвшій за столомъ Гедаетъ, не окончивъ обѣда, бѣжалъ версты три пѣшкомъ, а затѣмъ, на приведенной ему лошади, ускакалъ въ Пери-Базаръ, гдѣ были устроены укрѣпленія и гдѣ онъ намѣренъ былъ держаться до послѣдней крайности.

Между тѣмъ, занявъ Рештъ, Ага-Магометъ-ханъ строго запретилъ войскамъ причинять обиды населенію, приказалъ не производить грабежей и за взятые продукты платить деньги. Онъ разослалъ прокламацію, въ которой требовалъ, чтобы всѣ жители, не опасаясь преслѣдованія, возвратились въ свои селенія и въ городъ Рештъ; тѣ же, которые не исполнятъ этого приказанія и будутъ найдены въ лѣсахъ, подвергнутся преслѣдованію и будутъ жестоко наказаны. Гилянцы охотно исполнили требованіе побѣдителя и возвратились домой. Жестокость и тиранство Гедаетъ-хана, были причиною, что, за исключеніемъ немногихъ, почти все населеніе ненавидѣло своего хана. Новыми жестокостями Гедаетъ хотѣлъ возвратить повиновеніе къ себѣ жителей, но усилія его были тщетны; напрасно онъ рѣзалъ носы и уши возвращавшимся въ свои дома, населеніе все-таки съ охотою покорялось побѣдителю. Высылаемыя изъ Пери-Базара на встрѣчу Ага-Магометъ-хану войска Гедаета не хотѣли сражаться и расходились въ разныя стороны. Видя всюду неудачу, Гилянскій ханъ приказалъ грузить

все свое имущество на суда, стоявшія въ Энзелинской гавани, и перевести на нихъ семейство. Тумановскій, консулъ Скиличій и нѣкоторые изъ нашихъ купцовъ также оставили берегъ и перешли на флотилію, изъ опасенія подвергнуться всѣмъ случайностямъ штурма, во время котораго трудно было разбирать кто русскій, кто персіянинъ и приверженецъ Гедаетъ-хана. По мелководію, фрегаты наши не могли подойти близко къ берегу, и потому всѣ русскіе собрались на четырехъ купеческихъ судахъ, вооруженныхъ четырьмя орудіями, взятыми съ фрегатовъ, и восемью фалконетами, состоявшими при консульствѣ.

Въ концѣ іюля, передовыя войска Ага-Магометъ-хана появились въ виду Энзелей и подожгли близъ лежавшую деревню. Подъ предлогомъ просьбы не жечь окрестныхъ селеній, Тумановскій отправилъ къ начальнику персидскихъ войскъ армянина Хастатова, чрезъ котораго и вошелъ въ сношеніе съ Ага-Магометъ-ханомъ. Послѣдній увѣрялъ посланнаго, что искренно расположенъ къ Россіи и будетъ поддерживать дружественныя сношенія съ нашимъ правительствомъ. Тумановскій обѣщалъ не давать помощи Гедаетъ-хану и приглашалъ Ага-Магометъ-хана поспѣшить прибытіемъ въ Энзели. Персидскія войска стягивались вокругъ города, и поставленный почти въ безвыходное положеніе, Гедаетъ-ханъ прислалъ къ Тумановскому своего посланнаго Багира съ просьбою, чтобы русская флотилія поддержала его и оказала сопротивленіе Ага-Магометъ-хану. Багиръ просилъ Тумановскаго присягнуть, что просьба хана будетъ исполнена и отъ имени Гедаета клялся въ томъ, что ханъ будетъ вѣренъ Россіи.

— Если вы не присягнете, говорилъ Багиръ Тумановскому,— то ханъ принужденъ будетъ принять другія мѣры.

— Я никогда не былъ непріятелемъ Гедаетъ-хану, отвѣчалъ уклончиво Тумановскій.

— Если вы пріятель его, то отчего не стрѣляли по войскамъ Ага-Магомета, когда они подходили къ Энзелямъ и сожгли деревню. Своими выстрѣлами вы показали бы, что готовы защищать Гедаетъ-хана и что при помощи русскихъ, Ага-Магометъ-ханъ можетъ быть изгнанъ изъ Гиляна.

— Я нахожусь здѣсь три мѣсяца, отвѣчалъ Тумановскій,—

и неоднократно указывалъ Гедаетъ-хану на тѣ мѣры, которыя онъ долженъ былъ предпринять, такъ какъ до моего еще пріѣзда былъ уже слухъ, что Ага-Магометъ намѣренъ придти въ Гилянь. П. С. Потемкинъ также писалъ хану, что если онъ имѣетъ какую-либо надобность, то далъ бы о томъ знать, но ханъ, по своей гордости, до сихъ поръ не далъ никакого отвѣта на письма. Не смотря на то, мы не отказываемся помочь ему. По войскамъ Ага-Магометъ-хана мы не стрѣляли потому, что они не только не оказывали намъ ничего враждебнаго, но послушались моего требованія не жечь деревни и, успѣвъ сжечь только четыре дома, оставили и ушли изъ селенія.

Послѣ такого отвѣта, Багиръ отправился къ Гедаету и до 21-го августа Тумановскій не имѣлъ никакихъ свѣдѣній о ханѣ. Въ этотъ день онъ далъ знать хану, что одинъ изъ нашихъ фрегатовъ отправляется въ Астрахань и если ханъ имѣетъ что писать командующему на линіи, то чтобъ увѣдомилъ. Гедаетъ прислалъ своего довѣреннаго Магометъ-Хуссейна для отправленія въ Астрахань съ порученіемъ просить генерала Потемкина прислать ему въ помощь 2,000 русскихъ войскъ съ артиллеріей. Гедаетъ обѣщалъ за это отправить въ Россію своего сына въ аманаты и платить каждый годъ по тысячѣ пудовъ шелку [1]).

Просьба и обѣщанія эти достигли до Потемкина тогда уже, когда судьба Гедаета была рѣшена навсегда. 23-го августа Ага-Магометъ-ханъ писалъ Тумановскому, что, завладѣвъ бо́льшею частію Персіи, онъ намѣренъ наказать грабителя и разорителя народа и избавить Гилянь отъ тяжелаго ига. Ага-Магометъ-ханъ присовокуплялъ, что если Тумановскій желаетъ, чтобы существовала вольная и спокойная торговля, то чтобъ онъ не только не помогалъ Гедаету, но и старался пресѣчь ему путь, еслибъ онъ вознамѣрился уйти куда-нибудь моремъ. Какъ бы съ намѣреніемъ воспользоваться случаемъ и выговорить выгодныя условія для нашего купечества, Тумановскій отправилъ вторично къ Ага-Магометъ-хану своего довѣреннаго армянина Хастатова и поручилъ ему войти съ нимъ въ болѣе близкія сношенія. Опытный въ ко-

[1]) Письмо Магометъ-Хуссейна Потемкину 2-го октября 1786 года. Госуд. Арх., XXIII, № 13, папка 51.

варствѣ и привыкшій часто побѣждать своихъ враговъ измѣной, Ага-Магометъ-ханъ черезъ Хастатова предложилъ Тумановскому 70,000 рублей, если онъ окажетъ ему содѣйствіе, и достигъ своей цѣли. 28-го августа, посланный привезъ Тумановскому короткую записку, въ которой Ага-Магометъ-ханъ просилъ «объ исполненіи его порученій и соблюденіи касающихся до его пользы интересовъ», что̀ и съ своей стороны обѣщалъ исполнить [1]).

Между тѣмъ, Гедаетъ-ханъ, будучи окруженъ со всѣхъ сторонъ непріятельскими войсками и не считая возможнымъ удержаться въ Пери-Базарѣ, отправилъ своего брата Аскера къ Тумановскому съ просьбою, чтобъ онъ принялъ на себя защиту Энзелей, а его, Гедаетъ-хана, съ семействомъ и родственниками отправилъ въ Россію на одномъ изъ фрегатовъ [2]).

— Безъ позволенія главнаго начальника, отвѣчалъ Тумановскій,—я не могу принять на фрегатъ Гедаетъ-хана и его дѣтей. Если бы заявлено было объ этомъ прежде, то я испросилъ бы повелѣніе и исполнилъ приказаніе. Что же касается защиты Энзелей, то мы приступимъ къ тому, если встрѣтимъ непріязненныя противъ насъ дѣйствія Ага-Магометъ-хана.

Такой отвѣтъ заставилъ Аскера вступить на иной путь. Отправивъ Тумановскому въ подарокъ два персидскихъ платья въ 250 руб., одно платье женское, кинжалъ и поясъ съ драгоцѣнными камнями, онъ просилъ, чтобы по крайней мѣрѣ его съ сыновьями Гедаета и имуществомъ отправили въ Астрахань, но Тумановскій, принявъ подарки, отвѣчалъ, однакоже, что сдѣлаетъ это, если получитъ 50,000 рублей. Аскеръ не находилъ возможнымъ дать требуемую сумму и долго переговаривался съ Тумановскимъ какъ лично, такъ и чрезъ доктора Гедаетъ-хана. Скиличій былъ устраненъ отъ этихъ совѣщаній и спрашивалъ Тумановскаго, о чемъ они переговариваются между собою.

— Единственно о томъ, отвѣчалъ Тумановскій, — чтобъ ему съ дѣтьми хана ѣхать въ Астрахань на фрегатѣ.

— Что̀ же вы отвѣчали ему на это? спросилъ Скиличій.

---

[1]) Слѣдственное дѣло.

[2]) Государств. Арх., XXIII, № 13, пап. 51.

— А какъ бы вы желали, чтобъ я отвѣчалъ?—я ему отказалъ въ короткихъ словахъ.

— Прекрасно; вы точно слѣдуете приказаніямъ. — Развѣ въ томъ состоятъ данныя вамъ предписанія?—Я не понимаю вашихъ поступковъ, но знаю, что вы упустили случай, который никогда не повторится.

— Это не ваше дѣло, сказалъ съ сердцемъ Тумановскій,—я знаю, что̀ дѣлаю.

— Но имѣете-ли вы другія повелѣнія, кромѣ тѣхъ, какія мнѣ даны?

— Конечно, имѣю.

— Если имѣете-то покажите и я васъ безпокоить болѣе не буду въ разсужденіи всего того, что̀ вы впредь станете дѣлать.

— Повелѣнія эти до васъ не касаются, и я одинъ отвѣчаю за хорошія или дурныя слѣдствія по моимъ дѣламъ.

Скиличій настаивалъ на необходимости воспользоваться случаемъ, согласиться на просьбу Гедаетъ-хана и отправить его семейство въ Россію, но Тумановскій отвѣчалъ, что теперь рано и онъ самъ не упуститъ удобнаго времени. Время проходило. Аскеръ-ханъ продолжалъ свои переговоры съ Тумановскимъ и предлагалъ ему 200 батмановъ ($72\frac{1}{2}$ пуда) шелку, но тотъ не принялъ такого подарка, какъ маловажнаго, и просилъ болѣе. Докторъ Гедаетъ-хана по четыре раза въ день приходилъ договариваться о степени вознагражденія наличными деньгами, но продолжительное хожденіе его не увѣнчалось успѣхомъ. Доведенный до отчаянія неуступчивостью и корыстолюбіемъ Тумановскаго, Аскеръ-ханъ рѣшился прекратить переговоры.

— Лучше, сказалъ онъ,—погибнуть отъ руки непріятеля, чѣмъ быть одолженнымъ жизнью Тумановскому, который въ добавокъ, получивъ деньги, можетъ намъ измѣнить.

Аскеръ-ханъ уѣхалъ въ Перп-Базаръ, а Тумановскій успѣлъ убѣдить Скиличія въ необходимости потребовать, чтобы Гедаетъ-ханъ приказалъ уничтожить двѣ береговыя батареи, подъ тѣмъ предлогомъ, что отъ дѣйствія ихъ могъ быть нанесенъ вредъ нашимъ судамъ, а на самомъ дѣлѣ, чтобъ отнять у хана послѣд-

ній способъ къ защитѣ [1]). Рѣшившись погубить Гедаета, Тумановскій, подъ видомъ собственной защиты и будто для обороны русской колоніи, вытребовалъ отъ капитана 2-го ранга Аклечеева огнестрѣльные припасы и тайно передалъ ихъ врагамъ гилянскаго хана.

Вытѣсненный изъ Пери-Базара, Гедаетъ 1-го сентября отступилъ къ Энзелямъ. Три дня спустя, 4-го числа, войска Ага-Магометъ-хана подошли къ городу и, остановившись въ двухъ верстахъ, стали окапываться. До 30-го сентября обѣ стороны не предпринимали ничего рѣшительнаго, хотя перестрѣлка съ обѣихъ сторонъ и поддерживалась постоянно. Гедаетъ защищался весьма упорно, такъ что начальникъ войскъ Ага-Магометъ-хана отчаявался въ возможности взять Энзели и ему прислано уже было повелѣніе, если найдетъ много затрудненій въ покореніи города, стараться заключить выгодный договоръ съ Гедаетъ-ханомъ и отступить. Какъ только Тумановскій узналъ объ этомъ, онъ сталъ употреблять всѣ мѣры къ ободренію осаждавшихъ: посылалъ къ нимъ курьеровъ и обѣщалъ имъ помочь. Союзники его требовали, чтобы русскіе первые сдѣлали выстрѣлъ по Энзели. Тумановскій, конечно, не могъ на это согласиться и Ага-Топчи-Салманскій напрасно провелъ съ нимъ нѣсколько ночей. Тумановскій убѣдилъ его, наконецъ, въ нелѣпости требованій, но обѣщалъ оказать содѣйствіе во время штурма [2]).

Въ ночь на 30-е сентября, войска Ага-Магометъ-хана атаковали Энзели, и Гедаетъ защищался тамъ до тѣхъ поръ, пока не былъ зажженъ его дворецъ. Видя, что долѣе держаться здѣсь нѣтъ возможности, онъ сѣлъ съ однимъ изъ сыновей въ лодку и направился къ русской флотиліи, надѣясь найти на ней убѣжище. Прежде всего онъ причалилъ къ судну, на которомъ долженъ былъ находиться консулъ Скиличій, но узнавъ, что онъ у Тумановскаго, ханъ отправился къ нимъ. Подъѣхавъ подъ самое судно и скрываясь отъ постороннихъ, Гедаетъ послалъ своего секретаря, чтобы вызвать къ себѣ бывшаго при консульствѣ капи-

[1]) Показаніе капитана Калмыкова. Слѣдственное дѣло.

[2]) Рапортъ Скиличія генералу Потемкину, 3-го апрѣля 1787 года. Арх. Кабинета, св. 380.

тана Калмыкова и переговорить съ нимъ. Калмыковъ стоялъ возлѣ Скиличія, который и приказалъ ему сходить посмотрѣть, кто находится въ лодкѣ. Увидѣвъ Гедаетъ-хана, просившагося на фрегатъ, Калмыковъ сказалъ Скиличію и получилъ приказаніе не пускать его.

— Надѣньте на меня крестъ, кричалъ Гедаетъ, — пошлите куда угодно въ Россію, только примите къ себѣ со всѣми дѣтьми и имѣніемъ.

Калмыковъ вторично пошелъ къ Скиличію, который, по соглашенію съ Тумановскимъ, вышелъ самъ на палубу и, видя, что Гедаетъ-ханъ ухватился за конецъ каната, спущеннаго въ море, и лѣзъ на судно, приказалъ вырвать веревку и не пускать. Въ то же время онъ послалъ Калмыкова отыскать Талышенскаго хана Ала-Верды-бека, непримиримаго врага Гедаетъ-хана, и отдать послѣдняго въ руки непріятеля.

Калмыковъ спустился на киржимъ Гедаетъ-хана и оттуда пересѣлъ на лодку.

— Куда вы? спросилъ ханъ у Калмыкова.

— На судно консула Скиличія, отвѣчалъ тотъ обманчиво.

На половинѣ пути, Калмыковъ встрѣтилъ Ала-Верды-бека, уже искавшаго Гедаетъ-хана, и, пересѣвъ на киржимъ Талышенскаго хана, сказалъ ему, что Гедаетъ-ханъ находится у судна Тумановскаго.

Предатель и преслѣдователи подъѣхали къ судну.

— Гдѣ Гедаетъ? спросилъ громко Калмыковъ.

— Я здѣсь, отвѣчалъ ханъ, не подозрѣвая измѣны.

Послѣдовалъ выстрѣлъ изъ пистолета, и пуля попало прямо въ грудь несчастнаго хана. Онъ упалъ; Ала-Верды-бекъ вторично выстрѣлилъ и, отрѣзавъ у Гедаетъ-хана ухо, какъ доказательство совершеннаго подвига преступленія, самое тѣло выбросилъ изъ киржима въ море.

Энзели былъ разграбленъ; ханскій дворецъ тоже, персіяне ходили по домамъ и грабили; они раздѣлили между собою ханскихъ женъ и по указанію ихъ отыскивали деньги и драгоцѣнныя вещи, принадлежавшія Гедаетъ-хану и частію скрытыя въ землѣ. Гра-

бежъ города продолжался цѣлый день и къ вечеру зажжены были почти всѣ дома.

Несчастныя дѣти, скрываясь отъ убійцъ отца, насильно забрались на судно и умоляли Скиличія спасти имъ жизнь и отправить въ Россію, но на третій день были выданы начальнику Ага-Магометъ-хановыхъ войскъ, Мустафѣ-хану, а черезъ день было передано ему же нагруженное на нашихъ судахъ имущество злополучнаго хана [1]).

Тѣло Гедаета около трехъ дней было подъ водой, а затѣмъ всплыло на поверхность...

«Богъ, возводящій судьбу человѣка на высоту, писалъ Ага-Магометъ-хану генералъ Потемкинъ [2]), введенный въ заблужденіе первыми лживыми донесеніями о смерти Гедаетъ-хана,—даровалъ вамъ, знаменитый ханъ, желаемые успѣхи. При послѣднемъ завоеваніи вашемъ провинціи и Энзели видѣли вы ясно, сколь россійскіе начальники и корабли, въ портѣ Энзелинскомъ находящіеся, способствовали вашимъ успѣхамъ. Изъ сего заключить можете, что Россійская Имперія вамъ доброжелательствуетъ, и я надѣюсь, что при настоящихъ дѣлахъ вашихъ въ Персіи къ утвержденію власти вашей благорасположеніе Россіи и благость мудрой и славою блистающей императрицы нашей Екатерины Алексѣевны потребны».

Захвативъ въ свои руки Гилянскую провинцію, Ага-Магометъ-ханъ, какъ увидимъ, считалъ излишнимъ входить въ дружественныя сношенія съ Россіей.

Подъ предлогомъ поздравленія съ побѣдою Тумановскій послалъ къ Ага-Магометъ-хану за полученіемъ обѣщанныхъ денегъ армянина Хастатова, снабдивъ его подарками тысячи на двѣ [3]);

---

[1]) По словамъ судовщиковъ, на нашихъ судахъ было нагружено Гедаетъ-ханомъ: драгоцѣнныхъ камней и жемчуга 5 п. 10 ф., золота въ слиткахъ 262½ п., червонцевъ 300,000, нѣсколько бриллiантовыхъ перьевъ, 4,000 высокой цѣны конскихъ уборовъ, кинжалы, сабли, ковры, дорогія матеріи и проч. Общая цѣнность этихъ вещей доходила до 10 милліоновъ (Дополнительное показаніе генералъ-маіора Шишкина. Госуд. Архивъ, XXIII, № 14).

[2]) Въ письмѣ отъ 22-го декабря, № 1,152.

[3]) Хастатовъ отвезъ Ага-Магометъ-хану: столовые часы въ 350 руб., соболей 5 или 6 сороковъ, по 30 аршинъ бархату и атласу, нѣсколько аршинъ сукна, сахару, чаю, кофе и ящикъ водки въ 50 штофовъ.

но, лишившись и этихъ вещей, Тумановскій не получилъ ни одной копѣйки изъ обѣщанной суммы. Принявъ подарки, Ага-Магометъ заявилъ претензію, что ему выдано не все имущество Гедаетъ-хана, а только часть его, и что остальное скрыто консуломъ и Тумановскимъ. Заявленіе это сдѣлано было, конечно, съ тою цѣлью, чтобы не платить обѣщанныхъ денегъ и не придать слишкомъ большаго значенія тому дѣятельному пособію, которое было оказано Тумановскимъ въ борьбѣ его съ Гилянскимъ ханомъ. За расхищенныя вещи Ага-Магометъ требовалъ отъ Скиличія два милліона рублей серебромъ, и такъ какъ консулъ отказался платить и отрицалъ возводимое на него обвиненіе, то Ага-Магометъ приказалъ со всѣхъ товаровъ, идущихъ изъ Россіи, собирать пошлину по 25 коп. съ рубля.

Тумановскій былъ жестоко обманутъ и вскорѣ послѣ возвращенія въ Энзели получилъ лихорадку, и 17-го ноября умеръ [1]).

— По возвращеніи съ судна, говорилъ Скиличій въ своихъ показаніяхъ,—Тумановскій выходилъ весьма рѣдко и съ великимъ трудомъ. Стыдъ и огорченіе, что онъ былъ обманутъ и не получилъ обѣщанныхъ денегъ, угрызеніе совѣсти и опасеніе наказанія за свои поступки заставили его желать смерти. Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ онъ не вставалъ съ постели, не принималъ ни лекарства, ни пищи и только грызъ пальцы.

Печальная судьба Гедаетъ-хана и его кончина не возбудили сожалѣнія въ Россіи. «Всѣ притѣсненія, писалъ князь Таврическій [2]), дѣланныя русскимъ купцамъ отъ Гедаетъ-хана и его обманы, потерю его не дѣлаютъ чувствительною. Наблюдаемое же доселѣ поведеніе Магометъ-хана Испаганскаго подаетъ поводъ надѣяться всегда добраго съ нимъ согласія».

Такъ думалъ князь Потемкинъ въ первое время по полученіи

[1]) Поступки Тумановскаго и нашего консульства оставались неизслѣдованными до 1795 года, когда указомъ отъ 14-го ноября на имя адмирала Чичагова высочайше повелѣно ему составить подъ своимъ предсѣдательствомъ коммиссію и изслѣдовать обстоятельства, сопровождавшія кончину Гедаетъ-хана. По докладу коммиссіи 24-го декабря 1796 года, послѣдовало высочайшее повелѣніе, по которому надворный совѣтникъ Скиличій, капитанъ Калмыковъ и прапорщикъ Хастатовъ, по лишеніи чиновъ и дворянскаго достоинства, сосланы въ Сибирь въ каторжную работу.

[2]) Генералъ-поручику Потемкину отъ 25-го декабря 1786 года, № 232.

извѣстія о завладѣніи Ага-Магометъ-ханомъ Гилянскою провинціей, но когда онъ узналъ о поступкахъ хана, о наложеніи новой пошлины и, наконецъ, когда до него дошелъ слухъ о неблаговидныхъ поступкахъ нашего консульства, онъ долженъ былъ перемѣнить свое мнѣніе и принять иныя мѣры для обезпеченія нашего купечества. Возраставшее могущество хана Испаганскаго и не безуспѣшное его стремленіе къ единоначалію въ Персіи, заставили русское правительство назначить въ Персію своего повѣреннаго въ дѣлахъ. Такимъ лицомъ былъ избранъ канцеляріи совѣтникъ Сергѣй Лошкаревъ [1]). Снабженный открытою грамотой, необходимыми наставленіями и «особливыми довѣренными листами къ разнымъ тамошнимъ правителямъ, Лошкаревъ получилъ приказаніе отправиться въ Персію чрезъ Константинополь, дабы узнать вѣрнѣе настоящую связь тамошнихъ дѣлъ съ Портою» [2]).

Независимо отъ этого, князь Потемкинъ отправилъ въ Испагань капитана Ламиро-Качони съ письмомъ къ Ага-Магометъ-хану, въ которомъ свѣтлѣйшій писалъ, что онъ не преминулъ донести императрицѣ «объ усердномъ желаніи вашемъ учредить коммерцію между Россіей и Персіей и ея величество оказать соизволила свое на то благоволеніе. Таковыя вашей свѣтлости намѣренія, къ пользѣ обоихъ государствъ служащія, не менѣе достойны уваженія, какъ и побѣды вами пріобрѣтенныя. Я, имѣя полную мочь къ трактованію со всѣми сосѣдственными въ полуденномъ краю народами, не оставлю употребить моихъ стараній къ утвержденію ненарушимой связи между обоими государствами, къ приращенію взаимной пользы обитающихъ въ нихъ и къ пріобрѣтенію вашей пріязни».

Письмо это не достигло еще по назначенію, когда генералъ Потемкинъ получилъ донесеніе, что Ага-Магометъ-ханъ налагаетъ новыя пошлины на товары, захватываетъ нашихъ купцовъ, держитъ ихъ подъ стражей и даже старается захватить въ свои руки нашего консула. Скиличій доносилъ, что торговля стѣснена до крайности и купечество ничѣмъ не обезпечено отъ своевольства Ага-Магометъ-хана. Захвативъ въ свои руки многихъ гилян-

[1]) Архивъ Кабинета, св. 442.

[2]) Письмо князя Потемкина Булгакову, 13-го декабря, № 222.

скихъ старшинъ, Ага-Магометъ-ханъ отпустилъ ихъ изъ Тегерана съ требованіемъ заплатить такую сумму денегъ, которая превышала ихъ силы: на одного наложено было тридцать, на другаго—сорокъ и даже пятьдесятъ тысячъ рублей. Онъ опредѣлилъ всюду новыхъ правителей, вымогательство которыхъ зашло столь далеко, что, по выраженію консула, всѣ старосты и зажиточные люди «ввержены въ одинаковое несчастіе и истязуемы жестокимъ образомъ». Губернаторы собирали подати вдвойнѣ, а вслѣдъ затѣмъ пріѣхали особые коммиссары, которымъ приказано было разыскать и отобрать всѣ разграбленныя вещи Гедаетъ-хана. Коммиссары хватали по одному подозрѣнію и не щадили никого, не исключая и русскихъ. На нашихъ купцовъ были наложены новыя пошлины. Генералъ-поручикъ Потемкинъ призналъ необходимымъ для защиты нашего купечества усилить эскадру и приказалъ нѣсколькимъ военнымъ судамъ находиться постоянно въ виду Энзелей. Дворецъ и крѣпость въ Энзеляхъ были разрушены, изъ опасенія, что если они попадутъ въ руки русскимъ, то послѣдніе легко могутъ завладѣть всѣмъ Гиляномъ и предписывать законы Персіи [1]).

— Замѣшательство дѣлъ, говорилъ Потемкинъ,—въ каковое привелъ умершій надворный совѣтникъ Тумановскій, не легко исправить. Я не имѣю надежды, чтобъ Ага-Магометъ-ханъ почувствовалъ признательность: ибо если отъ сумасшествія или отъ предательства Тумановскаго сдѣланное ему пособіе при завладѣніи Энзели, выдача семейства и всего имущества Гедаетъ-хана не могли возбудить въ немъ признательности, то поворота отъ неблагодарности ожидать сомнительно.

Тѣмъ не менѣе, командующій кавказскимъ корпусомъ рѣшился обратить вниманіе Ага-Магометъ-хана на ту пользу, которую онъ можетъ извлечь изъ союза съ Россіей.

«Въ то самое время, писалъ П. С. Потемкинъ [2]),—когда ожидалъ я, почтенный ханъ, отъ васъ отвѣта на письмо его свѣт-

---

[1]) Рапортъ Скиличія Потемкину 3-го апрѣля 1787 года. Архивъ Кабинета, св. 380, ч. II.

[2]) Ага-Магометъ-хану 30-го апрѣля 1787 года, Государствен. Архивъ, № 13-й, папка 62.

лости генералъ-фельдмаршала Г. А. Потемкина, когда чаялъ, что завладѣніе вами Рештскою провинціей и сокрушеніе владѣтеля оной Гедаетъ-хана будетъ вамъ не малымъ обязательствомъ усилить благорасположеніе къ россійскому купечеству и благодарность къ престолу россійскому, получилъ я отъ находящагося консуломъ въ Энзели надворнаго совѣтника Скиличія рапорты, объясняющіе совсѣмъ противное ожиданію моему, противное заключенію, каковое имѣлъ его свѣтлость князь Г. А. Потемкинъ о благорасположеніи вашемъ. Не могу еще точно повѣрить, чтобы вы, будучи одарены разумомъ и многими талантами, вѣдая величество Россіи, премудрость, великолѣпіе и славу царствующей самодержицы, похотѣли что̀ сдѣлать ей непріятное и утѣснять ея подданныхъ.

«Читая рапорты нашего консула, усматриваю, что неудовольствіе ваше состоитъ въ томъ, что во время разграбленія Энзели, двое или трое армянъ были участниками въ грабежѣ дома Гедаетъ-ханова. Не оспариваю, что консулъ по первой принесенной ему жалобѣ долженъ былъ сдѣлать вамъ удовольствіе (удовлетвореніе), отыскать украденное и не мѣшкая возвратить; но, съ другой стороны, кажется, сія малая причина не могла побудить васъ на строгое обращеніе съ россійскимъ купечествомъ, а еще менѣе искать захватить консула.

«Вы пишете консулу, что купечество россійское можетъ торговать, а не грабить. Сіе изреченіе ваше правильно. Но какое же право имѣете вы россійскихъ купцовъ захватывать и держать подъ стражей? Если они въ чемъ поступили въ противность установленнымъ законамъ и порядку, будьте увѣрены, что при малѣйшей жалобѣ, всякое удовольствіе вамъ доставлено будетъ, но самовластно поступать противу россіянъ—есть оскорблять Россію.

«Въ положеніи вашемъ покровительство ея императорскаго величества вамъ весьма нужно. Пускай побѣдили вы Гедаетъ-хана, овладѣли областью и всѣмъ его имуществомъ, отдаю на совѣсть вашу почувствовать, что не успѣли бы вы, конечно, еслибы въ томъ Тумановскій и консулъ препятствовать стали.

«Объяснивъ вамъ обстоятельства, прошу россійскихъ купцовъ освободить и купечеству не дѣлать притѣсненія. Я надѣюсь, что вы, почтенный ханъ, справедливость моего требованіе исполните».

Письмо это вмѣстѣ съ объясненіями Лампро-Качони оказало свое дѣйствіе. Все еще имѣвшій внутреннихъ враговъ, Ага-Магометъ-ханъ старался не прерывать окончательно сношеній съ Россіей. Его визирь, Магометъ-Шефи, писалъ генералу Потемкину, чтобъ онъ не слушалъ «рѣчей несправедливыхъ, ибо между Россіей и Персіей никакихъ несогласій не бывало и не будетъ» [1]). Съ Лампро-Качони былъ отправленъ въ Петербургъ посланникомъ мирза Магометъ-Али «для утвержденія между Имперіей Всероссійскою и Персіей дружбы и согласія» [2]). При свиданіи съ консуломъ Скиличіемъ, Магометъ-Али увѣрялъ его, что онъ уполномоченъ обѣщать все то, что̀ русскій дворъ потребуетъ и въ особенности относительно торговли и заведеній какъ на берегахъ Каспійскаго моря, такъ и внутри Персіи, съ тѣмъ, однакоже, условіемъ, чтобы Россія не строила крѣпостей и укрѣпленій [3]).

Столь широкое полномочіе казалось должно было упрочить наши дружественныя сношенія съ Персіей, но на дѣлѣ оказалось противное. Отправленный въ Елисаветградъ къ князю Потемкину-Таврическому, Магометъ-Али скоро возбудилъ своими поступками нерасположеніе свѣтлѣйшаго. Человѣкъ строптивый и жестокій, онъ прибилъ однажды своего слугу и обѣщалъ убить его. Слуга бѣжалъ къ находившемуся въ Елисаветградѣ посланнику Дербентскаго хана и просилъ его спрятать въ своемъ домѣ.

— Если вы меня не спрячете, говорилъ слуга, — то я для избѣжанія смерти принужденъ буду принять христіанство.

Дербентскій посланникъ, Садыкъ-мирза, спряталъ преслѣдуемаго и хотѣлъ донести объ этомъ князю Потемкину, но Магометъ-Али, въ сопровожденіи своей свиты, ворвался въ его домъ, отыскалъ спрятавшагося и нанесъ ему смертельную рану кинжаломъ. Такой поступокъ возбудилъ всеобщее негодованіе и заставилъ свѣтлѣйшаго высказать Магометъ-Али все неприличіе его поступка. Въ отвѣтъ на это дерзкій персіянинъ сталъ поносить князя и наше правительство, за что̀ и былъ арестованъ.

---

[1]) Письмо Магометъ-Шефи отъ 14-го іюня. Государственный Архивъ, XXIII, папка 58.

[2]) Письмо Ага-Магометъ-хана консулу Скиличію безъ числа и мѣсяца.

[3]) Рапортъ Скиличія Потемкину 17-го апрѣля 1787 года. Арх. Кабинета, св. 380, ч. II.

«Взявъ съ собою 24 человѣка казаковъ Донскаго Денисова полка, при одномъ старшинѣ, писалъ свѣтлѣйшій надворному совѣтнику Петковичу [1]), имѣете вы отправиться въ Елисаветградъ. По прибытіи туда, слѣдовать вамъ въ квартиру присланнаго отъ Испаганскаго Ага-Магометъ-хана чиновника мирзы Магометъ-Али и вопросить его: правда ли что онъ осмѣлился испустить поносныя злословія, о которыхъ доноситъ на него переводчикъ Вартанъ Петровъ, и если онъ переводчикомъ въ томъ изобличенъ будетъ, то приставить къ нему тотчасъ же караулъ, приказавъ и его изъ квартиры не выпускать, и къ нему допускъ пресѣчь.»

Вскорѣ послѣ того Магометъ-Али былъ высланъ изъ Россіи и сношенія съ Ага-Магометъ-ханомъ прекращены.

«Какъ поступки Ага-Магометъ-хана и его посланнаго мало обѣщаютъ добра, писалъ свѣтлѣйшій генералъ-поручику Потемкину [2]), то нужно приласкать болѣе Муртаза-Кули-хана, брата его, усердіемъ и привязанностію къ Россіи отличающагося. Фрегатамъ прикажите быть близъ береговъ дербентскихъ, для пользы и помощи Муртазы-Кули-хану, если будетъ потребно. Баталіоны егерскіе нуждаются въ Грузіи въ провіантѣ; въ случаѣ неспокойствія защищать же они земли недостаточны. Подъ видомъ затрудненія въ хлѣбѣ прикажите ихъ вывести вонъ къ себѣ, а царь безъ нашихъ войскъ меньше будетъ имѣть къ себѣ прицѣпокъ.»

XI.

Пособіе царю Ираклію. — Вторженіе лезгинъ въ Грузію со стороны Ахалцыха. — Просьбы Ираклія о помощи.—Порученіе нашему посланнику сдѣлать энергическое представленіе, чтобы Порта запретила пашѣ Ахалцыхскому производить грабежи въ Грузіи.—Военныя приготовленія турокъ.—Переговоры Ираклія съ Сулейманомъ-пашой Ахалцыхскимъ.—Участіе въ переговорахъ царицы Дарьи. — Распоряженіе о возвращеніи русскихъ баталіоновъ на Кавказскую линію.

Въ концѣ 1785 года царь Ираклій снова обратился къ нашему правительству съ просьбой о присылкѣ ему 30,000 руб. Генералъ-поручикъ Потемкинъ отправилъ царю 4,000 червон-

[1]) Предписаніе надворному совѣтнику Петковичу отъ 17 го августа 1787 года, № 2,081.

[2]) Въ предписаніи отъ 19-го августа 1787 года, № 2,093. Исход. журн.

ныхъ и обѣщалъ прислать артиллерію, подаренную ему императрицею [1]).

Получивъ деньги, Ираклій передалъ ихъ Бурнашеву съ просьбой сохранить ихъ и не говорить никому.

— Если мои родственники, сказалъ царь,—узнаютъ о присылкѣ денегъ, то мнѣ сохранить ихъ будетъ невозможно.

Бурнашевъ исполнилъ просьбу Ираклія, но вскорѣ получилъ новую о присылкѣ еще двухъ баталіоновъ изъ Россіи. Царь увѣрялъ, что безъ прибавки русскихъ войскъ онъ не въ состояніи защитить Грузію отъ многочисленныхъ враговъ и въ особенности отъ лезгинъ, производившихъ безпрерывныя нападенія.

Дѣйствительно, въ мартѣ 1786 года, партія лезгинъ отогнала скотъ на рѣкѣ Алазани, другая, — вторгшись со стороны Ахалцыха, производила грабежи у Сурама и захватила человѣкъ двадцать поселянъ съ ихъ имуществомъ. Пограничныхъ постовъ въ Грузіи не существовало, и лезгины хозяйничали какъ у себя дома. Правда, что съ полученіемъ извѣстій о вторженіи непріятеля, Ираклій собралъ до 200 человѣкъ вооруженныхъ людей и, присоединивъ ихъ къ 150 человѣкамъ нашихъ егерей, выступилъ изъ Тифлиса, но отойдя 17 верстъ отъ города, принужденъ былъ остановиться по недостатку продовольствія. «За неимѣніемъ денегъ и хлѣба, доносилъ Бурнашевъ [2]), войскъ грузинскихъ нигдѣ не обрѣтается и земля сія какъ будто на расхищеніе вездѣ оставлена.»

Простоявъ трое сутокъ на одномъ мѣстѣ, Ираклій возвратился въ Тифлисъ. Это возвращеніе показало, что нашимъ баталіонамъ нечего разсчитывать на содѣйствіе туземныхъ войскъ и что вся тяжесть защиты Грузіи отъ внѣшнихъ враговъ лежитъ на обязанности русскихъ войскъ. Борьба съ хищниками не представляла еще особыхъ затрудненій, если бы наши войска могли находить продовольствіе на пути слѣдованія, но этого не было, и они ощущали недостатокъ въ пищѣ даже и въ томъ случаѣ, когда оставались на мѣстѣ.

[1]) Рапортъ Потемкина князю Таврическому 28-го января 1786 года, № 35. Госуд. Арх., XXIII, № 13, папка 57.

[2]) Въ рапортѣ Потемкину отъ 13-го марта 1786 года, Госуд. Архивъ, XXIII, № 13.

Необходимый для продовольствія войскъ хлѣбъ, грузинское правительство брало у жителей безплатно и тѣмъ заставляло ихъ скрывать свои запасы въ землѣ. Это обстоятельство вынудило князя Потемкина отправить въ Грузію провіантмейстера Козлянинова, которому поручено было заготовить провіанта столько, чтобы наши войска не нуждались въ довольствіи [1]).

«Каждый земледѣлецъ, писалъ ему князь Таврическій, охотно повезетъ къ вамъ остатки своего запаса, если будетъ увѣренъ, что продастъ оные сходною цѣной, безъ затрудненія и остановки, и получитъ за то чистыя деньги. Старайтесь передать имъ сіи мысли и утвердить ихъ въ оныхъ непремѣннымъ своимъ поведеніемъ».

Между тѣмъ, Ираклій увѣрялъ, что въ Грузіи достаточно запасовъ для значительнаго числа войскъ и вновь просилъ о помощи, такъ какъ, по полученнымъ имъ свѣдѣніямъ, лезгины собирались вторгнуться въ Грузію и произвести грабежъ въ большихъ размѣрахъ. Сулейманъ-паша призвалъ къ себѣ Омаръ-хана Аварскаго и, снабдивъ его деньгами, обѣщалъ еще бо̀льшія, если онъ будетъ поступать по его внушеніямъ [2]). Жадный до денегъ, Омаръ-ханъ всегда велъ переговоры съ нѣсколькими лицами и, получая отъ нихъ подарки, былъ временнымъ другомъ того, кто больше давалъ. Онъ принялъ предложеніе Сулеймана и явился въ Ахалцыхъ съ 7,000 человѣкъ лезгинъ, передовыя партіи которыхъ почти ежедневно вторгались въ Грузію. Одна изъ такихъ партій пробралась почти до самаго Тифлиса и въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города отогнала до 300 лошадей. Царевичъ Георгій хотя и преслѣдовалъ хищниковъ, но безуспѣшно. Царь просилъ Сулеймана не принимать къ себѣ лезгинъ и запретить имъ вторгаться въ его предѣлы. Сулейманъ отвѣчалъ, что готовъ исполнить просьбу, если царь дастъ слово не требовать въ помощь русскихъ войскъ, не приметъ артиллеріи, пожалованной ему императрицей и не будетъ прибѣгать къ содѣйствію русскихъ для отраженія своихъ враговъ. Если Ираклій согласится испол-

[1]) Ордеръ Козлянинову 23-го марта 1786 года, № 48.
[2]) Рапортъ Бурнашева генералу Потемкину 18-го апрѣля 1786 года.

нить это требованіе, то Ахалцыхскій паша обѣщалъ испросить у Порты утвержденіе его владѣтелемъ Ганжи, Эривани и многихъ сосѣднихъ съ Грузіей земель [1]). Царь отвѣчалъ, что, находясь подъ покровительствомъ Россіи, не можетъ вступать ни въ какіе переговоры помимо императрицы. Результатомъ такого отвѣта было появленіе лезгинскихъ партій въ разныхъ пунктахъ: на р. Алгетѣ, въ 30 верстахъ отъ Тифлиса, у Мцхета, у замка Карели, близъ Дигома, у Сурама и пр.

Разореніе селеній и новый уводъ плѣнныхъ вызвали со стороны нашего правительства требованіе, чтобы Порта воспретила пашѣ Ахалцыхскому содержать лезгинъ и направлять ихъ въ предѣлы Грузіи. Императрица повелѣла нашему посланнику въ Константинополѣ, Булгакову [2]), письменно предъявить турецкому министерству, «что мы не можемъ взирать равнодушно на молчаніе и медленіе Порты въ справедливыхъ нашихъ требованіяхъ, а потому указали вамъ объявить, что буде Порта оставитъ сего пашу безъ наказанія и смѣны за его дерзкіе поступки пособіемъ лезгинамъ прикоснуться къ границамъ подданнаго нашего царя Карталинскаго, мы въ полномъ правѣ себя почитаемъ и, конечно, не преминемъ употребить силы наши на помянутаго нарушителя покоя между двумя державами и упорство Порты вмѣнимъ въ сущее небреженіе ея быть въ добромъ съ нами согласіи. Какъ скоро только кто изъ министерства отзовется съ какимъ-либо непристойнымъ израженіемъ (выраженіемъ) относительно подчиненности намъ земель карталинскихъ, вы рѣшительно скажите, что ежели онъ дѣлаетъ подобныя изъясненія именемъ Порты, то мы признаемъ ихъ за сущее нарушеніе дружбы и самыя непріязненныя дѣйствія, къ каковымъ причисляемъ мы сохраненіе близъ границъ начальника безпокойнаго и попущеніе ему столь явно оказываемое.

«Разговаривая съ министрами и людьми въ дѣлахъ силу имѣющими, сами-ли или черезъ пріятелей вашихъ старайтесь внушить имъ, что затрудненія подобныя не принесутъ ни Портѣ добраго

[1]) Рапортъ Бурнашева генералу Потемкину 31-го мая, № 18. Надобно замѣтить, что Ганжа и Эривань принадлежали Персіи, а не Турціи.

[2]) Въ Указѣ отъ 17-го апрѣля 1786 года, Арх. Кабинета, св. 442.

плода, ни самимъ правителямъ дѣлъ пособія въ прочномъ сохраненіи ихъ, ибо, истоща терпѣніе наше, не обойдемся мы, наконецъ, безъ крайнихъ мѣръ, а неминуемыя изъ того бѣдственныя послѣдствія, не на чей счетъ, какъ на ихъ собственный отнесутся».

Пока повелѣніе императрицы достигло до Булгакова и онъ переговаривался съ Портою, Сулейманъ-паша распускалъ слухъ, что султанъ прислалъ ему множество подарковъ и 44,000 червонныхъ, для раздачи адербеджанскимъ ханамъ и дагестанскимъ старшинамъ, съ тѣмъ, чтобъ они дѣйствовали противъ Грузіи. При этомъ говорили, что Омаръ-ханъ Аварскій вторгнется въ Кахетію, самъ Сулейманъ — въ Карталинію, а адербеджанскіе ханы — со стороны Ганжи и татарскихъ провинцій.

Слухъ этотъ и планъ враговъ Грузіи крайне безпокоилъ Ираклія. «По истинѣ объявляемъ, писалъ онъ П. С. Потемкину [1]), что таковой опасности, какой нынѣ Грузія подвержена, никогда не бывало; и послѣ смерти великаго шаха Аббаса такого разоренія не было, какъ нынѣ. Ваше превосходительство видите, какъ намъ, такъ и царству нашему весьма нужно ваше вспомоществованіе».

Ираклій просилъ, не ожидая разрѣшеній изъ Петербурга, поторопиться присылкою помощи и поступить согласно трактату хотя бы для того, «чтобы толикія безвинныя христіанскія души не потерпѣли за вѣрность ея величеству. Дайте имъ спасеніе, да не возгласится въ свѣтѣ слово, что во время великой Екатерины и по соединеніи съ Россіей Грузія исчезла.

«Если вы знаете, что чрезъ паденіе царства Грузинскаго Россійская Имперія будетъ имѣть пользу или прибыль, то какъ вамъ угодно, такъ и поступите. Дайте такую помощь, чтобы (Грузія) противиться могла противъ непріятелей. Если помощи не будетъ, то вторично просимъ для Бога дать намъ справедливый (откровенный) отвѣтъ, чтобы толикое число христіанскихъ душъ вѣчно не потерпѣли. И того довольно, что прошлаго и третьяго года потерпѣла Грузія».

---

[1]) Въ письмѣ отъ 6-го августа 1786 г. Госуд. Арх., XXIII, № 13, п. 51.

Царь умолялъ Потемкина не сѣтовать на то, что онъ такъ часто надоѣдаетъ своими просьбами.

— Когда человѣкъ имѣетъ какую-либо болѣзнь, говорилъ Ираклій,—то естественно, что онъ охаетъ и горюетъ. Что дѣлать? единую надежду имѣемъ на васъ, и къ кому, если не къ вамъ долженъ прибѣгнуть, кому объявить свою болѣзнь? Если прибѣгну къ туркамъ, они охотно примутъ насъ; обращусь къ персіянамъ, они помилуютъ насъ, да и дагестанцы не откажутся принять насъ. Чье же должно искать мнѣ покровительство, кромѣ россійской императрицы?

Категорически постановленный вопросъ этотъ заставилъ наше правительство снова требовать отъ Порты, чтобъ она воспретила пограничнымъ управителямъ производить вторженія въ Грузію. Императрица Екатерина II поручила Булгакову вновь подтвердить министерству турецкому, что предѣлы владѣній царя Грузинскаго «суть границы наши и что прикосновеніе къ нимъ удостовѣритъ насъ въ полной мѣрѣ въ нежеланіи Порты сохранять съ нами миръ и спокойствіе». Въ случаѣ согласія турецкаго правительства исправить свои ошибки и возстановить дружественныя сношенія, императрица уполномочила Булгакова [1]) увѣрить Порту, что мы никогда не искали войны, да и не имѣли бы ея съ Портой, еслибы турки сами къ тому насъ не побудили; что и теперь отъ нихъ зависитъ сохранить миръ, оставаясь спокойными и не подкрѣпляя ни прямо, ни посредственно своевольствъ тамошнихъ народовъ; что распространеніе торговли, на обѣ стороны выгодной, сопряженное съ мирнымъ и согласнымъ съ сосѣдями пребываніемъ, мы, конечно, предпочитаемъ всякому завоеванію, не имѣя въ семъ послѣднемъ нужды по пространству и величеству Имперіи нашей».

Считая еще рановременнымъ открыто вступать въ непріязненныя съ нами отношенія, Порта отправила Сулейману строгое приказаніе не подавать никакого повода къ столкновенію съ Россіей, но въ то же время сама, въ тайнѣ, готовилась къ открытію военныхъ дѣйствій. Въ Поти прибыли два военные и 15 транспорт-

[1]) Въ рескриптѣ отъ 8-го августа 1786 г. Арх. Кабинета, св. 442.

ныхъ судовъ, нагруженныя значительными боевыми и продовольственными припасами. Какъ въ этомъ городѣ, такъ и въ Батумѣ турки выгружали артиллерію и построили укрѣпленіе между рѣкой Ріономъ и озеромъ Палеостомомъ. Для работъ этихъ были присланы изъ Константинополя четыре иностранца. Построивъ укрѣпленіе, они обучили 60 человѣкъ турокъ дѣйствію при орудіяхъ. Ходили слухи, что въ Анатоліи сосредоточено было до 35,000 турокъ и, что въ Ахалцыхъ прибылъ капиджи-баша, которому поручено было собрать въ окрестностяхъ этого города до 12,000 человѣкъ лезгинъ.

Эти извѣстія съ одной стороны, а съ другой—запрещеніе Сулейману нарушать спокойствіе границъ, указывали, что всѣ приготовленія турокъ имѣютъ характеръ оборонительный и что они опасаются, чтобы Россія не двинула своихъ войскъ черезъ Грузію.

— Напрасно такое ихъ безпокойство, говорила императрица;— на случай съ ними войны, нѣтъ намъ надобности заготовлять себѣ путь черезъ сію землю, будучи въ силахъ открыть себѣ дорогу всюду. Турки не забыли, конечно, переправы нашей черезъ Дунай, хотя мы судовъ и не имѣли; не забыли они паденія ихъ крѣпостей и должны знать, что искусные полководцы не ведутъ второй войны однообразно съ первою и не ходятъ по той дорогѣ, гдѣ ихъ ожидаютъ.

Тѣмъ не менѣе, слухъ о приготовленіяхъ турокъ не могъ не безпокоить царя Ираклія и даже полковника Бурнашева, въ распоряженіи котораго, за исключеніемъ больныхъ и слабыхъ, было не болѣе тысячи человѣкъ, безъ кавалеріи, необходимой для сторожевой и аванпостной службы.

«Богъ благословляетъ иногда, доносилъ Бурнашевъ [1]), — и малое число храбрыхъ войскъ великими побѣдами въ возможныхъ предѣлахъ, но въ разсужденіи продовольствія, на случай прихода турецкихъ войскъ, потерпѣть могутъ неминуемое бѣдствіе, ибо не только нѣтъ и не приготовляется запасный провіантъ, но съ крайними хлопотами и настоящій (текущій) доставляется. Сіе происходитъ не отъ недостатка въ хлѣбѣ, но по невѣроятно разстроенному грузинскому правленію и по недостатку въ деньгахъ.

[1]) Въ рапортѣ отъ 10-го августа 1786 г., № 28.

«Донося о семъ, осмѣливаюсь всепокорнѣйше представить, что нужно необходимо оказать странѣ сей подкрѣпленіе и тѣмъ оживить надежду народа грузинскаго, въ крайнее уныніе пришедшаго. По причинѣ разрушенія мостовъ и дороги въ горахъ отчаяваются они получить защищеніе и, опустя руки, ни мало не приготовляются къ оборонѣ. По настоящему ихъ расположенію, весьма не трудно предвидѣть, что когда вступитъ въ здѣшніе предѣлы турецкій корпусъ, то городъ и народъ не укоснятъ отдаться на дискрецію сильнѣйшаго, хотя и въ противность желанію его высочества царя».

Генералъ Потемкинъ не вѣрилъ, чтобы столь большая опасность угрожала Грузіи, но для успокоенія Ираклія принялъ мѣры къ починкѣ дороги при помощи нашихъ войскъ и осетинъ, и сосредоточилъ у Владикавказа три баталіона пѣхоты, четыре эскадрона драгунъ и казачій полкъ, говоря, что при первой надобности двинетъ ихъ въ Грузію [1]).

Имѣя среди осетинъ многихъ лазутчиковъ, Сулейманъ-паша скоро узналъ о распоряженіяхъ П. С. Потемкина и почти одновременно съ этимъ получилъ извѣстія, что всѣ турецкія войска, сосредоточенныя на мало-азіятскихъ границахъ, поручены главному начальству Баталъ-паши. Послѣднее обстоятельство было особенно непріятно ахалцыхскому пашѣ. Стремясь къ независимости и имѣя въ лицѣ Баталъ-паши личнаго врага, Сулейманъ опасался близкаго присутствія турокъ гораздо болѣе, чѣмъ русскихъ. Чтобъ избавиться отъ наблюденій Баталъ-паши, онъ рѣшился прибѣгнуть къ хитрости и въ концѣ августа посланный Ахалцыхскаго паши прибылъ въ Тифлисъ съ предложеніемъ, чтобы царь заключилъ мирныя условія съ Портой и сообщилъ ихъ верховному визирю.

Предложеніе это было болѣе чѣмъ странно, но необходимо для Сулеймана. Съ отправленіемъ условій, заключенныхъ съ Ираклiемъ, Сулейманъ могъ убѣдить верховнаго визиря въ безопасности границъ Ахалцыхскаго пашалыка и слѣдовательно въ безполезности содержать въ сборѣ турецкія войска, имѣть которыя вблизи сво-

[1]) Письмо Потемкина Ираклію 23-го августа Госуд. Арх., XXIII, пап. 57.

ихъ владѣній, онъ вовсе не желалъ. Удаленіе войскъ было полезно и для Ираклія, и потому послѣ непродолжительныхъ взаимныхъ совѣщаній, происходившихъ безъ участія полковника Бурнашева между царемъ Грузіи и уполномоченнымъ Сулеймана, было заключено условіе, по которому обѣ стороны обязались не причинять другъ другу ни обидъ, ни разореній. Для защиты Грузіи отъ непріятельскихъ вторженій, Ираклій могъ употреблять русскія войска, но съ тѣмъ, чтобъ онъ не имѣлъ ихъ болѣе трехъ тысячъ человѣкъ [1]) и не просилъ объ увеличеніи числа ихъ. Сулейманъ обѣщалъ за то не призывать и не содержать у себя лезгинъ, не покупать и не продавать на азіятскихъ рынкахъ грузинскихъ подданныхъ, не имѣть никакихъ сношеній съ непріятелями Грузіи и на ея границахъ не содержать султанскихъ войскъ. Хотя на заключеніе послѣдняго обязательства Сулейманъ, какъ подданный султана, и не имѣлъ никакого права, но Ираклій счелъ свое положеніе до того безвыходнымъ, что готовъ былъ заключить завѣдомо неисполнимое условіе, лишь бы временно ослабить разоренія, причиняемыя вторженіями лезгинъ. Руководимый желаніемъ доставить спокойствіе своимъ подданнымъ, царь легко согласился на отправленіе письма верховному визирю и вручилъ его посланному Сулеймана.

«Во время нападенія на насъ непріятелей, писалъ Ираклій визирю [2]), принуждены мы были всегда искать помощи у нашихъ сосѣдей, хотя никогда не имѣли мы желаемаго успѣха. Одна только Россія намъ и предкамъ нашимъ чинила сильныя вспомогательства, почему и теперь прибѣгли мы къ высочайшему россійскому двору. Ея величество всемилостивѣйше удостоила насъ своимъ покровительствомъ, пожаловавъ намъ 3,000 своихъ войскъ, для защиты насъ отъ непріятелей. Уже минуло три года, какъ россійскія войска находятся въ нашемъ владѣніи, однакоже, подданнымъ его султанова величества ни тайнымъ, ни явнымъ образомъ ни малѣйшихъ не дѣлали мы обидъ, а впадающимъ только

[1]) Собственно русскихъ войскъ въ Грузіи было не болѣе 1,500 человѣкъ, но Ираклій, обязавшись не вводить въ свое владѣніе новыхъ, съ умысломъ показалъ ихъ въ 3,000 человѣкъ.

[2]) Госуд. Арх., XXIII, № 13, пап. 51.

въ наши земли непріятелямъ, по возможности силъ нашихъ, чинили сопротивленіе. Напротивъ того, Сулейманъ-паша, узнавъ о прибытіи къ намъ россіянъ, призвалъ въ Ахалцыхъ дагестанцевъ, которые, разграбивъ многія деревни въ Грузіи, побили и увели въ плѣнъ множество нашихъ подданныхъ. А какъ между обѣими высокими державами состоитъ миръ, то мы, избѣгая причины къ неудовольствію султана, оставили такіе набѣги безъ наказанія, въ чемъ могутъ свидѣтельствовать наши сосѣди, подвластные Высокой Портѣ.

«Теперь Сулейманъ-паша, желая пребывать съ нами въ дружбѣ, прислалъ къ намъ своего кегаія, съ которымъ и условились мы, что пожалованныя намъ три тысячи русскихъ войскъ противъ непріятелей нашихъ останутся безъ умноженія, пока обѣ высокія державы будутъ въ мирѣ. Сулейманъ-паша обѣщается дагестанцевъ въ Ахалцыхъ не призывать, находящихся тамъ выслать и своими войсками Грузіи никакого вреда не дѣлать, нашихъ подданныхъ продавать и покупать въ Ахалцыхѣ не дозволять, съ нашими непріятелями ни тайно, ни явно сношенія не имѣть и войскъ султанскихъ на границахъ нашихъ не содержать.

«О чемъ васъ симъ письмомъ увѣдомляемъ».

Письмо это, конечно, не удовлетворяло Сулеймана, желавшаго, чтобъ Ираклій искалъ покровительства султана, и паша, отказавшись подписать заключенныя условія, возвратилъ обратно грузинскихъ посланныхъ. Сулейманъ писалъ, что если Ираклій «желаетъ сдѣлать доброе дѣло для своихъ подданныхъ, то чтобъ учредилъ порядокъ въ своей странѣ и привелъ деревни въ оборонительное положеніе, дабы, говорилъ паша съ ироніей, *нѣсколько нападниковъ лезгинскихъ не разорили всей Грузіи*. Я же удержать ихъ не въ силахъ, потому что они меня не слушаютъ. Впрочемъ, что касается союза и дружбы между нами, то я не только стараться буду, дабы онаго не лишиться, но буду всячески оказывать вамъ опыты моей дружбы».

«Мое намѣреніе, писалъ паша царю Ираклію II въ другомъ письмѣ [1]), доставить вамъ прежнее ваше благополучное состоя-

[1]) Полученномъ 29-го октября 1786 г. Гос. Арх., XVI, № 799.

ніе, исходатайствовать вамъ отъ великаго султана милости и почести превосходнѣе тѣхъ, коими передъ симъ были вы удостоены и утвердить между нами неразрывную дружбу и союзъ на такомъ основаніи, дабы и потомки наши могли онымъ наслаждаться.

«Письмо ваше къ визирю Азаму, привезенное сюда моимъ кегаіемъ, хотя и не можетъ понравиться ему, однакожь, представляя оное, употребилъ я все возможное въ вашу пользу, дабы вы получили желаемый вами отвѣтъ, а съ нимъ слѣдующія вамъ по справедливости отъ Высокой Порты милости... Учиненная, однакоже, въ сердцѣ нашемъ рана, до тѣхъ поръ будетъ неизлечима, покуда находящійся въ ней тернъ не будетъ совершенно исторгнутъ. И для того, для точнаго увѣренія въ преданности вашей великому султану, пошлите ко двору двухъ вашихъ чиновниковъ, вмѣсто аманатовъ и посовѣтуя съ кѣмъ надлежитъ, пожалуйте намъ рѣшительный отвѣтъ... Такимъ образомъ, окончимъ наши дѣла въ самомъ скоромъ времени. Да укрѣпитъ Богъ неразрывный союзъ навсегда! Старайтесь только возвратить вашихъ сыновей изъ чужихъ странъ, о чемъ васъ искренно прошу. Сіе послужитъ къ вашему благополучію, и если вы мнѣ почитаетесь братомъ, то не пренебрегайте симъ полезнымъ совѣтомъ».

Въ половинѣ декабря 1786 года, Сулейманъ вновь прислалъ въ Тифлисъ своего посланнаго, съ словеснымъ предложеніемъ удалить русскихъ изъ Грузіи и возвратить дѣтей своихъ (Миріана и Антонія) изъ Россіи, за что̀ султанъ обяжется исполнить всѣ желанія Ираклія. Если же русскіе останутся по прежнему въ Грузіи, то въ увѣреніе, что они не причинятъ никакого вреда областямъ турецкимъ и царь не будетъ требовать увеличенія числа ихъ, прислалъ бы онъ въ Ахалцыхъ двухъ аманатовъ изъ лучшихъ княжескихъ грузинскихъ фамилій. За это Сулейманъ обѣщалъ не вредить Грузіи, выслать всѣхъ лезгинъ изъ своихъ владѣній, возвратить плѣнныхъ и принудить повиноваться царю отложившихся отъ него персидскихъ хановъ [1]).

Обѣщаніе выслать лезгинъ изъ Ахалцыхскаго пашалыка было весьма важно для грузинъ. Они столько терпѣли отъ ихъ грабежей и насилій, что Ираклій, желая положить конецъ разоренію

[1]) Переводъ письма Сулеймана. Госуд. Арх., XXIII, № 13, пап. 59.

своихъ подданныхъ, выдавалъ отцу Омаръ-хана Аварскаго по тысячѣ рублей въ годъ, самому хану 6,500 р. и искалъ даже случая породниться съ нимъ. Царь сговорилъ дочь хана за старшаго своего сына Георгія, но бракъ этотъ не состоялся, и Аварскій ханъ по прежнему производилъ грабежи въ Грузіи. Впослѣдствіи, наслѣдуя своему отцу, Омаръ-ханъ также предлагалъ выдать свою сестру за царевича Вахтанга, получилъ за это подарки на двѣ тысячи рублей, но потомъ отказался и, врываясь въ предѣлы Грузіи, грабилъ, жегъ и уводилъ въ плѣнъ жителей. Понятно, что при такихъ отношеніяхъ высылка лезгинъ изъ главнаго ихъ гнѣзда Ахалцыха и личное расположеніе Сулеймана было весьма важно для Ираклія, и потому, тотчасъ же по пріѣздѣ въ Тифлисъ посланнаго паши, царь приказалъ собраться въ Сагореджо царевичу Георгію, католикосу и всѣмъ знатнымъ особамъ. Прибывъ туда же 18-го декабря, Ираклій, по совѣщаніи съ собравшимися, объявилъ полковнику Бурнашеву, что, по единодушному желанію и согласію всѣхъ чиновъ царства и народа, намѣренъ онъ послать въ Ахалцыхъ требуемыхъ Сулейманомъ аманатовъ и что принуждается онъ къ такому поступку своими подданными по крайней необходимости избавить ихъ отъ разоренія турокъ. Бурнашевъ замѣтилъ Ираклію, что, по четвертому параграфу трактата, онъ обязанъ обо всѣхъ своихъ предположеніяхъ сноситься съ пограничными начальниками. Ираклій отвѣчалъ, что напишетъ генералъ-поручику Потемкину, но, не дождавшись отвѣта, отправилъ въ Ахалцыхъ князей Николая Орбеліани и Теймураза Цицianова, для болѣе точнаго узнанія истинныхъ видовъ Сулеймана [1]).

Такая торопливость и заискиваніе царя у турокъ не могли не удивить П. С. Потемкина. «Я поспѣшаю, писалъ онъ [2]), отправленіемъ обратно присланнаго ко мнѣ отъ вашего высочества князя Зазу Салагаева и съ нимъ отвѣтъ мой на письмо ваше, содержаніе котораго видя, крайне скорблю, что совѣтъ вельможъ вашихъ попускается на готовность выполнить требованія Сулеймана-паши Ахалцыхскаго. По силѣ заключеннаго вами трактата

[1]) Рапортъ Бурнашева 29-го декабря 1786 года, № 39.

[2]) Въ письмѣ Ираклію отъ 11-го января 1787 г. Государ. Арх., XXIII, п. 62.

съ Имперіей Всероссійскою четвертаго артикула, обязались вы торжественно совѣтоваться съ пограничнымъ начальникомъ во всякомъ сношеніи съ окрестными владѣтелями и во всякомъ случаѣ, когда отъ сосѣдей посланцы будутъ присылаемы. Выполняя силу сего артикула, мой долгъ требуетъ представить вашему высочеству и совѣтовать, чтобы вы не отдавали Ахалцыхскому пашѣ аманатовъ, а притомъ прошу покорно разсмотрѣть всѣ требованія Сулейманъ-паши и цѣль всѣхъ его къ вамъ отношеній.

«Съ самыхъ тѣхъ поръ, какъ началъ онъ съ вашимъ высочествомъ имѣть переписку или переговоры, требованія его состояли въ слѣдующемъ:

«1. Обольщая разными мнимыми выгодами поколебать вѣрность вашу къ Россіи и сдѣлать царское лицо ваше вѣроломнымъ.

«2. Чтобы вывести войска россійскія изъ Грузіи и, избавясь грозныхъ защитниковъ Грузіи, обнажить оную отъ обороны, ибо, еслибы войска наши не были имъ грозны, не имѣлъ бы онъ надобности искать о выводѣ ихъ изъ Грузіи.

«По симъ двумъ главнымъ требованіямъ не видя успѣха, нынѣ предлагаетъ онъ новыя, не менѣе лукавыя, хотя и не столь упорныя, а именно:

«3. Чтобы ваше высочество дали ему обязательство, дабы за учиненныя имъ и по его замысламъ и наущеніямъ отъ лезгинъ царству грузинскому разоренія уничтожить и не взыскивать. Сей самый артикулъ довольно ясенъ, что Сулейманъ-паша пріемлетъ благовременно мѣры, обольстивъ васъ мнимымъ добронамѣреніемъ, остаться самому безъ отвѣта.

«4. Сулейманъ-паша требуетъ изъ князей грузинскихъ двухъ аманатовъ. Трудно-ли разобрать его и въ семъ случаѣ подлогъ, который ищетъ онъ обратить на вредъ вамъ и царства грузинскаго.

«5. Обѣщаетъ паша присланныя отъ Порты грамоты къ адербеджанскимъ ханамъ удержать и стремленіе ихъ на Грузію остановить. Легко и здѣсь разобрать можете, что удержать оныя Сулейманъ-паша не посмѣлъ бы, когда бъ отъ Порты оныя велѣно было послать.

«Высочайшій ея величества дворъ не пренебрегъ интересовъ царства грузинскаго и вся мнимая дружба Сулейманъ-паши приняла поворотъ свой едва ли не по тѣмъ требованіямъ, кои дворъ императорскій настоялъ у Порты».

Въ виду усложнявшихся политическихъ обстоятельствъ и неизбѣжнаго разрыва Россіи съ Турціей, генералъ-поручикъ Потемкинъ просилъ Ираклія не входить въ союзныя отношенія съ пашой Ахалцыхскимъ и ни въ какомъ случаѣ не выдавать ему аманатовъ. Царь отвѣчалъ, что онъ отправилъ уже посланныхъ въ Ахалцыхъ, постарается отдѣлаться отъ выдачи аманатовъ, но страшится за послѣдствія. Ираклію жаль было не воспользоваться хотя временнымъ расположеніемъ паши, тѣмъ болѣе, что Россія и Турція не имѣли еще явнаго разрыва. «Что за важное дѣло, спрашивалъ царь [1]), быть двумъ нашимъ аманатамъ въ Ахалцыхѣ? Коль же скоро нарушится миръ между двумя государями, то тогда мы тѣхъ людей вывесть оттуда можемъ. А еслибъ и остались они въ ихъ рукахъ, весьма легко можно для службы и вѣрности ея величеству ихъ тамъ оставить».

Между тѣмъ, Сулейманъ-паша употреблялъ всѣ усилія къ тому, чтобы примириться съ Иракліемъ и добиться выдачи аманатовъ. Паша выслалъ за посланными конвой и принялъ ихъ весьма ласково [2]). Имѣя повелѣніе вывѣдать истинныя намѣренія Сулеймана, князья Орбеліани и Циціановъ не разубѣждали пашу въ нежеланіи царя выдать аманатовъ, и Сулейманъ представилъ Портѣ о возможности отклонить Ираклія отъ союза съ Россіей. Изъ Константинополя тотчасъ же былъ отправленъ съ большими подарками капиджи-баша, съ порученіемъ вмѣстѣ съ Сулейманомъ заключить постановленіе съ царемъ Иракліемъ.

Послѣдняго достигнуть было не такъ легко. Ираклій зналъ вѣроломство турецкаго правленія, жестокость въ обращеній съ христіанскими подданными и, наконецъ, непрочность своего царствованія, если поступитъ подъ покровительство Турціи. Царь зналъ, что Сулейманъ непримиримый его врагъ и союзныя отно-

---

[1]) Потемкина въ письмѣ 15-го февраля 1787 года. Госуд. Арх., XXII, п. 58.
[2]) Рапортъ Бурнашева отъ 3-го января 1787 года. Тамъ же, п. 59.

шенія съ нимъ не могутъ быть искренни. Если нѣкоторые грузины и искали соединенія съ турками, то всѣ они принадлежали къ партіи царицы Дарьи. Желая раздѣлить Грузію между всѣми сыновьями Ираклія, царица знала, что наслѣдникъ, ея пасынокъ, царевичъ Георгій, не допуститъ этого и тѣмъ болѣе, что русское правительство высказалось уже противъ подобнаго раздробленія, влекущаго за собою междоусобія. Царица Дарья имѣла многихъ приверженцевъ среди князей, пользовавшихся наслѣдственно государственными должностями и опасавшихся потерять ихъ при русскомъ вліяніи. Опираясь на довольно сильную партію и пользуясь огромнымъ вліяніемъ на Ираклія, Дарья не успѣла, однакоже, достичь желаемыхъ успѣховъ, хотя и содѣйствовала временному сближенію своего мужа съ Сулейманомъ.

Во второй половинѣ февраля былъ полученъ въ Ахалцыхѣ фирманъ о близкомъ разрывѣ съ Россіей и съ увѣдомленіемъ, что 52,000 турецкихъ войскъ будутъ двинуты къ Арпачаю. Назначивъ Сулеймана сераскиромъ, Порта требовала отъ него заготовленія провіанта и всего необходимаго для войскъ. Сообщая объ этомъ грузинскимъ посланнымъ, Сулейманъ увѣрялъ ихъ, что желаетъ сохранить мирныя отношенія и приглашалъ на свиданіе или самого Ираклія, или старшаго сына его Георгія [1]). «Пусть государи, писалъ при этомъ Сулейманъ царицѣ Дарьѣ [2]), дѣлаютъ то, что они намѣрены; мы же должны стараться о пользѣ нашихъ владѣній. Семь или восемь царей (?) имѣли прибѣжность къ Россіи, но безъ успѣха. Теперь увидимъ, могу ли я предъ другими сдѣлать болѣе пользы брату моему царю и его дѣтямъ».

При содѣйствіи капиджи-баши и стараніяхъ Сулеймана было заключено условіе, по которому царь обязался выдать аманатовъ, а паша, подъ клятвой, обѣщалъ не предпринимать ничего противъ Грузіи и выслать лезгинъ изъ своихъ владѣній. «Итакъ, миръ совершенно утвержденъ, писали посланные Ираклію, и лезгины высланы».

Спустя нѣсколько дней по заключеніи условій, въ Ахалцыхъ прибыли представители хановъ Шушинскаго, Хойскаго и Авар-

[1]) Донесеніе посланныхъ Ираклію 25 го февраля. Госуд. Арх., XXIII, п 58.
[2]) Въ письмѣ отъ 28-го февраля 1787 года. Тамъ же.

скаго. Они единогласно просили пашу не заключать никакихъ условій съ царемъ, который, по ихъ словамъ, «имѣлъ четыре ноги, изъ коихъ три у него отняты и онъ держится теперь только на одной». Сулейманъ не согласился исполнить ихъ просьбу и писалъ Ираклію [1]) что «заключенный между нами на крѣпкомъ основаніи союзъ утверждаетъ нелицемѣрное ваше къ султану усердіе, а ко мнѣ братство и дружбу».

«Теперь, для увѣренія султана, что вы стоите на пути правды и справедливости и для полученія отъ него милостиваго фирмана, нужно вамъ стараться отдалить отъ себя чужестранныя войска и разломать сдѣланную дорогу, а послѣ сего съ другими государями не соединяться и къ султану послать прошеніе, изъявляющее вашу искренность. Я заключаю, что таковой поступокъ не можетъ быть вамъ не только вреденъ, но получите милостивый фирманъ и многія султанскія благодѣянія.

«Посылаемъ къ вамъ Ейваса, чтобы вы, не имѣя никакого сомнѣнія, прислали ваше прошеніе, о чемъ и князья вамъ донесутъ».

Требованіе Сулеймана несогласно было съ видами царя Ираклія, никогда не желавшаго подчиняться Турціи и искать ея покровительства. По совѣту полковника Бурнашева, Ираклій отказался писать султану.

«Письма ваши и нашихъ князей, отвѣчалъ царь Сулейману [2]), мы получили черезъ Ейваса и словесныя донесенія его выслушали. Мы никогда не дѣлали огорченія его султанову величеству, а только для сохраненія царства нашего просили мы отъ ея величества нѣсколько войскъ, безъ намѣренія безпокоить нашихъ сосѣдей. Вы, возмутивъ адербеджанцевъ и дагестанцевъ, три года давали у себя убѣжище лезгинамъ, кои разоряли и опустошали наши земли, продавая полученную добычу въ областяхъ вамъ подвластныхъ. Мы, однакоже, войсками нашими не сдѣлали ни малѣйшаго вреда подданнымъ его султанова величества, что вамъ довольно извѣстно. Напослѣдокъ оказалось искреннее желаніе съ обѣихъ сторонъ заключеніемъ союза и дружбы прекратить вражду

[1]) Въ письмѣ, полученномъ 21-го мая 1787 г. Гос. Арх., XXIII, п. 60.
[2]) Письмо безъ числа и мѣсяца. Госуд. Арх., XXIII, № 13, пап. 60.

и разореніе. Для исполненія сего прислали вы Кетхуду кегаія-бея, коему дали мы увѣреніе о твердомъ нашемъ намѣреніи не дѣлать ничего противнаго его султанову величеству.

«Однако вы, не надѣясь на сіе увѣреніе, требовали отъ насъ аманатовъ. Мы, продолжая оказывать наклонность къ возстановленію тишины и дружбы, послали къ вамъ родственниковъ нашихъ двухъ вѣрныхъ намъ князей съ обѣщаніемъ дать аманатовъ. Вы не исполнили своего обѣщанія и нынѣ требуете невозможнаго.

«Увѣренія наши вамъ извѣстны и мы не находимъ другаго средства увѣрить васъ болѣе, да и не слѣдуетъ. Обѣщаемъ и теперь клятвенно исполнить все, что̀ намъ возможно будетъ безъ вреда для насъ. Если вы и сего увѣренія не примите, то прошу, по данному подъ клятвой обязательству, возвратить благополучно нашихъ князей. Впрочемъ, да будетъ власть Божія»!

Казалось бы, что такой отвѣтъ долженъ былъ прекратить сношенія между царемъ и пашой Ахалцыхскимъ, но на дѣлѣ оказалось не совсѣмъ такъ. 13-го іюля прибыли изъ Ахалцыха посланные паши съ заявленіемъ, что если въ предстоящей борьбѣ русскіе одержатъ побѣду надъ турками, то Сулейманъ тотчасъ же покорится, а по окончаніи войны покажетъ всѣ фирманы, присланные ему изъ Константинополя. Такая предупредительность была послѣдствіемъ слуха, распространившагося въ Азіятской Турціи и исходившаго изъ Константинополя, что русскіе намѣрены усилить войска, находившіяся въ Грузіи, до 30 тысячъ человѣкъ и предпринять наступательное движеніе. Для противодѣйствія такимъ, намѣреніямъ Порта приказала пашамъ: Ванскому, Баязетскому, Карсскому, Эрзерумскому и Ахалцыхскому собрать до 60 тысячъ человѣкъ и вмѣстѣ съ тѣмъ прислала фирманъ Сулейману, чтобъ онъ сохранилъ съ Грузіей дружественныя отношенія. Князю Циціанову, въ бытность его въ Ахалцыхѣ, удалось прочесть этотъ фирманъ, объяснившій, почему паша, явный врагъ царя, старался казаться искренно къ нему расположеннымъ. Расположеніе это, хотя и мнимое, было очень полезно для Грузіи, волнуемой партіями, враждебными другъ другу. Всеобщее разстройство механизма правленія было причиной всеобщаго недовольства.

Въ концѣ іюля, начальникъ казаховъ, Ахметъ-ага, съ 1,500 семействъ ему подвластныхъ, откочевалъ въ Карабахъ. Ираклій приходилъ въ отчаяніе, просилъ нашей помощи, безъ которой, по его словамъ, онъ обойтись не могъ. Въ ожиданіи ея, Ираклій собиралъ войска, но «грузинское нерадѣніе, доносилъ Бурнашевъ [1]), непослушаніе и всякое неустройство, и паче недостатокъ въ провіантѣ—сильныя препятствія не только къ благому какому-либо начинанію, но и совершенною причиной опустошенія отъ лезгинъ. Истинно доношу: вмѣстѣ съ грузинами никакого дѣла предпринять не можно, а наипаче ожидать успѣха желаемаго». Тѣмъ не менѣе, неотступныя просьбы Ираклія заставили Бурнашева принять участіе съ обоими егерскими баталіонами въ походѣ, предпринятомъ Ираклiемъ въ Карабагъ, для возвращенія бѣжавшихъ изъ Грузіи казаховъ.

Собравъ до пяти тысячъ вооруженныхъ грузинъ, царь двинулся съ ними къ Ганжѣ. Ибраимъ-ханъ Шушинскій (Карабагскій), какъ только узналъ о выступленіи въ походъ Ираклія, потребовалъ къ себѣ армянскихъ меликовъ, на которыхъ смотрѣлъ давно непріязненно, считая ихъ людьми преданными Россіи. Подозрѣвая свою погибель, мелики не явились къ хану, а искали убѣжища среди русскихъ войскъ, стоявшихъ у Ганжи, и просили царя оказать имъ содѣйствіе войсками для вывода изъ Карабага и переселенія въ Грузію ихъ подданныхъ. Ираклій охотно согласился и отправилъ съ меликами четыре тысячи своихъ войскъ, подъ начальствомъ царевича Юлона и князя Орбеліани. Встрѣтивъ войска Шушинскаго (Карабагскаго) хана, грузины разбили ихъ на голову и двинулись далѣе, но вслѣдствіе близкаго разрыва съ Портой, князь Потемкинъ не призналъ возможнымъ оставлять наши войска въ Грузіи, и полковникъ Бурнашевъ получилъ въ это время приказаніе вернуться съ егерскими баталіонами на линію. Ираклій вызвалъ свои войска изъ Карабага и возвратился въ Грузію безъ всякаго конечнаго результата. Мелики, оставивъ въ Карабагѣ своихъ женъ, дѣтей, имѣніе и болѣе 7,000 подданныхъ христіанъ и спасая только собственную жизнь, прибыли съ царемъ въ Тифлисъ, гдѣ

[1]) П. С. Потемкину отъ 3-го августа 1787 г., Госуд. Арх., XXIII, № 13, пап. 61.

долго жили въ крайней бѣдности. Впослѣдствіи они поселились въ Шамхорѣ (между Грузіей и Ганжею) вмѣстѣ съ 500 семей армянъ, бѣжавшихъ изъ Карабага отъ преслѣдованій Ибраимъ-хана.

Грузія была предоставлена собственной защитѣ и царю предложено уладить свои дѣла съ Сулейманомъ. Ираклій исполнилъ желаніе князя Таврическаго, утвердилъ свои связи съ пашой Ахалцыхскимъ и посылалъ даже къ султану князя Осипа Баратаева съ просьбою не предпринимать ничего противъ Грузіи. Султанъ прислалъ подарки и обѣщалъ исполнить его желаніе тѣмъ охотнѣе, что русскія войска оставили Грузію. Простоявъ три дня подъ Ганжею, наши баталіоны двинулись на линію, гдѣ нашли значительныя перемѣны во внутреннемъ управленіи края.

XII.

Открытіе Кавказскаго намѣстничества. — Дѣятельность Шейхъ-Мансура.—Прокламація П. С. Потемкина аксаевцамъ и жителямъ Эндери.—Бѣгство Шейхъ-Мансура въ Турцію.—Его прокламаціи.—Волненіе среди закубанцевъ.—Вторженіе ихъ въ наши предѣлы.—Постройка укрѣпленій на линіи.—Расположеніе войскъ.—Образованіе поселеннаго войска.—Вступленіе шамхала Тарковскаго въ подданство Россіи.—Увольненіе П. С. Потемкина и назначеніе командующимъ войсками генералъ-аншефа Текелли.

Волненіе, произведенное на линіи Шейхъ-Мансуромъ въ 1785 г., не дозволило генералу Потемкину приступить, согласно волѣ императрицы, къ открытію *Кавказскаго намѣстничества*. Лѣсъ, заготовленный для присутственныхъ мѣстъ и генералъ-губернаторскаго дома, былъ или сожженъ или разграбленъ хищниками, и хотя взамѣнъ его доставлялся новый изъ Астрахани, но постройка, начатая съ 20 ноября, при всѣхъ усиліяхъ могла быть окончена не ранѣе января 1786 года [1]).

По указу императрицы Екатерины II Сенату, Кавказское намѣстничество составлялось изъ двухъ областей: Кавказской и Астраханской. Въ первую должны были войти уѣзды: Екатериноград-

[1]) Всеподданн. донесеніе Потемкина отъ 26-го ноября 1785 года. Государственный Архивъ, XVI, № 919.

ской, Кизлярской, Моздокской, Георгіевской, Александровской и Ставропольской, во вторую: Астраханской, Красноярской, Енотаевской и Черноярской, отчисленный отъ Саратовскаго намѣстничества. «Городу Екатериноградy, сказано въ указѣ [1]), быть губернскимъ; Астрахань же, до будущаго нашего соизволенія, долженствуетъ остаться областнымъ городомъ. А впрочемъ, постановленіе о границахъ Кавказскаго намѣстничества, съ прикосновенными къ нему, возлагаемъ на соглашеніе нашихъ генералъ-губернаторовъ и правящихъ ту должность.»

Признавая полезнымъ и единственнымъ средствомъ къ обузданію горцевъ введеніе среди населенія цивилизаціи и правильныхъ понятій о гражданской жизни, Екатерина поручала генералу П. С. Потемкину заводить исподволь города по близости подгорныхъ народовъ, подданныхъ Россіи. «Мы удостовѣрены, писала императрица [2]), что въ краткое время и сами они ощутятъ пользу изъ сего заведенія и найдутъ собственную ихъ выгоду въ причисленіи ихъ подъ управленіе нами учрежденное, участвуя въ ономъ выборомъ судей по званію и состоянію ихъ. Но для сего нужно, чтобы они въ торгѣ, промыслахъ и прочихъ позволенныхъ упражненіяхъ имѣли полную свободу, и чтобы военные и гражданскіе начальники не стѣсняли ихъ въ томъ ни подъ какимъ видомъ, но паче всякимъ благодѣяніемъ и помощью ихъ подкрѣпляли.»

Въ бо̀льшей части городовъ Кавказскаго намѣстничества существовало исключительно военное управленіе, но теперь признано было болѣе удобнымъ примѣнить къ этимъ городамъ изданное въ апрѣлѣ 1785 года «Городовое положеніе». Генералъ-поручику Потемкину поручено объявить о дозволеніи всѣмъ выходящимъ изъ горъ явиться въ Кавказской губерніи, и если число вышедшихъ армянъ будетъ довольно значительно, то основать для нихъ особый городъ. Для связи Кавказской линіи съ Грузіею была построена еще въ 1784 г. крѣпость Владикавказъ, на р. Терекѣ, при входѣ въ ущелье Кавказскихъ горъ и за тѣмъ по пути къ Моздоку возведены редуты: Потемкинскій при р. Терекѣ, близъ Татар-

[1]) Архивъ Мин. Иностр. дѣлъ, П—19, № 1.

[2]) Въ рескриптѣ П. С. Потемкину отъ 19-го мая 1785 г. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, П—19, № 1, дѣло 1805 г.

тупа, Комбелейскій при р. Комбелеѣ и Григоріопольскій у Малой Кабарды.—Далѣе, на правомъ берегу Кубани, было построено укрѣпленіе Преградный-Станъ и при устьѣ р. Урупа—укрѣпленіе Прочный-Окопъ. Для усиленія поселеній на линіи, императрица приказала селить тамъ отставныхъ солдатъ, давая имъ пособіе отъ казны по 20 руб. на дворъ. 14-го іюля 1785 г. былъ обнародованъ манифестъ, по которому дозволено было селиться въ Кавказской области всѣмъ желающимъ и иностранцамъ. Послѣднимъ обѣщано свободное отправленіе вѣры, предоставлены преимущества наравнѣ съ русскими подданными, съ увольненіемъ на 6 лѣтъ отъ государственныхъ податей. Если бы, по прошествіи льготныхъ лѣтъ, поселенцы пожелали возвратиться на родину, то могли сдѣлать это безпрепятственно, заплативъ только трехлѣтнюю подать. Одновременно съ этимъ приступлено было къ раздачѣ свободныхъ земель частнымъ лицамъ и съ 1784 года появились на Кавказской линіи имѣнія князя А. А. Вяземскаго, графа (впослѣдствіи князя) А. А. Безбородко, графа А. Р. Воронцова, графа И. Г. Чернышева и другихъ.

Въ концѣ декабря 1785 года, ко всѣмъ кубанскимъ мурзамъ кабардинскимъ и кумыкскимъ владѣльцамъ, какъ подданнымъ Россіи, было разослано приглашеніе явиться въ Екатериноградъ, на торжество открытія Кавказскаго намѣстничества [1]). Къ 15 января съѣхалась большая часть чиновъ, назначенныхъ въ составъ правленія, собралось до ста человѣкъ дворянъ и болѣе 40 человѣкъ горскихъ князей и владѣльцевъ.

Утромъ 17-го января всѣ эти лица и офицеры собрались въ домѣ правителя, и въ то время, когда П. С. Потемкинъ, привѣтствуя собравшихся, объявлялъ имъ о предстоящемъ завтра открытіи намѣстничества, по улицамъ города разъѣзжалъ городничій и возвѣщалъ то же самое народу. Сопровождаемый конвоемъ изъ одного унтеръ-офицера и 12-ти рядовыхъ, при звукахъ трубъ и литавръ, онъ объявлялъ жителямъ о предстоящемъ торжествѣ, «съ безпрестаннымъ восклицаніемъ: *виватъ Екатерина!*»

Въ шесть часовъ утра въ воскресенье, 18-го января, сто одинъ

[1]) Письмо Потемкина Арсланъ-Гирей-султану и листъ кабардинцамъ отъ 17-го декабря. Государствен. Архивъ, XXIII, № 13, папка 50.

выстрѣлъ далъ знать жителямъ о началѣ торжества. Немногочисленное еще въ то время дворянство и всѣ служащіе собрались у правителя намѣстничества, откуда въ сопровожденіи горскихъ князей отправились въ залу дома присутствія, во глубинѣ которой видѣнъ былъ поставленный на возвышеніи портретъ императрицы. Здѣсь ожидали они прибытія генерала Потемкина, который привѣтствовалъ представителей края особою рѣчью [1]).

— Гласъ трубный, сказалъ онъ,—и пушекъ громъ возвѣстили въ странѣ сей торжество. Великолѣпное приготовленіе, здѣсь видимое, знаменуетъ, что посвященъ день сей на славословіе безсмертной дѣлами великой Екатерины, нашей лучшей самодержицы. Едва умолкнулъ громъ оружія, потрясавшій горы Кавказскія, едва удержанъ мечъ, карающій враговъ, и съ возстановленіемъ тишины открывается новое зрѣлище, благоденствіе народу обѣщающее. Многочисленное собраніе разныхъ націй, предстоящее предъ престоломъ славою, побѣдами и щедротами сіяющей Екатерины, готовится принять благодатное ея учрежденіе. Всѣ предѣлы пространной Имперіи Россійской вкушаютъ уже плоды народо-матерняго сего узаконенія. Вы нынѣ равное съ другими вкусите блаженство; вы увидите, что любовь ея къ подданнымъ есть первымъ основаніемъ, а благосостояніе народное—главнымъ ея предметомъ. Всевышній Царь царей, благословляя намѣренія возлюбленной благодѣтельницы человѣчества, увѣнчалъ успѣхами учрежденное ею благоустройство. Мы, внимая священной ея волѣ и зная цѣну истиннаго блага, отъ щедрой руки даруемаго, имѣемъ долгъ начать сіе торжество изліяніемъ Вседержителю Богу сердечныхъ молитвъ, дабы Всемогущій Господь, милующій Россію, изліялъ всѣ небесныя благости и высочайшія намѣренія болѣе и болѣе успѣхами вѣнчалъ.

Собравшіеся отправились въ церковь, гдѣ выслушали проповѣдь преосвященнаго Антонія и должностныя лица приняли присягу. Церемонія эта произвела весьма сильное впечатлѣніе на горскихъ князей, смотрѣвшихъ съ удивленіемъ на все происходившее.

---

[1]) Госуд. Архивъ, XVI, №№ 199 и 919.

Не понимавшее русскаго языка и чуждое европейскимъ понятіямъ, туземное населеніе не могло принять непосредственнаго участія въ управленіи и, подобно прочимъ губерніямъ, имѣть должностныхъ лицъ по выбору; но чтобы сблизить его и ознакомить съ порядками администраціи, было выбрано въ члены нижне-земскихъ судовъ по два человѣка туземцевъ въ Кизлярскій и Ставропольскій уѣзды и одинъ въ Моздокскій [1]). Генералъ Потемкинъ просилъ А. А. Безбородко приказать перевести на языки армянскій, татарскій и грузинскій учрежденіе о губерніяхъ и доставить переводы къ нему [2]).

Такимъ образомъ, 18-го января 1786 года было открыто Кавказское намѣстничество, состоявшее изъ шести уѣздовъ: Кизлярскаго, Моздокскаго, Георгіевскаго, Александровскаго, Ставропольскаго и Екатериноградскаго.

Во вторникъ, 20-го января, были произведены выборы уѣздныхъ предводителей дворянства, причемъ георгіевскимъ былъ избранъ князь Потемкинъ-Таврическій, а Александровскимъ—статсъ-секретарь императрицы И. П. Елагинъ. Затѣмъ, когда изъ среды предводителей послѣдовалъ выборъ губернскаго предводителя, то всѣ, конечно, единогласно избрали князя Потемкина, а на его мѣсто георгіевскимъ уѣзднымъ предводителемъ — графа И. Г. Чернышева.

По окончаніи выборовъ, открытія присутственныхъ мѣстъ и избранія депутатовъ для принесенія благодарности императрицѣ, представители сословій разъѣхались по домамъ. Генералъ-поручикъ Потемкинъ напутствовалъ ихъ рѣчью, не лишенною интереса и въ настоящее время.

«Во всѣ дни торжественнаго происшествія, сказалъ онъ, на которое вы созваны, видѣли вы благость на васъ изливаемую, внимали сначала содержаніе благодатнаго учрежденія (о губерніяхъ), слышали вчера всемилостивѣйшую о правахъ и преимуществахъ дворянства грамату. Кто изъ васъ могъ слышать сіе безъ восторга наипризнательнѣйшей благодарности, узнавъ черезъ первое

[1]) Всеподд. донесеніе Потемкина 28-го января 1786 г.
[2]) Письмо П. С. Потемкина Безбородко отъ 28-го января 1786 г.

до какой крайней черты матернее сердце нашей самодержицы стремилось къ народному устройству и видѣлъ изъ послѣдней (граматы) коликія преимущества даровала она россійскому дворянству.

«Въ древнія времена, когда человѣчество стонало подъ игомъ сильныхъ, когда народъ удрученъ былъ отъ властей, когда властители считали и правиломъ, и выгодой себѣ утѣснять подвластныхъ — герои, которые, слѣдуя побужденію человѣколюбія, отличались добротою, были признаваемы народами превыше человѣковъ; имъ созидали храмы, ихъ боготворили.

«Въ цвѣтущіе дни Рима воздвигали героямъ, въ ознаменованіе творимыхъ ими дѣлъ, монументы; въ наши просвѣщенные дни видѣли мы, что великая душа самодержицы отреклась отъ монументовъ, благодарнымъ народомъ многократно предлагаемыхъ. Но если пройдемъ мысленно древнихъ, среднихъ и послѣднихъ временъ исторію, то найдемъ, что ни котораго изъ сихъ періодовъ временъ народы не имѣли болѣе причинъ славословить государей своихъ, какъ Россія нынѣ.

«Мы съ восхищеніемъ видимъ въ лицѣ царствующей самодержицы побѣдительницу, видимъ съ восторгомъ радостнымъ нѣжную мать своего народа. Лавры ея побѣдъ не подобны лаврамъ тѣхъ завоевателей, кои для единой громкости и блеску стремились расхищать чужіе предѣлы; тѣ опустошали землю, а она населяетъ пространныя области; тѣ, поджигая грады, ознаменяли власть свою развалинами,—она грады созидаетъ и власть ея ознаменяется человѣколюбіемъ; ихъ слѣды орошены кровью,—ея путь всюду усыпанъ благотвореніями и въ законахъ ея зримо начертаніе горящей къ народу любовью души пламенной.

«Вся Европа, да и самые дальніе предѣлы вселенной, съ удивленіемъ видятъ процвѣтающей Россіи славу. Взирайте на растеніе нашего отечества въ счастливые наши дни!

«Могущественная мудрость самодержицы нашей торжествовала надъ силами многихъ супостатовъ, устроила внутреннее благосостояніе наше, возвеличила славу нашу, утвердила личную безопасность частныхъ людей, обнадежила каждаго достояніе, отверзла ворота наукамъ, даровала преимущества благороженнымъ, открыла

способы основать состояніе средняго рода, недостаткомъ коего укоряли насъ иныя державы, преподала средства къ заведенію ремеслъ, и нѣтъ такого состоянія въ нашемъ отечествѣ, о коемъ бы проницательная душа ея не мыслила и не явила себя попечительною.

«Исчислите ея попеченія о славѣ и величіи Россіи! Она пріобрѣла Бѣлую Россію, присоединила къ Имперіи Крымъ, единое имя котораго было россамъ страшилищемъ; Крымъ, откуда истекали къ намъ бѣдствія, нынѣ поверженъ Имперіи Всероссійской навѣки, и пріобрѣтеніе сіе не оросило ея лавровъ ни единою каплей крови!

«Воззрите, наконецъ, на сію страну, гдѣ по образу мудраго ея учрежденія торжественно открыто намѣстничество. Сія страна, гдѣ прежде было пребываніе древнихъ Скиѳовъ, присвоена къ Россіи; горы Кавказскія, подъ вѣчнымъ льдомъ, облака превышающія, преклоняются ея державѣ; народы лютонравые, укрощаясь, внимаютъ законы и учрежденія рукою мудрости начертанные. И тамъ, гдѣ пространство степей ужасало воображеніе, нынѣ видимъ повсюду села и обитаніе; тамъ, гдѣ скитающіеся народы не видѣли ничего, кромѣ тернія, нынѣ видимъ воздвигнутые грады.

«Здѣсь предлежитъ намъ служеніе, требующее болѣе тщанія и кротости. Вамъ, поставленнымъ судіямъ, должно радѣніемъ, безпристрастіемъ и неусыпностью привлечь сердца дикихъ народовъ, пріучить ихъ любить благоустройство, познать пользу законовъ, цѣну покровительства ихъ и выгоду каждаго повиноваться законамъ, дабы многоразличные народы, составляющіе сію губернію и ей сопредѣльныя разныя націи, сами отметали прежнее ослѣпленіе свое, возгнушались злонравіемъ своимъ и чтобъ общество ихъ получило и то тѣло и тотъ образъ существа, каковымъ ему быть предполагаютъ.

«А вы, сказалъ П. С. Потемкинъ, обращаясь къ депутатамъ изъ горскихъ князей, — вы, призванные предъ лицо и престолъ Великой Екатерины, любуйтесь участью вамъ дарованною, пріучайтесь познавать состояніе, природѣ человѣческой свойственное. Славьте съ восторгомъ имя Великой Екатерины, возглашайте ея царствованіе, повинуясь ея священнымъ законамъ. Не требуютъ

отъ васъ ничего, кромѣ вѣрности къ императорскому престолу, спокойнаго пребыванія и взаимной между собою безопасности».

Спокойствіе и безопасность на линіи составляли самую существенную потребность того края. Грабежи и хищничество тяжело отзывались на сельскомъ населеніи, особенно съ тѣхъ поръ, какъ Шейхъ-Мансуръ войну съ русскими назвалъ священною и сулилъ вѣчное блаженство каждому мусульманину, павшему на полѣ брани или убившему гяура. Въ концѣ 1785 года, въ Дагестанѣ, Чечнѣ и среди Кумыкъ явились посланные съ письмами отъ бывшаго въ то время въ Константинополѣ дженгутайскаго Ахметъ-хана, извѣщавшаго горцевъ, что Порта дастъ имъ денегъ и войско, если они послѣдуютъ совѣтамъ пророка и возстанутъ противъ Россіи [1]).

Оставленный было всѣми Шейхъ-Мансуръ снова вышелъ на сцену и число его приверженцевъ быстро возрастало. Покинувшій его Чапаловъ явился опять въ числѣ самыхъ горячихъ приверженцевъ имама. Мансуръ разослалъ всюду прокламаціи, въ которыхъ проклиналъ всѣхъ, кто слушаетъ русскихъ и повинуется имъ. Онъ приготовилъ большое знамя съ длиннымъ серебрянымъ копьемъ, заготовилъ мѣшки для провіанта, доставляемаго жителями, и огромные котлы для довольствія войскъ и своихъ послѣдователей. Вокругъ дома пророка былъ поставленъ караулъ изъ мѣстныхъ жителей [2]). Захватить его въ наши руки не представлялось никакой возможности, ибо туземцы не только не соглашались его выдать, но тщательно скрывали мѣстопребываніе человѣка, по ихъ словамъ, святаго. Охотники до легкой наживы являлись къ начальству на линіи и предлагали за деньги достать голову Мансура, но, конечно, не исполнили данныхъ обѣщаній; нѣкоторые успѣли воспользоваться довѣріемъ русскаго начальства и, получивъ часть денегъ впередъ, скрывались и исчезали безслѣдно.

Мансуръ, между тѣмъ, продолжалъ вербовать приверженцевъ и требовалъ, чтобъ отъ каждой мечети по три человѣка прибыли

---

[1]) Рапортъ Потемкина князю Таврическому 4-го января 1786 года, № 1-й. Государств. Архивъ, XXIII, № 13, папка 57.

[2]) Рапортъ полковника Лунина генералу Потемкину 8-го января 1786 года.

къ нему [1]). Аксаевцы и жители селенія Эндери отличались своимъ сочувствіемъ къ пророку и охотнѣе другихъ слѣдовали его ученію. Генералъ-поручикъ Потемкинъ требовалъ, чтобы владѣльцы запретили своимъ подвластнымъ исполнять требованія Мансура и становиться подъ его знамена, но владѣльцы отвѣчали, что они не въ состояніи воспрепятствовать такому движенію.

«Сожалѣю, отвѣчалъ Потемкинъ [2]), что слабое ваше чиноначаліе не можетъ удержать подвластныхъ вашихъ, кои прилѣпляются не къ имаму, какъ вы въ письмѣ своемъ пишите, но къ бунтовщику и разбойнику Ушурмѣ, который, ложно назвавъ себя имамомъ, достоинъ сдѣлался гнѣва Божія, который, наруша спокойствіе, сдѣлался бунтовщикомъ и достоинъ казни.

«Богъ всемогущій, видя мерзкія дѣла, не попуститъ сіе безъ пораженія и за кровь отъ него пролитую предастъ его и казни на семъ свѣтѣ, и вѣчной мукѣ послѣ смерти.

«Вы просите моего повелѣнія — я даю вамъ оное кратко и ясно: удерживайте подвластныхъ вашихъ отъ новаго зла, вразумите ихъ, что когда прошлаго лѣта, ослѣпленный народъ, вѣря обманамъ Ушурмы, подлаго пастуха, прилѣпился къ нему, много ли получилъ чрезъ него, много ли пріобрѣлъ выгодъ?

«Сей обманщикъ Ушурма на счетъ крови человѣческой,—которую ослѣпленные простаки за него проливаютъ,—самъ грабилъ и наживался, и открылись его обманъ и злодѣйство».

Генералъ Потемкинъ писалъ горцамъ, что, поразивъ прошлую осенью скопище Мансура, онъ остановилъ военныя дѣйствія въ той только увѣренности, что они поймутъ милосердіе русской императрицы, но если горскіе народы снова послѣдуютъ совѣтамъ лжепророка, то будутъ жестоко наказаны и раскаяніе ихъ будетъ поздно.

Воззваніе это не оказало своего дѣйствія; народъ стекался къ Мансуру, и повсемѣстное броженіе было на столько сильно, что П. С. Потемкинъ не находилъ возможнымъ возстановить спокойствіе на линіи до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать Ман-

[1]) Рапортъ Потемкина князю Таврическому отъ 28-го мая 1786 года.

[2]) Въ прокламаціи отъ 12-го іюля Андреевскимъ и Аксаевскимъ владѣльцамъ.

суръ [1]). По его наученію, кабардинцы поддерживали постоянныя сношенія съ закубанцами и вмѣстѣ съ ними или вторгались на линію или служили проводниками. При одномъ изъ такихъ нападеній, кабардинскій владѣлецъ Долъ, одинъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ пособниковъ Мансура, былъ окруженъ нашими войсками. Не видя возможности уйти отъ преслѣдованія, Долъ прислалъ своего узденя къ командовавшему отрядомъ полковнику Нагелю, съ просьбой о прощеніи и съ обѣщаніемъ покориться. Нагель обѣщалъ ему помилованіе; Долъ явился въ нашъ лагерь и былъ водворенъ на мѣстѣ своего жительства, въ Малой Кабардѣ. Примѣръ милосердія къ явному преступнику подѣйствовалъ на нѣкоторыя племена, и аксаевцы, вмѣстѣ съ жителями Эндери, рѣшились также просить прощенія, съ обѣщаніемъ на будущее время не присоединяться къ Мансуру [2]). Потемкинъ требовалъ отъ нихъ присяги и выдачи аманатовъ, на что они и согласились [3]). Вслѣдъ затѣмъ въ сентябрѣ и кабардинцы дали подписку, что если Мансуръ явится въ ихъ селеніяхъ, то обязаны будутъ задержать его и представить начальству [4]). Обстоятельства эти, сдѣлавшись извѣстными Мансуру, заставили его позаботиться о собственной безопасности. Онъ прикинулся раскаявшимся, и въ концѣ октября, родственникъ его, Этта, явился къ П. С. Потемкину съ увѣреніемъ, что Мансуръ желаетъ не только покориться, если ему будетъ обѣщано полное прощеніе, но и принимаетъ на себя обязанность успокоить горскіе народы. Генералъ-поручикъ Потемкинъ требовалъ, чтобъ Мансуръ самъ къ нему явился, но тотъ отвѣчалъ отказомъ. Вскорѣ послѣ того открылось, что Мансуръ подсылалъ своего родственника для того только, чтобы разгласить, что русское правительство ищетъ примиренія съ нимъ. «Но какъ къ таковымъ разглашеніямъ, писалъ князь Таврическій [5]), прямая есть причина спасти себя и не показаться гонимымъ Россіей, то и предписалъ я генералъ-поручику Потемкину, означеннаго родственника представить ко мнѣ, а Ушурмѣ (Мансуру) дать знать,

[1]) Рапортъ Потемкина князю Таврическому 14-го іюля 1786 г., № 365
[2]) Рапортъ полковника Нагеля Потемкину 8-го августа.
[3]) Листы Андреевскимъ владѣльцамъ отъ 4-го и 9-го августа 1786 года.
[4]) Подписка кабардинцевъ отъ 28-го сентября 1786 года.
[5]) Во всеподданн. донесеніи отъ 30-го января 1787 года, № 5.

что прибѣгающіе съ повинною къ престолу вашего императорскаго величества не отчуждаются монаршей милости, лишь бы только раскаяніе ихъ и исправленіе было истинно и чистосердечно».

Этого-то послѣдняго и не было у Мансура. Онъ вовсе не желалъ покориться, искалъ средства усилить свою партію и обѣщалъ своимъ приверженцамъ въ одну изъ пятницъ двинуться къ Владикавказу и овладѣть имъ.

— Въ *коранѣ* написано, говорилъ лжепророкъ, — что если мусульмане начнутъ брань съ беззаконными въ пятницу, то непремѣнно побѣдятъ ихъ. Если мусульманинъ убьетъ хотя одного беззаконнаго въ пятницу, то это все равно, что онъ разорилъ бы 7.000 церквей беззаконныхъ въ остальные дни; буде же мусульманинъ будетъ въ этотъ день убитъ отъ руки невѣрныхъ, онъ будетъ непремѣнно въ раю.

Мансуръ обѣщалъ своимъ соотечественникамъ содѣйствіе турокъ, Аварскаго хана и уцмія Каракайдакскаго.

— Турецкимъ войскамъ заходить сюда далеко и весьма затруднительно, говорили люди, невѣрившіе обѣщаніямъ имама, — и этого никогда не бывало. Гораздо легче бы было возвратить имъ отнятый Крымъ или придти на Кубань, но и туда они не идутъ. Какъ намъ противиться русскимъ? Долго-ли, коротко-ли они загонятъ насъ въ горы, гдѣ помремъ мы съ голода; лучше успокоиться и просить пощады.

— Напрасно мы надѣялись на него, говорили чеченцы, — и сдѣлались русскими противниками.

Не смотря на нерасположеніе къ нему бо́льшей части населенія, Мансуръ успѣлъ собрать вокругъ себя толпу въ тысячу человѣкъ. Здѣсь были чеченцы, тавлинцы, андреевцы, аксаевцы и по преимуществу качкалыки — все люди бездомные или абреки[1]). Опасаясь оставить ихъ безъ дѣятельности и черезъ то подвергнуть грабежу свои селенія, Мансуръ двинулся противъ карабулаковъ. Въ происшедшемъ столкновеніи имамъ показалъ себя трусомъ, и чеченцы смѣялись надъ нимъ, говоря, что онъ «робѣлъ

[1]) Рапортъ маіора Елагина 30-го мая 1787 года. Государств. Арх., XXIII, № 13, пап. 60.

быть близко въ дракѣ, а стоялъ всегда поодаль» [1]). Трусость у горцевъ всегда считалась самымъ величайшимъ порокомъ, и потому естественно, что Мансуръ подвергся страшнымъ насмѣшкамъ и потерялъ всякое довѣріе. Видя безуспѣшность своихъ дѣйствій въ Чечнѣ и зная о приготовленіяхъ Турціи къ войнѣ съ Россіей, лжепророкъ рѣшился отправиться въ одинъ изъ турецкихъ лагерей и тамъ предложить свои услуги. Въ началѣ іюля 1787 года, при помощи закубанскаго владѣльца Казы-Герея, Мансуръ оставилъ Чечню и ушелъ за Кубань. Порта рада была переманить его на свою сторону, какъ политическаго дѣятеля. Еще ранѣе ухода Мансура за Кубань, одинъ изъ кумыкскихъ жителей, путешествовавшій въ Мекку и возвращавшійся черезъ Константинополь, былъ призванъ къ визирю.

— Какой тамъ явился у васъ имамъ, спрашивалъ визирь,— и какія онъ дѣлаетъ чудеса?

— Никакихъ, отвѣчалъ истинный послѣдователь пророка Магомета,—онъ развращаетъ только народъ и производитъ смятеніе.

— Вѣрятъ ли ему люди?

— Простые вѣрятъ, а умные называютъ обманщикомъ.

— Развѣ у васъ нѣтъ книгъ?

— Есть.

— Какъ же вы можете вѣрить въ появленіе пророка, котораго по вашему закону, кромѣ Магомета, быть не можетъ?

Хаджи объяснялъ это неразвитостью народа, но вмѣстѣ съ тѣмъ увѣрялъ визиря, что Мансуръ имѣетъ много приверженцевъ. Это послѣднее заявленіе было причиною того, что когда Мансуръ появился за Кубанью, Порта рѣшилась сдѣлать его орудіемъ своихъ видовъ и, при помощи лжепророка, поднять мусульманъ противъ Россіи. Какимъ путемъ достигнуть этого—турецкое правительство предоставляло времени, а теперь употребляло всѣ усилія, чтобы сдѣлать Мансура своимъ приверженцемъ. Присланный отъ суджукскаго паши эфендій одарилъ эксъ-имама деньгами, подарками и успѣлъ взять съ него присягу, что онъ не предпри-

[1]) Рапортъ бригадира Нагеля 1-го іюня 1787 г. Госуд. Арх., XXIII, № 13, пап. 60.

метъ ничего иначе, какъ съ повелѣнія Порты [1]). Вслѣдъ затѣмъ явился посланный отъ анапскаго паши и пригласилъ Мансура въ Анапу, гдѣ было собрано до 10,000 турецкихъ войскъ. Анапскій паша разспрашивалъ Мансура о характерѣ его проповѣдей, хвалилъ его за то, что онъ распространяетъ правила религіи въ такихъ дикихъ мѣстахъ, какъ Дагестанъ и освѣдомился, не притѣсняютъ ли русскіе тамошнихъ жителей.

— О притѣсненіяхъ русскихъ я ничего не слыхалъ, отвѣчалъ Мансуръ,—чеченцы даютъ своихъ аманатовъ съ тѣмъ, чтобы по прошествіи года они замѣнялись другими, но съ нѣкотораго времени русскіе, получивъ отъ чеченцевъ новыхъ аманатовъ, удерживаютъ старыхъ и чеченцы на это ропщутъ.

— Удерживаніе русскими аманатовъ вашихъ, замѣтилъ паша, — есть явный знакъ нарушенія ими обязательствъ. Они разрушили уже миръ съ калифомъ (султаномъ) и умышляютъ истребить правовѣрныхъ. Вскорѣ возгорится война и каждый истинный мусульманинъ долженъ вооружась защищать правую вѣру до послѣдняго издыханія. А какъ извѣстно, что по ревности твоей къ вѣрѣ послушны тебѣ не только всѣ чеченцы, но и многіе другіе дагестанскіе народы, то сей случай подастъ тебѣ лучшее средство пріобрѣсти Божественное милосердіе и султанскія щедроты для блаженства сей и будущей жизни. Старайся побуждать и увѣщевать, чтобы всѣ магометане, вооружась, ополчились противъ россіянъ и нанесли бы вредъ непріятелю мусульманской вѣры. Будь увѣренъ, что служеніе твое Богу и калифу награждено будетъ такими воздаяніями, какія только вообразить можно.

— Конечно, отвѣчалъ Мансуръ,—я, какъ магометанинъ, обязанъ дѣйствовать по законамъ религіи, но о чеченцахъ и дагестанцахъ ничего утвердительнаго сказать не могу, такъ какъ народы эти имѣютъ своихъ начальниковъ и свои обстоятельства, соображаясь съ которыми располагаютъ свои дѣла.

Не смотря на уклончивый отвѣтъ Мансура, паша ласкалъ его и содержалъ хорошо [2]). Ободренный пріемомъ и надѣясь на под-

[1]) Рапортъ генерала Потемкина князю Таврическому 21-го августа 1787 года. Госуд. Арх., XXIII, № 13, пап. 62.

[2]) Показаніе Мансура Шешковскому. Госуд. Арх., VII, № 2777.

держку со стороны турокъ, лжепророкъ прислалъ своимъ односельцамъ письмо, въ которомъ писалъ, что скоро возвратится въ Чечню знаменитымъ человѣкомъ [1]). Онъ совѣтывалъ правовѣрнымъ быть единодушными, держаться данныхъ имъ наставленій и тогда обѣщалъ избавить ихъ отъ притѣсненій русскихъ. «Всѣ закубанскіе народы, писалъ Мансуръ,—меня чтутъ и ко мнѣ присоединились». Онъ обѣщалъ придти съ ними въ Чечню лишь только получитъ турецкія войска, пушки и снаряды.

Покровительство паши и внушенія турокъ доставили Мансуру большую извѣстность во всемъ Закубаньѣ. Въ Чечнѣ требовали отъ него чудесъ, а здѣсь довольствовались одною его проповѣдью.

— Должно быть Господь послалъ ему свое откровеніе, говорили закубанцы,—если онъ, говоря только на одномъ чеченскомъ языкѣ, такъ твердо знаетъ *коранъ*.

Народъ стекался къ нему отовсюду: здоровые приходили для изъявленія своего почтенія и сочувствія, а больные—для исцѣленія. Мансуръ возбуждалъ ихъ противъ Россіи и поощрялъ къ хищничеству въ нашихъ предѣлахъ. Закубанцы переправлялись на нашъ берегъ Кубани, и хотя при встрѣчѣ съ нашими войсками всегда терпѣли пораженіе, но отдѣльныя партіи ихъ причиняли жителямъ большое разореніе. «Всегдашнее подверженіе поселенцевъ въ губерніи Кавказской набѣгамъ закубанскимъ довольно доказываетъ, писалъ князь Таврическій [2]), особливо жь въ теперешнихъ обстоятельствахъ, что рано они тамъ поселены. Кажется нужно будетъ ближайшихъ къ границамъ подать назадъ, дабы ихъ обезопасить и лишить корысти закубанцевъ, которыхъ наши селенія приманиваютъ».

«По извѣстіямъ цареградскимъ, писалъ свѣтлѣйшій въ другомъ письмѣ отъ того же числа [3]), министерство турецкое, вопреки миролюбивымъ намѣреніямъ султанскимъ, ищетъ разрыва мира; черкесы собираются дѣлать за Кубань свои набѣги. Ваше превосходительство доносите объ усиленіи тамъ имама Мансура. Все сіе требуетъ принятія сильныхъ мѣръ. Я предписываю вамъ, во-пер-

[1]) Рапортъ бригадира Нагеля отъ 7-го іюля. Госуд. Арх., XXIII, № 13, пак. 61.
[2]) Въ письмѣ П. С. Потемкину отъ 19-го августа, № 2,104.
[3]) Отъ 19-го августа, № 2,093.

выхъ, собрать раздробленныя части и привесть себя въ почтительное состояніе. Лучше пожертвовать ненужнымъ, нежели ослабить себя раздробленіями повсемѣстными. Кизлярскую сторону обезпечьте достаточнымъ отрядомъ; главное же вниманіе устремите къ правому флангу. Генералъ-поручику Иловайскому приказалъ я собрать войско Донское, генералъ-маіору барону Розену расположиться на р. Еѣ и стоять обоимъ въ полной готовности къ предпріятіямъ, каковыхъ обстоятельства востребуютъ».

Осмотрѣвъ берега р. Кубани, генералъ-поручикъ Потемкинъ призналъ необходимымъ приступить немедленно къ устройству ряда укрѣпленій, которыя могли бы хотя отчасти обезпечить жителей отъ вторженій хищниковъ. Такъ у устья р. Терновки былъ заложенъ редутъ *Терновскій,* на одно орудіе и роту гарнизона; при устьѣ рѣки Камышеватой, на лѣвомъ берегу — *Мстиславльскій* редутъ, на четыре орудія и два полка гарнизона; при Калмыцкомъ бродѣ — *Надзорный* редутъ, для небольшой команды; близъ бывшей Царицынской крѣпости — *Царицынскій* редутъ, на одно орудіе и небольшую команду. Затѣмъ слѣдовали: *Прочный-Окопъ;* на колѣнѣ рѣки Кубани — *Державный* редутъ, на одно орудіе и небольшую команду; на мѣстѣ прежняго Сенгилеевскаго редута *Григоріопо-лисскій* ретраншементъ, на четыре орудія; на высотѣ по правую сторону рѣчки Горской — *Убѣжный* редутъ, на два орудія; при Овечьемъ Бродѣ — *Недреманный* редутъ, на два орудія и, наконецъ, *Преградный станъ*, на десять орудій; редутъ при *Бесленейской дорогѣ*, на два орудія, редутъ при *Невинномъ мысѣ*, на два орудія, *Усть-Невинный* редутъ на Кубани, на два орудія и ретраншементъ при *Воровскомъ мысѣ*, на четыре орудія.

«Ваша свѣтлость изволите знать, доносилъ генералъ Потемкинъ [1]), что дистанція, мнѣ порученная, простирается на восемьсотъ верстъ и недреманное бдѣніе имѣть должно, чтобы нигдѣ не могли имѣть татары (закубанцы) и малѣйшей удачи, ибо она послужитъ новымъ сигналомъ къ общему народовъ возмущенію, кое предупредить приложу я всевозможное стараніе».

Съ этою цѣлью для лучшей защиты линіи, всѣ войска были

[1]) Въ рапортѣ князю Таврическому отъ 16-го іюля, № 1,135.

раздѣлены на два корпуса: *Кубанскій егерскій*, поступившій подъ начальство генералъ-аншефа П. А. Текелли, и *Кавказскій*, оставшійся въ вѣдѣніи генералъ-поручика Потемкина. Войска послѣдняго были расположены: главный корпусъ [1]), подъ личнымъ начальствомъ Потемкина, находился между Бештовыми горами и Кумъ-горою, «дабы удобно было, прикрывая линію отъ самой вершины Кубани, или подкрѣпить отряды праваго крыла, или обратить къ Кабардѣ, еслибъ оныя поколебались».

За главнымъ отрядомъ слѣдовалъ отрядъ генералъ-маіора Елагина [2]), расположенный при Кумъ-горѣ для защиты дистанціи отъ Прегранаго стана до Камышеватой и Ставропольскаго округа; отрядъ полковника Германа [3]) для содержанія коммуникаціонныхъ постовъ съ линіей и охраненіе дистанціи отъ Прегранаго стана до отряда полковника Ребиндера [4]), расположеннаго у ауловъ Ислама-Муссина. Послѣдній отрядъ долженъ былъ охранять пространство до Песчанаго брода. При Лысой горѣ стоялъ отрядъ полковника Гротенгельма [5]), назначенный для защиты дистанціи отъ Песчанаго брода до Павловской, и, наконецъ, подвижной отрядъ бригадира Нагеля [6]) для защиты пространства отъ Кизляра до Моздока, а отъ Моздока до Павловской дистанціи поручено охраненію екатериноградскаго коменданта. Для лучшаго и безопаснаго сообщенія съ Черкаскомъ приказано было построить при селеніи *Песчаномъ* редутъ на тридцать человѣкъ и одно орудіе, при *Верхнемъ Егорлыкѣ* — также ре-

[1]) Кавказскій мушкетерскій полкъ, 3-й баталіонъ Кавказскаго егерскаго корпуса, пять эскадроновъ Астраханскаго драгунскаго полка, эскадроны легіонные, Уральскій казачій полкъ и шесть орудій.

[2]) Нарвскій карабинерный, Нижегородскій пѣхотный, 3-й баталіонъ Кубанскаго егерскаго корпуса, баталіонъ Ладожскаго пѣхотнаго, баталіонъ гренадеръ изъ ротъ Нижегородскаго и Ладожскаго полковъ, казачьи полки: Грекова, Каршина, Хоперскіе казаки и три орудія.

[3]) Каргопольскій карабинерный, Владимірскій пѣхотный съ его гренадерскими ротами, баталіонъ Ладожскаго и сто двадцать гренадеръ Кавказскаго полковъ, четыре эскадрона Астраханскихъ драгунъ, казачій Кутейникова полкъ и три орудія.

[4]) Ростовскій карабинерный, Тифлисскій пѣхотный, баталіонъ Кавказскаго егерскаго корпуса, баталіонъ изъ гренадерскихъ ротъ Тифлисскаго и Казанскаго полковъ, казачій Янова полкъ и четыре орудія.

[5]) Казачій полкъ, Волжскіе казаки и два орудія.

[6]) Кабардинскій и Московскій пѣхотные, баталіонъ изъ гренадерскихъ ротъ Московскаго и Кабардинскаго полковъ, Моздокскій казачій полкъ, Терское Семейное, Гребенское войско и шесть орудій.

дутъ на сорокъ человѣкъ и одно орудіе, въ селеніи *Вѣстославѣ*—редутъ на тридцать человѣкъ и два орудія, и при *Медвѣжьемъ курганѣ*—редутъ на двадцать человѣкъ. Сверхъ того, въ селеніи *Преградномъ* и *Безопасномъ* усилены гарнизоны, а по всей линіи на высотахъ, гдѣ должны были находиться сторожевые посты, приказано сдѣлать башни съ бойницами и имѣть при каждой изъ нихъ по три маяка. При приближеніи непріятельской партіи менѣе ста человѣкъ, приказано было зажигать малые маяки, болѣе ста и до трехъ сотъ человѣкъ — средніе и, наконецъ, при появленіи партіи до тысячи человѣкъ—большіе маяки [1]).

Всѣ эти мѣры только до нѣкоторой степени обезпечивали жителей отъ хищничества горцевъ. При малочисленности войскъ невозможно было имѣть сторожевые посты въ близкомъ другъ отъ друга разстояніи, и хищники всегда могли выбрать направленіе для своихъ быстрыхъ налетовъ. Безопасность селеній обусловливалась защитой самихъ жителей, такъ сказать мѣстною или земскою силой. Но русскихъ селеній въ то время было мало на Кавказѣ, и князь Потемкинъ-Таврическій рѣшился отдать ихъ подъ охрану туземнаго населенія болѣе или менѣе подвластнаго Россіи. Онъ испросилъ высочайшее повелѣніе на составленіе поселеннаго или земскаго войска изъ осетинъ, ингушъ и кабардинцевъ. Обѣ Кабарды (Большая и Малая) объявлены поселеннымъ войскомъ, отъ котораго должно было находиться на дѣйствительной службѣ девять сотенъ: шесть сотенъ отъ Большой Кабарды и три отъ Малой. Въ каждой сотнѣ полагалось по два князя и по четыре узденя. «Должность войскъ сихъ, писала императрица князю Таврическому [2]), будетъ охранять разстояніе имъ опредѣленное отъ воровъ, дабы дорогу содержать въ безопасности и притомъ стараться не допускать закубанцевъ къ набѣгамъ въ границы наши». Войска Большой Кабарды должны были охранять пространство отъ вершинъ рѣки Еи до Невиннаго мыса или Преграднаго стана, а Малой Кабарды—отъ Комбулеи до рѣки Терека или отъ Колиновой станицы до Екатериноградa.

Препровождая кабардинцамъ грамоту свѣтлѣйшаго, генералъ-

[1]) Предписаніе генерала Потемкина генералу Соломану отъ 14-го мая 1787 года.
[2]) Отъ 26-го августа 1786 года, № 706. Архивъ Кабинета, св. 442.

поручикъ Потемкинъ просилъ ихъ пристава внушить народу, что «всякое правительство, подъ властью котораго они бы ни находились, не оставило бы народъ безъ взиманія податей». Русская же императрица не только не требуетъ отъ нихъ дани, но, напротивъ, изливаетъ свои щедроты, «которыя и обязаны они, съ благодарностью пріемля, заслужить вѣрностью своею» [1]).

Въ маѣ 1787 года, въ нарочно созванномъ собраніи кабардинцевъ, была прочтена грамота свѣтлѣйшаго. «Высочайшее матернее ея императорскаго величества о васъ попеченіе, писалъ кабардинцамъ князь Таврическій [2]), всегда состояло въ томъ, чтобы поставить васъ въ благополучнѣйшее состояніе, доставить всевозможныя выгоды, какъ вѣрнымъ своимъ подданнымъ. Депутаты ваши, въ бытность свою здѣсь, довольно могли насмотрѣться, коликихъ благъ отъ милосердой ея десницы ожидать можно. Хотя случаи несчастные, а можетъ быть и совѣты пагубные, вовлекали васъ неоднократно нарушать вѣрность подданническую, но принося чистосердечное покаяніе предъ ея императорскимъ величествомъ, всемилостивѣйше прощены вы во всемъ. Теперь настало время доказать вамъ свою вѣрность точнымъ исполненіемъ высочайшаго о васъ распоряженія къ вашему благу клонящагося».

Далѣе, изъ той же грамоты кабардинцы узнали, какъ о числѣ требуемаго съ нихъ войска, такъ и о томъ, что всѣ, состоящіе на дѣйствительной службѣ, будутъ получать жалованье и чины. «Князьямъ и узденямъ, писалъ князь Таврическій, отворяется путь къ степенямъ по службѣ ихъ. Подданные ихъ, бѣжавшіе отъ нихъ, возвращаются къ своимъ помѣщикамъ, съ обязательствомъ добраго содержанія; и если настоящее мѣстопребываніе обѣихъ Кабардъ для нихъ тѣсно и невыгодно, то могутъ они требовать лучшихъ пространныхъ и привольныхъ мѣстъ, какія только есть праздныя въ Имперіи Россійской».

Не недостатокъ земель, а деньги особенно прельщали кабардинцевъ. Жадные до легкой наживы, они съ особеннымъ удовольствіемъ узнали, что находящіеся на службѣ князья будутъ получать

---

[1]) Предписаніе полковн. Савельеву 16-го апрѣля 1787 года, № 514. Госуд. Арх., XXIII, пап. 62.

[2]) Отъ 24 декабря 1786 года.

жалованья по 120 руб. въ годъ, уздени—по 50 руб., а рядовые—по 12 руб. въ годъ, да холста на двѣ рубашки. Они присягнули охотно и тотчасъ же выбрали депутатовъ для отправленія къ князю Таврическому. Послѣдній принялъ ихъ ласково, до мельчайшихъ подробностей примѣнялся къ ихъ обычаямъ и старался не нарушать ихъ привычекъ, чтобы не подать повода къ подозрѣнію, что русское правительство намѣрено измѣнить ихъ бытовое и общественое устройство.

«Ея императорское величество, писалъ онъ генералъ-поручику Потемкину [1]), всемилостивѣйше позволяя свободное отправленіе вѣры разнымъ народамъ въ предѣлахъ пространныя своея Имперіи обитающимъ, предоставить имъ изволила и наблюденіе ихъ обычаевъ и обрядовъ. Такимъ образомъ, всѣ магометане, къ высочайшему престолу являющіеся, не снимаютъ шапокъ своихъ, но имѣютъ оныя на головахъ и въ самомъ присутствіи ея величества. Не лишаются сего права и кабардинцы; присланные отъ нихъ депутаты пользовались онымъ во все время пребыванія своего при мнѣ и навсегда имъ сіе дозволено, о чемъ я вашему превосходительству чрезъ сіе знать даю, предписываю, ни кабардинскаго народа, ни прочихъ магометанъ къ снятію шапокъ отнюдь не принуждать [2])».

Выказывая во всемъ особую предупредительность къ депутатамъ и одаривъ ихъ подарками, князь Потемкинъ-Таврическій отправилъ ихъ обратно съ предложеніемъ внушить кабардинскому народу, чтобъ онъ жилъ въ мирѣ и тишинѣ.

— Во время вашего при мнѣ пребыванія, говорилъ свѣтлѣйшій,—довольно вамъ извѣстно быть могло попеченіе всемилостивѣйшей монархини о благѣ ея подданныхъ. Соотвѣтствуя оному, старался

[1]) Въ ордерѣ отъ 17-го іюня 1787 года № 1,309.

[2]) Еще ранѣе этого, почти за годъ, кн. Потемкинъ просилъ своего троюроднаго брата обращаться съ сосѣдними ему народами по возможности проще и безъ всякихъ затѣй. «Прочитавъ донесенія вашего превосходительства, писалъ свѣтлѣйшій, отъ 6-го сего (апрѣля) мѣсяца, съ копіями переписки вашей съ разными владѣльцами кавказскими, за нужно нахожу рекомендовать вамъ объ уменьшеніи высокопарности въ вашихъ къ нимъ письмахъ. Переводчикъ, не понявъ оныя, такихъ наставитъ узловъ, что и слѣда дѣла тамъ не останется. При воспоминаніи о мнѣ не хочу я, чтобы описывали меня ближайшимъ министромъ, а тѣмъ, что я есть, и именно: главнокомандующимъ, фельдмаршаломъ всѣхъ полуденныхъ границъ и высочайше уполномоченнымъ въ вашемъ краю» (Предписаніе П. С. Потемкину отъ 27-го апрѣля 1876 г., № 72).

я всемѣрно о доставленіи возможныхъ выгодъ народамъ отъ меня зависящимъ. Обѣ Кабарды опытомъ въ томъ удостовѣрены. Не смотря на нарушеніе присяги, не уважая чинимыхъ оными на наши селенія набѣговъ и предавая забвенію явные ихъ бунты, отвращалъ я отъ нихъ наказаніе тогда, когда не оставалось имъ инаго спасенія, кромѣ пощады. Преступленія ихъ были прощены и, въ довершеніе всѣхъ благодѣяній, возвращаются нынѣ бѣжавшіе отъ нихъ подданные, опредѣляется жалованье за службу и награждаются чинами служащіе. Таковыя благодѣянія обязываютъ народъ кабардинскій пресѣчь навсегда безпокойства и мятежи и жить въ мирѣ, тишинѣ и ненарушимой вѣрности. Сего я отъ вашего ожидаю старанія и сего собственно требуетъ польза всего народа, ибо если еще откроются въ Кабардахъ каковыя-либо неустройства, то навлекутъ неизбѣжныя бѣдствія и тогда ничто не отвратитъ заслуженнаго наказанія, въ томъ удостовѣряю я васъ моимъ словомъ.

Депутаты ручались за вѣрность кабардинскаго народа, но князь Таврическій, не особенно довѣряя ихъ обѣщаніямъ, часто нарушаемымъ, принималъ мѣры къ тому, чтобъ изолировать кабардинцевъ отъ сношеній съ сосѣдними имъ племенами, намъ враждебными. Въ виду этого онъ охотно согласился на просьбу осетинъ-дигорцевъ принять ихъ въ подданство Россіи и построить крѣпость у Татартупа. Возведеніе крѣпости въ этомъ пунктѣ раздѣляло кабардинцевъ съ чеченцами и дозволяло прервать сношенія между ними, обуздывало Малую Кабарду и могло служить осетинамъ не только огражденіемъ отъ притѣсненій, но и поводомъ выселяться съ горъ на плоскость. «А по множеству осетинскаго народа, доносилъ генералъ-поручикъ Потемкинъ [1]), уповательно, что современемъ великое число выселится ихъ на линію, и сіе выселеніе тѣмъ полезнѣе будетъ, что они всѣ желаютъ быть христіанами и весьма будутъ вѣрны». Вслѣдъ за осетинцами, жители Эндери и аксаевцы обратились съ просьбою завести у нихъ земское войско, по примѣру кабардинцевъ. Они побуждаемы были къ тому примѣромъ и внушеніями шамхала Тарковскаго, давно уже вступившаго въ подданство Россіи.

---

[1]) Князю Таврическому, отъ 9-го апрѣля, № 452. Госуд. Арх., XXIII, № 13 п. 62.

Послѣ смерти шамхала Муртазы-Алія, ему наслѣдовалъ братъ его Баматъ, который еще въ 1784 году отправилъ къ князю Потемкину прошеніе на высочайшее имя. Повергая себя въ подданство Россіи, шамхалъ Баматъ просилъ только, чтобы не быть ему унижену предъ другими владѣльцами и въ особенности предъ царемъ Грузіи, «ибо черезъ то, говорилъ онъ, могу я быть осрамленъ въ народѣ здѣшнемъ. Царь Ираклій никогда не могъ считать себя въ высшей меня степени, доколѣ не подвергся подъ покровительство Всероссійское и я никогда не могу его предпочесть себѣ, будучи въ равномъ съ нимъ достоинствѣ».

Переговоры о подданствѣ шамхала тянулись довольно долго и именно до 1786 года. Замедленіе въ подпискѣ условій и присягѣ произошло отъ того, что шамхалъ по разнымъ причинамъ не могъ долго собрать своихъ совѣтниковъ, для объявленія имъ своего рѣшенія вступить въ подданство Россіи. Наконецъ, 19-го мая 1786 года, прибыли въ Екатериноградъ уполномоченные шамхала и черезъ шесть дней было приступлено къ торжественной присягѣ.

Въ десять часовъ утра, 25-го мая, были отправлены за уполномоченными особые экипажи, въ которыхъ они прибыли въ домъ намѣстника. Послѣ обычной церемоніи и угощенія, послы были введены въ аудіенцъ-залу и поставлены противъ трона, у подножія котораго сидѣлъ генералъ-поручикъ Потемкинъ. Старшій изъ уполномоченныхъ обратился къ представителю русской власти съ особою рѣчью.

— Промыслъ Всевышняго, сказалъ онъ,— устроивъ солнце, луну и міръ, предопредѣляетъ жребій земнымъ царствамъ. Онъ возвысилъ славу Имперіи Всероссійской подъ державою премудрой, побѣдоносной и дивной въ свѣтѣ императрицы Екатерины Алексѣевны. Блистающіе лучи славы и величества ея освѣщаютъ всѣ концы вселенныя. Озаренъ будучи величіемъ дѣлъ и милосердіемъ ея величества, нашъ владѣтель, шамхалъ Дагестанскій, пожелалъ быть подчиненнымъ всероссійскому императорскому престолу и прислалъ насъ съ полною мочью повергнуть себя въ подданство и совершить присягу на вѣрность ея величеству и ея высокихъ преемниковъ.

Послѣ отвѣта П. С. Потемкина было прочтено полномочіе и

затѣмъ приступлено къ присягѣ, при громѣ пушечныхъ выстрѣловъ [1]). Отобѣдавъ у главнокомандующаго и проведя нѣсколько дней въ Екатериноградѣ, уполномоченные отправились обратно, одаренные подарками [2]). Генералъ-поручикъ Потемкинъ совѣтовалъ Бамату отправить въ С.-Петербургъ своего сына для принесенія благодарности императрицѣ. Шамхалъ охотно согласился, но безпокойства въ Дагестанѣ были причиной въ замедленіи отправленія посольства. Эти же безпокойства побудили Бамата оставить сына при себѣ и оправить въ Петербургъ депутацію изъ приближенныхъ людей.

«Повергнувъ себя, писалъ при этомъ шамхалъ императрицѣ, домъ мой и всѣ подвластные мнѣ предѣлы и народъ въ зависимость знаменитаго престола Всероссійской Имперіи, удостоенъ я благоволеніемъ вашего императорскаго величества, сопричтенъ быть къ тѣмъ счастливымъ народамъ, которые наслаждаются славой и благостояніемъ подъ премудрымъ правленіемъ вашего величества.

«Съ начала вступленія моего на шамхальское достоинство ревновалъ я сего счастія. Провидѣніе Господне благоволило увѣнчать желаніе и ревность мою успѣхомъ. Униженное мое прошеніе внято и клятвенная присяга на подданство отъ моего лица и всего мнѣ подданнаго народа совершена. Я почитаю себѣ священною должностію, отправленіемъ моего посольства подтвердить данную мнѣ клятву на вѣрность предъ самимъ престоломъ вашего величества.

«Повергая себя и весь народъ мнѣ подвластный высочайшему благоволенію, обѣщаюсь новою клятвой за себя и преемниковъ моихъ сохранить свято и навсегда вѣрность къ вашему величеству и престолу всероссійскому и учинить себя достойнымъ мощнаго покрова и милосерднаго благоволенія.

---

[1]) Поденная записка. Государственный Архивъ, XXIII, № 13, пап. 51.

[2]) Шамхалу посланы въ подарокъ отъ имени императрицы: сабля богато украшенная, шуба «владѣтелю приличная», кинжалъ, осыпанный каменьями, соболій мѣхъ и парча для покрышки мѣха. Отъ князя Потемкина перстень, а отъ П. С. Потемкина шуба на горностаевомъ мѣху, покрытая малиновымъ бархатомъ и платье изъ богатой парчи. Матери шамхала посланъ кусокъ парчи и пять кусковъ разнаго атласа; двумъ сыновьямъ по табатеркѣ; четыремъ дочерямъ по атласу на платье; посламъ: старшему перстень и пятьсотъ червонцевъ, а младшему—перстень и четыреста червонцевъ (Рапортъ П. С. Потемкина князю Таврическому 28-го мая 1786 года, № 285).

«Сіе чувство, напечатлѣнное въ душѣ моей, потщусь я впечатлѣть въ сердца всѣхъ народовъ моихъ, коихъ удостоили признать своими подданными и общимъ голосомъ молить Всевышняго, да продолжитъ Онъ драгоцѣнный вѣкъ вашъ и да вразумитъ насъ служить премудрой и Великой Екатеринѣ со всею возможною ревностію».

Произведенный въ тайные совѣтники и награжденный бриллiантовымъ перомъ, Баматъ былъ утвержденъ въ шамхальскомъ достоинствѣ особою грамотою императрицы. Ему пожаловано по шести тысячъ рублей въ годъ на содержаніе войскъ и въ видѣ особой почести назначенъ особый конвой изъ русскихъ войскъ для постояннаго пребыванія при шамхалѣ.

Примѣру шамхала послѣдовали многіе горскіе владѣльцы, искавшіе покровительства Россіи. Ханы: Казикумухскій, Аварскій и Дербентскій прислали также своихъ посланныхъ съ просьбой принять ихъ подъ покровительсто Россіи. Князь Таврическій представилъ ихъ прошенія императрицѣ, на что и получилъ разрѣшеніе поступать по своему усмотрѣнію. «Нужнымъ дѣломъ для пользы нашей государственной почитаемъ, писала императрица князю Потемкину [1]), дать вамъ общую полную мочь на принятіе подъ державу и покровительство наше тамошнихъ народовъ, заключеніе съ ними постановленій, самимъ ли безпосредственно или поручая подъ вами начальствующимъ, бывъ увѣрены, что вы тутъ все ко благу Имперіи и къ славѣ нашей учреждать будете, увѣдомляя насъ подробно, для полученія нашей рѣшительной воли».

Получивъ такое полномочіе, свѣтлѣйшій обнадежилъ посланныхъ въ милости императрицы къ ихъ владѣтелямъ, одарилъ подарками, и чтобъ удержать Омаръ-хана Аварскаго отъ безпрерывныхъ вторженій въ Грузію, назначилъ ему по шести тысячъ рублей въ годъ, подъ предлогомъ того, что ханъ, при заведеніи земскаго войска, принужденъ будетъ нести излишніе расходы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ письмѣ къ Омаръ-хану, свѣтлѣйшій высказывалъ увѣренность, «что въ настоящемъ положеніи дѣлъ, когда Россія, возбужденная сдѣланнымъ со стороны Оттоманской Порты нарушеніемъ мира, подняла

[1]) Въ именномъ указѣ отъ 26-го августа 1786 года, № 706. Архивъ Кабинета, св. 442.

праведное оружіе», то ханъ будетъ враговъ Россіи считать своими врагами [1]). Фетъ-Али-хану Дербентскому князь Потемкинъ писалъ, что съ особеннымъ удовольствіемъ исполнитъ его желаніе и заранѣе увѣряетъ его въ благоволеніи императрицы. «Впрочемъ, какъ теперь, прибавлялъ князь Таврическій [2]), Порта Оттоманская дерзнула приступить къ разрыву съ Имперіей Всероссійскою, то я надѣюсь, что въ разсужденіи Грузіи и прочихъ подвластныхъ Россіи народовъ не оставите вы поступать такъ, какъ истинному доброхоту надлежитъ».

XIII.

Интриги Порты.—Нарушеніе ею условій мирнаго трактата.—Разрывъ съ Турціею и объявленіе войны.—Экспедиція генерала Потемкина за Кубань.—Пораженіе полчищъ Шейхъ-Мансура. — Назначеніе генералъ-аншефа Текелли командующимъ войсками. — Боевыя и продовольственныя средства. — Состояніе края. — Скудость извѣстій о непріятелѣ. — Экспедиція за Кубань. — Пораженіе горцевъ на рѣкѣ Урупѣ.—Неудачный походъ къ Анапѣ. — Бой на рѣкѣ Убинѣ. Назначеніе графа Салтыкова командующимъ Кавказскимъ и Кубанскимъ корпусами.

Вынужденная силою обстоятельствъ признать совершившимся фактомъ присоединеніе къ Россіи Крыма и Кубани, Порта съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе сознавала важность потери. Съ такимъ присоединеніемъ весь сѣверный берегъ Чернаго моря перешелъ во власть Россіи, и ея корабли при первомъ удобномъ случаѣ могли явиться подъ стѣнами Константинополя. Не имѣя возможности силою противодѣйствовать усиленію Россіи, турецкое правительство прибѣгало вначалѣ къ обычному своему средству—интригѣ.

Еще въ началѣ 1787 года Порта отправила капиджи-башу черезъ Баязетъ, Нахичевань и Шушу въ Дагестанъ для возбужденія туземнаго населенія противъ Россіи. Съ капиджи-башою было послано 80,000 червонцевъ и 30 халатовъ, для подарковъ разнымъ владѣльцамъ и вліятельнымъ лицамъ. Въ то же

[1]) Письмо князя Потемкина хану Аварскому 25-го августа 1787 года, № 2200.
[2]) Письмо Фетъ-Али-хану Дербентскому 25-го августа 1787 года, № 2201.

время, получивъ извѣстіе о бѣгствѣ лжепророка Мансура къ закубанцамъ и зная, что онъ пользуется тамъ довѣріемъ многихъ, турецкое правительство старалось войти съ нимъ въ сношеніе и употребить его орудіемъ для исполненія своихъ видовъ. Для Порты, конечно, всего выгоднѣе было держать закубанцевъ въ заблужденіи, что Мансуръ есть истинный имамъ, и хотя султанъ Абдулъ-Гамидъ, на вопросъ у муфтія, допускаетъ-ли коранъ появленіе новаго имама, получилъ отрицательный отвѣтъ, но рѣшилъ не препятствовать Мансуру называться имамомъ. Султанъ дозволилъ ему сохранять этотъ титулъ для болѣе удобнаго возмущенія мусульманъ и послалъ ему въ подарокъ часы и зрительную трубу.

Разсчитывая, что возстаніе мусульманскаго населенія значительно затруднитъ положеніе русскихъ войскъ въ Грузіи и отвлечетъ значительную часть силъ отъ европейскаго театра дѣйствій, Порта рѣшила въ принципѣ объявить войну Россіи и стала нарушать заключенные трактаты. Прежде всего было нарушено постановленіе о Молдавіи и Валахіи, состоявшее въ томъ, чтобы не брать съ жителей княжества податей два года и не смѣнять господарей. Затѣмъ договоръ объ удаленіи запорожцевъ за Дунай не только не былъ исполненъ, но напротивъ того они поселены вблизи русскихъ границъ и пополнялись русскими бѣглыми. Возникшіе по этому поводу дипломатическіе переговоры окончились тѣмъ, что лѣтомъ (15-го іюля) 1787 г. Порта пригласила нашего посланника Булгакова на конференцію съ рейсъ-эфенди. Послѣдній передалъ нашему послу ультиматумъ, въ которомъ требовалъ: 1) выдачи молдавскаго господаря Маврокордато, бѣжавшаго въ Россію; 2) отозванія русскихъ консуловъ изъ Яссъ, Букареста и Александріи; 3) допущенія турецкихъ консуловъ во всѣ русскія гавани и торговые города; 4) признанія грузинскаго царя Ираклія II подданнымъ Турціи; 5) осмотра всѣхъ русскихъ кораблей, выходящихъ изъ Чернаго моря, и 6) постановленія, чтобы турецкіе купцы платили пошлины не болѣе 3%.

Булгаковъ, конечно, не могъ согласиться съ подобнаго рода требованіями и, спустя нѣсколько дней, былъ опять призванъ къ рейсъ-эфенди. На этотъ разъ турецкій министръ иностранныхъ дѣлъ не считалъ нужнымъ скрывать истиннаго желанія своего

правительства и потребовалъ, чтобы Россія возвратила Турціи Крымъ и уничтожила договоръ о вѣчномъ мирѣ. Удовлетворить такое требованіе Булгаковъ былъ не въ силахъ, и тогда Порта, 5-го августа 1787 г., арестовала его и заключила въ Семибашенный замокъ.

9-го сентября 1787 года императрица Екатерина II объявила манифестомъ о разрывѣ съ Турціею и объ открытіи военныхъ дѣйствій. Турки 21-го августа напали на два наши бота, находившіеся въ Очаковскомъ лиманѣ, и отправили отрядъ изъ Суджука къ закубанцамъ для поддержанія ихъ при вторженіи въ предѣлы Россіи. Получивъ объ этомъ извѣстіе, генералъ-поручикъ Потемкинъ рѣшился предупредить закубанцевъ и 20-го сентября, съ отрядомъ въ 7,988 человѣкъ и 35 орудіями, переправился черезъ Кубань у Прочнаго-Окопа. Онъ раздѣлилъ свои силы на три отряда, а четвертому, подъ начальствомъ генералъ-маіора Елагина, приказалъ переправиться черезъ Кубань ниже Овечьяго-Брода и прикрывать его наступленіе. Главнѣйшею цѣлью дѣйствій было уничтоженіе сборища имама Мансура, собравшагося въ числѣ до 8,000 человѣкъ между рѣками Урупомъ и Лабою. Высланный противъ него отрядъ полковника Ребиндера въ тотъ же день, 20-го сентября, встрѣтилъ передовой отрядъ лжепророка, состоявшій изъ 600 арбъ, расположенныхъ вагенбургомъ. Замѣтивъ приближеніе русскихъ, горцы громогласно прочли молитву, сочиненную Мансуромъ и рѣшились сопротивляться до послѣдней крайности. Вагенбургъ былъ, однако же, взятъ, и защитники его лишились до 400 человѣкъ убитыми.

На другой день, 21-го числа, Мансуръ съ своею толпою атаковалъ отрядъ полковника Ребиндера, но былъ отбитъ послѣ весьма упорнаго боя. Самая жаркая схватка горцевъ была съ Ростовскимъ карабинернымъ полкомъ. При атакѣ непріятеля полкъ наткнулся на засаду и былъ сверхъ того атакованъ во флангъ. Два эскадрона ростовцевъ и часть казаковъ пришли въ замѣшательство, но подоспѣвшіе драгуны Астраханскаго полка съ баталіономъ гренадеръ опрокинули непріятеля. Горцы обратились въ полное бѣгство.

При первыхъ выстрѣлахъ генералъ-поручикъ Потемкинъ отправилъ для поддержанія Ребиндера отрядъ князя Ратіева, кото-

рый уже не поспѣлъ на поле сраженія. Отступивъ верстъ на десять, Мансуръ остановился; къ нему прибыли на помощь темиргойцы, бесленейцы и абазинцы, и 22-го числа онъ опять появился въ виду нашего отряда. Генералъ-маіоръ князь Ратіевъ атаковалъ горцевъ, и они, не будучи въ состояніи выдержать жестокаго огня, «раздѣлились по націямъ и засѣдая въ лощинахъ и рощахъ» старались удержать стремленіе атакующихъ, но были повсюду вытѣснены. Ближайшій къ мѣсту боя аулъ и домъ, въ которомъ поселился Мансуръ, были сожжены. При домѣ имама найдено было два сарая, въ которыхъ хранилось до 10,000 пудовъ коровьяго масла и множество ячменя; масло сожжено, а ячмень розданъ войскамъ. «Никто изъ закубанцевъ не смѣлъ уже тутъ показаться, а смотрѣли только на сіе позорище съ вершинъ ближайшихъ къ снѣжнымъ горамъ холмовъ [1])».

25-го сентября генералъ-поручикъ Потемкинъ приказалъ всѣмъ отрядамъ возвращаться къ берегамъ Кубани. Горцы преслѣдовали, но вяло, въ виду большой потери, понесенной ими въ послѣдніе дни. Многіе изъ закубанцевъ не имѣли ружей, были вооружены луками, стрѣлами и хотя чувствовали неравенство въ бою, но продолжали собираться толпами и группировались около Мансура.

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда генералъ-поручикъ П. С. Потемкинъ былъ отозванъ и вмѣсто него назначенъ генералъ-аншефъ Текелли.

4-го октября 1787 года Текелли вступилъ въ командованіе всѣми отрядами, расположенными на пространствѣ между Азовскимъ и Каспійскимъ морями; въ его же вѣдѣніе поступила и эскадра русскихъ судовъ, находившихся на Каспійскомъ морѣ.

«Ваше вдѣніе и забота, писалъ Текелли князь Потемкинъ-Таврическій [2]), должны обнимать все сіе пространство, но при всемъ томъ держаться извольте генеральнаго правила, чтобы не раздроблять силы свои, не имѣть многихъ (лишнихъ) постовъ кромѣ нужныхъ и поставить себя въ состояніе къ сильному пораженію,

---

[1]) Всеподд. донесеніе князя Потемкина 23-го октября 1787 г., № 46. Журналъ князя Потемкина. Московс. Арх. Глав. Штаба.

[2]) Въ ордерѣ отъ 26-го августа 1787 г., за № 2207. Арх. Главн. Штаба. Исходящ. журналъ князя Потемкина.

если бы непріятель къ границамъ нашимъ покушеніе сдѣлать осмѣлился».

Такимъ образомъ въ распоряженіе генералъ-аншефа Текелли, поступили Кубанскій и Кавказскій корпуса. Первый, подъ командою генералъ-маіора барона Розена, былъ расположенъ по Кубани, упираясь правымъ флангомъ въ Азовское море, и состоялъ изъ двухъ полковъ пѣхоты и егерскаго корпуса [1]), двухъ драгунскихъ полковъ [2]) и 16 орудій полевой артиллеріи. Кавказскій корпусъ состоялъ изъ 9 полковъ пѣхоты и егерскаго корпуса [3]), трехъ карабинерныхъ [4]) и двухъ драгунскихъ [5]), четырехъ Донскихъ полковъ, полка Уральскихъ казаковъ, поселенныхъ казаковъ Астраханскихъ и Кавказскихъ и 32 орудій полевой артиллеріи [6]).

Флотилія наша на Каспійскомъ морѣ состояла изъ трехъ фрегатовъ, одного бомбардирскаго корабля, трехъ палубныхъ ботовъ и двухъ транспортныхъ судовъ, съ 45 орудіями [7])

Пѣхотные полки были некомплектны и состояли изъ двухъ баталіоновъ; въ карабинерныхъ полкахъ было по шести эскадроновъ, но недоставало много лошадей, точно такъ же какъ и въ артиллеріи. Въ докторахъ былъ большой недостатокъ, а госпиталей совсѣмъ не было устроено.

Войска Кубанскаго корпуса располагались на зимнихъ квартирахъ: въ Ейскомъ укрѣпленіи, въ Азовѣ, въ Таганрогскомъ и Бахмутскомъ округахъ и около Черкасска, въ донскихъ станицахъ. Кавказскій корпусъ былъ расположенъ: въ Ставрополѣ, въ Прочномъ-Окопѣ, Григоріополѣ, Сенгилѣевскѣ и по Черкасской дорогѣ [8]).

---

[1]) Низовскій и Азовскій пѣхотные полки и Кубанскій егерскій корпусъ.

[2]) Нижегородскій и Владимірскій драгунскіе полки.

[3]) Пѣхотные полки: Кавказскій, Ладогскій, Кабардинскій, Тифлисскій, Владимірскій, Казанскій, Московскій, Воронежскій, Нижегородскій и Кавказскій егерскій корпусъ (См. Московск. Арх. Главн. Штаба. Исходящій журналъ князя Потемкина).

[4]) Ростовскій, Нарвскій и Каргопольскій.

[5]) Астраханскій и Таганрогскій.

[6]) Сверхъ того при каждомъ пѣхотномъ и драгунскомъ полку было по четыре полковыхъ орудія, а при егерскомъ баталіонѣ по двѣ 3-хъ-фунтов. пушки.

[7]) Пушекъ 3-хъ-фунтовыхъ 20, шести-фунтовыхъ 24 и одна пудовая гаубица.

[8]) Вѣдомость, представленная князю Потемкину-Таврическому, при рапортѣ Текелли 17-го декабря 1787 г. Георгіев. Воен. Архивъ.

Для продовольствія Кубанскаго корпуса была учреждена провіантская коммиссія въ Ростовѣ, а для Кавказскаго корпуса въ Астрахани. Отдаленное расположеніе коммиссій отъ войскъ было причиною того, что въ нѣкоторыхъ пунктахъ войска не имѣли даже хлѣба въ достаточномъ количествѣ и получали скудное довольствіе отъ мѣстныхъ жителей.

Сдавая корпусъ Текелли, генералъ-поручикъ П. С. Потемкинъ не оставилъ своему преемнику никакихъ суммъ [1]), не передалъ ему никакихъ дѣлъ, не оставилъ переводчика и не сообщилъ никакихъ свѣдѣній о краѣ и народахъ, его населяющихъ [2]).

Въ то время русскихъ поселеній на Кубани вовсе не было и получать свѣдѣнія о непріятелѣ было крайне затруднительно. Кабардинцы дѣлали весьма частые набѣги, переправляясь всего чаще у Бабукова брода. Жившія за Кубанью племена, будучи подданными Порты, были явно намъ враждебны, въ особенности съ тѣхъ поръ когда турецкое правительство, готовясь къ войнѣ съ Россіею, усилило свои гарнизоны въ Суджукѣ и Анапѣ и поставило тамъ особыхъ пашей для командованія войсками и управленія краемъ. Бѣжавшій изъ Чечни имамъ Мансуръ возбуждалъ магометанъ, призывая ихъ на брань противъ христіанъ. Кабардинцы волновались и готовы были возстать поголовно. При тогдашнемъ политическомъ положеніи Россіи относительно Турціи, войскъ Кубанскаго корпуса было слишкомъ недостаточно, чтобы силою принудить горцевъ къ повиновенію и покорности. Князь Потемкинъ хотя и предписалъ войсковому атаману Иловайскому быть всегда готовымъ двинуться на усиленіе Кубанскаго корпуса, но совѣтовалъ Текелли вліять на горцевъ и въ особенности на кабардинцевъ не столько страхомъ оружія, сколько ласкою и мягкостью обращенія.

«Я надѣюсь, писалъ свѣтлѣйшій [3]), что благосклонное ваше съ ними обращеніе болѣе произведетъ въ нихъ привязанности и

---

[1]) П. Потемкинъ заявилъ, что хотя у него и есть 50,000 червонцевъ, но что онъ долженъ доставить ихъ князю Таврическому.

[2]) Донесеніе Текелли князю Потемкину-Таврическому отъ 8-го октября. Георгіев. Военн. Арх.

[3]) Генералу Текелли въ ордерѣ отъ 26-го августа 1787 г., № 2207. Москов. Арх. Глав. Штаба, Исходящій журн. Потемкина.

усердія къ Имперіи Россійской, нежели страхъ наказанія. Нужно имѣть къ нимъ снисхожденіе. По закону магометанскому они носятъ шапки, которыя приказали имъ скидать и сіе ихъ огорчило. Ваше превосходительство, оставьте ихъ въ шапкахъ, такъ какъ и всѣхъ могометанъ, и больше ихъ къ себѣ привлечете.

«Изъ всѣхъ прочихъ народовъ горскихъ наиболѣе оказываютъ привязанности къ Россіи и даже склонности къ закону христіанскому, осетины и ингуши. Надобно стараться умножить въ нихъ сію преданность и усердіе, дѣлая имъ ласковые пріемы и отличая предъ другими».

Ближайшіе къ нашимъ границамъ персидскіе ханы и владѣльцы частію искали покровительства Россіи, частію были независимы. Шамхалъ Тарковскій вступилъ въ подданство Россіи и ему пожалованъ чинъ тайнаго совѣтника. Фетъ-Али-ханъ Дербентскій искалъ расположенія Россіи, и хотя не былъ искренно преданъ нашему правительству, но одинъ изъ немногихъ не принялъ подарковъ Порты и письмо къ нему визиря прислалъ къ князю Потемкину. Непримиримый врагъ Фетъ-Али-хана, аварскій Омаръ-ханъ, двуличничалъ и, увѣряя, что преданъ Россіи, въ то же время вторгался въ Грузію и грабилъ ея жителей. Для защиты этой страны и вообще для содѣйствія нашимъ видамъ, князь Потемкинъ просилъ Текелли постараться соединить союзомъ царей Грузіи и Имеретіи. «Съ присовокупленіемъ Фетъ-Али-хана, говорилъ онъ, въ состояніи они будутъ одержать преимущество надъ врагами нашими». Съ этою послѣднею цѣлью князь Потемкинъ-Таврическій отправилъ на Кавказъ двухъ братьевъ Горичей, для словесныхъ переговоровъ и внушеній подвластнымъ намъ горскимъ народамъ прямой ихъ пользы въ истинной привязанности къ Россіи и въ сохраненіи тишины и спокойствія [1]). Зная по опыту, что азіятцы неохотно повѣряютъ бумагѣ свои сокровенныя тайны и всегда предпочитаютъ словесныя объясненія, свѣтлѣйшій поручилъ генералъ-маіору меньшему Горичу отправиться къ «народамъ, пребывающимъ между Моздока и моря Каспійскаго», а бригадиру большому Горичу—къ кабардинцамъ, осетинамъ, бесленейцамъ, абазинцамъ и прочимъ закубанцамъ. Ему же приказано было посѣтить

[1]) Открытые ордера Горичамъ 22-го августа 1787 года, №№ 2, 156 и 2,157.

Аварскаго и Дербентскаго хановъ и обнадежить ихъ въ томъ благополучіи, которое ожидаетъ ихъ съ поступленіемъ въ подданство Россіи.

«Два брата, бригадиръ и бывшій въ польской службѣ генералъ-маіоръ Горичи, писалъ князь Таврическій генералу Потемкину [1]), отправлены отъ меня въ край Кавказскій, чтобы по единоземству и уваженію, которое тамъ къ нимъ имѣютъ, способствовать къ приведенію народовъ въ полезное для насъ расположеніе».

Большой Горичъ просилъ подчинить ему Гребенское и Терское войска, но бывшій въ то время главнокомандующій, генералъ Текелли, не могъ согласиться на такое требованіе, тѣмъ болѣе, что получилъ приказаніе князя Таврическаго произвести сильную экспедицію за Кубань. Текелли сформировалъ два отряда: одинъ подъ своимъ начальствомъ, а другой подъ начальствомъ атамана Иловайскаго [2]).

Поручивъ Иловайскому переправиться, 13-го октября, черезъ Кубань, у Темишберга, самъ Текелли, сосредоточивъ отрядъ изъ 12,750 челов. и раздѣливъ его на три колонны, также 14-го октября перешелъ Кубань у Аджи-кале съ цѣлью истребленіемъ хищниковъ очистить лѣвый берегъ Кубани, начиная отъ впаденія въ нее рѣки Лабы до самыхъ вершинъ снѣговыхъ горъ. По предположенію князя Потемкина войска эти должны были оставаться за Кубанью до тѣхъ поръ, пока «надобность будетъ требовать, истребляя огнемъ и мечомъ непріятеля и его селенія и приводя въ несостояніе покуситься когда либо на границы» Россіи [3]).

Запасшись мѣсячнымъ сухарнымъ продовольствіемъ, генералъ Текелли двинулся вверхъ по рр. Большому и Малому Зеленчукамъ и въ теченіе трехъ дней не встрѣчалъ непріятеля. Оставя свои селенія, закубанцы не рѣшались вступать въ дѣло съ нашими войсками, и только по приближеніи отряда къ Чернымъ горамъ, толпы непріятеля показались на ихъ вершинахъ. Абазинцы заняли

---

[1]) Въ ордерѣ отъ 22-го августа 1787 года, № 2,159.

[2]) Въ составъ этого отряда вошло войско Донское, но два полка пѣхоты и драгунъ и три баталіона егерей.

[3]) Всеподд. донесеніе князя Потемкина 23-го октября 1787 г., № 47. Московск. Арх. Главнаго штаба.

наиболѣе суровыя ущелья между Кубанью и Большимъ Зеленчукомъ и считали себя въ полной безопасности. Текелли отправилъ два отряда: полковника Ребиндера къ вершинамъ рѣкъ Малаго Зеленчука и Марухи и генералъ-маіора кн. Ратіева на р. Аксаутъ. Скопившіеся здѣсь горцы были разбиты, разсѣяны и принуждены бѣжать къ снѣговымъ горамъ. Видя селенія разоренными, женъ и дѣтей въ рукахъ побѣдителей, а себя безъ всякой надежды на возвращеніе потеряннаго, абазинцы прислали къ Текелли депутатовъ съ просьбою о помилованіи и принятіи ихъ въ подданство Россіи.

Согласившись на просьбы покорившихся, генералъ Текелли въ то же время узналъ, что Мансуръ собираетъ значительныя толпы въ вершинахъ рѣкъ Большаго Зеленчука и Кефиры. Онъ тотчасъ же двинулся противъ Мансура, отправивъ въ авангардѣ отрядъ полковника Ребиндера. Непріятель не выдержалъ первыхъ нападеній и отступилъ къ р. Урупу. Русскія войска слѣдовали по пятамъ отступавшихъ и, настигши непріятеля на р. Урупѣ, нанесли ему окончательное пораженіе. Большая часть толпы принуждена была покориться, а имамъ Мансуръ съ небольшимъ числомъ его окружающихъ едва могъ спастись, пробираясь по вершинамъ снѣговыхъ горъ, бросая по дорогѣ старыхъ и малолѣтнихъ, которые бѣжать съ нимъ были не въ силахъ. Впослѣдствіи по пути бѣгства Мансура было найдено множество мертвыхъ тѣлъ, преимущественно младенцевъ [1]).

По показанію плѣнныхъ, Мансуръ бѣжалъ въ Суджукъ-кале. Оставаясь нѣсколько дней за Кубанью, генералъ Текелли истребилъ остатки жилищъ бесленейцевъ и темиргойцевъ и занимался выводомъ на линію покорившихся ногайскихъ татаръ. Всѣ они, въ числѣ болѣе тысячи семей, были поселены по лѣвой сторонѣ р. Кумы, между Кумскимъ штерншанцемъ и селеніемъ Александріею.

2-го ноября Текелли возвратился изъ экспедиціи и расположилъ свои войска на зимнія квартиры, а 5-го ноября возвратился на правый берегъ этой рѣки и отрядъ Иловайскаго.

---

[1]) Всеподд. донесеніе кн. Потемкина 1-го декабря 1787 г., № 59, Московск. Арх. Главнаго Штаба.

Пройдя по обоимъ берегамъ р. Лабы, разгоняя повсюду непріятеля и уничтожая селенія, Иловайскій привелъ на линію много скота, захватилъ плѣнныхъ и имущество [1]).

Такимъ образомъ закубанцы были разорены до основанія, тѣмъ болѣе, что одновременно съ экспедиціею Текелли, бригадиръ большой Горичъ испросилъ разрѣшеніе кабардинцамъ произвести набѣгъ за Кубань. Подъ видомъ услугъ Россіи, кабардинцы въ сущности желали возвратить своихъ подвластныхъ, бѣжавшихъ отъ притѣсненія владѣльцевъ. Собравшись въ числѣ 5 т. человѣкъ, подъ начальствомъ 36 владѣльцевъ и подъ предводительствомъ Горича, кабардинцы напали на абазинцевъ, башильбаевъ и темиргойцевъ. Они вывели много плѣнныхъ и поселили ихъ вблизи Кабарды, между истоковъ р. Кумы. Сверхъ того, кабардинцы обязали письменнымъ договоромъ бесленейцевъ быть вѣрными Россіи и взяли съ нихъ аманатовъ. Обязательства эти и аманаты приносили малую пользу: горцы продолжали вторгаться въ наши предѣлы, да и сами кабардинцы присоединялись къ толпамъ хищниковъ и были лучшими ихъ проводниками. Прорывы на линію и хищничества со стороны закубанцевъ, кабардинцевъ и чеченцевъ происходили весьма часто. Пойманныхъ въ грабительствѣ гоняли сквозь строй и однихъ отпускали домой, а другихъ отправляли въ ссылку. Закубанцы были въ болѣе враждебныхъ къ намъ отношеніяхъ, чѣмъ кабардинцы. Послѣдніе считались нашими подданными, и многіе изъ кабардинцевъ имѣли русскіе чины. Это, впрочемъ, не мѣшало ни мелкому хищничеству, ни двусмысленному поведенію: дороги въ Екатериноградъ были небезопасны, и отправляемые казенные транспорты требовали конвоя.

Съ выводомъ нашихъ баталіоновъ изъ Грузіи сообщеніе наше съ Закавказьемъ почти прекратилось, потому что Владикавказъ и прочіе укрѣпленные пункты по этому пути въ 1788 г. были нами оставлены, и гарнизоны ихъ присоединены къ дѣйствующимъ войскамъ.

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда кн. Потемкинъ, 22-го апрѣля 1788 г., предписалъ генералу Текелли выступить какъ

[1]) Всеподд. рапорты кн. Потемкина отъ 1-го и 26-го декабря 1787 г., №№ 59 и 62. Письмо его же къ графу Румянцову 7-го декабря, № 3251.

можно скорѣе и начать военныя дѣйствія противъ Суджукъ-кале или Анапы. «Сіе предпріятіе тѣмъ нужнѣе, писалъ свѣтлѣйшій [1]), что послужитъ къ отвлеченію непріятеля отъ Тавриды, куда, по всѣмъ извѣстіямъ, устремляетъ онъ главнѣйшія свои силы. Чѣмъ болѣе можете вы собрать съ собою войска, тѣмъ полезнѣе изъ того должно ожидать слѣдствій. Ежели бы разлитіе Кубани воспрепятствовало переходу войскъ на тотъ берегъ для предполагаемыхъ дѣйствій, въ такомъ случаѣ движеніе ваше устремите къ Таману».

Экспедиція эта могла однако же состояться не ранѣе сентября мѣсяца. Поручивъ вновь назначенному командиромъ Кубанскаго корпуса [2]) генералъ-поручику Талызину занять лагерь въ 17-ти верстахъ выше урочища Заны, генералъ Текелли, 19-го сентября, переправился черезъ Кубань ниже Усть-Лабинской крѣпости и двинулся къ Суджуку. Встрѣтивъ сопротивленіе непріятеля при первомъ движеніи на лѣвомъ берегу Кубани, Текелли, при безпрерывныхъ стычкахъ, прибылъ 25-го числа на р. Убинъ и на слѣдующій день отправилъ оттуда два отряда, подъ командою генералъ-маіора кн. Ратіева и полковника Германа, къ Суджуку, а третій, подполковника Мансурова, къ вершинѣ Убина, для открытія непріятеля. Мансуровъ былъ атакованъ прежде другихъ, причемъ горцы, подкрѣпленные турецкими войсками и артиллеріею, дрались отчаянно. Построясь въ каре, Мансуровъ выдерживалъ атаки съ 4 до 9 часовъ утра. Въ подкрѣпленіе его были отправлены: полковникъ Гротенгельмъ съ Казанскимъ пѣхотнымъ полкомъ и бригадиръ Савельевъ съ баталіономъ гренадеръ и казачьими полками. Прибытіе ихъ на поле сраженія и движеніе во флангъ непріятелю возвращеннаго назадъ отряда генералъ-маіора кн. Ратіева заставило горцевъ отступить съ весьма значительною потерею. По показанію плѣнныхъ, въ этомъ сраженіи участвовало 2,500 челов. турокъ и 8 т. человѣкъ закубанцевъ разныхъ племенъ. Ими предводилъ Мустафа-паша, присланный для защиты того края. Непрія-

[1]) Секретн. журналъ кн. Потемкина. Москов. Арх. Главн. Штаба.

[2]) Въ то время въ составъ Кубанскаго отряда входили: Азовскій и Низовскій пѣхотные полки, Кубанскій егерскій корпусъ, Нижегородскій и Владимірскій драгунскіе, два донскихъ полка и 16 орудій полевой артиллеріи.

тель потерялъ убитыми и ранеными болѣе 1,500 челов.; наша потеря состояла изъ 28 убитыхъ и 226 раненыхъ.

Послѣ этого сраженія Текелли не встрѣчалъ уже сопротивленія и, пройдя черезъ урочище Заны, соединился тамъ съ отрядомъ генерала Талызина. 13-го октября онъ подошелъ къ Анапѣ, гдѣ находился значительный гарнизонъ и лжепророкъ Мансуръ, приготовлявшій городъ къ оборонѣ.

На слѣдующій день была произведена полковникомъ Германомъ усиленная рекогносцировка крѣпости, съ одною драгунскою бригадою и Волжскимъ казачьимъ полкомъ. Допустивъ рекогносцировавшихъ на весьма близкое разстояніе къ крѣпости, турки открыли по нимъ весьма живой огонь. Вслѣдъ затѣмъ была произведена вылазка изъ города, одновременно съ появленіемъ горцевъ, скрывавшихся до условленнаго знака въ лѣсистыхъ ущельяхъ. Наша кавалерія была поставлена въ крайне затруднительное положеніе, и ее выручили только подоспѣвшіе сначала два баталіона пѣхоты, а потомъ отрядъ ген.-маіора князя Ратіева. Наступившая ночь прекратила сраженіе, убѣдившее генерала Текелли въ значительности силъ непріятеля.

Не рѣшаясь штурмовать Анапу и не имѣя никакихъ средствъ для веденія правильной осады, Текелли послѣ нѣсколькихъ стычекъ съ непріятелемъ пошелъ обратно и, возвратившись на линію, расположился на зимнихъ квартирахъ [1]).

Такъ кончилась кампанія 1788 г. въ Азіятской Турціи. Ни князь Потемкинъ, ни императрица Екатерина II не были довольны дѣйствіями генералъ-аншефа Текелли и, приписывая столь малый успѣхъ отсутствію энергіи главнокомандующаго, рѣшились замѣнить его другимъ лицомъ.

«Въ разсужденіи,—писала Императрица кн. Потемкину, [2])—отдаленія корпусовъ Кубанскаго и Кавказскаго отъ мѣстъ, на которыхъ дѣйствія арміи вамъ ввѣренной обращаются, соизволяемъ, чтобы изъ оныхъ была составлена особая армія, по приложенному при семъ росписанію [3]). Къ предводительству тою арміею назна-

[1]) Исходящій журн. кн. Потемкина. Московск. Арх. Главн. Штаба.
[2]) Въ рескриптѣ отъ 8-го марта 1789 г. Арх. Кабин. Св. 443.
[3]) По росписанію этому Кавказскую армію составляли слѣдующія войска: Кав-

чаемъ нашего генерала графа Салтыкова съ тѣмъ, чтобы онъ по дѣламъ до снабденія и пропитанія ея и до подробностей службы касающимся, распоряжалъ и относился къ намъ и военной нашей коллегіи безпосредственно; по дѣйствіямъ же военнымъ, яко связь имѣющимъ съ вашими, соображался предположеніямъ вашимъ, донося однако же и намъ прямо о всѣхъ происшествіяхъ въ томъ краѣ. Что принадлежитъ до народовъ тамошнихъ сосѣднихъ, какъ вы уже уполномочены отъ насъ на всякіе, для обезпеченія границъ нашихъ и для интересовъ нашихъ, выгодные съ ними переговоры и постановленія—трактованіе съ ними со стороны помянутаго генерала не инако происходить имѣетъ, какъ по вашему точному руководству».

Такимъ образомъ, хотя на Кавказѣ и была теперь образована особая армія, но командующій ею былъ все-таки связанъ въ своихъ дѣйствіяхъ и не имѣлъ должной самостоятельности. Графъ Салтыковъ, понимая это, не торопился отъѣздомъ, и Императрица принуждена была нѣсколько разъ напомнить ему, что польза службы требуетъ скорѣйшаго прибытія его къ мѣсту назначенія [1]).

Въ концѣ мая 1789 года были получены свѣдѣнія, что турки произвели высадку на восточномъ берегу Чернаго моря и заняли пятитысячными отрядами крѣпости Анапу и Суджукъ-кале. Опасаясь, чтобы они не заняли Тамани и оттуда не вошли въ сношеніе и связь съ крымскими татарами, кн. Потемкинъ Таврическій приказалъ Кубанскому корпусу занять Тамань, а части Кавказскаго корпуса придвинуться къ Кубани и обезпечить границу отъ вторженія закубанцевъ. Съ этою послѣднею цѣлью было сформировано нѣсколько отрядовъ: при устьѣ Лабы стоялъ отрядъ генералъ-маіора Булгакова (4 баталіона, 8 эскадр., 300 казаковъ и 2 орудія); при Темишбекѣ—отрядъ бригадира Депрерадовича ($1^1|_2$ баталіона, 6 эскадр., 200 казаковъ, 2 орудія). Оба отряда прикры-

---

казскій пѣхотный полкъ въ четыре баталіона; *двухбаталіонные полки:* Казанскій, Владимірскій, Московскій, Кабардинскій, Ладогскій, Тифлисскій, Нижегородскій, Воронежскій, Азовскій и Низовскій; *егерскіе корпуса:* Кавказскій и Кубанскій; *конные карабинерные:* Ростовскій, Каргопольскій и Нарвскій; *драгунскіе:* Астраханскій, Таганрогскій, Нижегородскій и Владимірскій; шесть донскихъ полковъ, полкъ Уральскій, казачьи войска Кавказской и Астраханской губерній и калмыкское войско.

[1]) Рескрипты Императрицы графу Салтыкову, отъ 5-го и 18-го іюня 1789 г.

вали главную черкасскую дорогу и первый поддерживалъ связь съ Кубанскимъ корпусомъ. Для прикрытія линіи и селеній отъ закубанскихъ хищниковъ были расположены: у Недреманнаго поста отрядъ генералъ-маіора Елагина ($4^1|_2$ баталіона, 8 эскадр., 300 казаковъ и шесть орудій) и у Невиннаго мыса бригадира Германа ($2^1|_4$ баталіона, 10 эскадр. казачьяго донскаго полка и 5 орудій). Самъ главнокомандующій генералъ Текелли расположился у Песчанаго брода и имѣлъ въ своемъ распоряженіи 4 баталіона пѣхоты, 3 эскадрона кавалеріи, 350 казаковъ и 4 орудія [1]).

XIV.

Неудачный походъ генералъ-поручика Бибикова къ Анапѣ.—Назначеніе командующимъ войсками графа де-Вальмена.—Наступленіе турокъ.—Переправа Баталъ-паши на правый берегъ рѣки Кубани. — Пораженіе, нанесенное ему генераломъ Германомъ на рѣкѣ Тохтамышѣ. — Кончина графа де-Вальмена и назначеніе Гудовича командующимъ войсками. — Движеніе его къ Анапѣ. — Обложеніе, бомбардированіе и штурмъ крѣпости.—Послѣдствія экспедиціи.—Заключеніе Ясскаго мира.

19-го іюля графъ Салтыковъ прибылъ по назначенію и не успѣлъ еще познакомиться съ положеніемъ дѣлъ, какъ былъ отозванъ для командованія войсками, предназначенными для дѣйствія противъ шведовъ.

«По связи дѣйствій армій Кубанской и Кавказской, писала Императрица князю Потемкину-Таврическому [2]), съ таковыми же производимыми въ другихъ частяхъ подъ вашимъ предводительствомъ, признали мы за нужное, чтобы войска, помянутую армію составляющія, отнынѣ были подъ точнымъ вашимъ начальствомъ. А какъ командовавшій тамъ генералъ графъ Салтыковъ отозванъ ко двору нашему для употребленія его къ другому начальству, то и предоставляемъ вамъ къ командованію означенными войсками употребить изъ подчиненныхъ вамъ генераловъ, кого вы заблагоразсудите».

Пока производился выборъ новаго начальника, остававшійся

[1]) Георгіевскій Военный Архивъ.

[2]) Въ рескриптѣ отъ 24-го ноября 1789 г. Арх. Кабинета Его Импер. Велич. Св. 443.

старшимъ генералъ-поручикъ Юрій Бибиковъ, въ исходѣ 1789 года получилъ извѣстіе, что султанъ Селимъ III отправилъ новый фирманъ Шейхъ-Мансуру съ предложеніемъ склонить горцевъ къ единодушному дѣйствію противъ Россіи.

Желая парализовать дѣйствіе фирмана и воспрепятствовать горцамъ вторгаться на линію, Бибиковъ рѣшился предпринять экспедицію за Кубань въ самое суровое зимнее время. Онъ сосредоточилъ 14 баталіоновъ пѣхоты, 6 эскадроновъ драгунъ и семь казачьихъ полковъ, но по значительному некомплекту въ войскахъ, силы его состояли всего изъ 7,609 человѣкъ.

Предпринимая трудный зимній походъ, Бибиковъ не обезпечилъ отряда ни достаточнымъ продовольствіемъ, ни палатками; онъ надѣялся найти значительные запасы хлѣба у мѣстныхъ жителей и располагать войска по селеніямъ.

Прибывъ съ отрядомъ въ Прочный-Окопъ, генералъ-поручикъ Бибиковъ узналъ, что мохошевцы въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ собираются напасть на Григоріополисскій редутъ и, овладѣвъ имъ, двинуться къ Донской крѣпости, съ тѣмъ, чтобы пресѣчь путь съ Черкасскомъ. Съ цѣлью предупредить непріятеля, Бибиковъ 10-го февраля 1790 года переправился черезъ рѣку Кубань по льду и направился во владѣніе мохошевцевъ. Горцы разсѣялись и скрылись въ горахъ, а Бибиковъ, преслѣдуя ихъ, дошелъ до рѣки Лабы. Жившіе на этой рѣкѣ поколѣнія черкесскаго народа (адыге) заявили свою покорность и, Бибиковъ, повѣривъ ихъ чистосердечію, принялъ ихъ въ подданство Россіи [1]). Устроивъ изъ новыхъ подданныхъ почту и ввѣряя имъ всю корреспонденцію, Бибиковъ двинулся далѣе къ темиргойцамъ. «Въ разсужденіи, доносилъ онъ князю Потемкину [2]), теперешней жестокой здѣсь зимы не могу я точно донести вашей свѣтлости, далеко ли продолжу путь мой; но полагаю кончить оный тогда, когда найду совершенную невозможность достигнуть до пункта, къ которому всѣ сіи народы привязываются (Анапѣ). Пребываніе-жь войскъ въ горахъ уже сдѣ-

[1]) По словамъ Бибикова, число покорившихся простиралось до 1,950 семействъ или до 29,250 душъ обоего пола.

[2]) Отъ 16-го февраля 1790 года, № 110. Москов. Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, VII комната, шкафъ № 57.

лало видимую пользу: торгующіе въ Анапѣ армяне, кои есть теперь въ моихъ рукахъ, завѣрно сказываютъ, что въ ономъ городѣ, въ разсужденіи ихъ (турокъ) заключенія, что зимою русскія войска не ходятъ, оставлено не болѣе 500 человѣкъ гарнизона. Касательно до пропитанія людей и скота, то онаго есть здѣсь столько, чтобъ хотя и на всегдашнее пребываніе корпусъ здѣсь остался, то недостатка быть не можетъ».

Поддавшись на ложныя показанія армянъ и на мнимую слабость горцевъ, Бибиковъ двинулся къ Анапѣ. По мѣрѣ того, какъ онъ подавался впередъ и углублялся въ горы, туземцы стали оказывать все большее и большее сопротивленіе. Возбуждаемые Шейхъ-Мансуромъ и турками, закубанцы все гуще и гуще окружали отрядъ и противились дальнѣйшему его движенію впередъ. Они появлялись въ тылу, старались отрѣзать сообщеніе, а передъ фронтомъ, и въ особенности по дорогамъ устраивали завалы и засѣки. Русскому отряду приходилось ежедневно бороться съ многочисленнымъ непріятелемъ и преодолѣвать препятствія, противопоставляемыя природою. Войска шли безъ дороги въ такое время года, когда отъ перваго дѣйствія весеннихъ лучей изъ таявшаго снѣга образовывались горные потоки или же наступившій морозъ сопровождался сильными вьюгами, заметавшими отрядъ и заставлявшими его останавливаться и стоять на мѣстѣ въ теченіе нѣсколькихъ дней. Въ такомъ положеніи вода добывалась только растапливаніемъ снѣга въ солдатскихъ котелкахъ и лошадей напоить было нечѣмъ. Провіантъ и въ особенности фуражъ былъ весь израсходованъ, на мѣстѣ достать ихъ было невозможно, и скоро пришлось кормить лошадей рубленными рогожами. Черкесы угоняли скотъ и истребляли все, что могло служить для продовольствія людей и лошадей на пути, по которому слѣдовали русскія войска. Преодолѣвая сопротивленіе непріятеля, солдаты принуждены были переносить нужду и голодъ. Когда употреблены были въ пищу послѣднія крохи истертыхъ сухарей, тогда мясо обозныхъ лошадей сдѣлалось единственною ихъ пищею [1]).

Между тѣмъ, не видя возможности остановить русскихъ откры-

[1]) Воен. Журн. 1818 г., кн. VIII.

тою силою, горцы стали избѣгать боя, старались заманить Бибикова въ неприступныя горы и верстъ на полтораста впередъ и на десять по сторонамъ жгли свои селенія со всѣми запасами. Бибиковъ и въ этомъ не видѣлъ опасности, а напротивъ поступки горцевъ объяснялъ совершенно своеобразно какою-то ненавистью ихъ къ туркамъ.

«Видѣть можно, доносилъ онъ [1]), что народы сіи несогласны были въ точности исполнить повелѣніе, данное имъ отъ Баталъ-паши, а показывали только одинъ видъ своего ему послушанія, ибо въ зажженныхъ деревняхъ находилъ я самую малую часть дворовъ и то ничего незначащихъ, сгорѣвшихъ и зажженныхъ. Прошелъ я по симъ сгорѣвшимъ селеніямъ верстъ семьдесятъ, не встрѣтивъ для себя никакого препятствія, кромѣ пламя и дыму». Встрѣчая въ селеніяхъ запасы проса, котораго горцы не успѣли истребить, Бибиковъ двигался далѣе и 15-го марта подошелъ къ двумъ ущельямъ, выводившимъ на Анапскую равнину. 16-го марта онъ пошелъ по лѣвому ущелью [2]) и, дойдя до рѣки Шибзы, встрѣтилъ двухбунчужнаго Мустафу-пашу съ отрядомъ въ 2,000 человѣкъ. Послѣ непродолжительнаго боя войска наши заняли высоты и принудили непріятеля отступить. Дальнѣйшее движеніе нашего отряда вело къ безпрерывнымъ стычкамъ съ непріятелемъ, но, тѣмъ не менѣе, Бибиковъ дошелъ до деревни Заны и занялъ ее 21-го марта.

Послѣ двухдневнаго отдыха, генералъ Бибиковъ предпринялъ рекогносцировку города Анапы, въ которой считалось до 40,000 жителей и гарнизона. При рекогносцировкѣ удалось измѣрить ровъ, глубина и ширина котораго оказались отъ 14—15 футовъ. Въ тотъ же день, т. е. 24-го марта, Баталъ-паша, замѣтивъ приближеніе русскихъ, произвелъ вылазку изъ города двумя отрядами: подъ своимъ начальствомъ и подъ командою Мустафы-паши. Нападеніе это было отбито, причемъ Баталъ-паша заперся въ крѣпости, а Мустафа-паша не могъ попасть въ Анапу и отступилъ по дорогѣ въ Суджукъ-кале.

---

[1]) Въ рапортѣ отъ 18-го апрѣля 1790 г., № 111.

[2]) Ущелье, находившееся прямо передъ фронтомъ, изобиловало горными потоками, дѣлавшими движеніе крайне затруднительнымъ.

Пользуясь успѣхомъ, Бибиковъ намѣренъ былъ штурмовать крѣпость, но 25-го и 26-го марта поднялась столь жестокая буря со снѣгомъ, что въ одну ночь пало до 150 лошадей, и всѣ начальники, доносилъ Бибиковъ, «кромѣ меня, такую получили простуду и ослабѣли, что ни къ какому дѣйствію уже приступить не могли». Въ такомъ положеніи не оставалось ничего болѣе, какъ отступить. 27-го марта Бибиковъ оставилъ лагерь и пошелъ обратно. Отступленіе отряда сопровождалось ужасными лишеніями. Разлившіеся горные потоки на столько затруднили движеніе, что съ 27-го марта и по 11-е апрѣля войска могли пройти всего 120 верстъ, испытывая огромныя лишенія въ пищѣ: люди питались травою, кореньями и кониною. Мясо кабановъ считалось роскошью и за него платили по 20 коп. за фунтъ, что по тогдашнимъ цѣнамъ было очень дорого [1]).

Извѣстіе о лишеніяхъ, испытываемыхъ отрядомъ Бибикова, черезъ Крымъ достигло до князя Потемкина-Таврическаго. Онъ поручилъ командиру Кубанскаго корпуса, генералъ-поручику барону Розену, отыскать Бибикова, возвратить его отрядъ въ наши границы и принять подъ свое начальство. Баронъ Розенъ тотчасъ же отправилъ изъ Донской крѣпости къ Кубани значительный запасъ провіанта и для разысканія отряда послалъ 600 драгунъ по правому берегу Кубани.

4-го мая войска Бибикова въ самомъ жалкомъ состояніи появились у Григоріополиса. Люди пришли безъ мундирныхъ и амуничныхъ вещей, даже безъ рубахъ, почти голые. Баронъ Розенъ доносилъ, что увидѣлъ «сихъ непоколебимыхъ въ твердости офицеровъ и солдатъ въ такой жалости, которая выше всякаго описанія». Утомленные голодомъ офицеры и солдаты «изнурены сверхъ человѣческаго терпѣнія стужею и ненастьемъ, отъ которыхъ ничего для укрѣпленія себя не имѣли; босы, безъ рубахъ и безъ всякой нижней, а въ бѣднѣйшей верхней одеждѣ, которая вся сгнила и изодрана. Больные, едва имѣя дыханіе, опухли, да

[1]) Рапортъ генералъ-поручика барона Розена князю Потемкину 21-го мая 1790 г. Исходящій жур. реляціямъ и докладамъ князя Потемкина. Москов. Арх. Главн. Штаба. См. также статью «Походъ русскихъ въ закубанскія горы въ 1789 году». «Заря» 1870 г., т. I, № 2.

и тѣ, кои считаются здоровыми, немного отъ нихъ рознятся и въ самыхъ слабѣйшихъ силахъ; полки и артиллерія потеряли лошадей, а вообще весь корпусъ крайне разстроенъ».

Князь Потемкинъ былъ ужасно огорченъ неудачею и такимъ печальнымъ результатомъ похода. «Сей недостойный офицеръ, доносилъ свѣтлѣйшій Императрицѣ Екатеринѣ II о Бибиковѣ [1]), для снисканія личной пользы, пренебрегъ все и подвергнулъ гибели людей, изъ которыхъ каждый по истинѣ дороже его. Изъ приложенныхъ рапортовъ высочайше изволите усмотрѣть состояніе корпуса изъ большей и лучшей части составленнаго и по неопредѣленнымъ описаніямъ всемилостивѣйше судить можете о моихъ заботахъ. Разстроилъ онъ связь и войска, а намѣреніямъ моимъ положилъ препону. Сколько симъ возгордятся турки? А паче въ краю, гдѣ все припишется чудесамъ лжепророка Шейхъ-Мансура».

Хотя впослѣдствіи, получивъ подробное донесеніе, князь Таврическій и измѣнилъ нѣсколько свое мнѣніе о поступкѣ Бибикова, тѣмъ не менѣе Императрица приказала отдать его подъ судъ, «въ которомъ изслѣдовать помянутые его поступки и заключить приговоръ на основаніи законовъ» [2]). Нижнимъ же чинамъ, перенесшимъ огромныя лишенія, Императрица пожаловала серебряныя медали съ надписью «за усердіе». Потери отряда состояли изъ 233 убитыхъ, 618 человѣкъ умершихъ отъ болѣзней, 121 плѣнныхъ, 23 утонувшихъ и 111 бѣжавшихъ. Экспедиція эта стоила болѣе 52,000 рублей.

По прибытіи отряда въ Прочный-Окопъ, генералъ баронъ Розенъ принялъ мѣры къ приведенію всего въ порядокъ. Онъ отдѣлилъ больныхъ и раненыхъ отъ здоровыхъ, «велѣлъ, перемывши всѣхъ, надѣть чистое бѣлье и одежду»; предписалъ не назначать людей на службу въ теченіе мѣсяца и кормить ихъ улучшенною пищею [3]). Находя оборону праваго фланга Кавказской ли-

---

[1]) Во всеподд. донесеніи 3-го мая 1790 г., № 59. Москов. Арх. Главн. Штаба. Исходящій журналъ князя Потемкина.

[2]) Рескриптъ Императрицы князю Потемкину 14-го мая 1790 г. Арх. Кабинета Е. И. В. Св. 444.

[3]) Рапортъ барона Розена князю Потемкину 21-го мая 1790 г.

ніи ослабленною, баронъ Розенъ сформировалъ изъ Кубанскаго корпуса два отряда, изъ коихъ одинъ поставилъ на Карасу-Еи, а другой у Темишбека; самъ же съ остальными войсками расположился у Ейскаго укрѣпленія и вызвалъ съ Дона на линію нѣсколько казачьихъ полковъ.

Въ такомъ положеніи находилась оборона линіи, когда командованіе войсками было поручено генералъ-поручику графу де-Бальмену [1]).

Послѣдній прибылъ къ мѣсту назначенія именно тогда, когда турки перешли въ наступленіе, надѣясь на содѣйствіе закубанцевъ и въ особенности кабардинцевъ.

Въ іюнѣ 1790 г. былъ присланъ къ нимъ отъ Баталъ-паши турецкій чиновникъ съ подарками и письмами главнѣйшимъ владѣльцамъ, въ которыхъ они приглашались къ совокупному дѣйствію противъ Россіи. Кабардинцы приняли подарки и заявили, что если Баталъ-паша придетъ къ нимъ хотя съ 2,000 человѣкъ, но съ достаточнымъ числомъ орудій, то они возстанутъ поголовно и присоединятся къ турецкимъ войскамъ. Переговоры эти не остались скрытыми отъ нашего правительства, и князь Потемкинъ надѣялся удержать кабардинцевъ въ предѣлахъ покорности, обѣщаніями устроить ихъ благосостояніе.

«Что кабардинцы, писалъ свѣтлѣйшій графу де-Бальмену [2]), переписываются съ турками, на сіе не смотрите и скажите, что позволяю имъ отъ турковъ деньги брать, лишь бы пребывали вѣрны къ Россіи. Объявите имъ, что я имѣю Высочайшее повелѣніе имъ сдѣлать возможныя выгоды, если пребудутъ вѣрны и отвести земли, и чтобы они отъ себя ко мнѣ прислали шесть человѣкъ довѣренныхъ людей: четырехъ отъ Большой и двухъ отъ Малой Кабарды, которымъ и дайте на путь пристойную сумму и какъ можно скорѣе отправьте».

Между тѣмъ Баталъ-паша, повѣривъ обѣщаніямъ кабардинцевъ, ласкалъ себя надеждою, что съ появленіемъ его на Кав-

[1]) Предписаніе князя Потемкина графу де-Бальмену 29-го апрѣля 1790 г. Москов. Арх. Глав. Шт. Исходящій журн. кн. Потемкина.

[2]) Предписаніе князя Потемкина графу де-Бальмену 26-го іюля 1790 года. Исходящій журналъ Потемкина.

казской линіи все магометанское населеніе присоединится къ нему. Войдя въ сношеніе съ ахалцихскимъ пашою, аварскимъ ханомъ и дженгутайскими владѣльцами, Баталъ-паша собралъ 8,000 пѣхоты, 10,000 турецкой конницы, до 15,000 закубанцевъ и 30 орудій и двинулся съ этимъ ополченіемъ въ Кабарду. Полагая, что оборона линіи значительно ослаблена неудачнымъ походомъ генерала Бибикова, Баталъ-паша разсчитывалъ на полный успѣхъ предпріятія. Обстоятельства сложились, однакоже, иначе, и надежды турецкаго начальника не оправдались.

О намѣреніи Баталъ-паши двинуться въ Кабарду было извѣстно Кавказскому начальству съ іюля мѣсяца 1790 года, и тогда еще князь Потемкинъ-Таврическій поручилъ графу де-Бальмену атаковать турокъ, не дожидая ихъ наступленія. Генералъ-поручику барону Розену приказано было приблизиться къ Кубани, а изъ Тавриды, для производства диверсіи противъ Анапы, былъ переправленъ довольно значительный отрядъ.

Тяжкая болѣзнь лишила графа Бальмена возможности лично предводительствовать войсками, но онъ успѣлъ еще при жизни сформировать три наступательныхъ отряда подъ начальствомъ генералъ-маіоровъ: Германа, Булгакова и бригадира Матцена [1]). Командиру Кубанскаго егерскаго корпуса, генералъ-поручику барону Розену, и войсковому атаману Иловайскому онъ приказалъ произвести экспедицію за Кубань.

Пока производились приготовленія къ встрѣчѣ непріятеля, Баталъ-паша, 28-го сентября, переправился на правый берегъ Кубани [2]) и двинулся въ Кабарду. Онъ надѣялся разбить русскихъ и занять Георгіевскую крѣпость, гдѣ ожидалъ соединенія съ нимъ всѣхъ кабардинцевъ.

Находившійся ближе другихъ генералъ-маіоръ Германъ рѣшился остановить турокъ. Съ отрядомъ около 3 т. челов., расположенныхъ на р. Кумѣ, при Песчаномъ бродѣ, онъ двинулся навстрѣчу непріятелю, стараясь преградить туркамъ путь въ Ка-

[1]) Всеподд. донесеніе кн. Потемкина-Таврическаго 16-го октября 1790 г. Московск. Арх. Глав. Шт. Исход. журналъ.

[2]) Мѣсто перехода турокъ черезъ Кубань и до сихъ поръ извѣстно подъ именемъ Баталпашинской переправы.

барду. Присоединивъ къ себѣ небольшой отрядъ бригадира Беервица, генералъ Германъ просилъ Булгакова оказать ему помощь и, не ожидая его прибытія, 29-го сентября подошелъ къ лагерю Баталъ-паши, находившему на р. Тохтамышѣ, при горѣ того же имени.

«Едва только стало видно, пишетъ Германъ въ своихъ запискахъ [1]), я собралъ своихъ товарищей и объявя имъ мое намѣреніе (атаковать), изъяснилъ притомъ, что я нахожусь въ такихъ обстоятельствахъ, что, не дождавшись прибытія генералъ-маіора Булгакова, необходимо долженъ атаковать непріятеля, и что ежели я дамъ ему только свободу еще нынѣ, то потеряю не только Куму, но можетъ быть и всю границу. Къ тому же и хлѣба больше не было, да и подвозить провіантъ изъ вагенбурга ни время, ни положеніе наше не позволяли».

Раздѣливъ свой отрядъ на пять колоннъ, Германъ смѣло пошелъ на многочисленнаго непріятеля. Около 8 часовъ утра 30-го сентября тронулся авангардъ изъ 700 челов. съ 2 орудіями, подъ предводительствомъ маіора кн. Орбеліани. Онъ имѣлъ приказаніе занять поспѣшно высоту за вершиною Подбаклеи и удерживать ее до прибытія главныхъ силъ. Въ то самое время, какъ главныя силы оставили лагерь, пошелъ дождь—«россійская счастливая примѣта, замѣчаетъ Германъ, которая сбылась и въ тотъ день болѣе чѣмъ ожидать было можно». Лишь только авангардъ показался въ виду непріятеля, какъ горцы атаковали шедшихъ впереди фланкеровъ и казаковъ. Атака эта была отбита, и соединившіеся подъ начальствомъ секундъ-маіора кн. Орбеліани наши фланкеры и казаки успѣли занять высоту надъ р. Тохтамышемъ.

Бригадиръ Матценъ съ среднею колонною и бригадиръ Беервицъ съ егерями заняли высоты. Турки, предводимые Аджи-Мустафа-пашою, подошли къ высотамъ почти одновременно съ нашими войсками, и борьба за высоты была главнѣйшею цѣлью сраженія. Попытки черкесовъ атаковать насъ съ фланговъ и тыла были неудачны. Полковникъ Буткевичъ съ кавалерійскою бригадою отбросилъ черкесовъ, и вслѣдъ затѣмъ генералъ Германъ пере-

[1]) «Отечествен. Записки» 1825 г. кн. XXIV, № 68, стр. 352.

шелъ въ наступленіе всею линіею. Онъ приказалъ правой колоннѣ егерей съ бригадиромъ Беервицемъ атаковать лѣвый флангъ турокъ, а полковнику Чемоданову съ мушкетерами — правый. Беервицъ встрѣтилъ сильное сопротивленіе со стороны непріятеля, пока врубившійся съ драгунами полковникъ Мухановъ не разстроилъ турокъ. Сбитые со своей позиціи, турки стали поспѣшно отступать по всей линіи. Не дождавшись атаки полковника Чемоданова, непріятель оставилъ свои пушки и бѣжалъ къ Кубани. Преслѣдовавшія турокъ наши войска ворвались въ лагерь, захватили въ плѣнъ самого Баталъ-пашу и овладѣли богатою добычею. Сверхъ 30 орудій разныхъ калибровъ, побѣдители взяли много снарядовъ и припасовъ. Турки понесли огромную потерю и много ихъ потонуло при переправѣ черезъ Кубань [1]).

Генералъ Германъ былъ награжденъ за эту побѣду орденомъ св. Георгія 2-й степени и ему пожаловано 500 душъ въ Полоцкой губерніи [2]).

Такимъ образомъ, однимъ ударомъ были уничтожены двухлѣтнія приготовленія турокъ. «Слава Богу, доносилъ кн. Потемкинъ-Таврическій [3]), даровавшему презнаменитую побѣду, о коей чѣмъ болѣе разсуждается, тѣмъ она важнѣе становится. Разбита армія турецкая въ сорока тысячахъ состоящая и съ множествомъ присоединившихся закубанцевъ. Исчезла надежда, которою они ласкались въ томъ краю, усмирились народы, ими взбунтованные, и хитрый планъ операцій, отъ враждующихъ державъ имъ данный, исчезъ какъ дымъ.

«А какъ въ самое то время, когда приказалъ я Кавказскому корпусу идти на непріятеля, далъ я повелѣніе генералъ-поручику барону Розену, стоявшему при Кубанѣ, съ донскимъ войскомъ переправиться при удобномъ случаѣ черезъ Кубань, то я и ожидаю, какъ отъ него, такъ и отъ тѣхъ корпусовъ еще послѣдствій хорошихъ».

---

[1]) Всеподд. донесеніе кн. Потемкина 30-го декабря, № 161. Московск. Архивъ Глав. Штаба. Журналъ реляцій и докладовъ.

[2]) Рескриптъ Императрицы кн. Потемкину-Таврическому 21-го января 1791 г., № 30. Арх. кабинета Е. И. В., св. 444.

[3]) Во всеподд. донесеніи отъ 16-го октября, № 148. Москов. Арх. Глав. Штаба. Журналъ реляцій и докладовъ.

Переправившись черезъ Кубань, генералъ-поручикъ баронъ Розенъ двинулся между рѣкъ Шекупса и Пчаса, прошелъ болѣе 50 верстъ вверхъ и внизъ по рѣкамъ и предалъ огню аулы горцевъ. Отсюда онъ прошелъ по рр. Мартѣ и Пшишу. Разоряя повсюду аулы, баронъ Розенъ по прибытіи на правый берегъ Пшиши узналъ о плѣненіи Баталъ-паши и разсѣяніи его арміи. Не надѣясь теперь на помощь турокъ, закубанцы выражали желаніе покориться и даже вступить въ подданство Россіи.

Удовлетворяя просьбамъ населенія, баронъ Розенъ приводилъ всѣхъ желающихъ къ присягѣ, взялъ аманатовъ и обнадежилъ милостью Императрицы.

Кочевавшіе на Лабѣ ногайскіе татары, просившіе позволенія перейти на правый берегъ р. Кубани въ числѣ 2,000 семействъ, были выведены въ предѣлы Кавказской линіи. Вмѣстѣ съ татарами выселилось изъ горъ до 390 челов. армянъ мужескаго и женскаго пола.

Окончивъ столь успѣшно экспедицію, баронъ Розенъ 2-го ноября возвратился съ отрядомъ на линію и скоро скончался. Нѣсколько ранѣе его скончался графъ де-Бальменъ, и командующимъ войсками Кубанскаго и Кавказскаго корпусовъ былъ назначенъ генералъ-аншефъ Иванъ Васильевичъ Гудовичъ. Ему приказано было какъ можно скорѣе отправиться къ мѣсту назначенія и употребить особое стараніе къ «открытію самой ранней кампаніи на Анапу, дабы истребить сіе гнѣздо турковъ, положить навсегда предѣлъ безпокойствамъ, которыя Порта, подкупая и подущая закубанцевъ, въ томъ краѣ производила» [1]).

Въ исходѣ января 1791 года Гудовичъ прибылъ на линію и сталъ готовиться къ походу. Приготовленія шли довольно медленно, а между тѣмъ турки употребляли всѣ усилія, чтобы возстановить противу Россіи магометанское населеніе края. Въ мартѣ было получено извѣстіе, что султанъ разослалъ открытый фирманъ, грозившій разлученіемъ съ женами и дѣтьми всѣхъ тѣхъ, которые останутся въ бездѣйствіи въ войнѣ правовѣрныхъ съ гяурами. Анапскій Мустафа-паша увѣрялъ горцевъ, что уже собрано мно-

[1]) Предписаніе Гудовичу 24-го декабря 1790 г. Москов. Арх. Главн. Штаба. Исход. журн. кн. Потемкина.

жество войска, обѣщалъ выслать деньги и требовалъ аманатовъ отъ кабардинцевъ. Находившійся въ Анапѣ Шейхъ-Мансуръ разсылалъ свои воззванія, требовавшія ополченія во имя религіи.

«Изъявляю вамъ искреннее почтеніе мое, говорилъ онъ, и совѣтую очистить сердца ваши отъ пороковъ и ходить путемъ истины, по закону Божію. Старайтесь ополчаться противъ беззаконныхъ и мужественно наносите имъ вредъ. Я знаю достовѣрно, что война русскихъ уже страшитъ; собираю теперь силы; ожидаю прибытія сюда войскъ правовѣрныхъ и, съ ними соединясь, предприму наступленіе на русскихъ. Не бойтесь угрозъ ихъ. Настало уже время ослабленія беззаконныхъ и торжества мусульмановъ».

При такихъ условіяхъ скорѣйшее овладѣніе Анапою являлось дѣломъ необходимымъ.

Сосредоточивъ 4-го мая 1791 года, у Темишбека 11 баталіоновъ пѣхоты, 1,900 челов. егерей, 24 эскадрона кавалеріи и 20 орудій [1]), генералъ-аншефъ Гудовичъ, 9-го мая, двинулся къ Анапѣ. На соединеніе съ нимъ шелъ генералъ-маіоръ Загряжскій съ отрядомъ, выдѣленнымъ изъ Кубанскаго корпуса. Въ отрядѣ этомъ находилось 4 баталіона пѣхоты, 20 эскадроновъ драгунъ, два донскихъ казачьихъ полка и 16 орудій полевой артиллеріи. 24-го мая оба отряда соединились и остановились въ восьми переходахъ отъ Анапы, у такъ называемой Талызинской переправы черезъ р. Кубань.

Для сохраненія связи и сообщенія съ Кавказскою линіею и съ Ейскимъ укрѣпленіемъ были устроены этапные пункты съ укрѣпленіями. Въ Темишбекѣ былъ устроенъ главный опорный пунктъ, возведенъ редутъ и оставленъ гарнизонъ съ четырьмя орудіями подъ начальствомъ бригадира фонъ-Кропфа. Точно такой же опорный пунктъ для Кубанскаго корпуса былъ устроенъ въ Ейскомъ укрѣпленіи. На переправѣ черезъ Кубань по обоимъ берегамъ рѣки возведены укрѣпленія и въ нихъ оставлено 422 человѣка пѣхоты съ 4 орудіями, подъ начальствомъ подполковника Брауна. Сообщеніе между берегами производилось при помощи паромовъ; понтонный же мостъ, по которому переправлялись войска, былъ

[1]) Въ каждомъ баталіонѣ было не болѣе 500 челов. строевыхъ, а въ эскадронѣ—по 100 человѣкъ.

снятъ, потому что черкесы разорвали его одинъ разъ пущенными по водѣ большими обрубленными деревьями. При Талызинской переправѣ Гудовичъ оставилъ трудно больныхъ, обозы и излишнія тяжести. Сюда же приказано было доставить изъ крѣпости Св. Дмитрія мѣсячную пропорцію провіанта для всего дѣйствующаго отряда.

Снабдивъ войска 40-дневнымъ продовольствіемъ, генералъ-аншефъ Гудовичъ 29-го мая переправился черезъ Кубань на лѣвый берегъ и двинулся къ Анапѣ. Въ одномъ отъ нея переходѣ онъ соединился, 8-го іюня, съ отрядомъ генералъ-маіора Шица, высланнымъ изъ Крыма черезъ Тамань. Соединеніе отрядовъ произошло при дер. Адалы, на рѣчкѣ Нартпсухо. Въ отрядѣ генералъ-маіора Шица находилось 800 егерей, 10 эскадроновъ кавалеріи, 300 донскихъ казаковъ, 14 орудій полевой артиллеріи и 90 штурмовыхъ лѣстницъ. На слѣдующій день, 9-го іюня, войска двинулись къ Анапѣ и въ четырехъ верстахъ отъ нея были атакованы нѣсколькими тысячами черкесъ. Расположившись на впереди лежащихъ высотахъ, непріятель пытался препятствовать нашей переправѣ черезъ небольшую горную рѣчку, но былъ прогнанъ авангардомъ бригадира Поликарпова. Черкесы разсѣялись по горамъ и генералъ-аншефъ Гудовичъ остановилъ свои войска въ виду Анапы.

Анапа издавна была центромъ, изъ котораго распространялась религіозная пропаганда турокъ между горцами. Названная фирманомъ султана ключомъ азіятскихъ береговъ Чернаго моря, Анапа была сначала окружена только земляпымъ валомъ, но въ 1781 г., по повелѣнію султана Гамида, возведена крѣпость при участіи французскихъ инженеровъ. Она состояла изъ семи бастіоновъ, соединенныхъ куртинами.

Крѣпость была окружена глубокимъ, широкимъ и одѣтымъ камнемъ рвомъ, упиравшимся своими концами въ море и имѣвшимъ протяженіе болѣе 700 саженъ. За рвомъ тянулся валъ, а за валомъ былъ устроенъ полисадъ. Со стороны моря Анапу обезпечивали утесистые берега, а морская отмель препятствовала подходить къ городу большимъ судамъ. Крѣпость защищалась гарнизономъ, состоявшимъ изъ 10 т. турокъ и 15 т. татаръ, ногайцевъ, закубанцевъ и другихъ горскихъ племенъ; значительное

число мелкихъ вооруженныхъ судовъ обезпечивали Анапу со стороны моря. Въ крѣпости было 83 пушки и 19 мортиръ, значительные продовольственные и боевые запасы. Начальникомъ гарнизона былъ трехбунчужный Мустафа-паша. При содѣйствіи лжепророка Шейхъ-Мансура гарнизонъ и жители готовились къ упорному сопротивленію.

Между тѣмъ 12-го іюня, по распоряженію Гудовича, было заложено три батареи на 32 орудія, причемъ ближайшая изъ нихъ находилась всего въ 250 саженяхъ отъ крѣпостнаго вала. Частыми вылазками и сильнымъ огнемъ изъ орудій непріятель старался воспрепятствовать возведенію батарей, но попытки его, задерживая временно наши работы, не воспрепятствовали однако же вооружить и окончательно устроить батареи. 19-го іюня былъ открытъ огонь по крѣпости, а въ ночь на 20-е число отъ дѣйствія нашихъ бомбъ и брандскугелей были произведены пожары въ разныхъ частяхъ города. Пожаръ продолжался до разсвѣта, причемъ было много взрывовъ, сгорѣло много домовъ и въ томъ числѣ домъ паши. Полагая, что жители устрашены и упали духомъ, генералъ Гудовичъ въ 8 часовъ утра 20-го іюня отправилъ пашѣ письмо, въ которомъ совѣтовалъ ему сдать городъ, обѣщая свободный выходъ гарнизону и жителямъ; въ случаѣ же отказа угрожалъ подвергнуть Анапу тому же жребію, который постигъ Измаилъ. Паша готовъ былъ принять предложеніе, но Шейхъ-Мансуръ настаивалъ на упорномъ сопротивленіи. Проповѣдуя священную войну съ невѣрными, лжепророкъ достигъ того, что вмѣсто отвѣта на письмо турки открыли огонь по нашимъ войскамъ.

Не имѣя осадной артиллеріи и будучи постоянно тревожимъ черкесами, появлявшимися на флангахъ и въ тылу отряда, Гудовичъ рѣшился штурмовать Анапу, тѣмъ болѣе, что получилъ извѣстіе о появленіи турецкаго флота въ устьяхъ Днѣстра. Можно было полагать съ достовѣрностью, что флотъ турецкій направленъ на помощь Анапѣ и быть можетъ имѣетъ десантъ.

Весь день 21-го іюня былъ проведенъ въ приготовленіяхъ къ штурму. Гудовичъ и прочіе генералы разъѣзжали по лагерю, ободряли войска, представляя солдатамъ «всю славу успѣха, стыдъ неудачи и бѣдствія, сопряженныя съ онымъ, въ странѣ непріятель-

ской, въ станѣ окруженномъ со всѣхъ сторонъ или моремъ или врагами» [1]).

Имѣя въ виду что правая половина крѣпостнаго вала и рва имѣли меньшую профиль, рѣшено было вести главную атаку съ этой стороны.

Съ наступленіемъ ночи 21-го іюня лагерь былъ снятъ и войска разведены по мѣстамъ, съ которыхъ должны были начать атаку. Ожидая, что горцы не останутся праздными зрителями совершающихся событій, Гудовичъ назначилъ для отраженія ихъ атакъ и защиты вагенбурга отрядъ генералъ-маіора Загряжскаго, состоявшій изъ 4,000 человѣкъ. Остальные 8,000 человѣкъ были раздѣлены на пять колоннъ, начиная съ лѣваго фланга: 1-я и 2-я колонны подъ начальствомъ генералъ-маіора Булгакова, 3-я и 4-я колонны подъ командою генералъ-маіора Депрерадовича и 5-я генералъ-маіора Шица. Послѣдняя колонна назначалась для атаки лѣвой оконечности крѣпостнаго вала. Для поддержки атакующихъ колоннъ, кромѣ частныхъ резервовъ, бывшихъ за каждою колонною, назначался общій подъ командою бригадира Поликарпова.

Въ полночь Гудовичъ приказалъ открыть огонь со всѣхъ батарей, и подъ его прикрытіемъ атакующія колонны стали приближаться къ крѣпости. Въ часъ ночи стрѣльба батарей была прекращена; непріятель также замолкъ. За полчаса до разсвѣта было снова открыто бомбардированіе города и войска двинулись на штурмъ. Непріятель замѣтилъ ихъ только тогда, когда первыя двѣ колонны наткнулись у крѣпостнаго рва на одинъ изъ пикетовъ. Турки бросили въ ровъ нѣсколько свѣтящихся ядеръ и открыли почти въ упоръ картечный огонь. Не смотря на то, войска наши спустились въ ровъ и стали приставлять лѣстницы.

Четвертая колонна лѣваго фланга, болѣе прочихъ удаленная отъ берега, подъ начальствомъ полковника Самарина, первая взошла на непріятельскій валъ и не взирая на отчаянное сопротивленіе, въ которомъ принимали участіе и жители города, утвердилась на немъ.

[1]) «Сѣверная Пчела» 1828 г., № 85.

Полковникъ Келлеръ, командовавшій третьею колонною, видя успѣхъ Самарина, удвоилъ свои усилія и уже съ частію своего отряда былъ на валу крѣпости, но раненый упалъ въ ровъ. Заступившій его мѣсто маіоръ Веревкинъ успѣлъ удержаться на валу, но впослѣдствіи былъ также сильно раненъ.

Вторая колонна полковника Муханова овладѣла бастіономъ, а первая колонна, полковника Чемоданова, встрѣтила большія препятствія: ей приходилось овладѣть не только частію вала, прилегавшаго къ берегу, но и находившимся позади кавальеромъ. Успѣвъ достигнуть вала, колонна эта принуждена была потомъ спуститься въ ровъ и была выведена изъ затруднительнаго положенія только подоспѣвшимъ резервомъ. Тогда турки были вытѣснены изъ кавальера и русскіе открыли огонь по городу.

Въ то время, когда колонны лѣваго фланга торжествовали побѣду, пятая или правая колонна встрѣтила величайшія затрудненія. Она должна была, подойдя къ валу, спуститься съ берега и, пользуясь малою глубиною воды, обогнуть оконечность вала и атаковать съ тыла.

Вмѣсто того, чтобы подойти скрытно, генералъ Шицъ отправилъ на лодкахъ 50 егерей съ тѣмъ, чтобы отвлечь вниманіе непріятеля перестрѣлкою съ морской стороны. Егеря слишкомъ рано открыли огонь и тѣмъ дали туркамъ возможность приготовиться къ сопротивленію. Такимъ образомъ колонна Шица была встрѣчена столь жестокимъ огнемъ, что не могла дойти до контръ-эскарпа и стала отступать. Генералъ Шицъ вызвалъ резервъ, самъ сталъ впереди колонны и повелъ ее впередъ. Къ этому времени подоспѣли: баталіонъ пѣхоты и три эскадрона спѣшенныхъ драгунъ, посланные Гудовичемъ изъ главнаго резерва.

Независимо отъ этого, считая этотъ пунктъ атаки наиболѣе важнымъ, Гудовичъ отправилъ на помощь Шицу бригадира Поликарпова со всею кавалеріею главнаго резерва. Конница эта, частію верхомъ, а частію спѣшившись, ворвалась въ крѣпость, среди которой и въ городѣ кипѣлъ уже жестокій рукопашный бой.

Турки въ теченіе пяти часовъ защищались отчаянно и наши колонны принуждены были нѣсколько разъ отступать и затѣмъ вновь лѣзть на стѣну. Успѣхъ штурма былъ сомнителенъ, пока гене-

ралъ-аншефъ Гудовичъ не двинулъ изъ главнаго резерва 600 человѣкъ мушкетеръ и три эскадрона спѣшенныхъ драгунъ. Прибытіе свѣжихъ силъ рѣшило побѣду, и 22-го іюня, въ 8 часовъ утра, Анапа была въ рукахъ русскихъ.

«Во всю мою жизнь, писалъ Гудовичъ тестю графу К. Г. Разумовскому [1]), не находилъ я себя въ такомъ критическомъ положеніи».

Во время самаго горячаго дѣла у стѣнъ анапскихъ 8,000 человѣкъ закубанцевъ спустились съ горъ и атаковали съ тыла нашъ вагенбургъ. Ихъ встрѣтили сначала гребенскіе и семейные казаки, а затѣмъ генералъ-маіоръ Загряжскій съ своимъ отрядомъ. Видвинутый впередъ Таганрогскій драгунскій полкъ бросился въ атаку, нѣсколько разъ врубался въ середину черкесъ и заставилъ ихъ отступить въ горы.

Въ Анапѣ взято нами 95 орудій, 130 знаменъ, значительные боевые и продовольственные запасы. Непріятель потерялъ убитыми и ранеными до 8,000 человѣкъ [2]) и сверхъ того взято въ плѣнъ 5,900 мужчинъ и 7,588 женщинъ. Въ числѣ плѣнныхъ были: начальникъ гарнизона Мустафа-паша, его помощникъ сынъ Баталъ-паши, много турецкихъ чиновниковъ и извѣстный лжепророкъ Шейхъ-Мансуръ. Скрывшись въ погребѣ, онъ упорно защищался и не хотѣлъ сдаваться до тѣхъ поръ, пока генералъ-маіоръ Булгаковъ не послалъ сказать ему, что взорветъ погребъ. Тогда Мансуръ сдался и былъ отправленъ въ Петербургъ. Всѣ же остальные плѣнные были высланы въ Крымъ. Нашъ уронъ состоялъ изъ 930 человѣкъ убитыхъ и 1,995 раненыхъ [3]).

Въ день штурма Гудовичъ отправилъ къ князю Потемкину Астраханскаго драгунскаго полка секундъ-маіора князя Орбеліани съ донесеніемъ, въ которомъ писалъ: «Повелѣніе вашей свѣтлости исполнено. Сегодня въ семь часовъ съ половиною утра Анапа взята» [4]).

[1]) Въ письмѣ отъ 24-го іюня 1791 г. Русскій Арх. 1876 г. т. III, 262.

[2]) Весьма значительная цифра приходится на долю утонувшихъ. Многіе изъ жителей во время штурма спѣшили сѣсть на суда и переполняя ихъ тонули въ морскихъ волнахъ.

[3]) Рапортъ Гудовича кн. Потемкину 22-го іюня 1791 г. Георгіев. Воен. Арх.

[4]) Тамъ же.

«Пріятное извѣстіе, отвѣчалъ князь Таврическій [1]), о покореніи Анапы получено здѣсь съ совершеннымъ и общимъ удовольствіемъ. Происшествіе сіе служитъ и къ собственной вашей чести и къ славѣ побѣдоноснаго россійскаго оружія. По доставленіи отъ васъ подробностей знаменитаго дѣла сего, ея величество не оставитъ безъ достойнаго воздаянія и начальника и сподвижниковъ его».

Съ паденіемъ Анапы находившіеся въ Суджукѣ турки сожгли почти всѣ дома, взорвали пороховые погреба и, оставя нѣсколько пушекъ, сами бѣжали изъ крѣпости. По полученіи извѣстія объ этомъ, Гудовичъ отправилъ небольшой отрядъ, который 30-го іюня безъ всякаго боя занялъ Суджукъ. Найденныя орудія были испорчены и брошены частью въ море, а частью въ колодцы, которые потомъ засыпаны. Разрушивъ крѣпостные верки, отрядъ возвратился въ Анапу.

За взятіе Анапы и занятіе Суджука Императрица пожаловала Гудовичу орденъ св. Георгія 2-й степени и богатую шпагу [2]). Вмѣстѣ съ тѣмъ князь Потемкинъ приказалъ срыть всѣ укрѣпленія Анапы и возвратиться съ войсками на линію.

Предпринимая обратное движеніе, Гудовичъ подорвалъ батареи, засыпалъ ровъ, колодцы и выжегъ почти весь городъ. 10-го іюля русскія войска оставили Анапу и 16-го сентября прибыли на линію. Всѣ горскія племена, жившія по пути слѣдованія нашего отряда, спѣшили выразить покорность и готовность вступить въ подданство Россіи. Гудовичъ приводилъ ихъ къ присягѣ и бралъ аманатовъ, но князь Потемкинъ не одобрилъ этого распоряженія и приказалъ объявить имъ, что Императрица освобождаетъ ихъ отъ подданства, «повелѣвая признавать ихъ народами вольными и ни отъ кого независимыми».

«Генералъ-аншефъ Гудовичъ, доносилъ свѣтлѣйшій Императрицѣ [3]), давъ имъ чувствовать сіе великодушное вашего величе-

[1]) Въ письмѣ Гудовичу отъ 8-го іюля 1791 г. Московс. Арх. Глав. Штаба. Исходящій журналъ кн. Потемкина.

[2]) Письмо князя Потемкина генералу Гудовичу 19-го іюля 1791 г., № 1577. Тамъ же.

[3]) Всеподд. донесеніе кн. Потемкина 6-го сентября 1791 г., № 66. Москов. Арх. Глав. Штаба. Исход. журналъ князя Потемкина.

ства снисхожденіе, изъяснитъ, что спокойнымъ единственно пребываніемъ, воздержаніемъ отъ воровства и хищничества могутъ они сдѣлать себя достойными высочайшаго благоволенія и оказать свою благодарность.

«Я приказалъ также возвѣстить симъ народамъ, что ваше величество повелѣть изволили дозволить имъ, для собственнаго ихъ употребленія, брать соль изъ ближнихъ къ нимъ въ Фанагорійскомъ уѣздѣ озеръ безденежно, и что могутъ они свободно для набиранія оной пріѣзжать, давая только напередъ знать о своемъ пріѣздѣ. Сіе обяжетъ ихъ къ вящшему возчувствованію милосердія вашего величества и послужитъ также къ пресѣченію похищенія людей, которое они дѣлали, пріѣзжая воровски за солью большими партіями». Получивъ приказаніе князя Потемкина, генералъ Гудовичъ тотчасъ же возвратилъ аманатовъ и просилъ главнѣйшихъ владѣльцевъ убѣдить народъ прекратить хищничества, тѣмъ болѣе неумѣстныя, что Порта приступила къ мирнымъ переговорамъ, окончившимся заключеніемъ 29-го декабря Ясскаго мира.

По этому миру Анапа была возвращена Турціи, но Порта обязалась подтвердить, чтобы паша ахалцыхскій и всѣ пограничные начальники ни тайно, ни явно «не оскорбляли и не безпокоили земель и жителей, владѣемыхъ царемъ Карталипскимъ». Порта обязалась «употребить всю власть и способы къ обузданію и воздержанію народовъ, на лѣвомъ берегу р. Кубани обитающихъ, дабы они на предѣлы Всероссійской Имперіи набѣговъ не чинили, никакихъ обидъ, хищничествъ и разореній россійско-императорскимъ подданнымъ и ихъ селеніямъ, жилищамъ и землямъ не приключали ни тайно, ни явно и ни подъ какимъ видомъ людей въ неволю не захватывали».

XV.

Мѣры къ усиленію обороны Кавказской линіи.—Переселеніе донскихъ казаковъ на Кубань.— Побѣги казаковъ на Донъ.—Волненіе въ Черкаскѣ. — Распоряженія Императрицы. — Переселеніе на Кубань Черноморскаго войска.—Устройство быта кабардинцевъ.— Интриги Порты.

Съ окончаніемъ второй турецкой войны представлялась возможность употребить войска на лучшее обезпеченіе Кавказской линіи отъ вторженій горцевъ, и Гудовичъ получилъ высочайшее повелѣніе представить свои соображенія по этому предмету. Онъ призналъ необходимымъ увеличить число укрѣпленій и расположить ихъ на такихъ мѣстахъ, гдѣ всего удобнѣе было горцамъ пробираться въ наши границы. На этомъ основаніи въ теченіе 1792 и 1793 года были возведены крѣпости: *Шелковаводская* при впаденіи р. Сунжи въ Терекъ; *Кавказская*—у урочища Темишбека, на правомъ берегу Кубани; *Усть-Лабинская*—въ двухъ верстахъ ниже впаденія въ Кубань р. Лабы. Для связи двухъ послѣднихъ крѣпостей были возведены редуты *Кавказскій, Тифлисскій* и *Ладожскій*. Существовавшая крѣпость Константиногорская исправлена и усилена, при р. Кумѣ построенъ *Кумскій* штершпанецъ, и наконецъ на мѣстѣ переправы Баталъ-паши возведенъ *Воровсколѣсскій* редутъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, для еще лучшаго обезпеченія линіи, Гудовичъ предполагалъ подвинуть впередъ волгскихъ и хоперскихъ казаковъ и разселить ихъ возлѣ крѣпостей и укрѣпленій; при Усть-Лабинской же крѣпости поселить донскихъ казаковъ, употребивъ на то три полка.

Одобривъ въ общихъ чертахъ предположенія Гудовича, Императрица не признала возможнымъ переселять волгскихъ и хоперскихъ казаковъ, а повелѣла переселить для того 3 т. семействъ донскихъ казаковъ. Съ этою цѣлью было приказано шесть донскихъ полковъ, находившихся на Кавказской линіи, раздѣлить на 12 станицъ и поселить ихъ у крѣпостей [1]); въ пособіе пересе-

[1]) Станицы эти предполагалось поселить у крѣпостей: Константиногорской, Кумскаго штершпанца, Воровсколѣсскаго редута, Невинномысскаго редута, Темнолѣсскаго ретраншемента, Недреманнаго редута, Прочно-Окопской крѣпости, Григоріополисской крѣпости, Кавказской крѣпости, Тифлисскаго редута, Усть-Лабинской крѣпости и предполагаемой крѣпости между Соляным бродомъ и Бѣлой Мечетью.

ленцамъ выдать по 20 руб. на дворъ и по 500 руб. на каждую станицу для постройки церквей. Станицы рѣшено строить не ближе 250 саж. отъ крѣпости или укрѣпленія и непремѣнно обносить ихъ рвомъ, у внутренней стѣны котораго насадить терновникъ для образованія живой изгороди. Каждая станица должна была состоять не менѣе, какъ изъ 200 семей, а Усть-Лабинская изъ четырехсотъ. Поселяемымъ казакамъ, въ случаѣ ихъ нежеланія селиться, дозволено было пріискать за себя охотниковъ.

Имѣя въ виду, что въ шести полкахъ, находившихся на линіи, былъ большой некомплектъ, Гудовичъ просилъ войсковаго атамана Иловайскаго укомплектовать полки до пятисотеннаго состава и замѣнить всѣхъ холостыхъ женатыми. Для обезпеченія матеріальнаго положенія переселенцевъ, рѣшено было строить имъ избы при помощи войскъ и обезпечить ихъ всѣмъ необходимымъ. «Я всемѣрно буду стараться исполнить, писалъ Гудовичъ графу Салтыкову [1]), но предусматриваю, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ еще нѣтъ крѣпостей, съ весны строеніе станицъ начать нельзя, потому что сіи новопоселенцы, не будучи закрыты, опасности подвержены будутъ отъ хищныхъ сосѣдей.

«Нужнѣе всего начать строеніе крѣпостей, но и тѣхъ въ одно лѣто всѣхъ начать нельзя, ибо успѣть не можно до осени отдѣлать здѣшнимъ числомъ войскъ, и по моему мнѣнію важнѣйшее надобно стараться въ будущее лѣто сдѣлать какъ-то: Усть-Лабинскую, которая должна больше имѣть укрѣпленія нежели полевая; Кавказскую, что неподалеку отъ урочища Темишбека, и ту, что противъ большой Кабарды, на рѣкѣ Малкѣ. Строеніе сихъ крѣпостей должно начаться сколько можно ранѣе съ весны, дабы можно было ихъ окончить прежде глубокой осени и войска тамъ зимовать могли, пріуготовя все на мѣстѣ надобное. Нужно посему, чтобъ какъ можно скорѣе присланы были сюда инженеры, одинъ или два штабъ-офицера и по меньшей мѣрѣ 4 оберъ-офицера съ принадлежащими къ нимъ чинами и съ нужными инженерными инструментами, которыхъ здѣсь нѣтъ. Шанцеваго и другаго инструмента

---

[1]) Въ собственноручномъ письмѣ отъ 24-го марта 1792 г. Москов. Арх. Главн. Штаба. Дѣла графа Салтыкова.

для строенія сихъ крѣпостей и казармовъ здѣсь достать нельзя, ниже оный скоро сдѣлать».

Одновременно съ возведеніемъ крѣпостей Гудовичъ предполагалъ начать и постройку станицъ для поселенцевъ. «Женъ сихъ новопоселяющихся, писалъ онъ П. А. Зубову [1]), и дѣтей не думаю я, чтобъ возможно было перевезти сюда на будущую осень, какъ потому, что не успѣютъ завестись хозяйствомъ, сдѣлать посѣвъ хлѣба, такъ и что привезши женъ и дѣтей необходимо бы надобно было кормить ихъ казеннымъ провіантомъ, котораго на такое число въ нынѣшній годъ не заготовлено, а заготовить оный безъ всякаго убытка казны теперь уже не можно, потому что покупается съ начала зимы.

«Мнѣ извѣстно сколько всемилостивѣйшая Государыня занимается о благоденствіи своихъ вѣрноподанныхъ и потому должно употребить всѣ способы, чтобы сіи новопоселяющіеся не потерпѣли не только изнуренія, но ниже крайняго отягощенія, разставаясь съ своими прежними жилищами. Генералъ-маіоръ Савельевъ къ сему поселенію человѣкъ весьма способный».

Происходя самъ изъ старшинъ Волгскаго войска, Савельевъ въ 1770 году переселилъ на линію Моздокскій казачій полкъ и былъ его командиромъ. Ему, какъ человѣку опытному уже въ этомъ дѣлѣ, Гудовичъ поручилъ устройство новыхъ станицъ, но переселеніе донцовъ на линію произошло однако же не безъ затрудненій.

Весною 1792 года на правомъ флангѣ Кавказской линіи были расположены по крѣпостямъ и укрѣпленіямъ донскіе полки: походнаго атамана Поздѣева и полковниковъ Луковкина и Кошкина. Третій уже годъ полки эти находились на линіи, тогда какъ, по заведенному въ войскѣ донскомъ порядку, они должны были быть смѣненными черезъ два года. Казаки съ нетерпѣніемъ ожидали смѣны, но вмѣсто того полкъ Поздѣева былъ посланъ въ Григоріополискую крѣпость для постройки домовъ и поселенія. Вслѣдъ за тѣмъ и другіе полки получили такое же приказаніе и генералъ-аншефъ Гудовичъ потребовалъ къ себѣ пріемщиковъ за по-

[1]) Въ собственоручн. письмѣ отъ 24-го марта 1792 г. Московск. Арх. Главн. Штаба. Дѣла графа Салтыкова.

лученіемъ денегъ, назначенныхъ для устройства новаго хозяйства. Казаки отказывались работать и не желали селиться. Они говорили, что каждый изъ нихъ по жребію и очереди, кому достанется быть поселеннымъ, обязанъ то исполнить, но если они станутъ работать безъ согласія на то войска, то жребія и очереди имъ не будетъ и оставятъ всѣхъ на линіи [1]).

Гудовичъ приказалъ употребить силу и заставить ихъ работать.

Тогда казаки стали оставлять свои посты и уходили на Донъ. Войсковой атаманъ генералъ-поручикъ Иловайскій, узнавъ о побѣгѣ казаковъ, отправилъ въ полки приказъ, уговаривая казаковъ продолжать службу по-прежнему, исполнять всѣ приказанія начальства и соблюсти тѣмъ невредимо всѣмъ извѣстную славу войска Донскаго. Атаманъ увѣрялъ казаковъ, что о столь важномъ предметѣ, какъ поселеніе казаковъ на линіи, онъ беретъ попеченіе на себя, ожидаетъ разрѣшенія отправиться въ Петербургъ и надѣется испросить у Императрицы о милостивомъ сохраненіи войсковыхъ привилегій. Казаки не вѣрили атаману, и побѣги продолжались. Къ 14-му іюня изъ Поздѣева полка бѣжало 330 челов., Луковкина 241 и Кошкина 213 человѣкъ. Сверхъ того, многія партіи были задержаны регулярными войсками на постахъ и возвращены съ дороги драгунами. Поздѣевъ донесъ начальнику праваго фланга линіи, генералу Булгакову, что и всѣ остальные казаки колеблятся и положиться на нихъ онъ не можетъ. Опасаясь, что прибытіе на Донъ бѣжавшихъ казаковъ можетъ произвести весьма сильное вліяніе на все народонаселеніе и вызвать волненіе, Гудовичъ предписалъ генералъ-маіору Савельеву приготовить небольшой отрядъ на случай необходимости усмирить населеніе, а командовавшему войсками Кубанскаго корпуса, бригадиру кн. Щербатову, приказалъ задерживать бѣжавшихъ казаковъ въ мѣстахъ расположенія его корпуса: Ростовѣ, Таганрогѣ и Бахмутѣ. Съ этою цѣлью князю Щербатову приказано было шестью эскадронами Нижегородскаго драгунскаго полка охранять все теченіе Дона, а баталіонамъ Кубанскаго егерскаго корпуса слѣдовать какъ можно скорѣе къ Черкаску

[1]) Собственноручное письмо Гудовича П. А. Зубову отъ 15-го мая 1792 года. Московск. Арх. Главн. Штаба. Дѣла графа Салтыкова.

и увѣдомить атамана Иловайскаго, чтобы онъ не пропускалъ бѣглецовъ на правую сторону р. Дона.

Между тѣмъ побѣги казаковъ съ линіи продолжались, и въ концѣ мая въ Подпольномъ собралось до 400 человѣкъ казаковъ съ 15 захваченными ими знаменами. «Въ воскресенье, доносилъ кн. Щербатовъ [1]), когда бунтовщики трехъ донскихъ полковъ прибыли въ Подпольное съ 15 знаменами, собрали кругъ. Изъ нихъ одинъ выбранный старѣйшій Екатериновской станицы, но какъ зовутъ неизвѣсто [2]), сталъ спрашивать: знаете ли, съ чѣмъ мы ушли съ линіи и за чѣмъ пришли сюда? На сіе отвѣчали всѣ: знаемъ. Послѣ сего всѣмъ сказалъ, чтобы сѣли, и потомъ велѣлъ встать и молиться Богу съ клятвою, что въ знаемомъ ими одному за другаго умереть, и, преклоня знамена, ихъ цѣловали. По исполненіи клятвы, того же дня зачали ловить лодки у разнаго рода людей и женщинъ, ѣздящихъ на ту сторону, коихъ наловя въ ночь нѣсколько человѣкъ поѣхали тихонько къ пристани и тамъ сколько потребно было взяли лодокъ и, переведя на свою сторону, вчерашній день поутру (31-го мая) сѣли вдругъ и въѣхали въ городъ Черкаскъ съ превеликимъ крикомъ, бросились къ атаманскому двору, требуя атамана, чтобы вышелъ къ нимъ».

Когда Иловайскій вышелъ къ собравшимся, то казаки жаловались, что онъ ихъ губитъ, а не защищаетъ.

— Зачѣмъ отпускаете насъ на поселеніе? кричали голоса изъ толпы:—этого не будетъ, мы не пойдемъ!

Иловайскій отвѣчалъ, что на это есть высочайшее повелѣніе.

— Покажи намъ! кричали казаки.

Иловайскій приказалъ дьяку Мелентьеву прочитать, но казаки не слушая кричали: «мы еще не ѣли, а поѣвши опять придемъ къ тебѣ. И тотчасъ пошли на базаръ, не дѣлая никакихъ озорничествъ, но покупая себѣ надобное за деньги». Съ базара толпа опять явилась у дома атамана. Иловайскій выслалъ къ нимъ дьяка, который и прочиталъ высочайшее повелѣніе. Едва онъ окончилъ чтеніе и произнесъ: «на подлинномъ написано тако: Екате-

[1]) Генералу Гудовичу отъ 1-го іюня.

[2]) Впослѣдствіе оказалось, что то былъ Никита Ивановъ Бѣлогороховъ Екатеринской станицы.

рина», какъ казаки съ крикомъ: вы насъ обманываете! бросились на дьяка, сшибли его съ ногъ, нанесли нѣсколько ударовъ и отняли всѣ бумаги. Бушуя и крича, толпа скиталась по городу и подъ вечеръ опять пришла къ дому атамана.

Иловайскій уговаривалъ ихъ и увѣрялъ, что поѣдетъ въ Петербургъ просить для нихъ милости.

— Безъ резону не ѣзди! кричали казаки:—и мы тебя не пустимъ, а назадъ ѣхать не хотимъ, хоть сейчасъ велите всѣхъ побить.

— Вы домой хотите? спросилъ атаманъ.

— Хотимъ; прикажи намъ ѣхать и дай билеты, чтобы въ станицахъ насъ приняли, не порицали побѣгомъ и зачли въ службу бытность теперешнюю въ походѣ.

— Ступайте, а въ станицы я пришлю о васъ повелѣніе, отвѣчалъ Иловайскій.

Казаки нѣсколько успокоились и стали расходиться.

По поводу этого происшествія Иловайскій писалъ генералъ-аншефу Гудовичу: «Извѣстные трехъ полковъ бѣглецы, съ прибытія ихъ въ Черкаскъ въ 31-й день мая, волнованіемъ ихъ, продолжавшимся черезъ весь день привели всѣхъ согражданъ здѣшнихъ въ ужасный страхъ и искали собственно моей головы, ставя одного меня причиною въ назначенномъ поселеніи. Если бы употребить тутъ противъ нихъ строгость, то бы, конечно, гибели и невинному кровопролитію я и сограждане здѣшніе подвергнуты были. Но къ погашенію злобы ихъ прибѣгнулъ я не къ оружію, а къ единой ласковости и увѣщаніямъ и усмирилъ, наконецъ, тѣмъ, что склонился на ихъ требованіе къ роспуску ихъ по домамъ, съ обнадеживаніемъ ходатайствованія моего за нихъ у Монархини о прощеніи ихъ проступка и объ избавленіи ихъ отъ поселенія».

Заботясь болѣе всего о сохраненіи спокойствія въ войскѣ, Иловайскій отправился въ Петербургъ. Оставшійся за наказнаго атамана генералъ-маіоръ Мартыновъ продолжалъ принимать бѣжавшихъ съ линіи казаковъ и разсылалъ ихъ по станицамъ. На требованіе Гудовича возвратить ихъ въ полки Мартыновъ отвѣчалъ отказомъ, говоря, что подобное возвращеніе можетъ взволновать

все войско, среди котораго уже замѣтно нѣкоторое броженіе. «Въ станицѣ Михайловской и въ другихъ въ окружности оной, доносилъ князь Щербатовъ [1]), отъ застарѣлыхъ невѣждъ и гнусныхъ отступниковъ отъ церкви нашей, читаются нѣкоторыя книги, изъ коихъ одну называютъ св. Кирила, и по коимъ толкуютъ подобному же себѣ несмысленному народу, что въ половинѣ восьмой тысячи (но какое сіе исчисленіе, сказать не могутъ) опустѣетъ Донъ на семь лѣтъ, и тогда будетъ конецъ вѣка. А по случаю происшедшихъ нынѣ повелѣній о поселеніи казаковъ на линіи, полагаютъ настоящее тому время».

Между тѣмъ, изъ Петербурга было прислано повелѣніе объявить казакамъ, что побѣгъ ихъ будетъ прощенъ въ томъ только случаѣ, если они возвратятся къ своимъ полкамъ. Генералъ-маіоръ Мартыновъ и бригадиръ М. И. Платовъ употребляли всѣ средства убѣжденія, но возвратилось къ полкамъ не болѣе 50 человѣкъ; остальные объявили, что служба ихъ на линіи кончилась. Военная коллегія приказала полки, бывшіе на линіи, замѣнить новыми, а Императрица Екатерина II поручила атаману Иловайскому, по своему усмотрѣнію, выслать 3,000 человѣкъ для поселенія.

«Побѣгъ казаковъ донскихъ, писала Императрица Иловайскому [2]), изъ полковъ Поздѣева, Луковкина и Кошкина служитъ къ предосужденію войска Донскаго, которое всегда отличалось вѣрностію и усердіемъ своимъ къ службѣ нашей. Какія войсковое правительство къ заглажденію сего пятна приметъ мѣры въ разсужденіи сихъ преступниковъ, особливо же начинщиковъ ихъ, о томъ повелѣваемъ немедленно намъ донести. А дабы сдѣланное нами распоряженіе о поселеніи казацкихъ станицъ по Кубани въ точности съ надлежащею пользою могло быть въ дѣйство производимо, имѣете вы впредь по распоряженію и лучшему усмотрѣнію войсковаго правленія, какимъ образомъ выгоднѣе сдѣлать нарядъ съ войска Донскаго назначенному отъ насъ для поселенія на Кубани трехъ тысячному числу казаковъ, и о успѣхѣ сего

---

[1]) Генералъ-маіору Мартынову въ рапортѣ отъ 19-го іюня.

[2]) Въ рескриптѣ отъ 18-го августа 1792 г. Арх. Кабинета Его Императ. Величества, св. 451.

возложеннаго на васъ дѣла намъ доносить, давая знать о томъ и генералу Гудовичу».

Выселеніе казаковъ производилось съ большимъ затрудненіемъ и не обошлось безъ употребленія силы. Только въ августѣ 1794 года прибыло съ Дона тысяча семействъ, которыя образовали казачій *Кубанскій полкъ* и были поселены въ шести станицахъ: при Усть-Лабинской крѣпости (300 семей), при Кавказской крѣпости (150 семей), при Григоріополискомъ укрѣпленіи (150 семей), при Прочномъ Окопѣ (150 семей), при Темнолѣсскомъ ретраншементѣ (150 семей) и при Воровсколѣсскомъ редутѣ (100 семей). Скоро на Дону узнали о зажиточности переселенцевъ, о богатствѣ природы и привольной жизни. Тогда, подъ предлогомъ родства и разнымъ другимъ причинамъ казаки стали уходить съ Дона цѣлыми семьями и селиться на Кубани. Охотниковъ явилось такъ много, что пришлось принять мѣры къ прекращенію подобнаго переселенія.

Одновременно съ поселеніемъ донскихъ казаковъ рѣшено было заселить все пространство земли внизъ по Кубани отъ Усть-Лабинской крѣпости до береговъ Азовскаго и Чернаго морей. Для этого предназначалось войско *вѣрныхъ Черноморскихъ казаковъ*. Указомъ сенату 30-го іюня 1792 года, за подвиги въ послѣднюю турецкую войну, какъ на морѣ, такъ и на сушѣ, Черноморскому казачьему войску пожалованъ полуостровъ Фанагорія и земля далѣе отъ этого полуострова по берегу Азовскаго моря до Ейскаго городка и вверхъ по Кубани до устья рѣки Лабы. Большая часть земель, дарованныхъ войску, входила въ составъ Таврической области, а потому и черноморцы поступили въ вѣдѣніе таврическаго генералъ-губернатора.

По полученіи указа о переселеніи, кошевой атаманъ Черноморскаго войска Чепѣга, весною 1793 года, отправилъ въ Тамань войсковаго эсаула Гулика для осмотра Высочайше дарованныхъ войску земель. Ему дано было 40 человѣкъ разныхъ чиновъ Черноморскаго войска. Въ предписаніи Гулику было сказано, чтобы онъ не въ свои дѣла не мѣшался, а старался съ тщаніемъ исполнить возложенное на него «великое дѣло».

Гуликъ подробно осмотрѣлъ Таманскій полуостровъ и Кубан-

скій край и затѣмъ проѣхалъ въ Георгіевскъ, гдѣ и явился генералъ-аншефу Гудовичу. Отъ главнокомандующаго Гуликъ узналъ, что предполагается уменьшить и безъ того ограниченное пространство земли, пожалованной черноморцамъ. Гудовичъ писалъ таврическому губернатору Жегулину, что хотя указомъ и даровано черноморцамъ земля вверхъ по Кубани до Усть-Лабы, но такъ какъ по Высочайше утвержденному проекту объ устройствѣ Кавказской линіи предположено у самаго устья Лабы построить крѣпость и далѣе отъ нея, внизъ по Кубани, редутъ Воронежскій, то и граница земли войска Черноморскаго должна быть отъ этого послѣдняго редута верстахъ въ четырехъ. Это извѣстіе крайне опечалило Гулика, и онъ подробно донесъ о всемъ войску.

Между тѣмъ, почти одновременно съ отправленіемъ Гулика на Кубань, былъ отправленъ въ С.-Петербургъ войсковой старшина Головатый, имѣвшій дружественныя связи со многими вліятельными лицами. Онъ имѣлъ порученіе отъ войска испросить у Императрицы право на вѣчное владѣніе землей, пожалованной войску.

«Прибѣгая подъ покровительство вашего императорскаго величества, писало войско [1]), всеподданнѣйше рабски просимъ: насъ, войско, во всеподданнѣйшее свое монаршее благоволеніе материнскн принявъ, для поселенія на Тамани съ окрестностями оной, милостиво повелѣть отвесть выгодныя земли, такъ достаточно, чтобы имѣющее быть пріумноженіе сему войску безнужно помѣщаться могло, и на вѣчно спокойное потомственное оною владѣніе отправленному за симъ избранному отъ насъ войсковому судьѣ, арміи полковнику и кавалеру Антону Головатому, съ старшинами высочайшую вашего императорскаго величества милостивую грамоту выдать».

Сверхъ того, казаки просили повелѣнія выдавать имъ хлѣбъ въ теченіе двухъ лѣтъ, производить вольную торговлю на своей землѣ безъ пошлины и откуповъ, имѣть право на свободный перевозъ съ Кубани въ Крымскій полуостровъ, и наконецъ, опредѣленія порядка учрежденія войска, «на какомъ положеніи ему быть».

[1]) Во всеподд. прошеніи отъ 29-го февраля 1792 года.

Головатый былъ встрѣченъ радушно въ столицѣ и 1-го апрѣля принятъ Императрицею.

— Всепресвѣтлѣйшая монархиня, всемилостивѣйшая государыня! сказалъ онъ [1]). Жизнеподательнымъ твоего величія словомъ перерожденный изъ небытія вѣрный черноморскій кошъ пріемлетъ нынѣ дерзновеніе мною вознести благодарній гласъ свой къ свѣтлѣйшему величеству твоему и купно изглаголати глубочайшую преданность сердецъ его. Прими оную яко жертву единой тебѣ отъ насъ сохраненную, пріими и уповающимъ на сѣнь крилу твоея пребуди прибѣжище, покровъ и радованіе.

Высочайшею грамотою 30-го іюня 1792 года Черноморскому войску пожалованъ островъ Фанагорія со всею землею, лежащею на правой сторонѣ Кубани отъ устья ея къ Усть-Лабинскому редуту, «такъ чтобы съ одной стороны рѣка Кубань, съ другой же Азовское море до Ейскаго городка служили границею войсковой земли». Разграниченіе съ прочихъ сторонъ повелѣно было сдѣлать губернаторамъ Кавказскому и Таврическому вмѣстѣ съ депутатами Черноморскаго войска.

На обязанность черноморцевъ возлагалось охраненіе границы отъ набѣговъ закубанскихъ хищниковъ, и за это имъ предоставлены многія выгоды. Онѣ заключались: въ пожалованіи ежегодно войску 20,000 руб. жалованья, въ пользованіи «свободною внутреннею торговлею и вольною продажею вина на войсковыхъ земляхъ»; въ единовременномъ отпускѣ 30,000 руб. на пособіе бѣднымъ переселенцамъ и въ отпускѣ всѣмъ провіанта по сентябрь 1793 года [2]).

Земское управленіе войска должно быть соображаемо съ учрежденіями объ управленіи губерній.

Получивъ двѣ высочайшія грамоты, войсковой судья Головатый 13-го іюля имѣлъ прощальную аудіенцію у Императрицы.

— Всеавгустѣйшая монархиня! сказалъ онъ. Мы къ тебѣ прибѣгли, къ тебѣ, монархиня, правовѣрная—ты насъ пріяла яко ма-

---

[1]) Государств. Арх. XVI, д. № 965. Рѣчь эта отличается отъ напечатанной въ книгѣ Короленко «Черноморцы», но мы считали нужнымъ придержаться тексту, сохранившемуся въ государственномъ архивѣ.

[2]) Высочайшая грамота отъ 1-го іюля 1792 года.

терь. Тамань даръ благоволѣнія твоего о насъ будетъ вѣчнымъ для обитающихъ въ немъ залогомъ милостей твоихъ. Мы воздвигнемъ грады, заселимъ села и сохранимъ безопасность предѣловъ. Наша преданность и усердіе къ тебѣ, монархиня, и любовь къ отечеству пребудутъ вѣчны, а сему свидѣтель всемогущій Богъ.

Отпуская Головатаго, Императрица пожаловала кошевому атаману золотую саблю, а войску приготовленный хлѣбъ-соль на золотомъ блюдѣ съ такою же солонкою [1]).

Сверхъ того, Екатерина II пожаловала войску большое бѣлое знамя, серебряныя трубы и печать съ надписью: «Ея Императорскаго Величества печать коша войска Вѣрнаго Черноморскаго».

По полученіи извѣстія о возвращеніи Головатаго изъ Петербурга, кошевой атаманъ устроилъ ему парадную встрѣчу. Чепѣга командировалъ «за тридцать верстъ пятисотенный полкъ, пригласилъ въ войсковую резиденцію всѣхъ старшинъ войска, херсонскаго архіепископа и прочее духовенство. На устроенномъ великолѣпномъ мѣстѣ кошевой Чепѣга, при собраніи казаковъ и многочисленномъ стеченіи народа, окруженный свитой, выслушалъ привѣтствіе Головатаго и принялъ съ честью Высочайше пожалованную ему, за доблестное управленіе войскомъ, саблю, алмазами украшенную. Препоясавшись дорогимъ подаркомъ, Чепѣга съ чувствомъ глубокаго умиленія взялъ отъ войсковаго судьи драгоцѣнные знаки Монаршаго благоволенія къ Черноморскому войску, объявилъ народу высочайшія грамоты и, съ подобающей церемоніей возблагодаривъ Бога въ войсковой церкви, угостилъ войско царскимъ хлѣбомъ и солью на славу» [2]).

Послѣ праздниковъ войско стало готовиться къ переселенію, и еще до возвращенія Головатаго черноморскіе казаки, въ числѣ 3,847 человѣкъ, подъ командою войсковаго полковника Саввы Бѣлаго, отправились моремъ на Тамань, куда и прибыли 25-го ав-

[1]) Черноморцы. Соч. Короленко, стр. 33.

[2]) На блюдѣ была надпись: «Даръ Екатерины Великой войску вѣрному Черноморскому 1792 года іюля 13-го въ Царскомъ селѣ, черезъ войсковаго судью и кавалера Антона Головатаго»; на солонкѣ: «подарена съ хлѣбомъ войску Черноморскому 1792 г. іюля 13-го». Замѣчательно, что едва-ли это не единственный случай, гдѣ при жизни Императрицы, къ ея имени прибавленъ титулъ Великой.

густа. Вслѣдъ затѣмъ, 2-го и 5-го сентября, выступилъ сухимъ путемъ съ Буга и кошевой атаманъ Чепѣга со всѣмъ остальнымъ войскомъ и въ концѣ октября черноморцы, изнуренные дальнимъ походомъ, остановились зимовать при Ейской косѣ въ Ханскомъ городкѣ. 10-го мая 1793 года атаманъ Чепѣга съ своими казаками двинулся прямо къ Кубани при впаденіи въ нее р. Лабы и тотчасъ же прикрылъ границу кордонами и пикетами. Отсюда Чепѣга отправился къ Гудовичу.

— Захаръ Алексѣевичъ, говорилъ ему Гудовичъ, на что ты съ такою большою командою по границѣ разъѣзжаешь; черкесы васъ видя пугаются и начали изъ своихъ прибрежныхъ селеній убираться въ горы.

— Дай Богъ имъ страхъ, отвѣчалъ Чепѣга, чтобы они насъ всегда боялись.

Возвратившись къ войску и выбравъ мѣсто для главнаго поселенія при р. Кубани, въ Карасугскомъ кутѣ, Чепѣга съ остальными неразставленными по пикетамъ казаками и съ войсковымъ правительствомъ прибылъ сюда 10-го іюня и расположился лагеремъ.—Черезъ мѣсяцъ, 15-го іюля, прибылъ и войсковой судья Головатый съ казаками, временно остававшимися на Днѣстрѣ.

15-го августа собрались въ войсковое правленіе кошевой атаманъ, войсковые старшины, полковники, бунчуковое товарищество, полковые старшины и атаманы.—«Они положили въ Карасугскомъ кутѣ, противъ дубравы, называемой Кругликъ, въ достопамятное воспоминаніе имени жизнодательницы нашей великой государыни Императрицы Екатерины Алексѣевны, воздвигнуть главный городъ Екатеринодаръ, построить въ немъ войсковое правительство и сорокъ куреней. По границѣ же для скорѣйшаго заведенія съ закубанскими народами любовно-сосѣдственной дружбы, исключая зловредныхъ людей, дороги и переправы, черезъ р. Кубань лежащія, закрыть военными куренными селеніями подъ названіемъ ихъ куреней».

Такимъ образомъ было поселено при кордонахъ:

	Число дворовъ.	Число душъ. Мужеск. п.	Женск. п
1) Воронежскомъ.	250	685	546
2) Константиновскомъ	195	480	406

	Число дворовъ.	Число душъ. Мужеск. п.	Женск. п
3) Александриномъ	107	316	269
4) Павловскомъ	109	320	275
5) Велико-Маріинскомъ	289	768	646
6) Въ г. Екатеринодарѣ	365	916	769
7) Александровскомъ	50	132	116
8) Елисаветиномъ	250	726	617
9) Елинскомъ	47	116	91
10) Маріинскомъ	125	306	221
11) Ново-Екатерининскомъ	226	630	597
12) Ольгинскомъ	39	93	62
13) Славянскомъ	54	129	98
14) Протокскомъ	43	97	81
15) Въ Копылѣ	76	211	173
16) Петровскомъ	63	173	116
17) Андреевскомъ	77	184	110
18) Григоріевскомъ	112	313	269
19) Платоногорскомъ	119	320	283
20) Фанагорійскомъ	34	91	59
Итого при Кубани	2,630	7,006	5,804
При р. Ею населено дворовъ:		12,810	
21) При Сладкомъ лиманѣ	95	311	259
22) При Черномъ Бурлацкомъ броду	115	362	271
23) Повыше устья Сасыкъ Ею у Криницъ	39	20	87
24) При устьѣ Кугай-Ейки	57	161	102
Итого при Ею	306	854	710

6-го января 1794 г., въ день Богоявленія, въ г. Екатеринодарѣ, въ десятомъ часу, при церемоніальномъ освѣщеніи воды на р. Кубани была произведена пушечная и ружейная стрѣльба.—По заранѣе сдѣланному распоряженію въ этотъ же самый часъ была произведена стрѣльба во всѣхъ пограничныхъ селахъ и кордонахъ.—Утромъ 8-го числа къ состоявшему при Екатеринодарскомъ кордонѣ старшинѣ Семену Щербинѣ пришли три черкеса.

— Насъ послали князья, говорили они, узнать, по какой причинѣ у васъ большая стрѣльба такъ долго продолжалась? Наши черкесы, такой страшной стрѣльбы никогда не слыхавъ, до того испугались, что, оставляя свое имущество и жилища, уходятъ въ горы.

— Въ тотъ день, отвѣчалъ Щербина, по нашему закону, былъ такой праздникъ, что надобно было стрѣлять. А какъ у нашей Императрицы высокихъ особъ царской фамиліи много, то при совершеніи благодарственнаго молебствія, такая стрѣльба будетъ и часто въ году производиться. И такъ скажите своимъ князьямъ и черкесамъ, чтобы они впередъ такой стрѣльбы не боялись [1]).

Все это происходило тогда, когда черноморскіе казаки не были еще окончательно введены во владѣніе пожалованною имъ землею.

На основаніи высочайшей грамоты, въ августѣ 1793 года, депутаты черноморскаго войска прибыли для размежеванія въ Ейское укрѣпленіе, но работы скоро прекратились по разногласію въ проведеніи границъ. Ссылаясь на указъ, черноморцы требовали направленія межи прямо на устье р. Лабы, а не ниже ея на 20 верстъ какъ, предлагалъ Гудовичъ. Главнокомандующій стоялъ на своемъ, и кошевой атаманъ просилъ тогда, чтобы граница была проведена отъ Ейскаго укрѣпленія не къ устью Лабы, а вверхъ по рѣчкѣ Кугай-Ейкѣ до вершины ея, а оттуда уже прямо на Кубань. «Иначе, говорилъ Чепѣга, войско, желая поселиться по Кубани въ числѣ 40 куреней, не будетъ имѣть сзади себя земли, удобной для хлѣбопашества и скотоводства, потому что большая часть этихъ земель состоитъ изъ болотъ и съ горькою водою».

Графъ Зубовъ спрашивалъ Гудовича [2]), не найдетъ-ли онъ удобнымъ отмежевать для черноморцевъ землю согласно ихъ просьбѣ. Гудовичъ доказывалъ, что съ вершины рѣки Кугай-Ейки нельзя провести границы прямою чертою на Кубань, потому что Усть-Лабинская крѣпость и Воронежскій редутъ, гдѣ предположено поселить станицы, не будутъ имѣть тогда позади себя земли, необ-

[1]) Русскій Инвалидъ 1829 г., №№ 97 и 98.

[2]) Письмомъ отъ 4-го мая 1794 года.

*

ходимой для обработки. Такимъ образомъ вопросъ о проведеніи границы возбудилъ споры и пререканія, окончившіеся лишь въ 1795 году послѣ взаимныхъ уступокъ. Къ марту мѣсяцу этого года на землѣ, пожалованной черноморцамъ, было уже поселено 17,000 душъ. На долю ихъ досталась упорная и продолжительная борьба съ горцами и славное участіе, которое принимали черноморскіе казаки во всѣхъ войнахъ Россіи съ внѣшними врагами на европейскомъ и азіятскомъ театрахъ [1]).

Съ передачею части Кубанской земли во владѣніе черноморцамъ, явилась необходимость удалить ногайскихъ татаръ, кочевавшихъ на этихъ земляхъ, и съ этою цѣлью часть изъ нихъ была переведена на Молочныя воды, а другая на рѣку Куму, гдѣ и присоединена къ туркменамъ.

Наконецъ, для болѣе прочнаго обезпеченія спокойствія на линіи Императрица поручила Гудовичу обратить особенное вниманіе на кабардинцевъ. «Безначаліе, вкореняющее безпорядки, писала она [2]), наглость и хищничество какъ въ Большой, такъ и въ Малой Кабардѣ, есть причиною, что сей подданный намъ народъ до сихъ поръ не могъ быть обращенъ ни къ какой пользѣ Имперіи, но буйствомъ своимъ наносилъ единыя безпокойства и заботы. Увѣрены мы, однакожь, что свирѣпые нравы онаго укротить удобовозможно, послѣдуя правиламъ, свойственнымъ извѣстному человѣколюбію нашему и попеченію о благѣ каждаго.

«Не единою силою оружія предлежитъ побѣждать народы, въ неприступныхъ горахъ живущіе и имѣющіе надежныя въ оныхъ отъ войскъ нашихъ убѣжища, но паче правосудіемъ и справедливостью нужно пріобрѣсть ихъ къ себѣ довѣренность, кротостію

[1]) Среди самаго разгара переселенія казаки призваны были къ боевой дѣятельности, и въ апрѣлѣ 1794 года два конные полка были отправлены въ Польшу. «Въ бытность вашу въ столицѣ, писалъ 25-го апрѣля 1794 г. графъ П. А. Зубовъ Головатому, говорили вы мнѣ иногда, чтобы побывать вамъ въ гостяхъ у поляковъ. Теперь премилосердая наша мать посылаетъ изъ васъ туда два полка конныхъ, о семъ писано отъ меня и къ Захару Алексѣевичу (Чепѣгѣ). Вѣрные казаки увидятъ въ семъ назначеніи новый опытъ милости къ нимъ ихъ благотворительницы и постараются употребить сей случай сколько на службу ея, столько же и на собственную пользу».

[2]) Въ рескриптѣ Гудовичу отъ 28-го февраля 1792 г. Арх. Кабинета Его Императорскаго Величества. Св. 445.

смягчать нравы, выигрывать сердца и пріучать ихъ болѣе обращаться съ русскими, для чего и нужно: 1) всячески ласкать и привлекать къ себѣ лучшихъ людей народа сего; о тѣхъ же, кои болѣе оказываютъ преданности къ намъ и Имперіи нашей, позволяемъ вамъ чинить намъ представленія, вслѣдствіе коихъ не оставимъ жаловать ихъ чинами, деньгами или иными отличностями по благоусмотрѣнію нашему; наипаче же изліяется монаршая щедрота и милость наша на пріемлющихъ добровольно вѣру христіанскую. А таковыя щедроты, конечно, послужатъ и для прочихъ ободреніемъ подражать тѣмъ, кои оказываться будутъ къ намъ приверженными. 2) Твердо наблюдать, чтобы ни отъ войскъ нашихъ, ниже отъ казаковъ, на линіи обрѣтающихся, не было чинено ни малѣйшее притѣсненіе и обиды горцамъ, пріѣзжающимъ въ крѣпости наши, наистрожайше подтверждая, чтобъ начальники военные, полевые и гарнизонные не попускали подчиненныхъ своихъ ни на какія своевольства противъ кабардинцевъ и иныхъ горскихъ народовъ, отогнаніемъ табуновъ, хищеніемъ и тому подобнымъ образомъ, подвергая подъ судъ и жесточайшее наказаніе всякаго, кто станетъ поступать сему противно, яко преступника, который поведеніемъ своимъ даетъ поводъ къ нарушенію спокойствія подданныхъ нашихъ, и тѣмъ, коимъ увѣренность и тишина отъ насъ дарованы; ибо нѣтъ сомнѣнія, что таковое съ нашей стороны попущеніе навлекало бы отъ сихъ дикихъ народовъ воровства и грабежи изъ мщенія. 3) На первое время признаемъ мы полезнымъ учредить между ними по числу родовъ суды, для владѣльцевъ подъ именемъ *кабардинскій такого-то рода судъ*, а для узденей *родовыя расправы*, составя и тѣ и другія изъ лучшихъ людей, выбранныхъ самими ими, не примѣшивая къ онымъ никого изъ нашихъ офицеровъ по примѣру тому, какъ съ пользою заведены въ Оренбургѣ между киргизцами расправы. Таковымъ выбраннымъ въ родовые суды и расправы членамъ не оставимъ опредѣлить приличное жалованье по полученіи отъ васъ примѣрнаго положенія. Сверхъ сей выгоды должно будетъ имъ дать и уваженіе, дабы послушаніе къ рѣшеніямъ своимъ утвердить могли. Неизлишнимъ признаемъ также учредить и верхній пограничный судъ въ Моздокѣ или Екатериноградѣ, въ коемъ бы присутствовали также вы-

бранные изъ ихъ родовъ первѣйшіе люди и депутаты пріѣзжающихъ туда народовъ съ опредѣленными отъ насъ чиновниками. Вообще кабардинскіе родовые суды и расправы могутъ судить тяжебныя ихъ дѣла и малые проступки по ихъ обыкновеніямъ; но важныя преступленія, какъ-то измѣна, убійство и разбой долженствуютъ разсматриваемы быть въ пограничномъ судѣ по законамъ нашимъ и со мнѣніемъ его представляемы къ генералу-губернатору. Но если бы случилось, что имѣвшіе дѣла въ родовыхъ судахъ и расправахъ не были разборомъ ихъ довольны, въ такомъ случаѣ могутъ они просить въ пограничномъ судѣ, который потому въ обязанности будетъ разсматривать таковыя дѣла и доставлять тяжущимся справедливое и безволокитное удовлетвореніе. Таковое образованіе возлагаемъ на благоразуміе и опытность вашу и требуемъ, чтобы вы, основываясь на сихъ общихъ начертанныхъ нами правилахъ, старалися произвесть оное въ дѣйство наилучшимъ способомъ единымъ убѣжденіемъ и неинако какъ сходственно желанію и доброй волѣ кабардинцевъ, для чего и предоставляемъ вамъ по мѣстнымъ свѣдѣніямъ тамошняго края, по обстоятельствамъ и умоначертанію сихъ народовъ сдѣлать обстоятельное предположеніе, гдѣ учредить сіи родовые суды и расправы и верхній пограничный судъ и какъ къ исполненію сему приступить удобнѣе; по мѣрѣ же вашихъ къ намъ донесеній не оставимъ и впредь давать наши наставленія. Для лучшаго и удобнѣйшаго убѣжденія и поощренія къ принятію подобныхъ учрежденій порядка и подчиненности за благо признаемъ, чтобы вы заведенія сіи и внушенія ваши чинили способомъ единородца ихъ генерала-маіора Горича или кого иного по усмотрѣнію вашему къ тому способнаго; а дабы и вѣру ихъ обратить къ тому же предмету нужно бы придать ему въ помощь нѣсколько муллъ изъ нашихъ казанскихъ татаръ, коимъ бы и мечети заводить въ Большой и Малой Кабардѣ мы позволить не отреклись. Для сильнѣйшаго жъ впечатлѣнія и утвержденія привязанности къ намъ горскихъ народовъ не найдете ли нужнымъ, чтобъ отправленъ былъ къ вамъ на нѣкоторое время находящійся въ Оренбургѣ муфтій, который съ пользою употребленъ былъ для спокойствія тамошняго края и для введенія устройства между дикихъ киргизскихъ народовъ. Впрочемъ,

предлежитъ вамъ вообще долгъ и стараніе привлекать къ намъ всѣ народы кавказскіе, приводить ихъ въ нѣкоторый родъ зависимости отъ высочайшаго престола нашего, обращать къ пользамъ Имперіи и ихъ собственнымъ и распространить убѣжденіемъ благоустройство и законы наши, кои мы имъ дать готовы къ ихъ собственному спокойствію, тишинѣ и благоденствію».

Прося о присылкѣ къ нему муфтія, Гудовичъ находилъ генералъ-маіора Горича не особенно способнымъ для водворенія спокойствія между кабардинцами. Они его не любили и не имѣли къ нему никакой довѣренности. Хотя Горичъ самъ былъ кабардинецъ, но былъ не изъ рода владѣльцевъ, гордившихся своимъ происхожденіемъ. «Сей народъ, писалъ Гудовичъ, надобно исправлять мягкимъ образомъ, но однако же лѣтомъ, чтобы въ виду войско стояло [1])». При помощи уговариваній, совѣтовъ и наставленій, Гудовичъ успѣлъ достичь того, что кабардинцы сами просили учредить у нихъ родовые суды и расправы.

19-го апрѣля 1793 года были высочайше утверждены родовые суды для владѣльцевъ: два въ Большой и одинъ въ Малой Кабардѣ, и родовыя расправы для узденей: двѣ въ Большой Кабардѣ и одна въ Малой. Въ Моздокѣ былъ учрежденъ для уголовныхъ дѣлъ верхній пограничный судъ подъ предсѣдательствомъ моздокскаго коменданта. Суды эти, по нѣсколько поспѣшному заключенію Гудовича, имѣли будто-бы большое вліяніе на смягченіе крутаго права и обычаевъ кабардинцевъ и на «поселеніе въ нихъ познаній о повиновеніи» русской власти. То, что прежде достигалось содержаніемъ въ землѣ значительнаго отряда нашихъ войскъ, теперь было достаточно небольшой воинской команды, «посылаемой весьма рѣдко и только въ самой крайности».

Все это было справедливо только отчасти; въ дѣйствительности же кабардинцы долгое время послѣ того оставались такими же хищниками, какими были и до учрежденія судовъ. Иначе и быть не могло. Съ учрежденіемъ судовъ кабардинцы почувствовали во всемъ стѣсненіе своей вольности и независимости. Имъ запрещено было отлучаться за границу безъ разрѣшенія начальства, мстить

[1]) Письмо Гудовича П. А. Зубову 24-го марта 1792 г.

убійцѣ по своему произволу, укрывать преступниковъ по обычаю куначества и гостепріимства, собираться джигитамъ и производить грабежи въ сосѣднихъ племенахъ или на линіи.

Столь крутой поворотъ въ общественной жизни кабардинцевъ заставилъ ихъ позаботиться о возвращеніи потерянной независимости, и они стали искать защиты у Порты.

Не имѣя возможности явно вмѣшиваться въ дѣла кабардинцевъ, турецкое правительство старалось всѣми силами поддерживать въ нихъ нерасположеніе къ Россіи. Турки возстановляли разрушенныя укрѣпленія Анапы, куда ожидали прибытія новыхъ войскъ подъ предлогомъ обузданія закубанцевъ, неповиновавшихся анапскому пашѣ. Въ февралѣ 1794 года были перехвачены въ Большой Кабардѣ фирманъ султана и письмо Муратъ-Гирей-султана, который называлъ себя начальникомъ надъ всѣми закубанскими народами, и увѣрялъ, что ему поручено султаномъ имѣть попеченіе о кабардинцахъ. Посылая фирманъ султана, Муратъ-Гирей просилъ прочесть его внимательно и быть готовыми на дѣйствія противъ невѣрныхъ [1]). Султанъ Селимъ просилъ кабардинцевъ знать, что «заключенный у насъ съ Россіею миръ *по большей части нуженъ былъ намъ для Кабарды и Крыма*. Итакъ, если постараетесь вы перейти за Кубань, то сомнѣваться вамъ въ разсужденіи избавленія своего отъ Россіи не для чего, потому что Порта васъ не оставитъ.

«Что же касается до происхожденія у насъ съ Россіею, то увѣдомляемъ васъ, что черезъ присланнаго отъ двора россійскаго посланника требовала Россія позволенія пріѣзжать подданнымъ своимъ во Іерусалимъ на поклоненіе; но отправленъ посланникъ тотъ въ Россію почти ни съ чѣмъ. А потому, если Россія въ силахъ, то разсердясь на то поднять вражды не преминетъ, а мы также имѣть ее намѣрены. И когда такъ случится, то тогда какъ Кабарда, такъ и Крымъ оставлены отъ насъ, въ разсужденіи избавленія отъ Россіи, не будете. До того же старайтесь вы, не склоняясь съ подвластными вашими къ Россіи, перейти въ горы и относитесь о расположеніи и состояніи вашемъ къ анапскому се-

[1]) Письмо Муратъ-Гирей-султана и фирманъ султана. Московск. Арх. Главн. Штаба, дѣла графа Салтыкова.

раскиру Муратъ-Гирей-султану, къ которому можете присылать отъ себя по надобностямъ и посланниковъ, не сомнѣваясь ни мало въ томъ отъ Россіи... Потщитесь только быть съ магометанами, въ сторонѣ вашей обитающими, въ согласіи и какое будетъ у всѣхъ васъ вообще намѣреніе и расположеніе пришлите, для донесенія о томъ ко двору турецкому съ письмомъ своимъ нарочнаго посланника. Въ желаніи вашемъ будьте совершенно увѣрены и опасаться вамъ теперь отъ Россіи нечего, потому что въ мирномъ у насъ съ Россіею постановленіи выговорено всѣмъ магометанамъ, гдѣ бы они не были, безобидное пребываніе.

«Что же касается до войска магометанскаго, то оное обучается въ военнодѣйствіи, такъ же какъ нѣмецкое. Вы же старайтесь какъ можно взять мѣры на избавленіе мусульманъ отъ Россіи, для чего къ вамъ сіе предписаніе съ нарочнымъ Чолакъ дервишемъ и отправлено».

Вмѣстѣ съ тѣмъ, озабоченный тѣмъ, что шамхалъ тарковскій вступилъ въ подданство Россіи, а ханъ дербентскій велъ переговоры о томъ же, султанъ отправилъ фирманъ въ Дагестанъ и Персію съ цѣлью отклонить владѣтелей отъ союза Россіи.

«Предписывая симъ высочайшимъ моимъ фирманомъ,—писалъ онъ [1]),—объявляю вамъ, что миръ теперь съ Россіею заключенъ потому болѣе, что народы магометанскаго исповѣданія въ разстройствѣ и разсыпаны по разнымъ мѣстамъ, но и теперь однакожь прочіе государи съ Россіею воюютъ и спокойствія въ Россіи нѣтъ. Но въ семъ случаѣ, что Россія имѣетъ съ прочими войну, злодѣйствовать намъ ей неприлично и постыдно, а стараться только о томъ, чтобы народы правовѣрные были всѣ въ согласіи, такъ какъ о семъ писано отъ меня въ Мекку, Индію и западной страны къ государямъ, на что, конечно, будутъ мусульмане согласны. Да сверхъ сего и войско наше сколь можно пріучается къ военной экзерциціи искусными людми, а города у насъ укрѣпляются, а потому старайтесь сколь можно быть между собою согласны и не оставляйте присылать сюда нарочныхъ и увѣдомлять о всѣхъ своихъ надобностяхъ. Я же съ моей стороны сколько можно стараться буду освободить отъ Россіи Крымъ, Кабарду и прочіе му-

[1]) Дагестанцамъ, кадію акушенскому и Али-Солтанъ-беку.

сульманскія области и селенія, потому что сіе меня крайне безпокоитъ.

«Сверхъ же сего доносятъ мнѣ кабардинскіе хаджіи, что у кабардинцевъ между собою происходятъ несогласія и въ Кабардѣ учреждено правленіе. На сіе имъ сказано здѣсь, что учрежденіе новыхъ правленій сдѣлано по необходимости; другіе говорили, что правленіе у нихъ сдѣлано не по необходимости и во время сего спору возвратился ко мнѣ посланный отсюда шпіонъ Чолакъ дервишъ. Онъ объявилъ здѣсь о всемъ подробно, какъ о кабардинцахъ, такъ и дагестанцахъ, что сами они къ Россіи преданы и много между ними лукавыхъ и неистовыхъ людей, изъ коихъ одинъ шамхалъ предавшись Россіи склонилъ даже и Дербентъ на отдачу Россіи жь и получаетъ за то каждогодно не малое отъ Россіи жалованье. Почему и предписываю симъ фирманомъ, чтобы таковыхъ лукавыхъ и неистовыхъ людей, каковъ шамхалъ, стараться истреблять или избрать на мѣсто шамхала изъ природы шамхальской другаго достойнаго. Если жь кто не поступитъ по силѣ сего моего фирмана, то таковой разлученъ будетъ съ женою и останется такъ какъ беззаконный и невѣрный.

«Сверхъ же сего постарайтесь вы и о томъ, чтобъ не было кабардинцамъ отъ Россіи притѣсненія, а если силъ вашихъ не достанетъ, то можете спасаться въ горахъ и донести о томъ ко мнѣ, почему и не оставлю я употребить объ васъ моего попеченія и снабдить помощью и тогда уже нарушенію мира не я буду причиною, а Россія. Впрочемъ, каковымъ образомъ обыкновенно награждалъ я васъ за службу и за исполненіе моихъ повелѣній казною (деньгами), то и нынѣ по присылкѣ отъ васъ сюда нарочныхъ также въ награжденіи оной не сумнѣвайтесь. Впрочемъ, если не будетъ вамъ отъ Россіи обиды, то вы отнюдь противнаго ей не дѣлайте и сіе мое повелѣніе храните отъ Россіи въ тайности; мусульманамъ же какъ можно старайтесь сіе обнародовать».

Султанъ просилъ кабардинцевъ и владѣтелей Дагестана войти въ сношеніе съ Ахта-ханомъ [1]) и быть готовыми къ дѣйствіямъ. Дѣйствительно, въ это время Порта готова была воспользоваться

[1]) Съ Агою-Магометъ-ханомъ Ахта значитъ скопецъ.

политическимъ положеніемъ Россіи и разорвать съ нею миръ. Второй раздѣлъ Польши возбудилъ неудовольствіе многихъ державъ и въ особенности Франціи, старавшейся возстановить Порту противъ Россіи. Императрица Екатерина II поручила Гудовичу имѣть особое наблюденіе за народами, живущими по ту сторону Кубани и въ особенности за кабардинцами, тѣмъ болѣе, что между ними стало уже замѣчаться нѣкоторое волненіе. Въ февралѣ 1794 года въ Большой Кабардѣ возникли безпорядки и неповиновеніе родовымъ судамъ и расправамъ, такъ что пришлось употребить силу. Генералъ-маіоръ Савельевъ съ отрядомъ въ теченіе девяти мѣсяцевъ ходилъ по Кабардѣ и водворялъ порядокъ [1]). Главные зачинщики возмущенія, подполковникъ Атажуко Хамурзинъ, Измаилъ Атажукинъ и братъ его премьеръ-маіоръ Адиль-Гирей Атажукинъ, были высланы на жительство въ Екатеринославъ [2]).

По возстановленіи порядка, знатнѣйшіе владѣльцы обязались письменнымъ договоромъ не притѣснять своихъ подвластныхъ и доставлять имъ вознагражденіе въ справедливыхъ претензіяхъ. При этомъ всѣ сословія постановили, что если кто изъ владѣльцевъ удалится въ горы, тотъ лишается всякаго права на подвластный ему народъ, который и поступастъ въ непосредственное управленіе русскаго правительства.

Видя, что кабардинцы безсильны оказать какое бы то ни было сопротивленіе, Порта интриговала въ Персіи, чтобы совокупными силами препятствовать политическимъ видамъ Россіи.

---

[1]) Всеподд. рапортъ Гудовича 9-го декабря 1794 г. Московск. Арх. Глав. Штаба, дѣла графа Салтыкова.

[2]) Отношеніе гр. Зубова екатеринославскому губернатору 10-го января 1795 г. Московск. Арх. Главн. Штаба, дѣла графа Салтыкова.

XVI.

Стремленіе Аги-Магометъ-хана къ единовластію въ Персіи.—Борьба его съ братомъ Муртаза-Кули-ханомъ и Лютфъ-Али-ханомъ ширазскимъ.—Непріязненные поступки Аги-Магометъ-хана противъ нашего купечества, приведшіе его къ столкновенію съ Россіею.

Въ Персіи по-прежнему происходили безпорядки и безначаліе. Два наиболѣе значительные владѣльца, Лютфъ-Али-ханъ и Ага-Магометъ-ханъ оспаривали между собою право на владѣніе всею страною. Ага-Магометъ-ханъ, сверхъ того, враждовалъ и съ родными братьями. Одинъ изъ нихъ, Муртаза-Кули-ханъ, бѣжавшій въ Баку, просилъ наше правительство о содѣйствіи къ возведенію его на ханство Гилянское. Командующій каспійскою флотиліею, генералъ-маіоръ Шишкинъ, получилъ секретное предписаніе генералъ-поручика Потемкина отъ 2-го сентября 1787 г., чтобы фрегаты наши находились близъ Баку «для пользы» Муртазѣ-Кули-хану и въ случаѣ надобности защищали бы находящееся въ Энзеляхъ наше купечество. Шишкинъ спрашивалъ П. С. Потемкина, чѣмъ и какъ вспомоществовать ему Муртазѣ: войсками, оружіемъ или деньгами и, не получая долго отвѣта, условился съ ханомъ хранить въ тайнѣ, по возможности, долгое время намѣреніе русскаго правительства поддержать его.

Муртаза-Кули-ханъ нарушилъ данное обѣщаніе и самопроизвольно сѣлъ на фрегатъ, стоявшій у Баку, и, надѣясь найти многихъ приверженцевъ среди туземцевъ, думалъ завладѣть съ такими средствами Гилянскою провинціею. Выйдя на берегъ въ Талышахъ и собравъ отъ 200 до 300 человѣкъ разнаго сброда, Муртаза вошелъ безъ сопротивленія въ никѣмъ необороняемый и неукрѣпленный городъ Рештъ и занялъ его 28-го августа 1788 г. [1]). Онъ тотчасъ же отправилъ на линію своего посланнаго къ генералу Текелли, въ то время командовавшему войсками, съ изъявленіемъ желанія своего вступить въ подданство Россіи. Основываясь на такомъ заявленіи, генералъ Текелли предписалъ начальникамъ

[1]) Всеподд. прошеніе генералъ-маіора Шишкина, отъ іюля (число не обозначено) 1794 г. Арх. Кабин. Св. 380, ч. II.

судовъ, находившихся въ Персіи, дѣлать пособіе во всѣхъ требованіяхъ Муртазѣ. Съ наступленіемъ же весны предполагалось отправить къ гилянскимъ берегамъ два судна, съ тѣмъ, чтобы они «во всѣхъ случающихся надобностяхъ преподавали помощь на удержаніе провинціи Гилянской со всѣми благоугожденіями владѣльцу и защищеніемъ нашихъ торгующихъ и селенія».

Когда нашъ ботъ, подъ начальствомъ лейтенанта Моллера, явился въ Энзелинскомъ портѣ, Муртазы-Кули-хана не только тамъ, но и во всей Гилянской провинціи уже не было. Еще за нѣсколько мѣсяцевъ, Ага-Магометъ-ханъ, узнавъ, что Муртаза-Кули-ханъ занялъ Рештъ, немедленно отправилъ съ отрядомъ брата своего Джафара-Кули-хана, который, пользуясь нерадѣніемъ и совершенною безпечностію Муртазы-Кули-хана, вошелъ въ Рештъ.

Послѣдній, 14-го октября 1788 года, бѣжалъ въ Энзели, гдѣ и укрѣпился. Джафаръ-Кули-ханъ атаковалъ укрѣпленія, но былъ отбитъ и принужденъ ограничиться осадою. Обѣ стороны возводили новыя укрѣпленія, производили вылазки и вели почти ежедневную перестрѣлку. Такъ продолжалось до 18-го ноября, когда Джафаръ-ханъ обратился къ русскимъ морскимъ офицерамъ съ просьбою примирить его съ братомъ. Находившіеся въ Энзелинскомъ портѣ, для защиты русскаго купечества, капитанъ-лейтенантъ Харламовъ и лейтенантъ Окороковъ приняли посредничество и содѣйствовали къ заключенію договора, по которому Джафаръ обѣщалъ подъ присягою исходатайствовать Муртазѣ владѣніе Гиляномъ на правахъ генералъ-губернатора, но не самостоятельнаго владѣльца. Въ ожиданіи отвѣта отъ Аги-Магометъ-хана, Муртаза-Кули-ханъ обязался выдти изъ Энзелей въ Ленкорань или Салъяны и существовавшую въ Энзеляхъ стѣну разрушить.

По заключеніи этихъ условій, Джафаръ, 23-го ноября, съ войсками своими отошелъ къ Решту, а Муртаза, 12-го декабря, сѣлъ на русское купеческое судно и отплылъ въ Салъяны, къ дербентскому хану. Онъ отправилъ, черезъ Астрахань, посланнаго на Кавказскую линію, съ заявленіемъ о своемъ желаніи поступить въ подданство русской Императрицы. Муртаза просилъ прислать ему въ помощь 2 т. человѣкъ русскаго войска и нѣсколько военныхъ судовъ къ марту 1789 г. Онъ обѣщалъ, по мѣрѣ своего

возвышенія, идти на бо́льшія и бо́льшія уступки персидской территоріи въ пользу Россіи. Князь Потемкинъ видѣлъ въ Муртазѣ-Кули-ханѣ человѣка смѣлаго, предпріимчиваго, преданнаго русскому правительству и достойнаго владѣть Персіею. Война съ Турціею препятствовала намъ оказать существенное содѣйствіе Муртазѣ и на всѣ его исканія ему отвѣчали только увѣреніями о милостяхъ и покровительствѣ Императрицы.

Между тѣмъ Муртаза-Кули-ханъ, уѣзжая въ Сальяны, оставилъ въ Энзеляхъ нѣсколько человѣкъ преданныхъ ему, для собиранія пошлинъ. При Энзелинскомъ портѣ, съ разрушеніемъ стѣны и укрѣпленій, оставалась только одна русская колонія, и уполномоченные Муртазою персіяне, по необходимости, принуждены были пріютиться въ ней. Скоро цѣль оставленія ихъ стала извѣстна правителю Гиляна Сулейманъ-хану. Онъ потребовалъ, чтобы эти люди, на основаніи постановленія, заключеннаго съ Муртазою-Кули-ханомъ, были немедленно высланы изъ русскаго селенія, угрожая въ противномъ случаѣ употребить силу.

Бывшіе тамъ наши офицеры, не имѣя на этотъ случай никакихъ предписаній, выслали людей. Муртаза-Кули-ханъ, оставшись недоволенъ такимъ распоряженіемъ и не обращая вниманія на заключенный съ братомъ договоръ, 12-го іюля 1789 года, снова прислалъ въ Энзели къ лейтенанту Моллеру своего шурина съ семью человѣками для сбора пошлинъ и изгнанія сборщиковъ, поставленныхъ отъ правителя Аги-Магометъ-хана. Вмѣстѣ съ этими посланными Муртаза отправилъ письма нѣкоторымъ старшинамъ, съ которыми онъ имѣлъ постоянную переписку, и хвастался поддержкою Россіи. Нѣкоторыя изъ его писемъ, въ томъ числѣ и то, въ которомъ Муртаза увѣрялъ гилянцевъ, что скоро прибудетъ къ нимъ съ 12 т. человѣкъ русскихъ, были захвачены Сулейманомъ и тотчасъ же отосланы къ Агѣ-Магометъ-хану. Послѣдній арестовалъ единоутробнаго брата Муртазы, билъ по пятамъ «нещадно» его сына и приказалъ своему племяннику Баба-хану, не входя въ открытыя непріязненныя дѣйствія съ русскими, блокировать издали нашу колонію и Энзелинскій портъ, пресѣчь торговлю и всякое сообщеніе съ русскими и даже близлежавшія персидскія селенія перевести въ другія мѣста. Поселенцы наши весьма скоро почув-

ствовали во всемъ недостатокъ и голодъ; число больныхъ увеличилось, и среди однихъ только нижнихъ чиновъ было больныхъ до 85 человѣкъ.

Видя безъисходность своего положенія, торгующее населеніе подало прошеніе лейтенанту Моллеру о дозволеніи покинуть селеніе и отправиться въ Россію. Моллеръ принужденъ былъ выслать шурина Муртазы и тѣмъ возстановить спокойствіе, но не торговлю, такъ какъ купечество понесло огромные убытки.

Встрѣтивъ и здѣсь неудачу, Муртаза просилъ генералъ-маіора Шишкина прислать ему въ помощь 1 т. человѣкъ русскихъ войскъ въ добавокъ къ собраннымъ, будто бы, имъ 8 т. челов. Не вѣря, чтобы ополченіе Муртазы могло дойти до столь большой цифры и получивъ свѣдѣнія о безвыходномъ положеніи нашихъ поселенцевъ въ Энзеляхъ, Шишкинъ былъ въ крайнемъ затрудненіи, какъ поступить. Надежды на то, чтобы Муртаза могъ завладѣть снова Гилянскою провинціею, было мало, а между тѣмъ его враждебныя дѣйствія противъ Аги-Магометъ-хана могли поставить нашихъ поселенцевъ въ еще худшее положеніе. Шишкинъ приказалъ находившемуся въ Ленкоранѣ капитанъ-лейтенанту Аклечееву, не упуская случаевъ къ пользѣ отечественной торговли, стараться склонить на свою сторону правителя Решта и увѣрить его, что при замѣшательствахъ въ Персіи мы защищаемъ только нашу торговлю и селеніе, а Муртазу-Кули-хана уговорить, чтобы онъ до болѣе удобнаго времени оставилъ свое предпріятіе и безполезными покушеніями не пресѣкалъ нашей торговли.

Предположенія Шишкина о безсиліи Муртазы вполнѣ оправдались: онъ успѣлъ собрать только 160 человѣкъ праздношатающихся, но и тѣ, не имѣя никакого вооруженія, разбрелись въ разныя стороны и самъ Муртаза уѣхалъ неизвѣстно куда: одни утверждали, что онъ отправился просить помощи у шушинскаго хана, другіе говорили, что въ Ширазъ.

Поступки Муртазы-Кули-хана и его хвастовство возбудили недовѣрчивость Аги-Магометъ-хана къ русскимъ, и онъ сталъ еще болѣе стѣснять нашу торговлю. Постоянныя жалобы нашихъ купцовъ заставили генералъ-маіора Шишкина, во все это время непо-

лучавшаго никакихъ предписаній [1]), самому рѣшиться на какую либо мѣру и онъ, имѣя въ виду главнѣйшимъ образомъ развитіе торговли и сохраненіе нашего селенія при портѣ Энзелинскомъ, обратилъ на нихъ все свое вниманіе.

Отправляя съ наступленіемъ весны на смѣну лейтенанта Моллера лейтенанта Атреплева, генералъ Шишкинъ, въ инструкціи отъ 2-го апрѣля, писалъ, чтобы онъ въ бытность свою въ Энзелинскомъ портѣ старался свести знакомство съ правителемъ Решта и тѣмъ обезпечилъ нашу торговлю; но если бы встрѣтилась надобность, то для защиты купечества и селенія употреблять силу оружія. Атреплеву запрещено вмѣшиваться въ дѣла Муртазы-Кулихана, но если бы онъ, при несчастномъ для него оборотѣ дѣлъ, прибѣгнулъ подъ защиту русскаго флага, то принять на судно, никому не выдавать и отправить въ Астрахань.

Атреплевъ прибылъ тогда, когда Ага-Магометъ-ханъ, вынужденный неудачными обстоятельствами, перемѣнилъ свое поведеніе относительно Россіи. Около этого времени Лютфъ-Али-ханъ овладѣлъ Ширазомъ, и большая часть персидскихъ войскъ перешла на его сторону. Услышавъ о происходившемъ въ Ширазѣ, Ага-Магометъ-ханъ занялъ Испагань и форсированнымъ маршемъ двинулся къ Ширазу. Лютфъ-Али-ханъ противопоставилъ своему сопернику значительное войско и послѣ нѣсколькихъ упорныхъ дѣлъ въ іюлѣ 1789 года принудилъ Агу-Магометъ-хана отступить. Вотъ въ это-то время Ага-Магометъ-ханъ сталъ заискивать расположеніе Россіи и приказалъ начальникамъ прибрежныхъ провинцій удовлетворять всѣмъ требованіямъ русскихъ.

Довѣріе къ торговлѣ возобновилось по-прежнему, и торговцы стали безъ всякой опасности ѣздить до Испагани. Такъ было до половины 1790 г., когда жившій въ Ленкорани Муртаза-Кулиханъ снова распустилъ слухъ, что съ 2 т. талышинцевъ идетъ въ Гилянскую провинцію, и 4-го октября опять прислалъ въ Энзели своего шурина Али съ 40 человѣками, для овладѣнія таможеннымъ домомъ, находившимся вблизи нашего селенія. Али за-

[1]) Генералъ-поручикъ Бибиковъ, къ которому ему приказано было обращаться, находился въ то время въ походѣ за Кубанью и не отвѣчалъ на возбуждаемые вопросы.

нялъ домъ безъ всякаго сопротивленія и потомъ, явившись на судно къ лейтенанту Атреплеву, требовалъ отъ него, именемъ своего хана, пороха, свинца и одно купеческое судно. Получивши отказъ, Али отправился на берегъ, гдѣ былъ встрѣченъ нѣсколькими человѣками, высланными изъ Решта для его задержанія. Послѣ небольшой перестрѣлки, Али скрылся въ нашемъ селеніи и тѣмъ избѣжалъ предназначеннаго ему печальнаго жребія. Узнавъ о происшествіи съ шуриномъ, Муртаза набралъ себѣ шайку и 25-го октября 1790 года занялъ Рештъ. Не заботясь объ упроченіи своей власти, Муртаза пригласилъ къ себѣ Атреплева и предложилъ ему, какъ самовластный правитель, заключить коммерческій трактатъ съ Россіею.

Переговоры эти не получили еще начала, когда, 6-го ноября, Муртаза, получивъ извѣстіе о приближеніи войскъ Аги-Магомета, бѣжалъ изъ Решта и 12-го числа прибылъ въ Энзели, гдѣ потребовалъ помощи отъ лейтенанта Атреплева, но какъ тотъ не имѣлъ чѣмъ помочь, то Муртаза снова бѣжалъ въ Ленкорань.

Въ декабрѣ того же года Муртаза выпросилъ у Мустафы-хана Талышинскаго нѣсколько человѣкъ, напалъ съ ними на небольшой отрядъ войскъ Аги-Магометъ-хана и разбивъ его, снова занялъ Рештъ. Желая на этотъ разъ утвердиться въ Гиляни болѣе прочнымъ образомъ, Муртаза распустилъ слухъ, что русскіе пришлютъ ему на помощь 12 т. человѣкъ и всѣ суда, находящіяся на Каспійскомъ морѣ, будутъ отданы въ его распоряженіе. 8-го января 1791 года Ага-Магометъ-ханъ прислалъ въ Рештъ свою мать уговорить Муртазу, чтобы онъ оставилъ Гилянскую провинцію, не разорялъ жителей и не затруднялъ торговли. Муртаза не послушалъ совѣтовъ матери и тѣмъ принудилъ Агу-Магомета употребить противъ него силу. Опасаясь попасть въ руки жестокосердаго своего брата, Муртаза взялъ съ собою мать и 21-го февраля уѣхалъ въ Талыши, гдѣ и оставался долгое время.

Отдѣлавшись отъ своего назойливаго брата, Ага-Магометъ-ханъ обратилъ все свое вниманіе на борьбу съ Лютфъ-Али-ханомъ. Послѣдній, стараясь также пріобрѣсти верховную власть въ Персіи и одолѣть своего соперника, вошелъ въ сношеніе съ англичанами и успѣлъ склонить ихъ дать ему помощь. Весною 1790 г.

англичане отправили къ Лютфъ-Али-хану изъ своихъ владѣній въ Индіи 200 челов. солдатъ, 20 орудій съ припадлежностью и значительную сумму денегъ, съ обѣщаніемъ содѣйствовать въ дальнѣйшемъ подчиненіи ему Персіи. Прося у англичанъ милліонъ рублей денегъ, Лютфъ-Али-ханъ послалъ въ залогъ весьма дорогой камень и обѣщалъ, сдѣлавшись верховнымъ правителемъ Персіи, принять англійскихъ консуловъ въ пристани Персидскаго залива, для собиранія въ пользу англичанъ пошлинъ съ привозимыхъ товаровъ.

Съ своей стороны Ага-Магометъ-ханъ искалъ помощи у Порты, но оба они не добились ничего существеннаго и принуждены были бороться съ тѣми средствами, которыми располагали. Весною 1791 года Ага-Магометъ-ханъ отправилъ къ Ширазу своего племянника Баба-хана съ отрядомъ въ 10,000 человѣкъ. Лютфъ-Али ханъ съ 20,000 человѣкъ встрѣтилъ его у Гардемала, разбилъ и принудилъ возвратиться въ Испагань. Ага-Магометъ ханъ сталъ собирать новыя войска. «Его армія, пишетъ бывшій въ то время при немъ русскій конфидентъ, простиралась до 45,000; изъ оной до 25,000 состояли на жалованьѣ, а прочіе безъ жалованья, состоя изъ разнаго сброда людей, совсѣмъ невоенныхъ. Пѣшихъ и конныхъ было по равной части. Пѣхота имѣла ружья по большей части съ фитилями, но конница съ замками. Пушекъ было самой большой величины семь чугунныхъ, лафеты о трехъ колесахъ, оси вертѣлись вмѣстѣ съ колесами; въ упряжи каждой пушки употреблялось по четыре пары воловъ; ящиковъ съ зарядами къ каждымъ двумъ пушкамъ по одному. Притомъ было 50 верблюдовъ, изъ коихъ на каждомъ лежало по два фальконета, коими и дѣйствуетъ одинъ человѣкъ. Продовольствіе войскъ производится не изъ магазиновъ, а нарочно посланные собираютъ хлѣбъ по селеніямъ и оный къ арміи доставляютъ».

Съ такимъ ополченіемъ Ага-Магометъ подошелъ къ Ширазу. Лютфъ-Али-ханъ также съ арміею до 40,000 человѣкъ и 2 орудіями встрѣтилъ наступающихъ впереди города въ двухъ переходахъ и разбилъ ихъ. Войска Ага-Магометъ-хана были приведены въ такой безпорядокъ, что потеряли весь лагерь, и самъ ханъ едва не попался въ плѣнъ. Ага-Магометъ бѣжалъ съ поля сра-

женія, и долгое время не знали, гдѣ онъ находится. Пользуясь успѣхомъ, Лютфъ-Али-ханъ направился въ Испагань съ намѣреніемъ занять его, но во время движенія одинъ изъ его военачальниковъ, Жея-Зарчи-баши, возмутилъ большую часть войскъ, бѣжалъ съ ними въ Ширазъ и, запершись въ немъ, не пустилъ въ него своего хана. Лютфъ-Али отошелъ съ остатками своихъ силъ къ сторонѣ Багдада, а Зарчи-баши передалъ Ширазъ Ага-Магометъ-хану, съ условіемъ, что онъ будетъ назначенъ ханомъ ширазскимъ [1]).

Обрадованный такимъ происшествіемъ, Ага-Магометъ считалъ своего врага окончательно побѣжденнымъ, а себя единственнымъ повелителемъ Персіи. Онъ до того возгордился, что принялъ титулъ *падишаха*, возложилъ на себя знаки шахскаго достоинства и «началъ даваемыя отъ себя приказанія, которыя назывались *талаги* или ордера, называть фирманами, употребляя въ оныхъ вмѣсто своего титула «*высокостепеннаго*», титулъ «*величества*». «Но таковое самовольное присвоеніе имъ себѣ сего титула, доносилъ Гудовичъ [2]), не можетъ утвердиться, поколику по обыкновеніямъ персидскимъ, шахомъ признанъ быть можетъ общій владѣтель всей Персіи, избранный въ сіе достоинство общимъ согласіемъ всѣхъ хановъ персидскихъ въ городѣ Ардевилѣ, лежащемъ въ провинціи Адербейджанѣ. Но Ага-Магометъ-ханъ владѣетъ только среднею частью Персіи, а не всѣми провинціями оной, и самая провинція Адербейджанъ не вся принадлежитъ ему, ибо считающійся въ ней Карабагъ имѣетъ особаго владѣльца, тоже тарковскій Шамхалъ, принадлежавшій прежде Персіи, отъ оной не зависитъ, да и во всѣхъ почти ханахъ, владѣющихъ лежащими внутри Персіи провинціями Ага-Магометъ-ханъ имѣетъ себѣ непріятелей«.

Это всеобщее нерасположеніе было причиною, что Ага-Магометъ-ханъ не долго владѣлъ Ширазомъ. Собравшись съ силами, Лютфъ-Али-ханъ успѣлъ склонить на свою сторону жителей Шираза. Во время праздника общаго поминовенія жители возстали

[1]) Всеподд. рапортъ Гудовича 12-го марта 1792 г. Москов. Арх. Глав. Штаба, дѣла графа Салтыкова.

[2]) Во всеподд. рапортѣ 13-го апрѣля 1792 г. Тамъ же.

противъ правителя, поставленнаго Агою-Магометъ-ханомъ и убили его. Лютфъ-Али-ханъ вступилъ въ Ширазъ, истребилъ большую часть войскъ, присланныхъ Агою-Магометъ-ханомъ на помощь Жея-Заръчи-Баши, и казнилъ многихъ лицъ, ему измѣнившихъ. Ага-Магометъ не могъ въ это время оказать помощи Ширазу по причинѣ болѣзни. Болѣзнь эта имѣла большое значеніе, такъ какъ его подвластные стали колебаться въ вѣрности и помышляли о переходѣ на сторону его враговъ. Когда народъ, не видя Аги-Магометъ-хана «долгое время въ диванѣ, доносилъ Гудовичъ [1]), началъ сомнѣваться въ его жизни, чиновники его раздѣлились было на двѣ партіи и оттого происходилъ бунтъ, то Ага-Магометъ-ханъ, при всей своей слабости, вынесенъ былъ въ диванъ, и призвавъ къ себѣ обманомъ нѣсколькихъ человѣкъ изъ бунтовавшихъ, ихъ казнилъ и тѣмъ прекратилъ народное волненіе. Съ того, однакожь, времени народъ опять не видитъ его въ диванѣ, что и подаетъ причину къ новому безпокойствію, и думаютъ иные, что Ага-Магометъ-ханъ въ продолженіе своей болѣзни уже и умеръ, но диванъ только по обыкновенію своему скрываетъ смерть его отъ народа, доколѣ взяты будутъ, для предупрежденія народнаго несогласія въ выборѣ новаго владѣтеля, нужныя мѣры. Между тѣмъ визирь его мирза Шефи именемъ его началъ собирать въ Тегеранѣ распущенныя по домамъ войска, которыя, однакожь, неохотно ему повинуются».

Слухи о болѣзни Аги-Магометъ-хана, а можетъ быть и о его смерти усыпили Лютфъ-Али-хана, и онъ, потерявъ въ концѣ 1792 г. Ширазъ, принужденъ былъ скрыться сначала въ Табасѣ, а потомъ въ Керманѣ.

Въ концѣ 1794 года, Ага-Мамометъ-ханъ блокировалъ Керманъ въ теченіе восьми мѣсяцевъ. Вся сила Лютфъ-Али-хана состояла изъ 25,000 арабовъ, кочующихъ въ Керманской области. Имѣя запасъ продовольствія на два года, Лютфъ-Али надѣялся удержать Керманъ, но Ага-Магометъ успѣлъ подкупить нѣсколькихъ вліятельныхъ лицъ, тайно впустившихъ въ городъ его войска. Несчастный Лютфъ-Али-ханъ узналъ объ измѣнѣ тогда, когда въ городѣ было уже до 10,000 непріятелей. Онъ сражался въ ули-

[1]) Во всеподд. рапортѣ отъ 13-го апрѣля 1792 г. Мос. Арх. Гл. Шт., дѣла гр. Салтыкова.

цахъ цѣлый день и затѣмъ съ 500 человѣкъ ему преданныхъ отступилъ къ Босту. Ага-Магометъ-ханъ предалъ городъ разграбленію и приказалъ въ теченіе трехъ дней не давать никому пощады. Преслѣдуя самъ Лютфъ-Али-хана, онъ успѣлъ его догнать и захватить въ свои руки. Несчастному плѣннику были выколоты глаза, и онъ отправленъ въ Тегеранъ, гдѣ жестокій врагъ его назначилъ ему пожизненную пенсію.

Захвативъ въ Керманѣ значительныя сокровища, Ага-Магометъ-ханъ самъ возвратился въ Тегеранъ и, считая теперь себя единственнымъ владѣтелемъ Персіи, сталъ украшаться шахскимъ перомъ. Оставаясь въ Тегеранѣ, онъ занимался окончательнымъ упроченіемъ своей власти и прежде всего обратилъ вниманіе на Адербейджанъ и Грузію. Непріязненныя дѣйствія противъ послѣдней привели Агу-Магометъ-хана къ столкновенію съ Россіею.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНЪ, УПОМЯНУТЫХЪ ВЪ ТЕКСТѢ.

Аббасъ-шахъ 151, 155, 209.
Абашидзе, Анна, княжна 38.
Абашидзе Кайхосро, князь 61, 66, 67, 69, 70, 71, 74.
Абашидзе, князь 16, 53, 146, 147.
Абдулъ-Гамидъ, султанъ 247.
Абулъ-Фетъ-ханъ 153, 154, 159, 161.
Авамѣсовъ, Даніилъ 32, 33.
Ага-Магометъ-ханъ 152, 153, 154, 155, 156, 157, 158, 159, 164, 172, 173, 174, 175, 177, 178, 179, 181, 182, 183, 184, 185, 186, 187, 189, 191, 192, 193, 194, 195, 197, 199, 200, 201, 202, 204, 205, 298, 300, 301, 302, 303, 304, 305, 306, 307, 308, 309.
Ага-Топчи, Салманскій 197.
Аджи-Алій, паша анатольскій 69.
Аджи-бекъ, ганжинскій старшина 140.
Азамъ, визирь 215.
Аклечеевъ, лейтенантъ 161, 162, 178, 179, 182, 197, 303.
Ала-Верды-бекъ 198.
Александръ, царевичъ имеретинскій 63.
Али-бекъ, сынъ ганжинскаго хана 52.
Али-Муратъ-ханъ, испаганскій 24, 34, 152, 155, 159, 164, 165, 166, 167, 168, 169, 170, 171, 172, 173, 175, 176, 177.
Алискантъ, аварецъ 149.
Али-Солтанъ, бекъ 297.
Али-Солтанъ, кумыкскій князь 117.
Али, султанъ шамшадильскій 77. 80.
Али-ханъ испаганскій 187.
Алхановъ, Али 123.
Амиръ-Хамза, уцмій каракайдагскій 42.
Андрониковъ, князь 7, 77, 80.
Анна Іоанновна, Императрица 152.
Анна Матвѣевна, имеретинская царица 60.
Антоній, царевичъ грузинскій 14, 19, 20, 215.
Апраксинъ, бригадиръ 102, 103, 104, 106, 122, 127.
Арсланъ Гирей, кумыкскій князь 117.
Арчилъ, царевичъ 59, 60, 62.
Аршеневскій, подполковникъ 49.
Аскеръ-ханъ, братъ гилянскаго хана 195, 196.
Атажукинъ, подполковникъ 299.
Атреплевъ, лейтенантъ 304, 305.
Ахметъ-ага 222.
Ахметъ-ханъ нухинскій 52.
Ахметъ-ханъ хойскій 40, 175.

Баба-ханъ 302, 306.
Багиръ, персіянинъ 193, 194.
Багратіонъ, И. К., князь 7, 15, 16.
Багуръ-ханъ 173.
Баковъ, Кайтуко 89, 117.
Бальменъ-де графъ 265, 266, 269.
Баматовъ, Мисостъ 111, 118, 119, 134, 135.
Баматъ, шамхалъ 244, 245.
Баратаевъ, Осипъ, князь 223.
Баратовъ, князь 16.
Баскаковъ, капитанъ-лейтенантъ 157, 158, 159.
Баталъ-паша 212, 262, 265, 266, 267, 268, 269, 275, 278.

Батырь-ханъ 96.
Бегтабековъ, армянинъ 16, 20.
Беервицъ, бригадиръ 267, 268.
Безбородко, генералъ-маіоръ (впослѣдствіи князь) 14, 20, 55, 225, 227.
Бековичъ-Черкасскій, князь 113, 115.
Бибиковъ, Юрій, генералъ-поручикъ 259, 260, 261, 262, 263, 264, 266, 304.
Бояркинъ, плацъ-маіоръ 113.
Булгаковъ, генералъ-маіоръ 258, 266, 267, 273, 275, 281.
Булгаковъ, посланникъ въ Константинополѣ 72, 73, 82, 83, 201, 208, 209, 210, 247, 248.
Бурнашевъ, полковникъ 1, 7, 8, 12, 13, 15, 16, 17, 18, 19, 24, 33, 34, 35, 36, 37, 40, 41, 43, 44, 45, 46, 48, 51, 52, 53, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 68, 76, 80, 82, 84, 85, 139, 140, 141, 142, 144, 145, 146, 147, 148, 168, 206, 207, 208, 211, 213, 216, 218, 220, 222.
Буткевичъ, полковникъ 267.
Бутковъ, П. Г. 15, 156.
Бѣлогороховъ, казакъ 282.
Бѣлый, Савва, войсковой полковникъ 288.

Вахтангъ, царевичъ грузинскій 19, 39, 48, 67, 216.
Вахтангъ, царевичъ гурійскій 59.
Веревкинъ, маіоръ 274.
Вилковскій, переводчикъ 112.
Виттенбергъ, докторъ 59, 60, 66, 67, 70.
Вишняковъ, бригадиръ 97, 112, 113, 114, 116, 118, 130, 135.
Воронцовъ, А. Р., графъ 225.
Войновичъ, графъ 152, 153, 155, 156, 157, 158, 159.
Вреде, подполковникъ 106, 108, 109, 110.
Вяземскій, А. А., князь 225.

Габановъ, Бессаріонъ, князь 70.
Гаіосъ, архимандритъ 7, 47.
Гамидъ, султанъ 271.
Гедаетъ-ханъ, гилянскій 152, 154, 155, 160, 161, 162, 178, 179, 180, 181, 182, 183, 184, 185, 186, 187, 188, 189, 190, 191, 192, 193, 194, 195, 196, 197, 198, 199, 200, 220, 203.
Георгій, князь Гуріи 59.
Георгій, царевичъ грузинскій 19, 38, 84, 207, 216, 219.
Георгій, царь имеретинскій 59.
Германъ, генералъ-маіоръ 238, 256, 257, 259, 266, 267, 268.
Гессенъ-Рейнсфельдскій, принцъ 49, 50.
Головатый, войсковой судья 286, 287, 288, 289, 292.
Голоктіоновъ, поручикъ 49.
Горичъ 252, 253, 255, 294, 295.
Гротенгельмъ, полковникъ 238, 256.
Гудовичъ, И. В., генералъ-аншефъ 269, 270, 271, 272, 273, 274, 275, 276, 278, 279, 280, 281, 282, 283, 285, 286, 289, 291, 292, 295, 299, 307, 308.
Гуликъ, есаулъ 285, 286.
Гусейнъ-Али-Гуламъ-Али-ханъ 40.
Гуссейнъ-Али-ханъ эриванскій 40.

Давидъ Арчиловичъ имеретинскій 60, 61, 62, 64, 67.
Давидъ, Георгіевичъ, имеретинскій 60, 61.
Давидъ, грузинскій царевичъ 38.
Давидъ, царевичъ имеретинскій 59, 65, 68.
Давидъ, царь имеретинскій 53, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 71, 72, 73, 74, 75, 146, 147, 148.
Дарья, царица Грузинская 19, 38, 39, 72, 151, 205, 219.
Депрерадовичъ, бригадиръ 258, 273.
Джафаръ-Кули-ханъ 301.
Джафаръ-ханъ 173, 174, 176, 177, 178, 183, 186, 187.
Джембулатъ, князь 106, 107, 108.
Долъ, князь 113, 119, 129, 232.
Екатерина II, Императрица 2, 14, 17, 18, 20, 29, 30, 46, 53, 62,

72, 73, 83, 115, 174, 186, 199, 209, 210, 223, 224, 225, 226, 229, 243, 245, 248, 257, 264, 282, 284, 288, 289, 299.
Елагинъ, генералъ-маіоръ 233, 238, 248, 259.
Елагинъ, И. П., статсъ-секретарь 227.

Жегулинъ, губернаторъ 286.
Жея-Зарчи-баши 307, 308.
Жильцовъ, маіоръ 106.
Жуковъ, астраханскій губернаторъ 154, 161.

Загряжскій, генералъ-маіоръ 270, 273, 275.
Зубовъ, П. А. (впослѣдствіи князь) 280, 281, 291, 292, 299.

Ибраимъ-ханъ шушинскій 25, 26, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 40, 41, 51, 52, 76, 77, 78, 79, 80, 140, 145, 160, 222.
Илія, ассиріянинъ 33.
Иловайскій, генералъ-поручикъ, атаманъ 237, 253, 255, 266, 279, 281, 282, 283, 284.
Ираклій II, царь Грузіи 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 17, 19, 20, 21, 23, 24, 26, 28, 30, 31, 33, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 58, 60, 62, 67, 68, 72, 76, 77, 79, 81, 82, 83, 84, 85, 137, 138, 139, 140, 141, 142, 143, 144, 145, 146, 147, 148, 149, 150, 151, 160, 168, 205, 206, 207, 209, 210, 211, 212, 213, 214, 215, 219, 220, 222, 243, 247.
Исай, армянскій меликъ, 26.

Іоаннъ, патріархъ 28.
Іосифъ, армянскій архіепископъ 22, 27, 32, 33.
Казы-Гирей 234.
Калмыковъ, капитанъ 197, 198, 200.
Касаевъ, князь 111.
Квашнинъ-Самаринъ, подполковникъ 45, 46, 50, 84.
Квенихидзе, Давидъ, князь 70.
Келлеръ, полковникъ 274.
Керимъ, векиль 153, 154, 173, 177.
Киликаевъ, татаринъ 116.
Кишинскій, подполковникъ 47.
Козляниновъ, провіантмейстеръ 207.
Комарскій, маіоръ 102.
Короленко 287, 288.
Кошкинъ, полковникъ 280, 281, 284.
Кропфъ-фонъ, бригадиръ 270.

Лампро-Канчони, маіоръ 175, 201, 204.
Леонтьевъ, генералъ 85, 99, 101, 103, 104, 105, 106, 107, 112, 114, 115, 138, 175.
Лошкаревъ, Сергѣй 201.
Лука, патріархъ 28.
Луковкинъ, полковникъ 280, 281, 284.
Лунинъ, полковникъ 114, 115, 118, 124, 128.
Лютфъ-Али-ханъ ширазскій 300, 304, 305, 306, 307, 308, 309.
Лялинъ, капитанъ-лейтенантъ 164.

Маврокордато, господарь 247.
Магометъ-Али, мирза 204, 205.
Магометъ-ханъ 167, 168, 169, 170, 171, 176.
Магометъ-Хуссейнъ 194.
Магометъ-Шефи, визирь 204, 308.
Максимъ, католикосъ 63, 64, 65, 70, 71, 73.
Мансуровъ, подполковникъ 256.
Мартыновъ, генералъ-маіоръ 283, 284.
Матценъ, подполковникъ (потомъ бригадиръ) 105, 119 128, 137, 138, 266, 267.
Мегметъ, мирза 149.
Мегметъ-ханъ ганжинскій 40, 140.
Мелентьевъ, дьякъ 282.
Мерлинъ, подполковникъ 16, 50.
Мирза-Раби, визирь 167, 176.
Миріанъ, царевичъ грузинскій 16, 19, 20, 215.

Мисаилъ, мирза 77, 78, 79, 80.
Моллеръ, лейтенантъ 301, 303, 304.
Муратъ-Гирей, султанъ 296, 297.
Мурвановъ, дворянинъ 143.
Муртаза-Алій, владѣлецъ андреевскій 135.
Муртаза-Алій, шамхалъ тарковскій 42, 243.
Муртаза-Кули-ханъ 172, 178, 179, 185, 191, 205, 300, 301, 302, 303, 304, 305.
Мустафа-Кули-ханъ 172, 178, 179, 199, 305.
Мустафа-паша 256, 262, 267, 269, 272, 275.
Мухановъ, полковникъ 268, 274.

Надиръ-шахъ 154, 176.
Нагель, полковникъ 124, 125, 128, 129, 130, 132, 135, 230, 236, 238.

Окороковъ, лейтенантъ 301.
Омаръ-ханъ, аварскій 41, 84, 85, 92, 137, 138, 139, 140, 141, 143, 144, 145, 146, 148, 149, 150, 160, 207, 209, 216, 245, 252.
Орбеліани, Анна Теймуразовна 60.
Орбеліани, князь 16, 20, 216, 218, 222, 267, 275.

Павелъ I, Императоръ 18.
Павловъ, хоружій 106, 109.
Петковичъ, надворный совѣтникъ 205.
Петровъ, Вартанъ, переводчикъ 205.
Петръ I, Императоръ 152.
Пеутлингъ, генералъ-маіоръ 99, 107.
Піери, полковникъ 101, 102, 103, 104.
Платовъ, М. И., бригадиръ 284.
Поздѣевъ, походный атаманъ 280, 281, 284.
Поликарповъ, бригадиръ 271, 273, 274.
Поповъ, Василій, діаконъ 35.
Потемкинъ-Таврическій, князь Г. А. 1, 2, 3, 4, 6, 8, 11, 12, 13, 14, 15, 17, 20, 21, 22, 26, 28, 29, 30, 31, 33, 34, 35, 36, 39, 40, 41, 42, 47, 50, 51, 52, 55, 56, 67, 68, 70, 71, 72, 74, 78, 79, 81, 95, 100, 101, 103, 104, 111, 113, 115, 119, 121, 122, 125, 127, 129, 130, 134, 135, 137, 145, 150, 151, 160, 162, 168, 170, 171, 174, 176, 178, 179, 182, 183, 186, 200, 201, 203, 204, 206, 207, 222, 227, 230, 231, 232, 236, 239, 240, 241, 243, 244, 245, 246, 249, 250, 251, 252, 253, 255, 256, 257, 259, 260, 263, 264, 265, 266, 268, 269, 275, 276, 302.
Потемкинъ, П. С., генералъ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 11, 12, 13, 17, 19, 24, 26, 27, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 44, 46, 47, 48, 49, 51, 52, 53, 55, 56, 57, 59, 61, 62, 63, 64, 65, 67, 69, 70, 73, 74, 76, 78, 80, 81, 82, 85, 95, 99, 100, 101, 103, 105, 106, 107, 110, 111, 113, 115, 116, 118, 119, 121, 122, 123, 124, 125, 127, 128, 129, 130, 132, 133, 133, 137, 138, 142, 143, 145, 147, 148, 150, 152, 160, 162, 163, 165, 166, 167, 168, 170, 171, 174, 175, 176, 178, 179, 180, 181, 182, 183, 184, 185, 186, 187, 188, 189, 191, 194, 197, 199, 200, 201, 202, 204, 205, 206, 207, 208, 209, 210, 212, 216, 218, 222, 223, 224, 225, 226, 227, 229, 230, 231, 232, 236, 237, 238, 240, 241, 242, 243, 244, 246, 248, 249, 251, 253, 300.

Разумовскій, К. Г., графъ 275.
Ратіевъ, князь 248, 249, 254, 256, 257.
Ребиндеръ, генералъ-маіоръ 248, 254.
Ребиндеръ, полковникъ 238,
Рейнегсъ, докторъ 37, 163.
Розенъ, баронъ, генералъ, 237, 250, 263, 264, 265, 266, 268, 269.
Румянцовъ, П. А., графъ 255.

Савельевъ, подковникъ 115, 123, 124, 128, 240, 280, 281, 299.

Садыкъ, мирза 78, 204.
Садыкъ-ханъ 153, 159.
Салагаевъ, Заза 216.
Салтыковъ, графъ 246, 258, 259, 279, 281, 296, 299, 307.
Самаринъ, полковникъ 273, 274.
Самойловъ, генералъ-маіоръ 37, 47, 48, 49, 50, 51.
Саргошевъ, меликъ 33, 34.
Селимъ III, султанъ 260, 296.
Сенненбергъ, маіоръ 81, 82.
Сехинъ, Петръ, атаманъ 115.
Симеонъ, царевичъ грузинскій 59.
Скиличи, консулъ 179, 180, 182, 183, 184, 188, 189, 190, 191, 193, 195, 196, 197, 198, 199, 200, 201, 202, 203, 204.
Соломонъ, царь имеретинскій 6, 7, 10, 53, 55, 56, 57, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 70, 71, 75, 147.
Сулейманъ, паша ахалцихскій 23, 24, 25, 34, 61, 75, 77, 80, 81, 82, 83, 84, 144, 145, 146, 205, 207, 209, 210, 211, 212, 213, 214, 215, 216, 217, 218, 219, 220, 221, 223.
Сулейманъ-ханъ 302.

Талызинъ, генералъ-поручикъ 256, 257.
Тамара, полковникъ 1, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 11, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 53, 56, 57, 102, 152, 170, 171, 172, 176.
Текелли, П. А., генералъ-аншефъ 238, 246, 249, 250, 251, 252, 253, 254, 255, 257, 259, 300.
Темировъ, Казія 117.
Токатловъ, Яковъ, армянинъ 165. 166, 167.
Тумановскій, консулъ 154, 155, 161, 162, 170, 183, 184, 185, 186, 188, 189. 190, 191, 193, 194, 195. 196, 197, 198, 200, 202, 203.
Тумановъ, Сулханъ, князь 7, 12.
Тыевъ, Али-Солтанъ, чеченецъ 97.

Ураковъ, князь 118, 119, 134.

Феріери, графъ, французскій агентъ 169, 170.
Фехтъ-Али-ханъ дербентскій 22, 77, 78, 79, 80, 160, 246, 252.
Фотхъ, оберъ-квартирмейстеръ 12, 13.

Хаджи-Али-паша 82.
Хамза-Муртаза-Алій, капитанъ 117.
Хамурзинъ, князь 111, 299.
Харламовъ, капитанъ-лейтенантъ 301.
Хастатовъ, армянинъ 194, 195, 199, 200.
Худіатъ-ханъ, тавризскій 175.

Церетели, Зурабъ, князь 59, 67, 70.
Церетели, Папуна, князь 53, 60, 65, 66, 147.
Цилукидзе, Беро, князь 66, 67.
Цилукидзе, Георгій, князь 48.
Цилукидзе, княжна 39.
Цициановъ, Теймуразъ, князь 216, 218, 221.
Цыганковъ, переводчикъ 109.

Чавчавадзе, Герсеванъ, князь 1, 7, 20, 21, 80, 137, 151.
Чапаловъ, кумыкскій князь 113, 117, 136, 137, 230.
Чемодановъ, полковникъ 268, 274.
Чепѣга, кошевой атаманъ 285, 288, 289, 291, 292.
Чернышевъ, И. Г., графъ 225, 227.
Чичаговъ, адмиралъ 200.
Чолакъ дервишъ 297, 298.
Чорба, подпоручикъ 37.
Чошъ, ингушевскій старшина 119.

Шагинъ-Гирей, крымскій ханъ 30.
Шемякинъ, генералъ-маіоръ 100, 101, 111, 112, 121.
Шешковскій, оберъ-секретарь 87, 94.
Шейхъ-Мансуръ, чеченецъ, лже-

пророкъ 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100, 101, 102, 104, 105, 106, 107, 110, 111, 112, 113, 114, 115, 116, 117, 118, 119, 120, 121, 122, 124, 127, 128, 129, 130, 131, 132, 135, 138, 223, 230, 231, 232, 233, 234, 235, 236, 246, 247, 248, 249, 251, 254, 257, 260, 261, 270, 272, 275.

Шихъ-Вейсъ 172, 173, 174.

Шицъ, генералъ-маіоръ 271, 273, 274.

Шишкинъ, капитанъ 1-го ранга (потомъ генералъ-маіоръ) 185, 199, 300, 303.

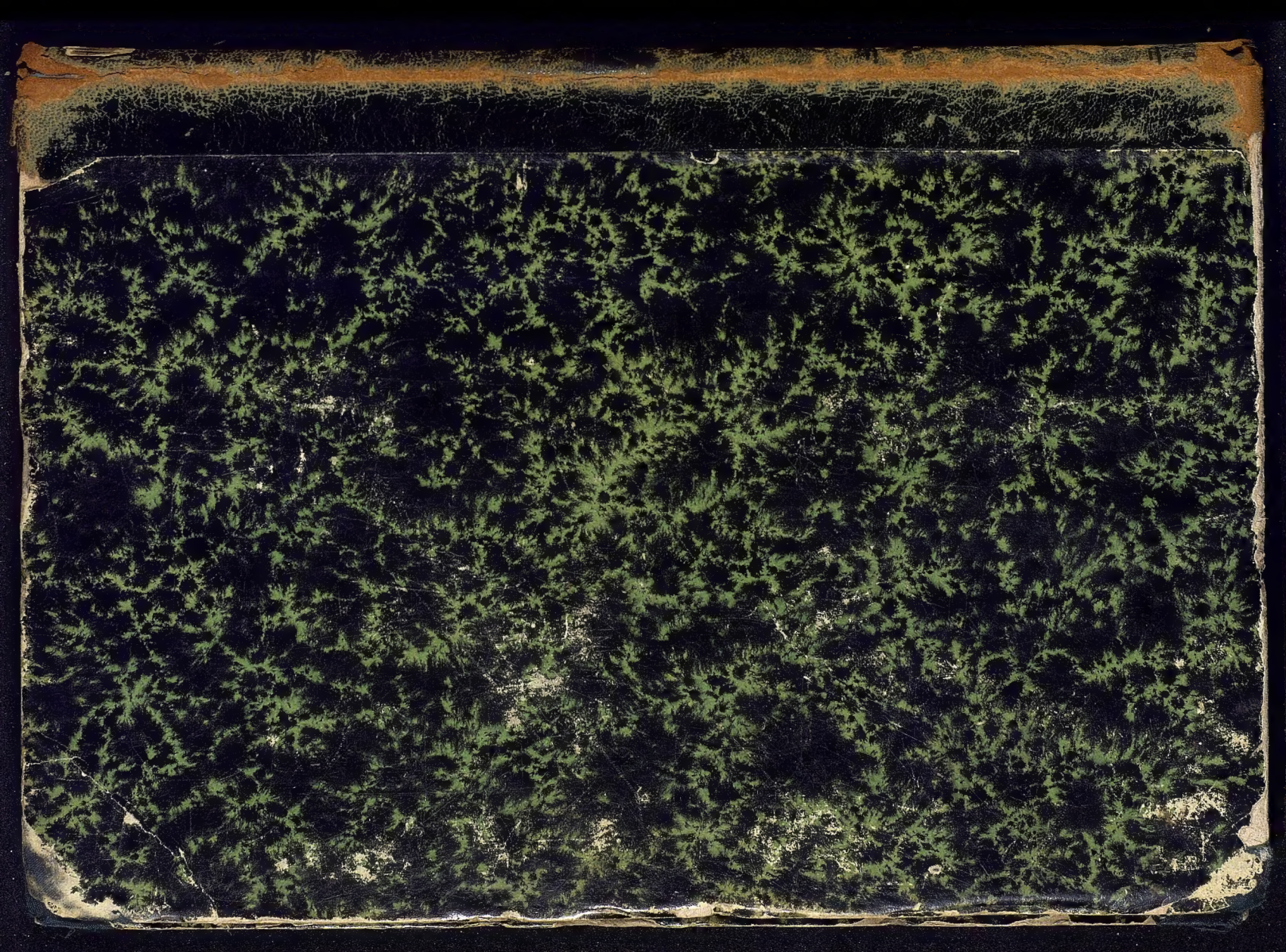
Щербатовъ, князь, бригадиръ 281, 282, 284.

Щербина, Семенъ, старшина 290, 291.

Эристовъ, князь 59, 75.

Этта, чеченецъ 232.

Юлонъ, царевичъ грузинскій 4, 19, 222.

Ясноводскій, капралъ 130.

ОБЪЕДИНЕННАЯ БИБЛИОТЕКА И. К. П.